

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА

2013
№15

2013 № 3 (15)

ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Главный редактор
Константин Крылов

Научный редактор
Сергей Сергеев

Шеф-редактор
Надежда Шалимова

Редакционная коллегия

К.С. Бенедиктов, М.А. Брусиловский,
Е.С. Галкина, О.В. Кильдюшов, М.Н. Любомудров, О.Б. Неменский,
П.В. Святенков, А.Н. Севастьянов, И.Р. Шафаревич

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЛОБА ДНЯ

Андрей Епифанцев

Чужие	3
Ростислав Антонов	
Дерусификация Татарстана	8
Олег Кильдюшов	
Нелегитимная власть и интеллектуалы-коллаборационисты	12
ТЕМА НОМЕРА. НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНСТИТУЦИЯ	
Павел Святенков	
Нация и Конституция	17
Константин Крылов	
БОЛЬШЕ НИКОГДА.....	20
Александр Филиппов	
Народ и «многонациональность» в Конституциях Российской Федерации	33
Александр Храмов	
Конституционная реформа и русский nation-building.....	41
Владимир Милов	
Нужна ли России парламентская республика?	48
Александр Севастьянов	
Конституция русского национального государства. Статья первая.....	54
«ЧЕРНЫЙ ОКТЯБРЬ»: ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ	
Илья Константинов	
«Ключевое событие в истории постсоветской России»	72
Владимир Садовников	
Альтернатива 93-го	75
СССР ЖИВ?	
Владимир Кузнецhevский	
«Ленинградское дело» и «русский вопрос»	94
НАЦИОНАЛИЗМ В ПАРТИЙНОМ ПОЛЕ	
Йенс Пюзе	
«Наша национальная идентичность находится под угрозой»	114
ПЕРЕВОДЫ	
Кирилл Титов	
Жизнь и смерть «политического солдата»	124
Доминик Веннер	
В качестве конструктивной критики.....	130
Сергей Бирюков	
Доминик Веннер и тупики французского республиканизма	152
ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ	
Настасья Иванова	
В режиме ручного управления	157
НАЦИОНАЛИЗМ VS. ЕВРАЗИЙСТВО	
Сергей Петров	
Ещё раз о русско-ордынском «симбиозе».....	165
ШТУДИИ	
Олег Неменский	
Протонационализм в западнорусской мысли первой половины XVII в.	174
Мария Лескинен	
<i>Национальное</i> : наука и политика в Российской империи второй половины XIX в.	190
ЭКОНОМИКА	
Иван Русаков	
Частная собственность как фактор инновационного развития России	218
ЗАМЕТКИ АНГАЖИРОВАННОГО ИСТОРИКА	
Сергей Сергеев	
Интернационалисты вольные и невольные	226
ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ	
Искусство — и «все остальное».....	235
Авторы номера.....	238
Summary	240

Андрей Епифанцев

Чужие

Проблема, вызвавшая недавно межнациональный конфликт в Саратовской области, находится не в городе Пугачеве и заключается не в агрессивной кавказской молодежи, русском национализме или, как нас уверяют власти, в происках неких темных сил, желающих подорвать межнациональный мир и согласие в нашей стране. Проблема имеет структурный характер и касается в целом взаимоотношений Кавказа и России. Наибольшую остроту этот вопрос принимает не конкретно в Ростове, Кондопоге, Москве или Сагре, а вообще везде, где существуют места массового компактного проживания выходцев из республик Северного Кавказа, но не изо всех республик (это тоже есть, но в гораздо меньшей степени), а преимущественно из трех: Дагестана, Ингушетии и Чечни. Как правило, это крупные российские города и «прикавказские» российские территории — Ростовская и Астраханская области, Краснодарский и Ставропольский края, но, как мы видим, все чаще местом действия конфликтов становится российская средняя полоса — Рязань, Саратов и т.д.

Все в России понимают, что проблема напряженных взаимоотношений с выходцами с Кавказа существует, но говорить о ней вслух считается непolitкорректным. Помните — «Не раскачивайте лодку! Это выгодно США! Вы хотите разрушить межнациональное согласие в стране?». Год назад в наиболее общей форме и с совершенно неверными, на мой взгляд, выводами проблему озвучил губернатор Краснодарского края А. Ткачев: существует массовая внутренняя миграция выходцев из северокавказских республик,

у нас с ними есть невероятно большая ментальная разница, они ведут себя крайне агрессивно, пытаются захватывать разнообразные активы, это приводит к конфликтам, значит, давайте их «вытеснять».

Я считаю, что сложившаяся ситуация и ее причины заключаются в следующем.

Налицо два параллельных, но четко взаимосвязанных с собой процесса.

1. За последние двадцать лет Северный Кавказ в целом, но гораздо более именно Дагестан, Ингушетия и Чечня (так называемые республики ДИЧ) вышли из российского конституционного, ментального, гражданского и любого иного поля. Это уже не Россия. Выросшее там за эти годы поколение не ассоциирует себя с Россией. В первую очередь эти люди — не россияне, а носители исламской национальной, клановой и любой иной идентичности. Россия стоит в списке их приоритетов на ...дцатом месте, если вообще стоит. Они воспитаны на своих патриархальных и архаичных устоях, хотя и живут по своим законам, группируются по своим признакам и к России относятся презрительно, с чувством собственного превосходства и исторической обиды, а также как к полю для охоты и лательщику дани.

Внутренне они уже не ощущают себя Россией, в то время как по всем российским законам являются полноценными россиянами, на которых в полной мере распространяются все гражданские права. С обязанностями дело обстоит иначе, но права распространяются. Это очень удобная ситуация, когда практически постоянно можно жить и взаимодействовать с окружа-

ющим миром, исходя из своей клановой идентичности, но в нужные моменты прибегать к защите своих интересов на основе официальной принадлежности к идентичности общегражданской.

2. Уход этих регионов в религиозную и этническую архаику привел к ситуации, в которой самостоятельное и свободное экономическое существование в них невозможно — экономика разрушена, безработица, жуткая социалка, нарастает внутреннее противостояние, вымогательства-«флэшки», взрывы, жизнь по религиозным правилам, высочайшего уровня клановость, несущая ограничения и угрозы, и т.д. Либо там установилась жесточайшая командно-административная система, как в Чечне, либо — клановая и религиозная фронда и анархия, как в Дагестане.

Все это происходит на фоне крайне высокой дотационности — от 80% и выше. Вкладывать деньги, идущие в виде дотаций, в реальную экономику региона в таких условиях невозможно — это опасно, нет условий для нормального, цивилизованного бизнеса, нет страховки от передела в случае начала новой войны, в случае прихода к власти чужого клана и многих иных причин. Следовательно, местные элиты — чиновничество, поддерживаемое федеральной властью — разворовывают дотационные деньги и выводят их в другие регионы. Парадокс, но Дагестан — одна из самых нищих республик — является экспортером финансовых средств! Деньги утекают в Дагестан в виде федеральных дотаций и вытекают из него в виде частных инвестиций в другие российские регионы! Дырявое решето! Неким исключением является Чечня, но это отдельная и тоже очень тревожная история — на мой взгляд, чеченская сказка конечна, и этот конец мы можем увидеть довольно скоро.

Внимательно следим за руками... что происходит далее?.. Кремль обворовывает нищие российские регионы,

выкачивая из них деньги на дотации не зарабатывающему себе на жизнь Кавказу; кавказские элиты, поддерживаемые Кремлем, делят эти дотации (налоги нищих российских служащих и фермеров) и вывозят в саму Россию, где на эти самые деньги скупают у тех же самых русских рабочих и служащих, чьи налоги и сформировали дотации, их активы — лесопилки, как в Кировской области, землю, как в Саратовской области, рынки, как на Кавказских Минеральных Водах, и т.д.

С экономической точки зрения это является самопоеданием. Каннибализмом. Выкачивание денег из хоть как-то зарабатывающих полунищих регионов в отсталые, архаичные и незарабатывающие, в результате чего эти деньги подвергаются переделу, присваиваются, после чего приходят в те же регионы и скупают те же бизнесы, налоги с которых и сформировали эти дотации, — это абсурд!

Мне приходилось встречать особо яркие случаи проявления подобного маразма. Приведу один: в одном глубоко российском, западном регионе компания выходцев из одной практически полностью дотационной республики выиграла государственный тендер, дав цены ниже себестоимости. Когда в кулуарах представителей этой компании спросили, откуда такие цены, если все понимают, что они не покрывают даже цены материалов, те, особо не скрывая, ответили, что, мол, их неформально спонсируют деньгами большие люди из их республики, сидящие на бюджете, и поэтому в течение нескольких лет они могут не заботиться о прибыли, их задача — завоевать рынок. Несколько лет они будут работать в минус, но покروют его из федеральных дотаций, из которых формируется бюджет их республики, а за это время местные производители умрут, не выдержав конкуренции, а они станут монополистами. Парадоксально, но именно из налогов, собранных с работы этих самых мест-

ных производителей, и формируется бюджет той республики.

Перейдем от экономики к социальной политике.

Люди следуют за деньгами, в результате чего на «Большой земле» образуются массовые поселения выходцев из ДИЧ. Для участковых и работников паспортных столов дагестанцы и чеченцы являются россиянами. Но сами себя они таковыми не чувствуют и действуют не по Конституции РФ, а на основе клановой и этнической сплоченности — т.н. эффект нахождения на враждебной территории, где новым поселенцам нужно быть едиными. Обустроиваясь, они насаждают свои порядки — те же самые средневековые порядки, которые привели их к невозможности существования на своей Родине — иных порядков они не знают.

То есть смотрите, что получается. За двадцать последних лет молодые кавказцы и их родители разрушили советское наследие, которое позволяло жить экономически благополучно и в национальном плане мирно. Они ушли в архаику, в социальные и религиозные нормы XV–XVI–XVII веков, на основе которых нормальная цивилизованная жизнь в наше время оказывается невозможной. Во многом из-за этого они оказались вынуждены оставить родину и уехать в относительно благополучные соседние регионы. Но проблема в том, что, уезжая от упадка на своих территориях, они не перенимают новое и прогрессивное в других районах, а наоборот — увозят на подшвах своих сапог Махачкалу и Грозный и стремятся построить их на новом месте. Со всем этим уходом в архаику, который им кажется правильным! В плане социального прогресса такое поведение является полной деградацией и тупиком.

Далее. Благодаря родовым особенностям современного российского государства приезжие имеют огромное преимущество перед коренными жи-

телями — у них есть деньги, есть высочайшего уровня клановость, на их стороне Кремль (почему — это другая история), на их стороне полиция, защищающая их либо в рамках установок из Кремля, либо по коррупционным интересам, и т.д.

Русских же не защищает никто — у них нет клановости по этническому признаку, они ждут поддержки от государства, но государство стоит не на их стороне, им некуда бежать «если что», т.к. своих Дагестана или Чечни, где их никто не достанет, у них нет, и т.д.

Приезжие начинают устанавливать свои порядки, вести передел бизнеса, создавать диаспоральные общественные организации, призванные осуществлять политическую защиту «Нью-Махачкалы». В то же время они входят в коррупционный или политический сговор с местной властью, и начинается беззаконие, а ньюмахачкалинцы получают индульгенцию от закона на новом месте жительства.

После этого, не имея общей идентичности с местным населением, презирая его и ощущая собственные безнаказанность и всевластие, они начинают вести себя по-хамски с местными — избивают молодежь, насилуют женщин, ведут себя демонстративно презрительно и оскорбительно, устраивают криминальный бизнес и т.д.

Важно подчеркнуть: на этом этапе ни органы власти, ни диаспоры не пресекают беспредела выходцев из ДИЧ, что является важнейшим фактором, способствующим процессу архаичной колонизации России. Апеллирование к фактору единой общности кавказцам здесь не нужно, т.к. на этом этапе на общегосударственную идентичность и общую для всех российскую законность им наплевать, потому что они живут не на их основе, а по принципам этнической клановости, по законам того архаичного общества, откуда они приехали и которое хотят воспроизвести на новом месте. Когда беспредел творят выходцы из Кавказа — диа-

споры и власть молчат. Это закон! Закон банды!

В какой-то момент местные доходят до ручки и до осознания, что терпеть подобное уже невозможно, происходит взрыв, что создает опасность существованию диаспоры в конкретном регионе, препятствует распространению там махачкалинских и грозненских обычаев и в целом подрывает основы формулы взаимоотношений Кремль–Кавказ.

В этот момент включается мощнейший государственный механизм защиты пришельцев — милиция начинает прессовать местных, диаспоры заламывают руки и принимаются стенать с экранов телевизоров — «как же так, мы же граждане одного государства, против наших соплеменников творится беспредел» — и требуют относиться к ним по законам государства. Государства, а не банды! Государства, а не закона гор! Теперь кавказцы вспоминают свою гражданскую принадлежность и начинают усиленно ее эксплуатировать в целях собственной защиты.

Так было во всех конфликтах последних нескольких лет. Во всех! Вспомните, как тот же Российский конгресс народов Кавказа молчал, когда убили Егора Свиридова, и только после Манежки начал заявлять, что протесты против выходцев из Кавказа недопустимы — «мы граждане России, наши предки вместе воевали на фронтах ВОВ» — и нести прочий бред «общечеловеков», который, как правило, никогда не транслируется ими, когда их соплеменники творят беспредел...

В результате нажима и политкорректных мантр через некоторое время в конкретно взятом населенном пункте конфликт затихает, и мы начинаем ждать нового всплеска, т.к. при сохранении системы он совершенно неминуем. Но система порочна, и раскол идентичности уже настолько велик, что на низовом уровне идет отторжение.

Взглянем на простой пример — во

время последней Олимпиады кавказские политики и политологи очень сокрушались, что россияне не сильно восхищаются победами дагестанских борцов. «Мы же граждане России, — говорили они, — почему другие россияне не рады тому, что дагестанцы приносят им и России олимпийское золото?».

Скажите, на ваш взгляд, при вышеописанных раскладах, жители Ремонтного, Демьяново, Рязани и прочих российских городов, где с укоренением выходцев из ДИЧ невероятным образом «усилилось» межнациональное согласие, ощущают себя гражданами одного государства с дагестанцами? Жители Лермонтова или Пугачева считают себя гражданами одного государства с чеченцами? Они ощущают, что живут с ними по одним законам, имеют равные права и равную защиту от государства?

Ответ очевиден — нет! На низовом уровне народ не согласен с собственным неравноправием по сравнению с выходцами из Кавказа, с презрением к себе и с такими правилами совместного общежития. На низовом уровне вызрел протест и зарождается ощущение того, что ситуацию нужно менять. Наиболее же радикально настроенные граждане начинают заявлять о необходимости отделения Кавказа.

Но здесь вступают в дело российские власти и кавказские диаспоры, которые, естественно, обеими руками стоят за сохранение существующих условий.

Народ говорит: «Нас убивают, унижают и обворовывают! Мы не согласны так жить! Давайте либо менять эту ситуацию и ставить всех в равноправные условия, либо, если нет, давайте отсоединять эти республики!»

Власти отвечают народу: «Вы раскачиваете лодку и подрываете межнациональное согласие».

Диаспоры вторят властям: «А нам эта ситуация нравится. Она несет нам огромное количество преимуществ.

Мы не хотим ни что-то менять, ни откуда-то выходить. Нас нынешнее положение устраивает. А если вам не нравится, что вас режут, унижают и обворовывают, значит, вы хотите развалить страну и работаете по указке тех, кому не нравится процветание России».

Конца у этой истории нет. Пока нет. Налицо раскол общества и раскол двух мировоззрений. Проблема не в том, что Кавказ не хочет выходить из России. Проблема в том, что народ России уже начинает задумываться: нужен ли ему Кавказ на таких кабальных условиях?

По факту мы перевернули ситуацию начала 1990-х годов на 180 градусов — тогда на Кавказе бытовали сепаратистские настроения и российское общество противилось им, буквально затаскивая северокавказские

республики назад в общее государство и соглашаясь даже воевать, только бы сохранить Чечню в составе России. С тех пор уступки, на которые Кремль по всем позициям пошел в отношении Кавказа, — беспросветное дотирование последнего, позорное пресмыкательство перед его элитами, унижение русских его представителями на бытовом уровне — оказались так велики, что теперь не Кавказ, а уже низовое российское общество постепенно приходит к мысли о сепаратизме, в то время как кавказские элиты настолько довольны своим положением, что не хотят ничего менять...

Мы опять живем в эпоху перемен. Время «Хватит кормить Кавказ!» уходит. Трагично, но настает время «Гуд бай, Кавказ, до свидания». И это — непосредственный результат правления Путина.

Открылся сайт журнала «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА»: <http://vnatio.org/>

На сайте:

- Выпуски предыдущих номеров журнала, избранные статьи
 - Анонсы новых материалов
 - Интервью с авторами, статьи и рецензии
 - Ориентировка для читателя: где приобрести новые выпуски журнала
- Кроме того:

- Новостная лента, ориентированная на читателя, интересующегося национальным вопросом в России и русским движением
- Библиотечка «ВН»: книги наших авторов
- Сообщество читателей журнала
- Путеводитель по Сети: коллекция ссылок на ресурсы русского движения и мировые националистические ресурсы

Ростислав Антонов

Дерусификация Татарстана

Вокруг национального вопроса в Республике Татарстан сломано уже немало копий. Русские движения Татарстана утверждают, что в республике дискриминируется русское население, а республиканские власти заявляют, что права русского меньшинства в республике надежно защищены, отмечая все соответствующие претензии как не выдерживающие критики.

Обе стороны высказывают массу эмоций, однако с цифрами у обеих сторон конфликта слабовато. Что ж, вооружимся циркулем и линейкой и попробуем восполнить этот досадный пробел.

Для начала немного истории. Соотношение между русскими и татарами в республике на протяжении всего XX века практически не менялось. Численность русского населения (в процентном соотношении) достигла максимума в 1989 г., когда на территории Татарстана проживало 43,26% русских и 47,65% татар.

Однако с конца 80-х этот баланс был нарушен в пользу «титупьной нации». Количество русских начало снижаться, и к настоящему моменту в республике проживает 53,15% татар и 39,65% русских.

В количественном выражении потери русского населения Татарстана за прошедшие годы составили 73 992 человека, а численность татар выросла на 247 167 человек.

Объяснить возникшую диспропорцию только особенностями культуры и вдруг снизившейся рождаемостью нельзя, поскольку рождаемость в русских и татарских семьях практически одинаковая, а потому попробуем подробно разобрать факторы, влияющие

на комфортность проживания в данном регионе.

Последние двадцать лет татарская национальная культура и ислам переживают период ренессанса. Во многом это происходит за счет государственной поддержки. Однако равно по масштабам возрождения русской культуры и Православия в республике не произошло. К началу 1917 г. в Казанской епархии насчитывалось 794 церкви, 27 монастырей и 419 часовен. Таким образом, культовых сооружений, относящихся к РПЦ, было 1240.

Действующих мечетей насчитывалось 1598.

К 1989 г. действовало 2 храма и 15 мечетей. За последние двадцать лет было восстановлено и построено заново более 1500 мечетей. В 1998 г. открылся Российский Исламский университет; кроме него действуют три высших и около десяти средних медресе по подготовке профессиональных священнослужителей. Количество православных храмов не превышает 150.

Таким образом, на одну мечеть приходится 1340 условных прихожан, а на один православный храм — 10 000 условных прихожан.

Возможно, основной причиной столь серьезного изменения баланса стал приход к власти национал-сепаратистов во главе с Минтеймиром Шаймиевым. В первую очередь это сказалось на этническом составе органов госуправления и экономического блока.

В книге «Самые влиятельные люди России—2003», выпущенной Институтом ситуационного анализа и новых технологий (ИСАНТ) под редакцией

профессоров А.П. Ситникова, И.Я. Даровина и О.В. Гаман-Голутвиной, отмечается, что основным принципом формирования элиты в республике является принадлежность к клану — неформальной группировке, связанной тесными родственными или дружескими узами, а также местом происхождения, отношения внутри которой носят преимущественно иерархический, патронажно-клиентелистский характер.

Само по себе это не есть что-то уникальное для России, скорее уж наоборот, но в Татарстане на клановость накладывался национальный аспект.

В исследовании отмечается, что в 2002 г. более 80% местной политической элиты составляют татары, остальные — представители иных этнических сообществ. Если эти цифры сопоставить с данными о тогдашнем этническом составе населения Татарстана (48,3% татар, 43,5% русских и 8,2% представителей других национальностей), то можно сделать вывод, что этнический состав элиты адекватно не отражает этнический состав населения Татарстана.

Среди основных механизмов рекрутирования элиты РТ — общность этнического происхождения, землячество, опыт совместной работы в прошлом, подчеркивается в исследовании.

Возникает вопрос: как изменилось данное соотношение за прошедшие десять лет? Чтобы на него ответить, была собрана информация о составе Правительства РТ, Госсовета, депутатах Государственной Думы от Республики Татарстан, Совета Федерации, а также мэрии г. Казани. Все указанные лица были условно разделены на «русских» и «татар». Сразу оговорюсь, что использованный метод дает определенную погрешность. Например, Захарова Светлана Михайловна, несмотря на русские ФИО, является татаркой по национальности, а Логинов Василий Платонович — мордвин. Обратной информации о том, что

чиновники и депутаты с татарскими фамилиями имеют иную национальную принадлежность, выявить не удалось. А потому национальность мы берем в кавычки.

Были привлечены данные о 150 чиновниках. Из них 99 — «татары», 51 — «русские». Таким образом, процентное соотношение «русских» среди чиновников составляет 34% (напомню, что по данным переписи 2010 г. в республике проживает 39,65% русских). Из этого можно сделать вывод, что общий национальный баланс в органах госвласти лишь немного смещен в пользу «титულიной нации».

Стоит отметить, что в некоторых отделах мэрии города Казани «русских» численно больше, чем «татар». Например в отделах, связанных с делопроизводством, канцелярией, ИТ и информационной безопасности. Более половины «русских» в отделе дорожного строительства и в экономическом блоке.

Полностью «татарскими» является АХО, машинописное бюро, ЖКХ, отдел кадров, отдел поддержки и развития языков. В остальных структурах присутствуют обе национальные группы. В большинстве случаев отдел возглавляет «татарин», а «русским» отходит роль инженерно-технических специалистов.

Среди руководителей среднего звена доля «русских» не превышает 22%, а среди руководителей высшего ранга «русских» не более 10%.

Таким образом, за десять лет, прошедших с момента проведения исследования, доля русских управленцев среднего и высшего звена продолжает постепенно снижаться.

Аналогичная ситуация сказывается и в сфере образования. В Казанском федеральном университете среди восьми проректоров только один является русским.

В 2010 г. журналисты спросили председателя республиканского Госсовета Фарида Мухаметшина: «По каким

причинам русских мало среди чиновников и руководителей разных отраслей?» Получили ответ: «Нам нужны профессионалы. Среди русских они отсутствуют». Никакой реакции от руководства республики не последовало. Как мы видим из вышеприведенного анализа, это высказывание не только не соответствует действительности, но и является оскорбительным по отношению ко всему русскому населению республики.

Следующая болевая точка — языковой вопрос. Согласно действующему республиканскому законодательству, русский и татарский языки имеют равное значение. Для них установлен равный объем изучения в школьной программе. В целом двадцатилетний опыт изучения татарского языка «как родного» для русских школьников можно признать неудачным. Обещанных «конкурентных преимуществ» русские не получили, зато получили заметное снижение уровня грамотности молодежи на фоне других регионов России.

Это в свою очередь уменьшает шансы на поступление в вузы за пределами Татарстана. По словам руководителя Приволжского центра региональных и этнорелигиозных исследований Раиса Сулейманова, в школах Татарстана за 10 лет учащиеся «получают» 700 часов уроков по русскому языку. А, например, в Московской и Ульяновской областях — 1200. Разницу приходится компенсировать занятиями с репетиторами.

Все это вызывает вполне обоснованные вопросы и возмущение родителей. Родители стали выходить на пикеты, требовать предоставления их детям возможности изучать русский язык в полном объеме.

Большую полемику вызывает новый законопроект о языке, от которого русские жители республики ожидали устранения имеющихся диспропорций и выравнивания объема изучения русского языка с другими регионами

России. Однако этого не произошло. Новый законопроект по-прежнему противоречит федеральному законодательству.

Требования родителей разделяет и экспертное сообщество. По мнению руководителя Центра анализа этнокультурной, конфессиональной и миграционной образовательной политики Федерального института развития образования Минобрнауки РФ Ольги Артеменко, в проекте закона «Об образовании в РТ», с которым она ознакомилась, имеются недочеты, в частности опять не указывается статус языка. Есть у эксперта и другие замечания: «Нужно ориентироваться в федеральном законодательстве. Сейчас в ст. 14 совершенно четко прописано: можно организовывать обучение на родном языке и изучение родного языка. В соответствии с Конституцией РФ родной язык определяется и выбирается самими учащимися или родителями (их законными представителями). И никто не вправе писать, что “в соответствии с законом Республики Татарстан”».

Что касается статусов государственных языков, то, по словам эксперта, она «пять лет билась за то, что язык не может быть “как”». Например, «русский как государственный», «татарский как государственный» и т.д. «Однако в проекте закона Республики Татарстан я снова это вижу, — удивляется Ольга Артеменко. — Я встречалась с учителями в Татарстане, и все они в один голос говорят, что русский — это язык конкурентоспособности, обеспечения мобильности на всей территории РФ. Поэтому русский язык должен преподаваться на грамматической основе и быть направлен на развитие речи. Это язык, которым все граждане РФ должны владеть качественно».

Впрочем, власти Татарстана имеют свое особое мнение на этот счет, считая, что русское население Татарстана должно в совершенстве освоить татарский, а не русский язык. В ответ на все возрастающее раздражение к делу

«повышения грамотности» подключился центр по противодействию экстремизму, суды и другие правоохранительные органы этой республики.

Суд Нижнекамска обязал Викторию Можарову научить своих детей говорить на татарском языке, а Павел Хотулев, выступавший за отмену обязательного изучения татарского языка, был обвинен в разжигании межнациональной розни.

Тем самым республиканские власти сами политизируют данный вопрос. В республике регулярно проходят акции протеста. Не особо рассчитывая на помощь федерального центра в решении языкового вопроса, русские жители Татарстана апеллируют к классикам русской литературы. Оче-

редная акция протеста прошла 6 июня, в день рождения А.С. Пушкина.

Остается надеяться, что великий русский поэт не станет объектом проверки татарских борцов с экстремизмом за то, что в поэме Бахчисарайский фонтан назвал татар «бичом народов».

Все эти действия республиканских властей воспринимаются русским населением Татарстана как дискриминационные и препятствующие получению качественного образования, сохранению национальной культуры и традиций, а также реализации человеческого потенциала.

Все это ведет к миграции русских в другие регионы, а в перспективе — к разрушению культурного и языкового единства России.

«ВН» в соцсетях

Новости «Вопросов национализма» можно узнать на страницах социальных сетей, посвящённых журналу.

Facebook: facebook.com/vnatio; «В контакте»: vk.com/vnatio.

- Анонсы новых публикаций
- События журнальной жизни
- Оформление подписки
- Приобретение электронной версии
- Обсуждения и дискуссии

ОЛЕГ КИЛЬДЮШОВ

НЕЛЕГИТИМНАЯ ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ- КОЛЛАБОРАЦИОНИСТЫ

От частного конформизма – к предательству идеи общего блага

Он знал, что вертится земля,
Но у него была семья.

Е. Евтушенко. «Карьера»

В этом тексте, являющемся своеобразным приглашением к дискуссии интеллектуалов об интеллектуалах же, я хотел бы прежде всего кратко очертить предметное поле предлагаемого разговора. С этой целью выделяются основные группы наиболее проблемных вопросов, поскольку рассуждать на тему «интеллектуалы и власть» вообще в наших широтах можно бесконечно — поскольку сама жизнь регулярно поставляет материал для подобных размышлений. Поэтому очень не хотелось бы, чтобы и этот разговор был традиционно беспредметным.

Вначале же я скажу пару слов о своей собственной мотивации предложить подобное общественное обсуждение феномена сотрудничества русских интеллектуалов с демократически нелегитимным режимом В. Путина и поддерживающих его элитных групп¹.

К постановке проблемы «интеллектуального коллорабационизма»

Так получилось, что на протяжении последнего времени в различных политических и идейно-стилистических контекстах мы сталкивались с повторением одного и того же эффекта: люди, сделавшие карьеры публичных интеллектуалов и заработавшие солидные репутации в своих профильных средах (общественной, научной, медийной, экспертной и т.д.), в момент пробуждения массовой общественно-политической активности граждан, вызванного фальсификацией результатов парламентских и президентских выборов 2011–2013 гг., оказались не просто лояльны узурпировавшей власть и собственности в стране кремлевской камарилье, но и стали активно сотрудничать с правящим режимом именно в период резкого кризиса его легитимности (да и легальности) в глазах значительной части населения — выступая своеобразным «эрзацем» утраченной легитимации.

Причем это касается интеллектуалов всех основных политических направлений — «старых патриотов» и «новых националистов», либералов и левых. Естественно, что сам факт институционализации такого паттерна

¹ В основу статьи положены тезисы выступления на 7-м Московском Международном Открытом книжном фестивале 12 июня 2012 г.

публичного поведения вызвал предсказуемую реакцию у многих наблюдателей и участников публичной сцены, так что все мы неоднократно становились свидетелями часто довольно эмоциональной «проблематизации» данного опыта в различных средах — когда дело доходило вплоть до разрыва деловых и дружеских отношений и до прекращения всякой коммуникации с ренегатами...

Тем не менее сразу скажу, что при обсуждении данной темы нас в первую очередь интересуют именно структурные моменты, а не просто частные истории «морального падения» известных персонажей и тем более не банальное составление списков «нерукопожатных». К тому же последним и так давно активно занимаются некоторые публичные деятели...

При этом по-человечески вполне понятен тот праведный пафос, с которым многие пуристы клеймят сотрудничающих с правящей клептократией — типа некогда респектабельного социолога элит, внезапно ставшего сторонником «Единой России», или некогда серьезного политического аналитика, рассказывающего теперь в программе «Время» о «команде профессионалов» в правительстве Дмитрия Медведева, или знаменитого писателя-патриота, активно боровшегося с компрадорским режимом, а в час «Ч» оказавшегося на «путинге» на Поклонной, или ректора ведущего вуза страны, участвующего в клоунаде под названием «Открытое правительство»... Не говоря уже о многочисленных деятелях культуры и искусства, включая выдающихся актеров, «прагматично» обменявших свою личную лояльность к фронтмену правящей клики В. Путина на бюджеты для своих театров и фильмов. А ведь есть еще выдающиеся спортсмены, предоставившие свои громкие имена в распоряжение «партии жуликов и воров» за соответствующее вознаграждение — например, в виде депутатских

мандатов. А теперь появились и орденосные байкеры...

Тем не менее нас интересует не столько алчность и беспринципность отдельных персон — лидеров общественного мнения, не столько удивительные, на первый взгляд личные истории ряда известных персонажей, пошедших на сомнительные с моральной точки зрения сделки с путинской демократурой, а скорее вещи структурного порядка: в центре нашего интереса находится сам механизм функционирования поля общественности, который позволяет совершать подобные сделки без риска мгновенной утраты заработанного социального капитала в форме репутации признанного профессионала, независимого эксперта в своей области, морального авторитета и т.д. Или уже с риском? Именно это и хотелось бы обсудить в рамках предлагаемой дискуссии.

Также сразу хотел бы обозначить то, что не представляет особого теоретического интереса и не является здесь предметом обсуждения *par excellence*: это деятельность тех публично активных интеллектуалов, что системно и стратегически обслуживают правящий режим, являясь по сути частью его идеологической obsługi (т.н. «пропагандоны»), в т.ч. в тех аффилированных с режимом структурах, что формально не связаны с ним, а вынесены в общественное пространство в качестве фейковых институтов гражданского общества. То есть нас здесь не интересует деятельность тех, кто не является интеллектуалами в нормативном смысле. Иными словами: если описывать функционал правящего в РФ режима бинарной формулой «врать и воровать», то в данном случае нас меньше всего занимает тот его агитационно-пропагандистский аппарат и те конкретные персонажи, что отвечают за функцию «врать», чтобы другие могли более или менее спокойно осуществлять функцию «воровать».

Основные вопросы

А теперь, после этого краткого введения, попытаюсь сформулировать основные структурные проблемы в тематическом комплексе, связанном с сотрудничеством русских интеллектуалов с демократически нелегитимными элитными группами, узурпировавшими власть и собственность в РФ.

Первый круг вопросов связан с тем, что интеллектуалам исторически вообще довольно редко приходилось иметь дело с таким социально-институциональным ландшафтом, включая реальные отношения власти-собственности, который абсолютно устраивал бы их интеллектуально и морально.

В этом смысле отношения интеллектуалов с любой властью изначально амбивалентны с точки зрения политической эпистемологии: во-первых, они не могут выбирать себе эпоху и социальную эпистему, так сказать, *la carte*, а во-вторых, они принципиально зависимы от интереса властей предрежащих к такому культурному функционалу, как Истина. Ведь она — несмотря на многовековые заклинания — так и не стала культурной универсалией, и многие политические режимы готовы в принципе избавиться от учреждений, опирающихся на традицию Просвещения и претендующих на корпоративную автономию типа той же Академии наук.

С другой стороны, согласно представлениям, выработанным в рамках традиции европейского Просвещения, интеллектуалы по определению являются функционерами Разума или, говоря иначе, операторами дискурса общего блага или общественного интереса. Подобное нормативное описание имплицитно предполагает их способность к независимому суждению, что в свою очередь означает определенную дистанцию к инстанциям власти и даже принципиально критическую позицию в отношении существующих отношений господства, воспринимаемых

как принципиально дефицитарные и проблематичные (как минимум с моральных позиций).

Здесь достаточно вспомнить многих выдающихся мыслителей, являвших собой яркий пример того, как мысль может стать практически действенной, когда дискурсивное действие находит выражение в активной политической позиции интеллектуала. Так, можно назвать целый ряд персонажей уровня Сартра, Рассела, Адорно, Хабермаса и т.д., которые никогда не ограничивались ставшими уже традиционными для Запада разовыми интервенциями интеллектуалов в политическую и общественную жизнь, а воспринимали собственное постоянное идейно-политическое позиционирование как свою миссию. Безусловно, причину этого следует искать не только в давней институционализации пафоса, рожденного еще «J'accuse!» Эмиля Золя и ставшего с тех пор неотъемлемой чертой габитуса западного интеллектуала. Скорее эта деятельность известных западных интеллектуалов должна рассматриваться как планомерная работа по практической реализации Разума в Истории.

Кстати, в рамках русской традиции в представление об «интеллигенции» также имплицитно входит крайне критическое отношение к «исторической России». Более того, по наблюдению историка Сергея Сергеева, нынешняя ситуация в РФ с интеллектуалами-охранителями качественно отличается от той, что имела место в нашем Отечестве 100 лет назад: тогда каждый, кто по каким-либо причинам оказывался на стороне архаичного режима, прекрасно понимал, что этот выбор означает крах его общественной репутации со всеми вытекающими — включая разрыв деловых и личных отношений со всеми более или менее приличными людьми.

Причем такой персонаж становился нерукопожатным даже в профессиональном сообществе. Так, мы чи-

таем у А.Ф. Кони о прокуроре Кесселе, согласившемся на роль гособвинителя в деле В. Засулич после отказа двух других прокуроров, следующее: «...г-н Кессель был, по-видимому, крайне удивлен, что я перестал подавать ему руку, несмотря на его неоднократные попытки при встречах отнестись ко мне, как будто ничего не произошло. <...> Вечером в тот же день в заседании юридического общества присутствующие были свидетелями того, как к профессору Таганцеву, бывшему днем в сенате и взволнованно рассказывавшему о происходившем, подошел Кессель и, протягивая руку, развязно спросил его: “Что поделяете, Николай Степанович?” — “Да вот, — сказал на всю залу Таганцев, не принимая руки, — был сегодня в сенате, слушал хамское решение по хамскому протесту”. Целая пропасть, по-видимому, разделяла тогда этих двух людей...»²

Правда, нынешних охранителей вряд ли напугаешь общественным ostracismом — некоторые из них даже гордятся своим одиозным статусом. В любом случае сегодня широко наблюдается довольно странный на первый взгляд феномен: персонажи, так или иначе сотрудничающие с демократически нелегитимным режимом, умудряются одновременно присутствовать в качестве «уважаемых людей» в публичных пространствах, альтернативных официозу, в т.ч. в радикально оппозиционных. Причем, как уже говорилось, это касается представителей всех идейных и политических направлений — как статусных левых, так и видных либералов и даже радикальных националистов, — регулярно бегающих за «стенку», как цинично выражаются некоторые политологи. И пока они вполне искренне удивляются тому, что им все чаще стали указывать на дверь.

² Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. М.: Юрид. лит. 1967.

Хочется надеяться, что со временем этот устоявшийся «паттерн» удастся как минимум проблематизировать посредством дискуссии на тему адекватной общественной оценки интеллектуалов-коллаборационистов.

Второй круг вопросов связан с определением места интеллектуалов на довольно широкой шкале их отношений с тиранами и узурпаторами всех мастей — от «вынужденной» лояльности до деятельного соучастия в легитимации одиозных режимов.

Например, каждый из тех, кто в последние годы участвовал в публично-интеллектуальной и общественной жизни РФ, может сам попытаться определить свое место на этой воображаемой шкале «конформизм — коллаборационизм»: начиная с банальной лояльности (то есть с отказа от выполнения непосредственной функции интеллектуала в виде проблематизации неприемлемого *status quo*) до прямой сервильности, например, в форме фальсификации образов реальности в интересах господствующих групп интересов посредством известных дискурсивных техник.

Ведь все они, включая автора этих строк, в той или иной мере участвовали в проектах, инициированных или одобренных идеологическим аппаратом, обслуживающим нелегитимный режим: печатались в связанных с ним изданиях (печатных и интернет-СМИ), выступали в качестве приглашенных экспертов на организованных им площадках (институты, фонды, конференции...) и т.д.

С этим связан ключевой вопрос: насколько велика разница между модусом *всего лишь* «не говорить (всю) правду, неприятную властям», и модусом *прямо* «говорить неправду в угоду властям», т.е. действовать уже непосредственно в рамках бинарного кода путинской клептократии «врать, чтобы воровать».

Попутно отмечу, что внешнему наблюдателю сразу бросается в гла-

за резкое снижение качества интеллектуального продукта у конкретных персонажей по мере их сдвига от левого («конформизм») к правому краю шкалы («коллаборационизм»): иногда даже становится просто неудобно за некоторых коллег, особенно лично знакомых, когда слышишь их «мнения» и «экспертизы», например, в эфире федеральных каналов...

Третий круг вопросов связан с фигурами обоснования подобного сотрудничества с нелегитимной властью и тем, насколько подобная самолегитимация коллаборационистов может быть признана убедительной.

Кстати, спектр этих стратегий также удивительно широк: от широко распространенного топоса *инструментализации инструментализаторов* (обычно в форме: «сотрудничество с властью — единственно доступный способ реализации значимых для меня идей») до предельно искреннего оппортунизма типа «мне нужно выплачивать кредит за квартиру». Кстати, именно по этому поводу Гегель вспоминал знаменитые слова Ришелье некому пасквилянту, который в свое оправдание сказал: «Ведь мне надо как-то жить». На что знаменитый кардинал ответил: «Я не вижу в этом необходимости»³. Понятно, что имеет в виду Гегель: жизнь, подчиненная частному интересу, противостоящему общему благу — например, свободе, не является необходимой...

И наконец, четвертый круг проблем связан с возможностями общества корректировать подобную девиа-

цию в поведении интеллектуалов, которые, системно сотрудничая с демократически нелегитимной властью, по сути функционально дисквалифицируют себя как эксперты в области общественно значимого: ведь они не просто занимают заведомо ложную перспективу, т.е. перспективу самих властей предержавших, но — в чем и заключается проблема — заведомо частную перспективу, отказываясь выполнять свой функционал по тематизации общего блага.

Говоря о реальных опциях, существующих у общества для санкций в отношении оппортунистического поведения такого рода, можно вспомнить, например, опыт чешских и польских диссидентов и другой подобный исторический материал, связанный с выстраиванием параллельного пространства гражданского общества, куда был бы закрыт вход интеллектуальным трикстерам, привыкшим у нас гулять между «мирами». Об этих «лучших практиках», как я надеюсь, будет еще не раз сказано в ходе дальнейшей дискуссии.

Естественно, что в этом приглашении к дискуссии о дефицитарном этосе русской общественности перечислен лишь приблизительный круг вопросов, связанных с феноменом публичного предательства интеллектуалами идеи общего блага. Окончательно их сформулирует и, надеюсь, в какой-то мере разрешит сама общественная практика.

В любом случае можно будет считать большой удачей, если более или менее предметная дискуссия на данную тему наконец начнется и в России.

³ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 170.

ПАВЕЛ СВЯТЕНКОВ

Нация и Конституция

Любая нация возникает в результате обретения народом гражданских прав. Согласно удачному выражению Константина Крылова, нация — это совершеннолетний народ. Иначе говоря, нация — это народ, обладающий дееспособностью. Под дееспособностью же в юриспруденции понимается способность своими действиями приобретать и осуществлять права и обязанности. Например, право собственности. Или право избирать и быть избранным и т.п.

Тут можно сказать, что в такой схеме понятие народа излишне. Достаточно того, что нация — это все совершеннолетние граждане. Тогда у нас получится формально-юридическое определение нации как совокупности юридически дееспособных граждан.

Однако всё не так просто. Кроме понятия *дееспособности*, в юриспруденции существует понятие *правоспособности*. В гражданском праве это — способность лица иметь гражданские права и нести обязанности.

Казалось бы, чем правоспособность отличается от дееспособности? Ответ прост. Правоспособность даёт возможность, например, младенцу, владеть квартирой или машиной. При этом младенец, разумеется, не в состоянии распорядиться ими самостоятельно, у него отсутствует дееспособность, которая по российскому законодательству наступает с восемнадцати лет.

Народ — носитель именно правоспособности, так как правами на некоторые вещи люди могут обладать только совместно. Например, право на национальную территорию. Современный еврей, приезжая в Израиль, не

имеет никаких прав на этот кусок Палестины. Ведь его прямые предки скорее всего не жили на этой территории. Но правом на государство, причём именно на данной конкретной земле, обладает еврейский народ в целом. Ибо евреи были изгнаны из «земли Израилевой» много столетий назад, еще римлянами. Таким образом, современный еврей получает право жить в Израиле на основании прав на данную территорию, которые имеет его народ.

Народ изгнанный, народ порабощенный право на свой национальный дом не теряет, хотя бы его представители и не жили в родных местах веками.

Иначе говоря, народ обладает правоспособностью на ряд объектов, которыми его представители могут владеть только совместно, например, на территорию, язык, историю, обычаи и так далее. Например, младенец имеет право говорить на языке своих родителей, который является его неотъемлемым наследием. Но при этом в актуальной реальности на нём не говорит, потому что по малолетству не умеет.

Народ правоспособен по природе, права на территорию, язык, историю и т.п. — неотъемлемы. Нация возникает в результате обретения народом дееспособности. Но возникает вопрос: когда наступает дееспособность для народа? Для отдельного человека всё просто: есть 18 лет? Дееспособен! Обычаи по этому поводу разнятся в зависимости от национального или религиозного законодательства, но требования везде примерно одни — достижение определенного возраста и, как правило, проведение особой церемонии, символизирующей достижение

совершеннолетия и тем самым обретение дееспособности.

Для народа всё не так просто. Хотя мы и говорим о «возрасте» народов, это скорее метафора. К народу всегда принадлежат люди разных возрастных групп. Поэтому принцип «достижения совершеннолетия» в случае с нацией неприменим.

В российском законодательстве существует еще два способа обретения дееспособности — вступление в брак и эмансипация. Вступивший в брак до достижения 18-летнего возраста автоматически становится дееспособным. То же самое происходит по решению суда или органов опеки с лицом, достигшим шестнадцати лет, если оно занимается предпринимательской деятельностью или работает по трудовому контракту (это и есть эмансипация).

Для нас в данном случае важно понимание, что достижение дееспособности возможно не только по причине определенного возраста, но и в результате определенных действий лица.

Народ становится нацией в результате определенных действий, суть которых — устранение структуры господства-подчинения. Эта структура похожа на власть опекунов или родителей в случае обычного человека. Разница только в том, что структура господства-подчинения, как правило, значительно жестче и не связана никакими законами. Суверен (то есть монарх — король, император или же иностранная держава в случае колониальной зависимости) обладает правом убить любого подданного и не понести за это никакого наказания. Это и есть господство в чистом виде. Следствием господства является произвол власти по отношению к подданным. Этот произвол законен, потому что его источником являются права суверена.

Нация, когда она возникает, присваивает права суверена себе, разделяя их между своими членами. Одновременно она всегда принимает юридический

акт или хотя бы декларацию, в которой чётко формулируется, чего нельзя сделать с представителем данной нации. Из подобного документа и возникают права гражданина. Мы привыкли читать подобные документы в быстром темпе, думая, что они содержат политическую демагогию: никто не может быть осужден к тюремному заключению иначе, как по приговору суда, никто не может быть произвольно лишен имущества, никто не может быть подвергнут телесным наказаниям и т.п. Но эти формулы, разнящиеся в зависимости от народов и эпох, всегда преследуют одну цель — защитить народ от власти Суверена, создать пространство, в котором соблюдаются гражданские права.

Именно поэтому и нужна Конституция. В абсолютной монархии в центре общества и государства стоит суверен, самодержец. Национальная революция, если она происходит, заменяет суверена текстом. Этот текст и есть Конституция.

Причем важно понимать, что не всякий Основной закон есть обязательно Конституция. Ведь формально Основной закон может утверждать и неограниченную власть монарха или религиозного лидера.

Конституция должна утверждать права граждан, права народа и юридическую связь данного народа (или народов, если нация представляет собой их союз) с государством. Конституция — это своего рода «паспорт» народа, документальное подтверждение его совершеннолетия, дееспособности и обретения им статуса нации.

Можно сказать, что паспорт — это всего лишь документ, удостоверяющий личность, место жительства и тому подобное. Но на самом деле паспорт утверждает юридическую связь данного гражданина и государства. Тут можно возразить, что в некоторых странах, например, в США, внутренних паспортов нет. Но их заменяют другие документы. Например, водительские права,

которые можно получить только начиная с определённого возраста.

Если говорить о конкретной ситуации с Россией и русским народом, то очевидно, что у нас нет ни нации, ни Конституции. Ныне действующая Конституция РФ 1993 года не упоминает о русском народе. Соответственно, права русских на национальную территорию, язык, культуру никак не защищены и не формализованы. Русские являются крупнейшим безгосударственным народом мира, что подтверждается и официальной государственной риторикой (Россия как страна двухсот народов, сама Конституция дана от имени некоего «многонационального народа Российской Федерации»).

Конституция России не выполняет и второй важнейшей функции подлинной Конституции. Она никак не защищает граждан от произвола со стороны власти. В самой Конституции РФ сконструирован всемогущий Суверен — Президент Российской Федерации. Он имеет монархический титул Гаранта Конституции. Согласно учению российских специалистов по конституционному праву, Президент России стоит над разделением властей.

Это делает его некоронованным королем России. Действительно, он формирует правительство, не будучи частью правительства. Он может распускать Думу и налагать вето на законы, не будучи частью законодательной власти. Наконец, именно от него зависит назначение председателя Конституционного суда. Напомню, он назначается сроком на 6 лет по представлению президента. Понятно, что при таком подходе и при традиционно высокой зависимости «обычных» судей от председателя суда в российской традиции, Конституционный суд не может быть независим от президентской власти. Что подтверждается всей юридической практикой начиная с 1993 года.

Итак, перед Россией и русским народом стоит задача создания подлинной Конституции, Конституции не по названию, а по сути, которая гарантировала бы права граждан, упразднила феодальный институт президента-суверена и преобразовала его в демократический институт главы государства, создала юридическую связь между Россией и русским народом.

Эта задача является главной при построении в нашей стране национально-го государства.

Константин Крылов

БОЛЬШЕ НИКОГДА

Размышления о принципах конституционного строительства

Конституцию обычно определяют как «основной закон», «нормативный правовой акт высшей юридической силы», «нормы основополагающего характера» и т.п.

Если попытаться определить стоящий за этими эпитетами — «высший», «основополагающий» и т.п. — реальный смысл, получится примерно следующее. Первое: «высшие нормы» — это «нормы норм», «законы законов», которые определяют рамки дальнейшего законотворчества, вплоть до последней ведомственной инструкции, которая, по идее, не должна этим нормам противоречить. И второе: «высшие, основополагающие нормы» сообщают законность и легитимность всем остальным нормам и законам. Грубо говоря, мы должны действовать по инструкции потому, что инструкция в конечном счёте опирается на закон, а тот — на конституционную норму, которая законна и легитимна в силу своей конституционности¹.

Эта вторая функция конституционных законов настолько важна, что даже государства, систематически

пренебрегающие правовыми нормами, так или иначе вынуждены считаться с авторитетом конституционных законов. Советская власть, известная своим демонстративным пренебрежением к «законам божеским и человеческим» и в ранние годы своего существования возводившая это пренебрежение в принцип, была в конце концов вынуждена принять Конституцию СССР. Более того, последняя исполнялась — в той мере, в которой это было необходимо для поддержания ощущения законосообразности происходящего, а противоречия между конституционными нормами и практикой считали нужным маскировать². Другой известный тоталитарный режим — нацистский — также провозглашал примат целесообразности над правом, а публичное издевательство над «предрассудками формально-либерального права» стало неотъемлемой частью го-

¹ В дальнейших рассуждениях мы не будем принимать во внимание различия между кодифицированными конституциями (оформленными как единый нормативный акт или как совокупность органических законов) и конституциями некодифицированными, включающими в себя конституционные обычаи и т.п. Однако по умолчанию мы будем предполагать, что «нормальная» Конституция является «писанным» документом.

² На этом обстоятельстве была основана тактика советского правозащитного движения, афористически сформулированная Александром Есениным-Вольпиным: «Соблюдайте свою Конституцию». Суть её состояла в требовании соблюдения советских законов, и прежде всего — конституционных норм. Эта тактика оказалась эффективной (в том числе — по причине широкого международного резонанса), и именно поэтому особенно раздражала советское руководство. В частности, против правозащитников широко использовалась «карательная психиатрия» — с которой пришлось познакомиться и самому Есенину-Вольпину.

сударственной риторики. Тем не менее с «веймарской» конституцией нацистский режим обращался осторожно — она не была отменена, а откровенно антиконституционные законы старались проводить под видом чрезвычайных мер, прописанных в той же Конституции³.

³ Веймарская конституция предоставляла президенту Германии право вводить чрезвычайное положение в ситуации, если «в стране серьёзно нарушена общественная безопасность и порядок» (ст. 48 имперской Конституции от 11 августа 1919 г.). Эта же статья давала право приостанавливать гарантии основных гражданских прав. Именно на эту статью систематически ссылалась новая власть, сворачивая демократические институты в Германии. Так, печально знаменитый декрет от 28 февраля 1933 г. «О защите народа и Рейха» от 28 февраля 1933 г., принятый сразу после поджога Рейхстага, начинался со слов: «На основании абзаца 2 статьи 48 имперской Конституции в целях противодействия коммунистическим актам насилия, представляющим угрозу для государства, постановляется: статьи 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 153 имперской Конституции впредь до дальнейших распоряжений отменяются. Поэтому ограничения свободы личности, свободы выражения мнений, включая сюда свободу печати, право союзов и собраний, нарушение тайны почтово-телеграфной корреспонденции и телефонных разговоров, производство обысков и конфискаций, а также ограничения права собственности допускаются независимо от пределов, обычно установленных законом». Более поздний «Закон о защите народа и Рейха» от 24 марта 1933 г. уже прямо санкционировал право правительства принимать законы, в том числе и противоречащие Конституции. Однако он был оформлен именно как чрезвычайная мера, с указанием срока действия (до 1 апреля 1937 г.). Разумеется, на практике этот срок неограниченно продлевался. В дальнейшем цикл «чрезвычайные меры — законы, основанные на чрезвычайных мерах — возникновение коллизии, позволяющей принять новые чрезвычайные меры» стал системо-

Интересны причины подобного отношения к Основному закону. Почему, собственно, они обладают столь высокой легитимностью? Иначе говоря — почему откровенное нарушение конституционных норм вызывает большее возмущение, чем любое другое проявление беззакония?

Обстоятельства принятия

Это может быть связано либо с источником конституционных норм, либо с их содержанием. То есть: особое отношение к конституции может быть связано с авторитетом органа, её утвердившего, а также и с тем, что закреплённые в конституции нормы как-то по-особенному важны для граждан.

Чтобы наглядно продемонстрировать, о чём идёт речь, рассмотрим некий идеальный вариант принятия конституции. Допустим, некое государство в течение многих столетий страдало от дурного правления, которое закончилось революцией и гражданской войной. В войне победила одна из сторон, руководимая харизматичными лидерами, пользовавшимися широкой поддержкой. По завершении войны было созвано Учредительное собрание, в которое вошли наиболее уважаемые деятели, представляющие весь легальный политический спектр, а также наиболее крупные гражданские объединения. Это собрание составило проект Конституции, гарантирующей основные права граждан и закладывающие основы политического

образующим для нацистской правовой системы. Это дало современному исследователю вопроса Джорджо Агамбену основание называть национал-социалистическое государство «государством чрезвычайного положения» — и проводить далеко идущие параллели с такими правовыми инструментами, как американский «Патриотический акт».

Но все эти уловки только подчёркивают неспособность даже откровенно-тоталитарного режима одним махом избавиться от «ненужной бумажки».

устройства — ну, скажем, президентскую республику, четырёхлетний избирательный цикл, двухпалатный парламент и т.п. Результаты работы Учредительного собрания были закреплены референдумом, на котором 80% населения проголосовала за Основной закон. В период после принятия Конституции страна быстро залечила раны, начался бурный экономический подъём и расцвет национальной культуры.

Будет ли так принятая Конституция восприниматься как легитимная? Скорее всего, да. Перечислим факторы, которые будут на это работать.

Экстремальные исторические обстоятельства и перемены к лучшему. Конституция принята после окончания «тёмного времени» — эпохи, воспринимавшейся сугубо негативно. Её принятие, в свою очередь, ознаменовало начало подъёма. «Такое не забывается».

Авторитетность состава Учредительного собрания. Конституцию принимал не абы кто, а те (или с участием тех), кого в дальнейшем записали в учебники в качестве «отцов нации».

Авторитет народа и общественного консенсуса. Конституция была принята народом, причём тем самым «великим поколением», которое покончило с тёмными временами. То есть теми, про которых обычно говорят «наши великие предки».

Эти три фактора вместе делают авторитет Конституции весьма высоким. Нетрудно догадаться, что любые попытки её отменить или ограничить её действие будут восприниматься как посягательство на устои и попытку отнять у народа его завоевания. Если в этой стране когда-нибудь произойдёт переворот, можно быть практически уверенным, что заговорщики будут сылаться на Конституцию и обвинять законную власть в её нарушениях⁴.

⁴ Стоит отметить, что таким же уровнем легитимности будет обладать и любой другой общественный институт, созданный при схо-

Разумеется, описываемый сценарий является не единственно возможным. Возможен и иной исторический антураж — например, когда конституция вырвана из рук ослабевшего тирана «лучшими людьми государства»⁵ — или «вооружённым народом»⁶. Или наоборот — когда конституция октроирована монархом, пользовавшимся народной любовью. Есть и много других вариантов, но составляющие сюжета — экстремальные исторические обстоятельства, сопровождающиеся переломом от «плохого» к «хорошему», авторитет конституционалистов, значимость общественного консенсуса — остаются неизменными.

Чтобы оценить их значимость, рассмотрим иную ситуацию. Допустим, Конституция была принята накануне чёрной полосы в жизни народа — разрухи, голода, национального унижения. Конституцию составили и приняли случайные или откровенно непопулярные люди и подписал глава государства, который в дальнейшем полностью потерял всякое уважение — как масс, так и элиты. Народ вообще не

жизненных обстоятельствах. Например, в России очень похожая ситуация сложилась в 1613 г., когда Земский Собор избрал новую правящую династию — Романовых.

⁵ Такова, например, официальная легенда, связанная с принятием документа, известного как Magna Carta Libertatum, который сейчас считается одним из основополагающих конституционных актов Англии.

⁶ Примером последнего можно считать Agreement of the people 1647 г., «народное соглашение», которое армия Кромвеля представила палате общин с тем, чтобы потом утвердить его народным голосованием. Проект не был реализован — а у Британии так и не появилось письменной Конституции. Тем не менее «народное соглашение» оказало определённое влияние на британское государственное право. Подробнее см., напр.: Боржо III. Учреждение и пересмотр конституций. Вып. 1. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1905. С. 7–12.

спросили — или обстоятельства спора (скажем, результаты референдума) вызывают большие сомнения... Понятно, что подобная Конституция не будет столь же уважаема, как в первом случае, даже если тексты обеих Конституций идентичны⁷.

Заметим, мы ещё ровным счётом ничего не сказали о содержательной стороне конституционных документов. Хотя читателю, наверное, понятно, что Конституция, принятая при самых драматически-выигрышных исторических обстоятельствах, но не содержащая важных для граждан положений (или содержащая нечто неприемлемое для них), будет изменена — с почтительными оговорками или без таковых, рано или поздно, но будет.

Однако прежде чем коснуться содержательной части, рассмотрим вопрос, откуда это содержание вообще берётся. Законы не являются плодом чистой фантазии законотворцев, во всяком случае — *хорошие* законы. Относительно конституционных норм это особенно верно. Так вот — откуда берутся те представления, которые находят своё выражение в хороших законах?

Исторический опыт как основание норм

В большинстве сочинений, посвящённых конституционному праву⁸, мы находим следующее подразделение источников права: существующие законы разного уровня (начиная от международных договоров и соглашений и кончая актами местного самоуправления), решения законодательной, исполни-

тельной⁹ и судебной власти¹⁰, «обычное право», и, наконец, естественное право, то есть принципы, следующие из самой природы человека¹¹. Список кажется полным и даже избыточным. Однако в нём не упомянуты два обстоятельства, которые по своей значимости не уступают всем вышеперечисленным.

Первое — это влияние *чужих* конституционных законов. То, что составители конституций охотно списывают друг у друга — отнюдь не секрет. Особенно это касается составителей конституций государств-неудачников, не способных обеспечить на своей территории элементарный порядок, или, наоборот, пребывающих под властью какого-нибудь диктатора¹².

Второе обстоятельство, напротив, отличает конституции государств удачных. У них имеется источник правовых норм, который всегда под рукой, общедоступен и легитимен, можно сказать, по определению.

Я имею в виду *исторический опыт*. То есть — совокупность конкретных исторических обстоятельств, оказы-

⁹ В современной России к таковым относятся указы и распоряжения Президента, постановления Правительства и некоторые другие (Цит. соч. С. 39–40).

¹⁰ При этом одним из источников права признаются законы, принятые при иных политических режимах или даже в иных государствах, связанных с данным государством правовым континуитетом. Так, в РФ таковыми являются некоторые правовые акты СССР и РСФСР (Цит. соч. С. 42).

¹¹ Цит. соч. С. 31–34.

¹² В последнем случае часто применяется такой приём: конституционные нормы (особенно связанные с правами человека) почти буквально переписываются из документов какого-нибудь почтенного демократического государства, а в текст вводится пара мало заметных абзацев, полностью их аннулирующих, — например, неограниченные полномочия диктатора или его право отменять любые статьи Конституции «по причине государственной необходимости».

⁷ Причём это неуважение будет разделять не только массы, но и элита общества.

⁸ В дальнейшем я буду ссылаться на учебник М.В. Баглая «Конституционное право Российской Федерации» (6-е изд. М.: Изд-во «Норма», 2007). См. гл. 2 «Источники и система конституционного права, §1 «Источники» (с. 29–42).

вающих непосредственное (или опосредованное культурой) влияние на общественные представления о праве и справедливости.

Возможно, читатель скажет, что я ломлюсь в открытые ворота: ну конечно же, исторический опыт оказывает влияние на общественную мораль, та — на обычаи, обычаи кодифицируются и влияют на законодательство, и в конце концов дело доходит до их закрепления на конституционном уровне... Нет, я не имел в виду этот долгий, унылый путь. Речь идёт именно и прежде всего о непосредственном влиянии, на уровне «историческое событие или обстоятельство» — «законодательная норма».

Но сначала — несколько слов о том, что такое «историческое событие».

Лев Гумилёв как-то заметил, что «положительные» события — рост, увеличение богатства и так далее — воспринимаются массовым сознанием как «естественные» и в этом смысле лишены статуса событий; настоящим «событием» обычно становится какое-нибудь бедствие: война, мор, голод. С этим можно поспорить, так как «позитивные события» тоже случаются и воспринимаются именно как события. Однако позитивными они обычно становятся на фоне негатива — например, получение какого-то блага после его длительной и ощутимой нехватки¹³. Упомянувшиеся выше «перемены к лучшему» — хороший тому пример. Но подавляющее большинство исторических событий всё же подчиняют-

ся «правилу Гумилёва»: если почитать любую летопись, хронику или учебник истории, мы обнаружим прежде всего череду бедствий.

Стоит отметить, что то же самое правило работает и для описания длительных процессов. Например, когда мы пишем о каком-то времени — особенно о том, в которое живём сами, — то первым делом нам приходят на ум не светлые, а тёмные его стороны. Бедность, политическая несвобода, творимые властью несправедливости по отношению к тем или иным людям и прочие «неустройства» — вот что окрашивает время в его цвет. Во всяком случае — в глазах самих живущих в этом времени¹⁴.

Разумеется, эти свойства исторической памяти модифицируются культурой, которая является одновременно и хранителем, и цензором исторической памяти народа, — и к тому же сама подвержена вмешательству извне, например, политическому. Однако полностью вытравить и извратить историческую память какого-либо народа сложно, и особенно — по части негативного исторического опыта. Летопись бед и страданий, перенесённых народом, является основой национального самосознания.

Теперь вопрос: какое всё это имеет отношение к конституционным нормам? Самое непосредственное.

Как известно, законы не могут принудить людей жить счастливо. Однако они могут запретить некоторые вещи,

¹³ Это правило работает даже на индивидуальном уровне. Так, моя мать всю жизнь помнила, как после долгой голодовки — дело происходило во время войны — бабушка принесла ей кусочек хлеба со жмыхом и каким вкусным он ей тогда показался. Я в свою очередь очень хорошо помню вкус мороженого с фруктовым наполнителем, которое я первый раз попробовал в 1994 г., тоже после длительной бескормицы (хотя и не сравнимой с военной: хлеб был).

¹⁴ Это же обстоятельство объясняет поздную ностальгию по прежним временам: если хоть какие-то блага, доступные в прошлом, были утрачены, то это переживается как актуальное событие. Современная благополучная московская домохозяйка, нарезающая хлеб, может вспомнить о советских булках из хорошего зерна. Однако если спросить её, хотела бы она возвращения советских порядков, она тут же вспомнит про безумные очереди, маленькую зарплату и невозможность съездить в Турцию.

ведущие к несчастью, — особенно если это несчастье уже имело место и люди убедились, что его можно было предотвратить какими-то мерами. В принципе, таким образом созданы все законы, уставы, инструкции и так далее. Однако существует разница в масштабах. Предупреждение мелких неприятностей — масштаб инструкции или устава¹⁵, крупных проблем — масштаб законодательной инициативы. Проблема какого масштаба достойна конституционного закрепления?

Ответ понятен: *исторического*. Конституция должна преграждать путь к возникновению глобальных проблем или масштабных несчастий, прежде всего — уже имевших место в прошлом данной страны и данного народа. Принцип, по которому составляются по-настоящему удачные Конституции, укладывается в два слова: БОЛЬШЕ НИКОГДА.

Стоит также отметить, что источником большинства народных бед обычно является государственная власть. Поэтому хорошая конституция пишется так, чтобы в первую очередь защитить граждан от несчастий, причиняемых государством. Ранние теоретики конституционализма говорили об этом открыто. Так, знаменитое определение аббата Сийеса¹⁶ гласит: *Конститу-*

ция есть закон, установленный самой нацией и предназначенный для защиты государства от злоупотреблений власти. В том же духе высказывались и другие ранние теоретики конституционализма. Но, разумеется, сводить всё к этой единственной теме не следует — как бы нам ни казалось, что ничего ужаснее начальства в природе не существует.

Теперь перейдём к практическим примерам и рассмотрим несколько случаев непосредственного воздействия исторического опыта на конституционные документы.

Король Георг и Осам бин Ладен как источники американского права

Для начала возьмём одну из самых ранних и уж точно самую известную конституцию в мире — американскую. И проведём, так сказать, линию через две точки.

Американская конституция имеет репутацию «философской» — то есть написанной в духе идей французских и английских философов XVII–XVIII вв. Однако у идей и принципов, изложенных в Конституции, существует и другой источник, лежащий, можно сказать, не просто на поверхности, а рядом с самой Конституцией: документ, уважаемый в Соединённых Штатах, пожалуй, даже больше, чем она сама. А именно — Декларация независимости США.

¹⁵ Впрочем, не стоит забывать известную поговорку о воинском уставе, который написан кровью — что полностью соответствует действительности.

¹⁶ Эммануэль-Жозеф Сийес (Emmanuel Joseph Sieyès, 1748–1836) — политик, философ, один из крупнейших теоретиков (и действующих лиц — 65-й председатель Национального конвента Франции и 17-й председатель Директории) Великой французской революции, автор проекта Конституции 1799 г. Более он, впрочем, известен как автор трёх знаменитых памфлетов: «Очерк о привилегиях», «Взгляд на средства осуществления полномочий представителями Франции в 1789 г.» и «Что такое третье сословие».

А ргрос: именно эти три брошюры рас-

крывали содержание пресловутого «либерте, эгалите, фратерните»: «эгалите» провозглашалась в первой, «либерте» во второй, а в третьей, где вводилось понятие нации как «объединения людей, подчиняющихся общему для всех закону и представленных общими законодателями» и задавалось требование «сделать нацию чем-нибудь» — прояснялось «фратерните». Французская мысль, впрочем, поправила аббата, причём сразу с двух сторон — классовой и национальной: уже Дестьют де Траси понимал под «нацией», попросту говоря, «имущих французов».

Документ начинается со знаменитой формулы, утверждающей естественные права («все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью») и кончается утверждением отделения американских штатов от Британии. Однако основная часть этого документа посвящена детальному, скрупулёзному перечислению бед и несчастий, в которых американцы винили короля Георга. Этот список составляет примерно половину объёма всего документа.

Мы могли бы считать эти жалобы упражнением в риторике. Однако сравнение текстов Декларации и Конституции указывает на иное. А именно: практически каждое обвинение в адрес короля Георга тем или иным образом отражается в Конституции, которая *запрещает делать всё то и именно то, в чём Декларация обвиняет короля Георга.*

Например, в списке злодеяний английского короля значится такое, как *«расквартирование крупных соединённых вооружённых сил»*. На фоне всего прочего это вроде бы мелкое обстоятельство. Однако в составе первых же десяти поправок к Конституции (знаменитый «Билль о правах»¹⁷) имеется третья поправка, гласящая: *«Ни один солдат не должен в мирное время размещаться на постой в каком-либо доме без согласия владельца; в военное время это возможно, но лишь в порядке, установленном законом»*. Негативный исторический опыт, сконцентрированный в Декларации, заставил американских законодателей вынести этот вопрос на конституционный уровень.

Возьмём другой пример — право на суд присяжных. Американское законодательство, в отличие от многих

прочих, позволяет использовать суд присяжных не только по уголовным делам, *«в которых оспариваемая цена иска превышает 20 долларов»* (Поправка VI), но и по гражданским делам, *«в которых оспариваемая цена иска превышает 20 долларов»* (Поправка VII), и вообще использует этот институт очень широко. Поэтому мы не удивимся, обнаружив в Декларации пункт обвинения — *«Он (король. — К.К.) объединялся с другими лицами, чтобы подчинить нас юрисдикции, чуждой нашей конституции и не признаваемой нашими законами, утверждал их акты, претендовавшие стать законодательством и служившие... для лишения нас по многим судебным делам возможности пользоваться преимуществами суда присяжных»*.

Если уж мы заговорили о судебной системе... Американская конституция известна своим трепетным отношением к системе разделения властей и в особенности — организации независимой судебной власти. В этом видят влияние идей Монтескьё и его сочинения «О духе законов», где обосновывается теория трёх ветвей власти и особо выделяется судебная. Но вообще-то можно поискать и поближе: в той же Декларации среди прочих преступлений английского короля упоминается: *«Он поставил судей в исключительную зависимость от своей воли путём определения сроков их пребывания в должности, а также размера и выплат им жалования»*. Сравним это со статьёй III разд. 1 американской конституции, в которой сказано: *«Судебная власть Соединённых Штатов предоставляется одному Верховному суду и таким нижестоящим судам, какие Конгресс может время от времени учреждать. Судьи как Верховного, так и нижестоящих судов занимают свои должности, пока ведут себя безупречно, и в установленные сроки получают за свою службу вознаграждение, которое не может быть уменьшено во время пребывания в должности»*¹⁸.

¹⁷ Первые десять поправок к Конституции, предложенные Мэдисоном на заседании Конгресса первого созыва и принятые 15 декабря 1791 года.

¹⁸ Американские законы, связанные с су-

Теперь сменим оптику и перенесёмся в современность. Мы уже упоминали так называемый Патриотический акт¹⁹. Этот документ подвергается резкой критике как в США, так и во внешнем мире, поскольку предоставляет правительству и полиции слишком большие полномочия по надзору и слежке за гражданами. Некоторые положения акта сейчас отменены²⁰. Тем не менее акт был принят Конгрессом в октябре 2001 г. подавляющим большинством голосов. Причина была более чем ясна — в сентябре того же года состоялся самый крупный теракт в истории Америки. Авторитет негативного исторического опыта сработал и на этот раз.

Разумеется, американский пример не единственный. Так, Конституция ФРГ буквально пропитана страхом перед нацизмом²¹, а конституции

дебной системой, лишают исполнительную власть и других рычагов давления на судей. В частности, полномочия судей Верховного суда не могут быть прекращены иначе, как в результате добровольной отставки или импичмента. Это приводит к ситуации, когда престарелый судья не может вести дела, но и не уходит в отставку. Для поощрения сменяемости принят закон о сохранении жалования ушедших в отставку в возрасте не менее 70 лет; президент Рузвельт в 1937 г. предложил в случае достижения одним из судей возраста 70 с половиной лет расширять состав суда, но это было сочтено покушением на независимость судебной системы.

¹⁹ Название представляет собой акроним: USA PATRIOT Act, расшифровывается как Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001.

²⁰ Например, право исполнительной власти снимать и назначать прокуроров: Сенат увидел в этом покушение на независимость судебной власти и в 2007 г. лишил американскую администрацию этого права, которое предоставил ей Патриотический акт.

²¹ Это касается не только «собственно антифашистских» законов (например, ограни-

стран, пострадавших от диктатур, как правило, содержат положения, запрещающие именно ту форму диктатуры, от которой страна особенно пострадала²². Можно было бы вспомнить специфические элементы конституций восточноевропейских стран, связанные с коммунистическим прошлым, или латиноамериканские, часто содержащие формальный запрет на власть для бывших членов хунт. Но лучше не тратить время на дальнейшую демонстрацию и заняться нашей, российской проблематикой.

Новая российская Конституция: Белый дом и коммуналки как исторический прецедент

Нынешняя («ельцинская») Конституция Российской Федерации — образец неудачного конституционного документа. Принятая при самых неблагоприятных исторических обстоятельствах (после расстрела парламента, в разгар «лихих девяностых», в интересах президента, очень быстро потерявшего популярность и ставшего

читающих свободу слова), но и моментов менее очевидных. Например, ст. 38 п. 2 немецкой конституции устанавливает особый правовой режим в здании, где находится Бундестаг: существует Президент Бундестага (это особая должность), который осуществляет в здании полицейскую власть и без разрешения которого в помещениях парламента не могут производиться ни обыски, ни аресты. Думаю, вполне понятно, памятью о каких исторических обстоятельствах продиктованы эти положения.

²² Типичный пример — ст. 7 конголезской конституции, по которой запрещается устанавливать однопартийную систему, а попытка её установления объявляется преступлением, не имеющим срока давности, и приравнивается к государственной измене. Это связано с тем, что с 1967 по 1997 г. в стране официально существовала однопартийная система, введённая президентом Мобуту Сесе Секо, правление которого свергло страну в нищету и разруху.

одной из самых одиозных фигур в отечественной истории) и нужная только для закрепления института суперпрезидентской власти, она не уважаема никем, включая элиту²³. Её замена — дело времени. Будет ли у нас в исторически обозримом будущем новая Конституция — очевидно уже сейчас. Вопрос лишь в том, какой она будет.

Уже сейчас публике был предложен целый ряд проектов новых Конституций — от консервативных²⁴ до либеральных²⁵. Многие идеи, высказанные в этих проектах, привлекательны — или, по крайней мере, интересны. Попытки как-то учесть негативный исторический опыт в них тоже имеются — увы, именно попытки. В резуль-

тате эти документы кажутся внутренне не обоснованными: непонятно, «почему так, а не этак».

Я не намерен предлагать собственный вариант Конституции. Думаю, что подобная работа не может быть качественно исполнена силами одного человека. Но я могу изложить метод построения Основного закона, который, при своём систематическом проведении, вызвал бы минимум разногласий.

А именно — я предложил бы вначале составить документ, аналогичный по смыслу американской Декларации независимости, то есть список наиболее травматических событий и обстоятельств российской истории, особенно новейшей. И в построении конституционного документа обосновывать каждое его положение историческими фактами, которые новая Конституция должна не допустить.

И опять же: попробуем попрактиковаться. Возьмём какое-нибудь историческое обстоятельство, желательно недавнее и воспринимаемое большинством населения страны как негативное и травматичное. И попробуем вывести из него некие конституционные нормы, предупреждающие повторение такого развития событий в будущем.

Я выберу в качестве примера «сентябрьский кризис» 1993 года, завершившийся расстрелом Белого дома, гибелью множества людей и установлением того режима, который многие называют «ельцинской диктатурой», перешедшей в дальнейшем в «путинскую».

Напомним, о каких событиях идёт речь. Затяжной конфликт между Верховным Советом и президентом Ельциным привёл к появлению печально знаменитого Указа №1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», распускающего законно избранный парламент²⁶.

²³ Как высказался по этому поводу Геннадий Гудков, выражая не только своё личное мнение:

3–4 октября 1993 года — это точная дата реставрации номенклатурного управления Россией, новый «октябрьский переворот», который положил начало тотальной бюрократизации страны. Юридическое оформление произошло чуть позже, 12 декабря 1993 года, когда была принята вредная для страны неомонархическая Конституция (под царя — Б. Ельцина) <...> Именно Конституция страны закрепила за новым монархом — президентом РФ — неограниченные полномочия и всякое отсутствие контроля (Гудков Г. Дорожная карта российской оппозиции // Новая газета. №141. 12 декабря 2012).

²⁴ Таких, как «державный» конституционный проект А.Н. Севастьянова (см.: <http://worldconstitutions.ru/archives/166>) или проект Института Национальной Стратегии (см.: Конституция России. Новый строй. Институт Национальной Стратегии, М., 2005; см. также: http://www.apn.ru/userdata/files/konst/red_book.pdf).

²⁵ Таких, как проект М.А. Краснова (являвшегося одним из разработчиков «ельцинской» Конституции) и его учеников. См.: Проект Конституции России / Отв. ред. М.А. Краснов. Фонд «Либеральная миссия». М., 2012.

²⁶ Текст Указа цитируется по: http://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президента_РФ_от_21.09.1993_№_1400

Это обосновывалось такими соображениями как «безопасность России и ее народов — более высокая ценность, нежели формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной ветвью власти», или — необходимость «ликвидации политического препятствия, не дающего народу самому решать свою судьбу». Депутаты не пожелали расходиться. Тогда в Доме Советов были отключены связь, электричество, водоснабжение и канализация, силы МВД оцепили Дом Советов. Это привело к силовой эскалации конфликта, каковая завершилась событиями 4 ноября 1993 г., когда в результате танкового обстрела и последующего штурма Белый дом был взят под контроль войсками. В ходе октябрьских событий погибло, по официальным данным, около 150 человек. Приказ о штурме был отдан Президентом России Борисом Ельциным.

Важно отметить, что развитие событий по данному сценарию было связано, помимо всего прочего, с правовой неопределённостью ситуации. Так, депутаты пытались отстранить Ельцина от власти, основываясь на положениях статьи 121–6 действовавшей (советской) Конституции Российской Федерации и ст. 6 закона «О Президенте РСФСР». Однако советские конституционные документы уже не воспринимались как вполне легитимные. Запрет же на вооружённое вторжение в здание парламента в конституционных документах отсутствовал. Из чего прямо следует, что таковой следует ввести — чтобы у нового руководства России не было бы возможности аналогичным образом расправиться с непокорным парламентом, оставаясь при этом хотя бы формально в рамках законности. С другой стороны, следует учесть возможность катастрофической ситуации или террористической атаки на Думу (опять же, в России были примеры захвата террористами важных объектов) и необходимость

проведения спасательной или антитеррористической операции.

Соответствующая новелла могла бы выглядеть, например, так.

Статья N

N.1. Помещения, занимаемые Государственной Думой, неприкосновенны. Спикер парламента осуществляет право хозяина помещений и обладает в них полицейской властью. Без его ведома и позволения в помещениях Государственной Думы не могут проводиться обыски, аресты, реквизиции, следственные и исполнительные действия.

N.2. Помещения, занимаемые Государственной Думой, не могут быть намеренно отключены от обычных коммуникаций, за исключением ремонтных работ, проводимых с ведома и позволения Спикера, или катастрофической ситуации, угрожающей жизни людей.

N.3. Недопустимо насильственное вторжение или намеренное разрушение помещений Государственной Думы, за исключением аварийно-спасательных работ, проводимых с ведома и позволения Спикера, или катастрофической ситуации, угрожающей жизни людей.

N.4. Исполнительная власть Российской Федерации обязана предпринимать все надлежащие меры для защиты помещений Государственной Думы от вторжения или нанесения ущерба, предотвращения всякого нарушения спокойствия или оскорбления достоинства Думы.

N.5. В катастрофической ситуации возможно нарушение неприкосновенности помещений Государственной Думы ради спасения находящихся в них людей. По завершении спасательной операции проводится гласное расследование всех обстоятельств катастрофы и действий властей в сроки, установленные федеральным законом.

Разумеется, это всего лишь вариант, и вряд ли лучший из возможных. Тем

не менее вполне понятно, каким образом из исторических обстоятельств выводится конституционное положение, препятствующее их законному повторению.

Теперь возьмём другую ситуацию — не конкретное историческое событие, а некую серьёзную проблему, «социальную язву», которая постоянно присутствует в нашей жизни.

Например, такую, как неприкосновенность жилища. Власть в России неоднократно посягала на это естественное право. Так, Советская власть национализировала (то есть отняла у граждан) жильё²⁷. Она также практиковала «уплотнение», то есть насильственное подселение к владельцам жилья или квартиросъёмщикам посторонних людей, а частные квартиры реквизиовала или использовала для размещения в них советских учреждений. Всё это привело к тяжелейшим последствиям для общества. «Новая» власть, пришедшая после краха советской, не посягая на собственность граждан напрямую, тем не менее не признавала и не признаёт право граждан на самозащиту и защиту жилища. Люди не имеют возможности защищаться от вторжения. Использование оружия даже против воров и грабителей считается «превышением необходимой самообороны», что поощряет преступников. В настоящий момент рассматривается возможность принятия законов, которые позволяют лишать людей за долги единственного жилища.

Соответственно, можно предста-

²⁷ Декрет Президиума ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» вводил в действие муниципализацию строений, то есть упразднил право частной собственности, и передал недвижимое имущество в распоряжение органам местной власти. В общероссийском масштабе эта правовая норма действовала в течение трех лет, вплоть до декабря 1921 г.

вить себе статью Конституции, гарантирующие защиту жилища.

Статья М

М.1. Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения²⁸.

М.2. Никто не может быть лишён жилища, принадлежащего ему по закону. Изъятия жилой площади и уплотнения не допускаются. Никакие решения, постановления, распоряжения или иные акты, прямо или косвенно допускающие реквизиции и уплотнения, не имеют законной силы. Временное размещение в частном жилище людей, в том числе военных, а также госпитального или спасательного оборудования, временных органов управления или иных лиц или предметов допускается только в военное время или в чрезвычайной ситуации, в порядке, установленном федеральным законом.

М.3. Законные владельцы жилища имеют право охранять неприкосновенность жилища всеми доступными средствами²⁹.

Я мог бы продолжать в том же духе — рассмотреть, например, возможность конституционного запрета известной практики российских правоохранителей, практикующих сверхдлинные сроки предварительного заключения. Или — целесообразность внесения в Конституцию положения, согласно которому выходцы из спецслужб и некоторых других организаций не имеют права баллотироваться на пост Президента и быть избранным в парламент. Но, ду-

²⁸ Эти положения аналогичны положениям действующей Конституции РФ (ст. 25).

²⁹ Это положение должно быть раскрыто в органическом законе, прямо прописывающем доктрину, аналогичную американской «доктрине крепости» (Castle Doctrine).

маю, в этом нет необходимости: *modus operandi* достаточно понятен.

Ещё пара важных моментов

Во-первых, возникает искушение использовать не только свой исторический опыт, но и чужой. Это, вообще говоря, нежелательно: пить лекарства от чужих болезней в большинстве случаев означает зазря губить собственное здоровье. Например, принятие «антифашистских» законов, аналогичных немецким, в стране, победившей фашизм, является нонсенсом, а вот истекающие из них ограничения свободы слова создают опаснейший прецедент — поскольку со свободой слова в России было слишком много проблем. Однако можно и нужно использовать чужой опыт для подкрепления своего: если какая-то страна сталкивалась с ситуацией, аналогичной российской, и нашла удачное конституционное решение, препятствующее её повторению, — это можно использовать.

Во-вторых, не стоит забывать, что негативный исторический опыт может не только заставлять внести в Конституцию какие-то положения, но и, наоборот, препятствовать их внесению. Особенно это касается всякого рода расплывчатых формулировок, выглядящих невинно, но чреватых нехорошими правовыми последствиями. В этих случаях, кстати, к зарубежному опыту стоит приглядываться особенно внимательно — например, обращать внимание на политические режимы в странах, в чьих конституциях имеются подобные формулировки.

Возьмём, например, положение о президентском арбитраже. В существующей Конституции РФ указано (ст. 81 п. 2): «В установленном Конституцией Российской Федерации порядке он (президент. — К.К.) принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти». Это положение

подчёркивает и оправдывает особое положение первого лица, являющегося уже не просто главой исполнительной власти, но кем-то, находящимся над всеми тремя ветвями власти в целом. Такие положения используются в конституциях стран, склоняющихся к авторитаризму. Изучение конституционных документов это подтверждает: положение об арбитраже содержится в Конституция де Голля (1958), установившей режим авторитарной власти президента Франции. Подобные положения можно найти в Конституции Румынии от 1991 г.³⁰ и в «лукашенковской» Конституции Беларуси³¹. Репутация обоих режимов известна. В связи с этим соответствующее положение в новую российскую Конституцию вносить нежелательно.

Столь же сомнительна известная формула о Президенте как «гаранте Конституции». В существующей Конституции РФ указано (ст. 81 п. 2): «Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина». Трактуются это так: «К юридическим свойствам Конституции относится её особая охрана. Ст. 80 Конституции закрепляет, что Президент РФ является гарантом Конституции. В его присяге он обязуется соблюдать и защищать

³⁰ Ст. 80 п. 2: «Президент Румынии следит за соблюдением Конституции и надлежащим функционированием публичных властей. В этих целях Президент осуществляет функцию посредничества между властями государства, а также между государством и обществом».

³¹ Ст. 79: «Президент принимает меры по охране суверенитета Республики Беларусь, ее национальной безопасности и территориальной целостности, обеспечивает политическую и экономическую стабильность, преемственность и взаимодействие органов государственной власти, осуществляет посредничество между органами государственной власти».

Конституцию РФ. Президент вправе приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов РФ в случае противоречия их Конституции». Это опять же закрепляет особое положение и особые права первого лица — в частности, это можно понять так, что соответствие тех или иных актов Конституции определяет Президент лично. И опять же: понятие «гарант Конституции» в европейских и иных конституционных законах не используется, за исключением всё той же Беларуси³².

Заключение

Внимательный читатель, наверное, заметил: в предыдущих рассуждениях я исходил из презумпции того, что Конституция защищает народ и исходит из интересов народа. Надо ли говорить, что это отнюдь не очевидно? Во всяком случае, нынешняя власть даже не скрывает, что является антинародной в самом прямом смысле этого слова — она рассматривает большинство населения страны (прежде всего национальное большинство — русских)

как поверженных врагов и обращается с ними соответственно. Поэтому я думаю, что Конституция, устроенная на принципах, изложенных выше, может быть принята только в результате национальной революции.

Однако можно поставить вопрос и иначе. С чего, собственно, начинается революция? С чёткого формулирования требований и претензий к власти, разделяемых большинством населения. То же самое требуется и для написания нового Основного закона. Нам нужен документ, аналогичный американской Декларации независимости, — список тех обстоятельств и событий нашей истории, которые мы все считаем преступными и повторения которых в будущем мы решительно не хотим. Составление — публичное и гласное — подобной Декларации может стать механизмом формирования общественного консенсуса. Собственно говоря, я не вижу другого механизма, который позволил бы его достичь. Если мы договоримся между собой о том, что некоторые вещи, которые случились с нами и нашими предками, мы больше никогда не допустим, и прежде всего пресечём возможность совершить это законным путём — мы тем самым сделаем первый шаг на пути к нашему освобождению.

³² Ст. 79: «Президент Республики Беларусь является Главой государства, *гарантом Конституции Республики Беларусь*, прав и свобод человека и гражданина».

АЛЕКСАНДР ФИЛИППОВ

Народ и «МНОГОНАЦИОНАЛЬНОСТЬ» в Конституциях Российской Федерации

Конституция России — это документ, написанный в определенных исторических обстоятельствах и на определенном уровне осмысления истории страны. Обстоятельства меняются, а оценки могут подвергаться пересмотру. Двадцатилетие действующей Конституции — хороший повод для того, чтобы заново вчитаться в нее.

Обсуждение специальных юридических вопросов потребовало бы участия прежде всего юристов-конституционалистов. Однако в Конституции РФ есть положения, значение которых далеко выходит за рамки юридического. Это принципиальные положения, касающиеся самоопределения народа, статус которого как политического единства должен быть отражен, как это и бывает чаще всего, в Преамбуле и первых статьях Основного закона¹.

О чем свидетельствуют начальные положения конституций? Например, о некотором абсолютном событии, событии основания. До принятия конституции того или иного государства его либо не было совсем, либо оно существовало как-то по-другому, так что невозможно было просто улучшать старую конституцию и пришлось принимать новую.

Один из примеров такого продолжающегося исторического процесса

дает Франция. Действующая сегодня Конституция Франции открывается словами о приверженности французского народа «aux droits de l'homme et aux principes de la souveraineté nationale tel squ'il sont été défines par la Déclaration de 1789, confirmée et complétée par le préambule de la Constitution de 1946» — «правам человека и принципам национального суверенитета, как они были определены декларацией 1789 г. и подтверждены и дополнены преамбулой к Конституции 1946 г.». В самом тексте Конституции много отсылок к конституционным законам, принятым в разные годы, и закону о выборах президента всенародным голосованием, принятому в 1962 г. В этой непрерывной истории есть несомненное событие основания, к которому и отсылает преамбула: Декларация прав человека и гражданина, принятая в 1789 г., это акт учреждения самого французского народа. Конституция 1958 г. фиксирует важный рубеж: в преамбуле содержится обращение к «заморским территориям», которые вольны сами определять свою судьбу и могут при желании присоединиться к Франции.

Другая классическая формула новейшего конституционализма также на слуху у всех: «We the people of the United States, in Order to form a more perfect Union...» — «Мы, народ Соединенных Государств, дабы образовать более совершенный Союз...». Конституция США начинается с того, что на-

¹ В статье использованы материалы с сайта constitution.garant.ru

род уже есть как множество («Мы»), хотя и распределен по самостоятельным, но соединенным между собой политическим образованиям, называемым государствами (United States), и конституирует себя как «более совершенное единство». Эти слова также отсылают к более раннему событию: с 1777 по 1781 г. тринадцать американских штатов ратифицировали принятые в 1777 г. «Статьи Конфедерации и Вечного Союза». Конгресс тогда получил полномочия верховного суда, разрешающего споры между штатами, и недостаточность этой конструкции ведет к образованию «более совершенного единства», о котором и заявляет преамбула.

Однако такая явная или неявная отсылка к предшествующему учредительному событию содержится в конституциях не всегда. Посмотрим, например, на конституции Швейцарии, Австрии и ФРГ. Преамбуле «Основного закона» ФРГ предшествует «Eingangsformel» — «Вводная формулировка», которая сухо сообщает: «23 мая 1949 г. в Бонне-на-Рейне парламентский совет на открытом заседании установил, что принятый 8 мая 1949 года Основной закон Федеративной республики Германии был в неделю с 16 по 22 мая одобрен народными представительствами более чем двух третей немецких земель-участниц». В 1949 г. в Преамбуле говорилось о том, что тем самым «государственной жизни» на переходный период дается новый порядок. «Das gesamte Deutsche Volk bleibt aufgefordert, in freier Selbstbestimmung die Einheit und Freiheit Deutschlands zu vollenden» — «Ко всему немецкому народу мы взываем: через свободное самоопределение завершить единство и свободу Германии». В новейшей редакции той же Конституции говорится, что она имеет силу для *всех немцев*. Нигде в Основном законе мы не найдем даже глухого указания на неисторический, искусственный характер нескольких принявших его немецких земель, например, Север-

ного Рейна-Вестфалии или Рейнланд-Пфальца, созданных оккупационными властями из перекроенных исторических территорий. Не говорится здесь и о том, в силу каких именно исторических процессов Германия стала исключительно «страной немцев». Исторически немцы жили на польских и чешских землях, как и поляки, чехи, евреи жили на землях немецких. Гомогенность территориально-национального состава Германии — результат революции и двух мировых войн, в результате которых немцы потеряли обширные территории на западе и на востоке, а также расовой политики нацистов. Тем большее значение имеет абсолютное событие основания: все кровные, «паспортные» немцы обретают окончательную родину в той части единой Европы, которая обозначена перечислением немецких земель.

Конституция Австрии (собственно, «Федеральный Конституционный закон» — основная часть конституционного права страны) с многочисленными изменениями и вариациями существует с начала 20-х гг. После Первой мировой войны при разделении Австро-Венгрии на венгерскую и австрийскую части венгерские земли, населенные преимущественно говорящими на немецком языке австрийцами, отошли к Австрии. Но в законе нет упоминания об «австрийском народе». Источником власти, говорится в нем, «является народ», государственный язык страны — немецкий, воссоединение с Германией, по одному из конституционных законов, исключается, а права языковых меньшинств (включая австрийский вариант языка жестов, о чем специально сказано в законе) гарантируются. Сложный процесс пересоздания многовековой монархии в республику не оставляет заметных следов в соответствующих статьях Конституции, однако в ней акцентирована преемственность по отношению к процессу, начатому в 20-е гг.

Наконец, конституция Швейцарии использует формулу «народ швейцарцев и кантоны». Именно они, «во имя Бога Всемогущего, с ответственностью перед творением», «стремясь обновить союз», дабы укрепить «независимость и свободу в солидарности и открытости миру, преисполненные воли жить во взаимном уважении и почитая многообразии в единстве» и т.д., «*geben sich folgende Verfassung*» — «принимают (буквально: дают себе) следующую конституцию». Народ Швейцарии предполагается здесь, собственно говоря, существующим еще до того, как учреждает «Eidgenossenschaft», как это называют по-немецки, «товарищество, соединенное клятвой». На прочих языках оно зовется конфедерацией. Исторически Швейцарская Конфедерация восходит к союзу, существовавшему с давних времен, и это историческое обстоятельство (несмотря на то что состав страны расширялся и менялся, а ее устройство радикально трансформировалось) позволяет также выносить за скобки событие основания.

* * *

Посмотрим теперь на Конституцию России. Вот что написано в ее преамбуле: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, при-

нимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Несомненно, в первой же формуле мы опознаем классическое «We the people». Однако в ней имеется отличие не только от американской конституции, но и от того, что мы показали выше на примере конституций европейских стран. Это — важное слово «многонациональный». Понять его появление достаточно легко. Конституция РФ принималась вскоре после распада СССР, где каждый гражданин имел записанную в паспорт *национальность*, тогда как *советский народ* был объявлен многонациональной общностью. Наследие советских конституций, в том числе и в конструкции многонациональности, присутствует в новой Конституции России. Необходимо лишь напомнить о некоторых исторических фактах, чтобы правильно оценить его значение.

Ближайшим образом Конституция РФ 1993 г. отсылает к Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г. Эта последняя заслуживает особого рассмотрения, но сначала напомним, что статья 64 Конституции СССР говорила о дружбе наций в многонациональном государстве, а статья 70 — о том, что Советский Союз — это единое многонациональное государство. Что означали эти статьи в контексте Конституции РСФСР? В 1978 г. она открывалась большой преамбулой, повествующей об абсолютном событии основания Советской России: «Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная рабочими и крестьянами России под руководством Коммунистической партии во главе с В.И. Лениным, свергла власть капиталистов и помещиков, установила диктатуру пролетариата и создала Советское государство — основное орудие защиты революционных завоеваний, строительства социализма и коммунизма».

Немного ниже мы еще вернемся к тому, как менялась самопрезента-

ция Советской России в первых конституциях, однако сейчас задержимся на Конституции 1978 г. «Советская власть, — говорится далее в преамбуле, — гарантировала всем народам России равноправие и свободное самоопределение, предоставила трудящимся подлинно демократические права и свободы. Образование РСФСР обеспечило русскому народу, всем нациям и народностям Российской Федерации благоприятные условия для всестороннего экономического, социального и культурного развития, с учетом их национальных особенностей в братской семье советских народов».

На первом месте здесь стоит русский народ, а кроме того, как указано, в РСФСР есть другие нации и народности. Однако в статьях, посвященных национально-государственному устройству РСФСР, повторяется лишь, что многонациональным государством является СССР (и перечислены все союзные республики, входящие в его состав), а в статьях, перечисляющих состав и определяющих полномочия автономных республик, областей и округов, национальный признак не фигурирует вообще, так что, строго говоря, из Конституции совершенно не следует, почему одна республика называется Башкирской, а другая — Татарской. Таким образом, хотя, с одной стороны, в Конституции из всех народов упомянут лишь русский, с другой стороны, именно не упомянутые в ней народы дают имена различным автономиям в составе РСФСР.

Эта Конституция претерпела несколько редакций. Важное изменение мы находим в редакции 1989 г., принятой Съездом народных депутатов РСФСР. В преамбуле к Конституции в этой новой редакции уже ничего не говорится ни об Октябрьской революции, ни о русском народе. Статьи 1–2, посвященные политическому устройству страны, выглядят следующим образом: «Статья 1. Российская Советская Федеративная Соци-

алистическая Республика есть суверенное государство, созданное исторически объединившимися в нем народами. Статья 2. Вся власть в РСФСР принадлежит многонациональному народу РСФСР». Эти же формулировки мы находим и в последующих редакциях, включая и завершающую редакцию от 1 ноября 1991 г.

90-е гг. — сложное время, и возможность распада России исключить было нельзя. В борьбе между сторонниками создания *Русской* республики и теми, кто предпочел еще меньше акцентировать русскую составляющую РСФСР, победили последние. Это можно оценивать по-разному. Но если сравнить эту Конституцию РСФСР с принятой в 1992 г. Конституцией Республики Татарстан, продвинувшейся в те годы достаточно далеко по пути «берите суверенитета столько, сколько сможете», мы увидим, что и здесь фигурирует «многонациональный народ» как носитель ее суверенитета (статья 3.1). Преамбула к Конституции Республики Башкортостан также начинается со слов «мы, многонациональный народ». Дальше говорится, «что башкирский народ в XVI веке добровольно присоединился к России, в 1919 году на основе Соглашения Центральной Советской Власти России с Башкирским правительством о советской автономии Башкирии в результате реализации права башкирской нации на самоопределение была образована Башкирская автономная республика в составе РСФСР, преобразованная в 1990 году в Республику Башкортостан в соответствии с Декларацией о государственном суверенитете Республики Башкортостан». Далее, однако, речь снова идет о многонациональном народе (см., например, статью 1).

«Многонациональность» — устойчивая формула позднего советского происхождения, присутствующая во многих конституционных документах разного уровня, в том числе и после распада СССР. О многонациональ-

ном народе говорится в конституциях Адыгеи, Бурятии, Саха (Якутии), Северной Осетии — Алании, Дагестана. Это дает иногда странный результат. Например, в Конституции Республики Мордовия (статья 2.1) сказано: «Источником власти в Республике Мордовия является многонациональный народ Российской Федерации». Аналогичная формулировка есть в Конституции Республики Хакасия, однако в ней сделана важная оговорка: «многонациональный народ Российской Федерации, проживающий в Республике Хакасия».

Есть, однако, и другие примеры. Так, в Конституции Удмуртской Республики 1994 г. (статья 1) говорится: «Удмуртия — государство в составе Российской Федерации, исторически утвердившееся на основе осуществления удмуртской нацией и народом Удмуртии своего неотъемлемого права на самоопределение». Таким образом, здесь проводится различие между удмуртской нацией и народом Удмуртии. А в Конституции Республики Карелия 2001 г. сказано: «Исторические и национальные особенности Республики Карелия определяются проживанием на ее территории карелов»² (почти идентичная статья имеется и в Конституции Республики Коми).

Есть ряд причин для того, чтобы эта последняя формулировка не присутствовала как стандартная, повторяющаяся в большинстве других конституций субъектов РФ. Особенности многих из них отнюдь не являются проживанием на данной территории только одного народа, дающего имя всей республике или области. «Многонациональность» в конституциях может по-разному комбинироваться с именем народа, который не всегда корректно (внятных юридических оснований для этого нет) называют «титულ-

ной нацией». Чистая, так сказать, европейская формула «власть принадлежит народу» встречается в конституции Республики Марий Эл, Чувашской республики. Наконец, в Конституции Тывы сказано (статья 3.1): «Граждане всех национальностей, проживающие на территории Республики Тыва, составляют народ Республики Тыва». В общем, можно сказать, что Конституции, акцентирующие «многонациональность», здесь в большинстве, а конституции, ориентированные на территориальную идентичность (народ, по умолчанию, составляют те, кто проживает на данной территории, если не сказано иначе), — в меньшинстве. Отойдем, однако, назад, к исторически более раннему периоду.

В Конституции СССР 1936 г. никаких указаний на многонациональность страны нет, как нет и указаний на создание ее объединившимися народами. Есть статьи, касающиеся государственного устройства СССР, в них в частности определен порядок избрания Совета Национальностей Верховного Совета СССР, и есть статья 123, устанавливающая равноправие граждан независимо от национальной принадлежности. Правда, запись о национальности появляется в советских паспортах (которых поначалу нет у большей части населения) уже с 1932 г., но вопрос о национальности всегда оказывается «ниже уровня» Конституции, хотя имеет большое значение. Набор признаваемых государством национальностей СССР велик, но ограничен, а причисление гражданина к одной из них оставляет немного возможностей выбора и ориентировано, строго говоря, на «принцип крови». *Национальность* устанавливается — и записывается в паспорт — на основании фиксированных государством правил. Говоря социологически, это не достижительный (зависимый от личных усилий), а приписанный статус. Точно таким же — и куда более важным, чем национальность — приписанным ста-

² На формулировки, содержащиеся в Конституциях Удмуртии, Калмыкии и Карелии, мое внимание обратил П.В. Святенков.

тусом было в первые годы советской власти социальное происхождение.

Национальность вышла на передний план именно тогда, когда было объявлено, что построение социализма в основном завершено. Национальное стало основным дифференцирующим признаком. Само по себе множество (производимых и) фиксируемых в стране национальностей еще не составляло проблему. Однако советская конструкция национального предполагала, между прочим, что *нация* (хотя нация и национальность далеко не одно и то же!) невозможна без некоторого территориального единства. Национально-территориальные единства с течением времени стали восприниматься как исторически состоявшиеся, но с давних пор, так сказать, равные самим себе сущности. Они словно бы живут своей длительной исторической жизнью, сходятся и расходятся. Так они сошлись для образования СССР, а спустя полвека разошлись вновь. Это, применительно к СССР, скорее мифологическая история.

* * *

Изучая нынешнюю Конституцию РФ, мы должны иметь в виду, что «субъекты Федерации» — это не штаты, образовавшиеся до возникновения единого государства. Это именно производное от утвержденного в СССР национально-территориального деления, то есть специфической конструкции национального, доведенной до признания за рядом сконструированных таким образом национальностей определенного уровня прав на территорию.

Совершенно справедливым является положение действующей Конституции РФ о том, что таково «исторически сложившееся» единство. Однако тем самым утверждается и совершенно особый род исторической преемственности. С одной стороны, как мы видим, это прямая преемственность по отношению к Советскому Союзу.

Именно из него выходит Российская Федерация, обретая, как утверждается, свой суверенитет. Именно советская конструкция национальностей и национально-государственных образований и включена в ее федеративное устройство. Однако историческое событие учреждения РФ *не привязано* в Конституции к выходу из СССР. Если выход из СССР означает «возрождение суверенной государственности России», то отсылает это утверждение к другому, более раннему учредительному событию, в ходе которого появляется *Российская Республика*.

Это революционные трансформации 1917–1918 гг., результаты которых зафиксированы в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», а затем в первой (1918 г.) советской Конституции. Статья вторая главы первой этой Конституции как раз и заложила основы того устройства, с которым мы имеем дело по сей день: «Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик». Но откуда взялись в 1918 г. Советские национальные республики и на основе какого именно принципа национальности они были созданы? Самый краткий ответ на этот вопрос состоит в том, что ни из каких национальных республик и ни через какой союз Российская Советская Республика в это время не составлялась. Скорее, можно говорить о том, что в разваливающейся России, где возникали одна за другой разные республики, та ее часть, которая находилась под властью или хотя бы частичным контролем центрального правительства, объявляла себе открытой для подсоединения. Более того. Ставка была сделана на мировую революцию, советские республики могли возникнуть где угодно (так и было, например, в Венгрии и Баварии) и теоретически могли стать частями новой страны. К будущему *национально-территориальному деле-*

нию РФ это имело отношение лишь отчасти.

Конституция РСФСР 1925 г. во всех редакциях (по 1935 г.) содержала следующую статью: «Признавая право всех наций на самоопределение вплоть до отделения, Российская социалистическая федеративная советская республика, исходя из твердо выраженной воли трудящихся отдельных национальностей, населяющих Российскую социалистическую федеративную советскую республику, к оформлению своего государственного бытия в составе Российской социалистической федеративной советской республики, объединяется с этими национальностями путем образования в составе Российской социалистической федеративной советской республики национальных автономных советских социалистических республик и областей».

Странность этой формулировки очевидна: Федеративная республика объединяется с национальностями, населяющими федеративную республику, признает их волю к «оформлению государственного бытия» и для ее реализации создает внутри себя автономии. В принципе, образование Федерации не всегда предполагает предварительное независимое существование входящих в нее частей, так что такое вычленение внутри государства входящих в него автономий не противоречит определенному роду теории и практике. Проблема здесь в другом: по тексту получается, что еще до образования автономий страна была федерацией, и эти автономии не просто суть результат обретения народами внутри нее определенной государственной самостоятельности, но и участники объединения автономий с федерацией как федерацией.

Исходя из такой конструкции, нетрудно уже понять, почему некоторые нынешние автономии в составе России рассматривают себя как участников договора с Российской Федерацией, а не с той частью РФ, которая, предпо-

ложительно, должна была бы остаться за вычетом всех автономий как один из участников федеративного договора. Эта конструкция имеет старое советское происхождение, но такой она была не все годы советской власти. Очень грубо (здесь нужны более подробные и тонкие исторические изыскания) можно сказать, что в период распада и преобразования Российской империи в новое государство была создана конструкция, в которой упор делался на «национальности», борющиеся за освобождение от эксплуататорского колониального режима и свободно вступающие в союз, в том числе и в союз с парадоксально-федеративным образом устроенной Россией. Затем наступает длительный (1936–1978 гг.) период, когда национальное уходит из Конституции на задний план и через концепцию приписанного статуса начинает, так сказать, свою историческую работу по формированию внятных национально-территориальных идентичностей, для которых уже создан большой ресурс с заделом на будущее: суверенность, право на отделение.

Акцентирование *русского* в специфической комбинации с многонациональным в Конституции РСФСР 1978 г., возможно, имеет реактивный характер и является попыткой противодействия идущим полным ходом процессам политического оформления этих идентичностей, в том числе и внутри РСФСР, но прежде всего — в большом Союзе. Однако эта попытка представить РСФСР в качестве пусть и не гомогенно русского, но централизованного вокруг русского народа самого большого и ведущего политического образования СССР проваливается, когда, с ослаблением политической силы центра, на передний план выходят национальные движения имперской периферии. От всей советской конструкции остается формула «многонациональности» того народа, который является источником всей власти и государственного суверенитета.

При отсутствии легально и открыто признанной конструкции приписанного национального статуса единственной «своей землей» для каждого гражданина должна считаться вся территория страны. Все конституционные определения суверенитета, гражданских прав, действия законов, свободы передвижения на территории РФ и т.п. в действующей Конституции это подтверждают. В Конституции отсутствует и популярное у нас понятие «титульной нации», а права ее «субъектов», то есть республик, краев, областей и т.п. объявляются равными. Однако уже само деление на республики, автономные области, края и т.п., унаследованное от СССР, внушает мысль о чем угодно, кроме равенства, а разницей в ключевых определениях, о котором речь шла выше, быть может, и не опасен сам по себе, но может оказаться далеко не полезным в будущем.

Вчитаемся еще раз в Конституцию, цитата из Преамбулы к которой приведена выше. Формула «исторически сложившееся государственное единство» идет в тексте Конституции в одном ряду с «общепризнанными принципами равноправия и самоопределения народов». «Народы» здесь появляются во множественном числе, причем появляются словно

бы на месте национальностей. *Но общепризнанным принципом самоопределения народов является принцип свободного утверждения своей государственности как территориально-политического единства, старый принцип нации, находящей всю полноту своей реализации именно в государстве. Таким образом, действующая Конституция содержит положения, потенциально способные стать не менее взрывоопасными, чем более определенные положения советских Конституций о праве на отделение.* Кроме того, она не содержит внятных отсылок к историческим событиям и периодам, когда было бы сказано: «мы, народ России». Она не отсылает к историческим свидетельствам и сама не является свидетельством того, как происходило реальное коллективное опознание того единства, которое актом пусть и фиктивной, но безусловно общей воли совершает учреждение политической формы народа.

Это менее всего говорит против Конституции как документа. Речь идет о том положении дел, которое она *документирует*. Может ли это положение дел считаться удовлетворительным и возможно ли изменить его одной только работой над совершенствованием Конституции как документа? Этот вопрос мы оставляем открытым.

АЛЕКСАНДР ХРАМОВ

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА И РУССКИЙ NATION-BUILDING

В периоды политической стабильности разговоры о конституции и о конституционной реформе кажутся чем-то абстрактным. Они представляют чисто теоретический интерес лишь для небольшой группы специалистов по конституционному праву. Однако в эпоху перемен эта проблема переходит уже в практическую плоскость — ею начинают интересоваться политики и, если процесс зашел достаточно далеко, — то и народные массы.

В России в последний раз о конституционной реформе активно заговорили в декабре 2011-го — феврале 2012-го. Тогда на улицах Москвы, Санкт-Петербурга и других городов шумели многотысячные протестные митинги, ставшие полной неожиданностью для власти. Фактически режим Владимира Путина впервые столкнулся с массовой уличной мобилизацией своих противников. В воздухе запахло революцией.

И вот в январе в «Новой газете» выходит нашумевшая статья¹ Игоря Клямкина, Михаила Краснова и Лилии Шевцовой — в ней провозглашается необходимость созыва Учредительного собрания, которое должно пересмотреть нынешнюю ультрапрезидентскую Конституцию РФ. В противном случае, согласно авторам статьи, даже новые честные выборы в Госдуму ничего не дадут: «курс внутренней и внешней политики, согласно дей-

ствующей Конституции, определяет президент. И он может проводить его даже при оппозиционном парламенте, так как именно в его руках находится судьба правительства».

К голосам экспертов вскоре присоединяются и политики самых разных направлений. 15 февраля, опять же в «Новой газете», появилась статья² с перепечаткой тезисов Григория Явлинского. В ней утверждалось: «Учредительное собрание (в частности, в форме Конституционного собрания, как это предусмотрено в действующей Конституции) может стать фундаментальным событием в построении современного российского государства».

А уже на следующий день Юрий Болдырев, Сергей Бабурин и Геннадий Зюганов провели в агентстве «Росбалт» пресс-конференцию под названием «Основные направления конституционной реформы и ремонта политической системы». На ней Зюганов (ему, в отличие от Явлинского, удалось зарегистрироваться в качестве кандидата в президенты) заявил о конституционной реформе, которую он проведет в случае своей победы на выборах: «надо перераспределить полномочия президента в пользу сильного правительства и парламента»³.

После 4 марта 2012 г., когда Владимир Путин был вновь избран Президентом РФ, протестное движение по-

¹ Клямкин И., Краснов М., Шевцова Л. В Конституции не должно быть места для вождя // Новая газета. 13.01.12.

² Явлинский Г. Ложь и легитимность // Новая газета. 15.02.12.

³ <http://www.rosbalt.ru/moscow/2012/02/16/946718.html>

шло на спад. Стали затихать и разговоры об Учредительном собрании. Впрочем, идея конституционной реформы, которая могла бы сплотить либералов, коммунистов и националистов, так и не успела стать сколько-нибудь заметной частью повестки оппозиционных митингов. Оппозиционеры предпочли сосредоточиться на лозунгах «за честные выборы» и «Россия без Путина», но так и не смогли предложить конструктивного видения будущего страны.

Финальным аккордом во всей этой истории стало поручение Дмитрия Медведева, которое он дал Администрации Президента 5 марта 2012 г. — как раз в тот день, когда были подведены предварительные итоги президентских выборов и третий срок Путина окончательно сделался реальностью. Медведев потребовал подготовить предложения по законопроекту о созыве Конституционного собрания — о нем речь зашла на встрече Медведева с представителями незарегистрированных партий, состоявшейся 20 февраля.

Дело в том, что созыв Конституционного собрания предусмотрен 9-й главой Конституции РФ, но механизм его формирования и работы должен определяться специальным федеральным конституционным законом, который до сих пор не принят. Медведев и поручил заполнить эту лауну в российском законодательстве. Однако уже в конце марта появилась информация⁴, что поручение Медведева было решено не исполнять: члены рабочей группы под руководством первого замглавы администрации президента Вячеслава Володина так ни разу и не собрались. Да и было бы странно, если бы произошло иначе: нынешняя Конституция РФ дает российскому президенту фактически безграничные полномочия, вся его сила и, может быть, даже и жизнь (учитывая непредсказу-

емость российских реалий) спрятаны в этом «кощеевом яйце». И власть делает всё возможное, чтобы никто не смог к нему даже подступиться.

Национал-демократы и Конституционное собрание

Без сомнения, в будущем — как только обстановка в обществе опять накалится — в России вновь встанет вопрос о конституционной реформе. Когда это произойдет, неизвестно — может быть, уже через год, может быть, через пять лет. К этому должны быть готовы все политические силы — им необходимо заранее сформулировать свой пакет предложений по изменению Конституции, чтобы в нужный момент быстро извлечь его на свет божий. В особенности это касается русских националистов — то есть тех политиков, которые настроены не просто на смену политического режима, но и на *построение в России национального государства*. А это в любом случае потребует принятия новой конституции и созыва Конституционного собрания.

В разгар дискуссии о конституционной реформе политолог Николай Злобин справедливо заметил: нынешняя Конституция «...не только создала условия для сверхпрезидентской власти, но и закрепила советское внутреннее национальное устройство страны»⁵. Так вот, для того чтобы ограничить полномочия президента и дать больше прав парламенту, то есть переписать все 6 глав Конституции РФ, Конституционное собрание не нужно. Для этого достаточно сформировать необходимое большинство в Федеральном собрании и заручиться поддержкой 2/3 региональных парламентов.

Созыв Конституционного собрания необходим, чтобы поменять первую главу Основного закона («Основы конституционного строя»). Именно в этой главе закреплены положения, ко-

⁴ Тropicina O., Рубин М., Сидибее П. Кремль повременит с изменениями Конституции // Известия. 28.03.12.

⁵ Злобин Н. Бессистемная власть // Ведомости. 30.01.12.

торые мешают трансформировать Российскую Федерацию в русское национальное государство, состоящее из равноправных регионов. Фактически из-за первой главы Конституции РФ российская государственность до сих пор строится на идеях Ленина и Сталина⁶.

Поэтому русские национал-демократы не могли пройти мимо дискуссии о созыве Конституционного собрания. 31 января 2012 г. Русский Гражданский союз (впоследствии вошедший в состав Национально-Демократической партии) провел в Высшей школе экономики общественно-политическую конференцию «Необходимость конституционной реформы в России». Помимо либералов, таких как Андрей Илларионов, Гарри Каспаров, Игорь Клямкин, в ней приняли участие национал-демократы — Михаил Ремизов, Константин Крылов и автор этих строк.

Далее я привожу текст доклада, сделанного мной на этой конференции. Он посвящен исключительно национальному аспекту конституционной реформы, в нем не затрагивается вопрос о политических институтах⁷ — например, о механизмах ответственности правительства перед парламентом (в нынешней Конституции они не обозначены). Тем не менее в будущем, смею надеяться, тезисы этого доклада пригодятся политикам национально-демократического толка при выработке собственного проекта новой Конституции. Впрочем, повторюсь, дело до этого, вероятно, дойдет не скоро.

Конституция: альянс нации и государства

Как нациестроительство (nation-building) связано со строительством

конституционным? Какое место нация должна занимать в конституции демократического государства? Это отнюдь не надуманный вопрос. Например, данной теме был посвящен в 2010 г. целый выпуск «Nations and nationalism», ведущего западного журнала в области национальной проблематики. В статье под характерным названием «Союз нации и государства в европейских конституциях»⁸ была подмечена, на мой взгляд, верная тенденция. С запада на восток и от прошлого к настоящему национальная идентичность в европейских конституциях фиксируется всё более отчетливо. Проще говоря, в конституциях европейских стран, оформившихся как национальные государства давно, еще в XIX в. (это в основном запад Европы — Франция, Германия, Италия), национальная идентичность подчеркивается слабее, чем в конституциях стран Восточной Европы и Балкан, которые сложились относительно недавно, в XX в.

Я не вижу причин, по которым Россия должна стать исключением из этого правила. Мы самые восточные из европейцев и мы самые опоздавшие в смысле строительства национального государства. Поэтому в новой Конституции — когда ее напишут — слово «русский» будет встречаться неоднократно. Сейчас же слово «русский» в Конституции употреблено всего один раз — в словосочетании «русский язык». В России, в отличие от европейских государств, конституционного «союза нации и государства» так и не случилось.

Конституционная химера «многонационального народа»

Вместо этого в российской Конституции присутствует такое странное понятие как «многонациональный на-

⁶ Храмов А. Российская Федерация как наследие Ленина–Сталина // Вопросы национализма. 2010. № 4. С. 18–38.

⁷ Его я отчасти осветил в статье «За Конституцию Свободы», опубликованной на сайте Каспаров.ру (18.01.2012).

⁸ Kissane B., Sitter N. The marriage of state and nation in European constitutions // Nations and nationalism. 2010. V. 16. № 1. P. 49–67.

род». Статья 3 Конституции РФ провозглашает: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Аналог этой статьи есть в большинстве демократических конституций, за одним важным исключением — везде в качестве суверена фигурирует «народ» («нация») или «граждане», без всяких приставок и уточнений. Странное двусоставное понятие «многонациональный народ» — это чисто российское ноу-хау.

Приведу буквально пару примеров. Конституция Италии, статья 1: «Суверенитет принадлежит народу (popolo)». Конституция Словакии, статья 2: «Государственная власть исходит от граждан (od občanov)». В конституции Индии о «многонациональном народе» тоже нет ни слова, хотя индийское население на порядок превосходит российское по степени этнической неоднородности. В преамбуле индийской конституции говорится лишь о «народе Индии» (the people of India), который учреждает индийское государство. Короче, во всех современных конституциях источник суверенитета предстает как единая общность.

Это неудивительно, ведь еще со времен Томаса Гоббса, крестного отца современного государства (оно пришло на смену феодальным системам со множеством центров власти), известно, что суверен в государстве может быть только один. Учреждение двух суверенов в одном государстве «доводит людскую толпу до состояния войны», писал Гоббс⁹. В XVII в. для Гоббса было неважно, выступает ли в качестве суверена единственный человек (монархия) или весь народ (республика). Но в XIX в., когда легитимность власти повсеместно стала определяться уже не в династических, а в национально-демократических категориях, принцип «в одном государстве — один суверен»

был переформулирован как «одна нация — одно государство».

Что же означает предикат «многонациональный», которым, вопреки здравому смыслу, снабжен суверен в российской Конституции? Означает ли это, что у нас есть много государств в государстве? И это на самом деле так и есть! Всё дело в асимметричности Российской Федерации, зафиксированной в первой главе ее Основного закона. Статья 5 делит субъекты РФ на республики, края, области и автономные округа. И в этой же статье национальные республики названы «государствами», что призвано отличить их от менее статусных русских областей и краев. Подобное наименование, пусть и данное в скобках, является таким же нонсенсом с точки зрения декларируемого в Конституции равноправия субъектов федерации, как и существование округов, входящих в состав краев (статья 66, ч. 4).

Конституционная химера «многонационального народа» явилась побочным продуктом строительства Российской Федерации на пространстве асимметричной РСФСР, покрытой пятнами амбициозных национальных республик. Когда писалась нынешняя Конституция, ее создатели во главе с Ельциным, занятым торгом с республиканскими элитами, до конца не понимали, какой будет российская федерация — конституционной или договорной. Скажем, в статье 11, ч. 3 наряду с Конституцией упомянуты Федеративный и иные (!) договоры, а текст Федеративного договора изначально вообще планировалось включить в состав Основного закона страны.

С этой договорной (фактически — конфедеративной) точки зрения федерацию учреждают не ее граждане в целом, а суверенные государственные образования, которые часть своего суверенитета (в соответствии с договором) делегируют центру. В начале 1990-х роль таких государственных образований играли национальные ре-

спублики (поэтому-то статья 5 и называет их «государствами»). Каждому такому «государству» соответствует своя «нация». Все вместе они образуют Российскую Федерацию. Вот отсюда и растут ноги у понятия «многонациональный народ», в котором единый суверен-народ распадается на много суверенов-наций.

Очевидно, что вместе с пережитками советского асимметричного федерализма из Конституции неизбежно должна исчезнуть и химера «многонационального народа». Что же должно прийти на смену?

Нужно ли русскому народу быть «государствообразующим»?

Некоторые считают, что в Конституции необходимо закрепить за русским народом статус «государствообразующего». Это словосочетание употребил Путин в своей статье о национальном вопросе¹⁰, а парламент Чечни (!) с подачи Дмитрия Демушкина решил вынести инициативу «о предании русскому народу статуса государствообразующего» на федеральный уровень. Я считаю, что эта инициатива лишена какого-либо смысла. Я не хочу утверждать, что всё, высказываемое Путиным и чеченским парламентом, всегда по определению является чем-то бессмысленным. Иногда, наверное, они говорят и стоящие вещи. Хотя то, что подобная инициатива нашла поддержку со столь неожиданной стороны, всё же заставляет задуматься.

¹⁰ «Русский народ является государствообразующим — по факту существования России. Великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию» (*Путин В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012). Заметим, здесь говорится именно о *миссии*, об обязанности — но не о правах русского народа. «Государствообразующий» для Путина — суть «скрепляющий»: русским отводится роль цементного раствора, вторичного по отношению к цивилизации, которую он «скрепляет».

В словосочетание «государствообразующий народ» вложен нездоровый этатизм: государство — прежде всего. Русский народ трактуется в нем как некий придаток к государству, как персонал, обслуживающий государственную машину, как средство, а не как цель. Я думаю, Путина и чеченский парламент это и привлекает в данной формулировке. Хотя логика всех европейских nation-state — прямо противоположная: нация овладевает государством и заставляет работать государственную машину во имя национального развития и выживания.

Дождевые черви в статусе почвообразующих организмов так и остаются дождевыми червями. Из признания «государствообразующей» роли русского народа еще не вытекает его права на государство, права использовать государство во имя собственного процветания. Скорее наоборот, закрепление за русскими «государствообразующего» статуса дает власти право беззастенчиво использовать их во имя реализации зачастую бессмысленных проектов по укреплению «державной (имперской) мощи», оно делает из русских — казенных, государевых людей, собственность государства. Вы, русские — «государствообразующий народ»? Тогда заполняйте армию русскими призывниками, в то время как чеченцы в армию не призываются. Парламент Чечни эта ситуация вполне устраивает.

Национальная конституция: равнение на Европу

Не надо изобретать велосипед и придумывать какие-то новые термины. Достаточно обратиться к опыту конституционного строительства в странах Восточной Европы и на Балканах, которые нам ближе всего в исторической перспективе. Например, в конституции Румынии национальный суверенитет непосредственно закреплен за румынским народом (*poporul roman*) (статья 2), а в качестве основы государства провозглашено «единство ру-

мынского народа» (статья 4). Но чаще всего связь государства и конкретной исторической нации формулируется в *преамбуле* к Основному закону.

В преамбуле к конституции Литвы говорится о «праве литовского народа, много веков тому назад создавшего литовское государство, свободно жить и творить на земле своих отцов и предков». Преамбула хорватской конституции, в которой декларируется «тысячелетняя национальная самобытность» хорватов и «право хорватского народа на самоопределение», вообще похожа на пересказ учебника истории¹¹. В преамбуле конституции

¹¹ «Выражая тысячелетнюю национальную самобытность и государственность хорватского народа, подтвержденную всем ходом исторического развития в различных государственных формах и развитием идеи об историческом праве хорватского народа на полный государственный суверенитет, что нашло свое проявление: в создании хорватских княжеств в VII веке; в средневековом самостоятельном государстве Хорватии, которое было основано в IX веке; в основании в X веке королевства Хорватии; в сохранении хорватского государственного субъективизма в составе хорватско-венгерской личной унии; в самостоятельном и суверенном решении хорватского Сабора в 1527 году об избрании короля из династии Габсбургов; в самостоятельном и суверенном решении хорватского Сабора о Прагматической санкции в 1712 году; <...> в решениях Краевого антифашистского веча народного освобождения Хорватии (1943 год), а затем в Конституции Народной Республики Хорватия 1947 года и позднее в Конституциях Социалистической Республики Хорватия (1963–1990 годы). В поворотный момент истории, отмеченный отказом от коммунистической системы и изменением международного порядка в Европе, хорватский народ на первых демократических выборах (1990 год) свободным волеизъявлением подтвердил свою тысячелетнюю государственную самобытность. Новой Конституцией Республики Хорватия 1990 года и победой в Отечественной войне (1991–

Словакии говорится о словацкой нации и «политическом и культурном наследии предков».

Этническая неоднородность населения (например, в той же Словакии словаков проживает примерно столько же, сколько в России — русских) находит свое конституционное отражение не в нелепом понятии «многонационального народа», а в отдельной статье о защите прав языковых и национальных меньшинств. То, что в Словакии есть районы с преимущественно венгерским населением, еще не делает ее «многонациональным государством».

Отчетливая этнокультурная составляющая в восточноевропейских конституциях уравнивается отдельной статьей, в которой оговаривается равенство граждан вне зависимости от этнического происхождения и религиозных взглядов. Опять же, сразу после конкретно-исторической преамбулы, отсылающей к хорватской или литовской нации, в качестве источника суверенитета обыкновенно называются «граждане» или «народ» без какой-либо конкретизации. Таким образом, по эту сторону границы, изнутри, конституция национального государства трактует нацию в гражданском ключе.

А вот *по ту сторону* границы, извне, конституция понимает нацию уже в этническом смысле, в категориях происхождения, языка и культуры. Практически все конституции балканских и восточноевропейских стран оговаривают право на защиту со стороны национального государства для тех, кто связан с нацией по принципу крови, а не гражданства. Конституция Венгрии (от 2011 года), статья D: «...побуждаемая идеалом единой венгерской нации, Венгрия несет ответственность за

1995 годы) хорватский народ показал свою решимость и готовность восстановить и защитить Республику Хорватия как самостоятельное, независимое, суверенное и демократическое государство» (Конституция республики Хорватия в редакции 6 июля 2010 года).

судьбу венгров, проживающих за ее границами, и должна продолжать поддерживать их усилия по сохранению венгерской культуры, поощрять их сотрудничество друг с другом и Венгрией». Конституция Словакии, статья 7: «Словацкая Республика поддерживает национальное сознание и культурную идентичность проживающих за границей словаков, поддерживает их организации, созданные для достижения этой цели и связи с Родиной». Конституция Болгарии, статья 25: «Лица болгарского происхождения приобретают болгарское гражданство в облегченном порядке».

Учитывая, что за пределами России проживают миллионы русских, отсутствие аналогичной статьи в российской конституции можно объяснить только тем, что Российская Федерация изначально конструировалась как неоимперский проект, а не как русское национальное государство.

Конституция русского демократического государства

Что должно быть в конституции русского государства, которую примет Конституционное собрание взамен Конституции РФ? Подытожим основные моменты, касающиеся «национального вопроса».

1. «Русская преамбула», в которой бы говорилось о праве русского народа на самоопределение, о его национальной самобытности (тут можно было бы упомянуть о вечевом Новгороде или сибирских первопроходцах), об историческом единстве русской нации. Акцент нужно сделать именно на правах русского народа, а не на его функции («государствообразующий», «скрепляющий»). Заметим, Путин в своей статье отрицает именно право русского народа на самоопределение, подчеркивая при этом его «государствообразующую» роль¹².

2. Должна исчезнуть асимметричность федерации. Если за всеми регионами будет закреплён единый статус (федеральных земель или штатов), то из конституции автоматически исчезнет и понятие «многонациональный народ».

3. Источником власти должны быть провозглашены просто «граждане России», без каких-либо уточнений. Слово «граждане» в статье о носителе суверенитета предпочтительнее слова «народ», так как это исключит спекуляции на тему «российского народа» как альтернативного проекта нациестроительства, конкурирующего с русской нацией.

4. Вместо бессмысленной конструкции «многонациональный народ» на одно из первых мест должна быть вынесена статья о защите языковых меньшинств (именно языковых, а не национальных, так как зачастую делаются попытки отнести к той или иной народности людей, чей родной язык является русским).

5. Отдельной статьёй надо обозначить право этнических русских за пределами России на помощь и поддержку, а также на упрощённую процедуру получения гражданства.

Этих конституционных мер, которые полностью соответствуют европейской конституционной практике, будет вполне достаточно для построения русского национального государства, что, разумеется, не отменяет необходимости привлекать для достижения этой цели и другие средства: политические и экономические.

русская культура. Вот как раз этот стержень разного рода провокаторы и наши противники всеми силами будут пытаться вырвать из России — под насковозь фальшивые разговоры о праве русских на самоопределение, о “расовой чистоте”, о необходимости “завершить дело 1991 года и окончательно разрушить империю, сидящую на шее у русского народа” // *Путин В. Указ. соч.*

¹² «Стержень, скрепляющая ткань этой уникальной цивилизации — русский народ,

Владимир Милов

Нужна ли России ПАРЛАМЕНТСКАЯ РЕСПУБЛИКА?

Тема пересмотра российской Конституции не утихает вот уже 20 лет со дня ее принятия: перед голосованием люди читали ее мало, на обсуждение было выделено менее двух месяцев, за принятие Конституции высказалось всего лишь менее трети населения страны.

Хотя в нашей стране хватает практических проблем, тема пересмотра Конституции постоянно всплывает при обсуждении текущей ситуации в России. Многие считают, что действующая Конституция, написанная «под Ельцина», ввела в стране институт «суперпрезидентства», предполагающий, что президент как «гарант Конституции» своими статусом и полномочиями возвышается над различными ветвями власти и таким образом нарушает принцип разделения властей. В результате была открыта дорога для полной монополизации политической системы Путиным, во время правления которого исполнительная власть окончательно подмяла под себя власть законодательную и судебную и сформировала в стране пресловутую «вертикаль власти», а проще говоря — властную монополию одного клана, не допускающую ни серьезного общественного контроля над собой, ни дискуссии о состоянии и будущем страны, ни ответственности властей предержащих за результаты своей деятельности.

В качестве рецепта решения этой проблемы предлагается ввести в России парламентскую систему правления, с передачей ключевых полномо-

чий действующего президента парламенту. И тогда, по мнению сторонников глубокой конституционной реформы, демократически избранный парламент назначит правительство народного доверия, станет местом для дискуссий с участием различных точек зрения, проведет правильные реформы, и наступит всеобщее счастье.

При всех проблемах института суперпрезидентства романтизация идеи парламентской республики представляется довольно наивной по двум основным причинам. Причина первая — опыт других постсоветских государств, которые шли по этому пути. *Именно постсоветских:* вряд ли имеет смысл апеллировать к опыту стран Восточной Европы и Балтии — у политиков этих государств был мощнейший стимул для проведения институциональных реформ в виде перспективы вступления в ЕС. Некоторые российские аналитики всерьез говорят о том, что в этих странах сформировались устойчивые демократии лишь потому, что там была введена парламентская система правления. Но это уход от реальности: в действительности демократические институты в Восточной Европе и Балтии сложились преимущественно под давлением Евросоюза, предъявлявшего жесткие требования к новым странам-членам. А вступление в ЕС и НАТО настолько широко поддерживалось населением этих стран, что даже пришедшие к власти в 1990-е политические наследники бывших коммунистических партий, этакий восточноевропейский Зюганов-лайт, не стали

пересматривать этот вектор и даже решили оседлать его.

При этом мы знаем и случаи сопротивления восточноевропейских правительств требованиям ЕС по укреплению демократических институтов на пути в ЕС, и даже попытки ввести полуавторитарные порядки уже после вступления в ЕС (самым ярким примером в этом плане является Венгрия).

Но у других постсоветских государств, за исключением трех прибалтийских республик, такого стимула, как вступление в ЕС, не было — применительно к ним эксперимент с парламентской формой правления можно считать более чистым от такого искажающего фактора. И что мы видим? Единственная республика, наиболее приближенная к «идеальной парламентской модели», — Молдова, где даже президента избирает парламент, не избежала скатывания к полуавторитарной политической системе во времена правления президента Воронина, а после его ухода от власти скатилась в управленческий хаос и паралич и «зависла» в состоянии глубокой периферии, раздираемой конфликтами политических элит и особо не сдвинувшейся на пути институциональных реформ и евроинтеграции.

Ну ладно, допустим, опыт Молдовы можно считать периферийным. Однако мы имеем более важный пример конституционной реформы — Украина, где в декабре 2004 г., в обмен на согласие провести третий тур президентских выборов с запрограммированной победой Ющенко, тогдашний президент Леонид Кучма добился принятия поправок к Конституции, превращавших Украину в парламентско-президентскую республику с передачей широких полномочий парламенту. Так он надеялся снизить политические возможности приходящего к власти оппонента.

Опыт конституционной реформы Украины 2004–2010 гг. необходимо крайне внимательно изучать всем тем,

кто утверждает, что основные проблемы России сегодня связаны с избыточными полномочиями президента и необходимостью передачи их парламенту. В Украине были предприняты серьезные шаги именно в эту сторону — и результат, мягко говоря, не впечатляет. Во-первых, период расширения полномочий парламента не привел ни к каким успехам в деле институциональных реформ — из этого периода Украина вышла с такими же разбитыми институтами, как и была. Значительную долю вины за это можно возложить на президента Ющенко и его кабинет министров, однако Верховная Рада, давайте будем честными, никакой позитивной альтернативы из себя не представляла и превратилась в банальную арену для борьбы политических кланов.

Во-вторых, украинский парламент не только молча взирал за тем, как пришедший к власти в 2010 г. президент Янукович свернул конституционную реформу 2004 г. через Конституционный суд, но и всячески помогал отобрать у самого себя полномочия: обращение в суд, требовавшее отменить передачу дополнительных полномочий парламенту, было подписано 252 депутатами Верховной Рады.

Все эти истории не слишком добавляют аргументов сторонникам романтической идеи о том, что если отобрать все полномочия у президента и передать их парламенту, то немедленно наступит демократический рай. И здесь очень важно подумать о второй причине сомневаться в идеях парламентской республики — нашем собственном историческом опыте. Давайте для чистоты эксперимента вспомним период новорожденного российского парламентаризма 1990–1993 гг. — противники ельцинских реформ и Конституции 1993 г. часто именно его приводят в пример того, на какой платформе могла бы развиваться российская демократия, если бы Белый дом не был расстрелян из танков 4 октября 1993 г.

Здесь, однако, стоит обратить внимание на ряд неприятных для апологетов российского парламентаризма фактов, о которых они предпочитают не вспоминать. Первый факт — поведение Съезда народных депутатов и Верховного Совета во второй половине 1991 г., после победы Ельцина над ГКЧП. В тот момент, когда основным был вопрос стратегии экономических реформ, парламент полностью лег под Ельцина и не смог родить никакой альтернативы политике Гайдара. Не то что там шли какие-то дискуссии, предлагались альтернативы, а вероломный Ельцин продавил ситуацию какими-то нечестными методами. Нет. Ничего подобного не было. В конце октября 1991 г., на V Съезде народных депутатов РСФСР, парламентарии, как послушное стадо, 878 голосами «за» (при всего 16 против) проголосовали за ельцинские краткие тезисы об экономической реформе, включавшие первым пунктом форсированную либерализацию цен с 15 декабря 1991 г. (а даже не со 2 января). Никакого Гайдара тогда не было и в помине — его правительство было назначено дней десять спустя, сама фамилия Гайдара даже не фигурировала в СМИ. А на трибуну съезда не вышел никакой Явлинский, никакой Лужков, никакой Сабуров, никакой Святослав Федоров и не сказал: нет, надо делать не так, нужно, допустим, сначала провести приватизацию розничной сферы, нужно обеспечить возможность конвертации сбережений населения в права собственности и так далее. Ничего, молчок.

Парламент повел себя как послушное стадо не только в этом вопросе, но и в вопросе предоставления Ельцину дополнительных полномочий сроком на год — а ведь, если рассуждать чисто юридически, именно из этих дополнительных ельцинских полномочий 1991–1992 гг. потом вырос институт суперпрезидентства, закрепленный позже в Конституции 1993 г. В принципе, Конституция просто закрепила

те дополнительные полномочия, которые парламент и так добровольно отдал Ельцину осенью 1991 г. и которые Ельцин уже успел посчитать «своими».

Второй неприятный факт — нежелание пойти на перевыборы. Вопрос о том, уместно ли было в голодной России конца 1991 г. с рухнувшей советской экономикой проводить перевыборы, будет дебатироваться вечно. Но можно было, скажем, договориться с Ельциным о проведении совместных перевыборов президента и парламента в какую-то заранее оговоренную дату — например, немедленно по истечении тех самых пресловутых дополнительных ельцинских полномочий.

Но этого не было сделано. Российский парламент образца 1990–1993 гг. не только не задал тон в насаждении институтов демократии в стране, по-нуждая Ельцина провести всеобщие досрочные перевыборы, но напротив, категорически сопротивлялся перевыборам, прославившись, например, включением в перечень вопросов апрельского референдума 1993 г. вопроса о перевыборах народных депутатов РСФСР с порогом принятия решения не менее чем в 50% от списочного (!) состава избирателей. И хотя на апрельском референдуме именно за перевыборы депутатов высказалось наибольшее число проголосовавших избирателей (67%), даже это не заставило депутатов внять голосу разума.

Третий неприятный факт — в том, что российский парламентаризм образца 1990–1993 гг. вместо ожидаемого романтиками торжества конкурентной представительной демократии породил худшие формы авторитарного поведения и борьбы за власть. Через регулярные «ротации» состава Верховного Совета из него постепенно выдавливались те, кто не был согласен с позицией руководства парламента — становилось все меньше «места для дискуссий». Вместо умеренного и здорового антиельцинского большинства, которое предлагало бы обще-

ству сбалансированную альтернативу развития и уравновешивало бы чересчур радикальные шаги президента, парламент выдвинул наверх какие-то мутные личности радикального свойства, жаждущих власти авантюристов. Один Хасбулатов чего стоит: автор этих строк убежден, что если бы не трагический факт нахождения во главе российского парламента чеченца Хасбулатова, провоцировавшего конфликты и насилие, можно было бы избежать и кровавого конституционного кризиса 1993 г., и даже, возможно, войны в Чечне.

После принятия Конституции 1993 г. российский парламентаризм, хоть и загнанный в определенные рамки, тоже не всегда помогал стране выйти на правильную траекторию развития: например, принимавшиеся в середине 1990-х оппозиционной Ельцину Госдумой популистские законы раздували дефициты бюджета, способствуя росту пирамиды ГКО. В конечном счете именно это и замедлило переход экономики к восстановлению от постсоветского коллапса, и привело к разрушительному дефолту 1998 г.

Российский парламентаризм переживал и более конструктивные и плодотворные времена: например, период 1999–2003 гг., когда его структура была наиболее диверсифицированной, а качество принятых законов (от налоговой реформы до исторического Земельного кодекса) было несравненно выше всех других созывов парламента. Однако кончилось дело плохо: крупнейшие парламентские фракции слились в партию «Единая Россия», соблазн сформировать на политической сцене супермонополию оказался сильнее интересов избирателей. По итогам выборов Госдумы 2003 г. «Единой России» не удалось сформировать конституционное большинство, однако в этом помогли сами парламентарии: часть из них перебежала под крыло новой суперпартии, хотя избиратели их на это не уполномочивали.

Последний пример вызывает четкие аналогии с Украиной, где парламентарии в 2010 г. добровольно отказались от недавно предоставленных им дополнительных конституционных полномочий: никогда нельзя забывать об угрозе появления «кэптивных» депутатов и фракций, за деньги или иные коврижки согласных играть на стороне исполнительной власти. Так, кстати, поступали и российские парламентарии осенью 1991 г., безоговорочно приняв ельцинский вариант радикальных реформ — пока Ельцин был политически силен. Высовываться они начали только тогда, когда он ослаб.

В целом история российского парламентаризма не дает основания надеяться на парламентскую форму правления как на волшебную палочку. Слишком часто российская представительная власть в решающие моменты истории либо выдвигала наверх радикалов вместо формирования здорового умеренного большинства, либо при первой же возможности прятала голову в песок и полностью ложилась под сильную исполнительную власть — так и шарахалась туда-сюда. Риск управленческого паралича при передаче чрезмерных полномочий парламенту также велик: стоит вспомнить недавнюю историю с попыткой формирования т.н. «координационного совета оппозиции» (КСО), включившего в себя широкий спектр антипутинских сил — от либералов до левых и националистов — и подаваемого сторонниками КСО как некий образец будущего «протопарламента». Такой «протопарламент», безусловно, стал интересным местом для дискуссий, однако оказался категорически неспособным принимать решения — он испытывал огромные трудности с принятием собственного регламента, не смог выдвинуть кандидата на выборах мэра Москвы, а под конец и вовсе перестал работать ввиду отсутствия кворума.

В чем здесь мораль? Она проста: парламентская форма правления — не

панацея для страны, она сама по себе не дает никаких гарантий, не нужно переоценивать ее возможности. Необходимо не передача всех ключевых полномочий от одного института власти (президента) другому (парламенту), как предлагают сторонники парламентской демократии, — российская политика не волейбол, подобное перебрасывание мяча неуместно.

Что действительно необходимо России — так это неукоснительная реализация того самого важнейшего принципа разделения властей, который и так заложен в статье 10 действующей Конституции.

Как добиться баланса между различными ветвями власти? Не мешает ли этому действующая Конституция?

В принципе, конечно, мешает. Скажем, глава 7 «Судебная власть» перегружена полномочиями, несправедливо переданными президенту, — по вопросам формирования составов судов, контролю над прокуратурой. Во многом поэтому в России и нет независимых судов. Очень слаба глава 8 «Местное самоуправление», которая прежде всего должна включать гарантии формирования независимой финансовой базы местных органов, зависимость которых от исполнительной власти сегодня диктуется прежде всего отсутствием самостоятельных бюджетов. Российскому парламенту действительно необходимо передать часть действующих президентских полномочий по формированию Правительства и Центробанка.

Необходимо, наконец, расставить точки над «i» в вопросе о том, избираются или назначаются в России губернаторы, члены Совета Федерации, мэры городов. Избираются — точка. Никаких двойных толкований в таких вопросах быть не должно. Что еще крайне необходимо — предусмотреть в Конституции гарантии для политической оппозиции (тех сил, которые открыто выступают против президента, правительства, региональной и мест-

ной власти). У них должен быть обязательный доступ к СМИ, возможностям работы с населением и агитации; уголовные и административные дела против оппозиционеров должны проходить обязательную проверку на политическую ангажированность и т.п. Ключевой вопрос — введение в конституционное поле независимых общественных структур, которые должны получить вполне конституционные полномочия по контролю над расходованием бюджетных средств, использованием государственного имущества, работой силовых структур, по участию в формировании судебного корпуса.

Действующая Конституция позволяет внести эти изменения силами Федерального Собрания — для этого не надо писать новый текст. Вряд ли имеет большой смысл переписывание общих положений Конституции, честно говоря, с практической точки зрения в этом мало смысла. Проблема не в формулировках, а в том, что они не исполняются — пока различные ветви власти не в состоянии добиться в стране исполнения законов, не будет никакой разницы, если написать вместо «Цензура запрещается», скажем, «Цензура запрещается совсем». Ну или свобода собраний — куда уж дальше оттачивать однозначную, не допускающую двойных трактовок формулировку статьи 31 Конституции?

Но есть один вопрос, о котором, безусловно, стоит сказать. Это пресловутый «русский вопрос». Если Конституции, скажем, Германии и Франции не стесняясь говорят о немецком и французском народах как основных правообладателях, то наша Конституция о русских почему-то стыдливо умалчивает. Вместо этого в тексте по сути воспроизведена советская мантра о «многонациональном народе», «единой семье наций».

Единая семья наций была бы прекрасна, если бы существовала в реальности. Однако на практике мы видим,

что в целом ряде национальных автономий, действие российской Конституции на территории которых никто не отменял, создаются небывалые привилегии титульным нациям, которые часто составляют менее трети в численности населения (как в Башкирии) — и по части использования национального языка, и по части доступа к госслужбе, и по части интеграции местных этнических и религиозных обычаев с государственной системой. Этнических русских, например, откровенно выдавили из мусульманских республик Северного Кавказа, где теперь все поголовно обязаны соблюдать в быту местные исламские обычаи, никакой Конституцией светского государства Российская Федерация, разумеется, не установленные. Все это ненормально, все это порождает ситуацию, в которой русское национальное самосознание неизбежно будет приобретать оттенки несправедливо обиженного, дискриминируемого, лишенного собственного дома, в котором хозяйничают чужие — особенно на фоне свободного наплыва мигрантов чуждых культур из южных стран. Такое положение вещей — прямой путь к конфликту между русским национальным самосознанием и основами действующего государственного устройства. Русские должны увидеть в Конституции достойные гарантии своего положения как государствообразующей нации.

Как бы то ни было, убежден, что попытки написать новый текст Конституции «в подполье», в условиях, когда широкая дискуссия по этому поводу в рамках открытой политики и массовых СМИ невозможна, будет непродуктивной. Нужно действовать поэтапно:

— во-первых, разработать набор консенсусных поправок в главы 3–8 Конституции (о полномочиях президента, парламента, судах, местном самоуправлении и т.п.), которые могут быть приняты Федеральным Собранием на основе широкого согласия различных политических сил;

— во-вторых, провести широкое общественное обсуждение возможных новых вариантов Конституции как таковых — но это будет возможным уже только в условиях полной демократизации страны, и на это потребуется несколько лет.

Судя по итогам моих дискуссий с представителями самого широкого спектра различных ответственных политических сил, такой двухступенчатый подход мог бы быть вполне возможным и позволил бы как избежать излишних шараханий и фатальных системных ошибок на начальном этапе демократизации страны, так и вовлечь уже по-настоящему широкие слои населения в долгую и непростую дискуссию о том, а каким вообще мог бы быть наш «идеальный» Основной закон.

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

КОНСТИТУЦИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

День Конституции —
 праздник большой!
Надо поднять нам стаканы
 с тобой,
Выпьем раз мы, выпьем два,
За все с тобой наши права!
 «Поздравка»
 из Интернета к 12 декабря

Почему русским нужна другая Конституция

Когда рухнул СССР и режим партократии, в постсоветской нашей отчизне лоб в лоб столкнулись две взаимоисключающие концепции будущего страны. За ними стоят две общественные силы, между которыми нет и быть не может примирения и компромисса, поскольку речь идет о жизни и смерти.

«Россия — государство русского народа», — провозгласил Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский от лица одной из этих сил, русской и державнической.

«Россия как государство русских в XXI веке не имеет смысла», — ответил ему премьер-министр Егор Гайдар от лица другой силы, инородческой и либеральной.

Митрополит Иоанн не имел в руках иной власти, кроме духовной. Однако даже та была настолько велика и опасна для нового режима, что необъяснимо внезапная кончина первосвященника при странных обстоятельствах была предпринята. Она произошла в рамках

общего всеохватного поражения той силы, которую олицетворял этот духовный вождь и была, таким образом, высоко символична. Соответственно, о торжестве выраженной им идеи в те годы не могло быть и речи.

Вся власть тогда была в руках «коллективного Гайдара». Соответственно, воплотился в жизнь именно его концепт, отразившийся как в Конституции 1993 года, так и — в максимальной степени — в политической практике, существующей с тех пор и по наше время. Россия сегодня — не только не государство русских, но даже не государство для русских, хотя существует, как всегда, за русский счет.

Между тем Россия, при всей своей полиэтничности, — мононациональная страна русского народа. Это положение соответствует всей истории создания страны. Но оно соответствует также и современному фактическому положению вещей. Прошлое и настоящее, таким образом, сходятся в этом пункте. Казалось бы, остается лишь придать этому факту юридическое значение и дать наконец русским — равноправие, суверенитет и государственность. Увы, действующая Конституция Российской Федерации не только не выражает интересов русского народа, но и грубо попирает его естественные права. Это вполне очевидно.

Анализировать в данной работе политическую практику неуместно. По-

этому сосредоточусь на несоответствии действующей Конституции правам и интересам русского народа. Если не погружаться в экономические мотивы (что требует отдельного разговора), таких несоответствий можно насчитать восемь.

Во-первых. Распад Советского Союза превратил Россию в новое, принципиально иное государство. Имеющее куда больше сходства с допетровской Московской Русью, чем с имперской Россией, в т.ч. в облики СССР. Отличие состоит прежде всего в том, что современная Россия — более не многонациональное государство, каким была империя вплоть до 1991 года. Она превратилась в мононациональную державу, свыше 80% населения которой составляют этнические русские (даже больше, чем евреи в таком этнократическом государстве как Израиль).

Соответственно, русские — никто иной и никто более — являются единственным государствообразующим народом России. То есть, с точки зрения науки, — ее единственной нацией. Как по истории, так и по факту.

Однако действующая Конституция Российской Федерации (далее: ДК) никак не отражает данный основополагающий факт. Русский народ, создавший Россию, ее единственная скрепа, лишен своей государственности и суверенности, лишен права на самоопределение. Первая же фраза преамбулы ДК — «Мы, многонациональный народ России...» — утверждает именно и только это: Россия не есть страна русского народа.

Нельзя не признать: действительно Россия — не страна русских и даже не страна для русских.

Вопиющий разрыв между статусом русских де-факто и де-юре бьет в глаза и заставляет ответственных политиков реагировать. Так, в ходе избирательной кампании 2011 года три парламентские партии из четырех (ЛДПР, КПРФ, СР) включили в свои предвыборные программы требование о придании рус-

скому народу официального статуса государствообразующего путем включения соответствующей статьи в Конституцию. Однако правящий режим (устами тогдашнего президента Медведева предупредивший о недопустимости разыгрывания национальной карты на выборах) отказался прислушаться к мнению парламентского большинства. Данный важнейший пункт до сих пор не включен в политическую повестку дня.

Во-вторых, в ДК, наряду с этим вопиющим умолчанием о роли, месте и статусе русских в России, присутствует, однако, утверждение суверенитета двадцати одного народа, имеющего, в рамках нашей страны, свою квазигосударственность (якуты, буряты, чеченцы, ингуши, татары, башкиры и т.д.).

Таким образом, русский народ демонстративно и даже конституционно (!) поставлен в юридически совершенно неравноправное положение по сравнению с двумя десятками российских народов, несопоставимых с ним по общегосударственному значению, но при этом наделенных своей государственностью и суверенитетом.

Мало того, что такое положение несообразно со здравым смыслом и разрушительно для государства, оно еще и нарушает саму же Конституцию, статья 19 которой провозглашает равенство всех независимо от национальности.

В-третьих, в отличие от малых, коренных, репрессированных и т.п. народов, русский народ вообще ни разу даже не упоминается в ДК, то есть не является ее субъектом.

В-четвертых, русские люди не равноправны в целом ряде субъектов Российской Федерации. Права «титulyных» народов в этих субъектах ущемляют общегражданские права русских в своей стране России, в частности право быть избранным в органы власти (примеры чему мы видели в Калмыкии, Марий-Эл, Чувашии и проч.). В последние годы положение отчасти выровнено, однако проблема национально-пропорционального представительства

русских в национальных республиках РФ открыто заботит уже даже Академию госслужбы при Президенте РФ и Комитет по национальностям ГД РФ, вынужденных провести по ней круглый стол еще в 2003 г.

В-пятых, ДК вообще никак не учитывает русских людей, оказавшихся за пределами нынешних границ России, не констатирует факт разделенного положения русской нации, а значит, не ставит и задачи ее воссоединения.

В-шестых, провозгласив в преамбуле абсурдную и антинаучную формулу «многонациональный народ России», ДК ставит на одну доску государствообразующую нацию — говоря строго научно, единственно заслуживающую названия «нации» — и сотню этносов, малых народов и национальных меньшинств, сподобившихся этого названия по явному недоразумению.

В-седьмых, ДК не выражает интересов никаких коренных народов России вообще и русских в частности, поскольку не дает им никаких преимуществ перед народами, имеющими свою государственность вне России и оказавшимися у нас в силу разных обстоятельств (как вьетнамцы, курды, афганцы, таджики и мн. др.).

В-восьмых, не позволяет соблюсти принцип национально-пропорционального представительства, а значит, дискриминирует русских в органах высшей власти, в частности в Совете Федерации, где русские — 80% населения — представлены непропорционально малым количеством «сенаторов».

Таковы основные, хотя и не исчерпывающие, соображения, по которым, с точки зрения русского человека, Конституцию следует менять.

Такая потребность созрела давно, и, как сможет убедиться читатель, не раз за последние двадцать лет вызывала к жизни различные проекты основного закона для России и русских. Однако фронтальный отход от принципов ельцинской внешней и внутренней политики, сопровождаемый массивной

сменой политического истеблишмента, хотя не во всех сферах, наметился лишь в последние год-два. Это оставляет место для надежд на более масштабные перемены российского строя и режима.

Конституция есть основа всего государственного здания. От ее изменений зависит очень многое. Будет ли современная Российская Федерация постепенно преобразована мирным, конституционным путем в Русское национальное государство? Или все останется как есть, со всеми внутренними противоречиями, в ожидании того момента, когда эти противоречия взорвут мнимое спокойствие, как это произошло с СССР? Тогда ведь тоже никто не ждал наступивших последствий, не понимал, что они назревали десятилетиями...

Долгое время изменения нашей Конституции казались всем невозможными. Даже самым высшим лицам в государстве. Вот что они говорили, к примеру.

Владимир Путин, президент: «Мозги им надо поменять, а не Конституцию нашу» (2007 г.);

Сергей Миронов, председатель Совета Федерации, председатель партии «Справедливая Россия»: «Конституцию менять не надо, мало ли кому этого хочется» (2005 г.);

Владимир Плигин, председатель Комитета Государственной Думы по госстроительству и конституционному законодательству: «Любое изменение Конституции может привести к драматическим последствиям» (2005 г.).

Однако перемены произошли — и ничего страшного не случилось. С 1996 г. внесено четыре поправки в статью 65 Конституции в связи с изменением наименования республики (Калмыкия, Чувашия, Осетия и др.) Пять поправок с 2004 г. были внесены также в статью 65 Конституции в связи с образованием в составе России нового субъекта или изменением конституционно-правового статуса субъекта (4 автономных округа прекратили свое существование). Подоб-

ные поправки вносятся в Конституцию почти автоматически.

Но у нас имеется уже и прецедент сущностного изменения Конституции. Ибо в 2008 г. были внесены важные поправки: 1) увеличение сроков деятельности президента и Госдумы, 2) отчетность правительства перед Госдумой. Парламенты всех 83 регионов страны одобрили эти поправки, и они вступили в силу с момента официального опубликования 31 декабря 2008 г.

Так надо ли останавливаться на достигнутом? И не пора ли подумать о назревших переменах, пока они не перезрели со всеми вытекающими обстоятельствами? Не пора ли начать обсуждать возможность принципиального изменения Конституции?

Конституции России: краткий экскурс

Прежде чем обсуждать новые варианты основного закона нашей страны, бросим взгляд на эволюцию этого института.

В царской России, в Империи, никакой конституции не было. Хотя попытка ее внедрения готовилась еще в 1860-е гг. и не состоялась лишь из-за убийства Александра Второго. Позднее, в 1905 г., Николаем Вторым был издан квазиконституционный характер «Манифест об усовершенствовании государственного порядка», отчасти ограничивающий самодержавие и провозглашающий гражданские свободы. Он не удовлетворил и не умиротворил общество. Поэт Александр Блок недаром вскоре написал хлесткие строки: «Ты будешь доволен собой и женой, / Своей конституцией куцей, / А вот у поэта всемирный запой, / И мало ему конституций» (1908). Содержание манифеста никак не соотносилось с этническим составом Империи и не отражало ни роль русского народа, ни его национальные интересы.

Тем не менее фактически Россия была унитарным государством — преемником и носителем традиций русской

государственности. В нем государство-образующая роль русского народа признавалась по умолчанию, что выражалось, в частности, в существовании целого раздела российского права, посвященного положению так называемых «инородцев» — нерусских жителей России, выделяемых, таким образом, в особую категорию, противопоставляемую основному (не по количеству, а по значению!) — русскому населению.

Самосознанием русских Россия однозначно воспринималась как своя страна — страна русского народа. Чем и объясняются единодушные подъемы русского патриотизма при возникновении внешней угрозы, будь то Крымская, Японская или Германская война. Или даже в случае русской военной экспансии (Кавказ, Балканы, Средняя Азия). Разумеется, наличие классовых противоречий, нерешенность рабочего и крестьянского вопроса разрушали национальную солидарность и государственническую лояльность русских. Но до 1917 г. правительство успешно справлялось со стихией русского народного бунта, после чего русский путь благополучно продолжался в рамках своего государства.

Особо следует отметить, что в Российской империи русские были наиболее активно и быстро размножающимся народом (в этом смысле они стояли на первом месте в Европе и на втором в мире). Это самым ярким и однозначным образом свидетельствует о конечном соответствии государства Российского русским народным интересам.

Октябрьская революция покончила с таким положением вещей и в перспективе способствовала значительному отчуждению русского народа от своего государства. Это отчуждение проявилось вполне в ходе ликвидации СССР.

При советской власти сменилось четыре конституции. Все они по умолчанию декларировали нерусский характер вновь созданного государства, хотя русские пребывали в нем этническим большинством. Демократический декор

как бы соблюдался, но на деле основной советский закон лишь так или иначе утверждал всевластие большевиков, осуществивших Октябрьскую революцию.

Первая Конституция Российской советской федеративной социалистической республики (РСФСР) была принята 10 июля 1918 г., вскоре после большевицкого переворота, покончившего с соправителями — эсерами. Конституция установила, что верховным органом власти в стране является Всероссийский съезд Советов, а в период между съездами — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). ВЦИК имел право отменять или приостанавливать постановления и решения Совета народных комиссаров (СНК). В дальнейшем такой же функцией был наделен Президиум ВЦИК.

Но главная суть дела не в этом. Преобразование унитарной Российской империи в советскую федеративную Российскую республику (да еще в кургуzych, обрезанных немецким штыком по Брестскому мирному договору, да и самими большевиками, границах) нанесло сокрушительный удар по правам и интересам русского народа, от которого он не оправился до сих пор. Этим была сломана сама идея России как русского в своей основе государства, был грубо прерван и предельно извращен исторический путь русского народа, путь создания нашей страны. Известно высказывание Зинаиды Гиппиус о том, что большевики вывернули Россию наизнанку, как перчатку, до своей полной противоположности во всем. Известен также тезис Николая Бердяева об убийстве большевиками исторической России. В наибольшей степени эти мысли, быть может, соотносятся именно с указанной переменной в статусе русского народа и в характере российской государственности¹.

Эти перемены были закреплены в ходе создания СССР. Наша вторая Конституция была принята сессией ЦИК СССР 6 июля 1923 г. и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 г. Верховным органом государственной власти стал Съезд Советов СССР, в период между съездами — Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) СССР, а в период между сессиями ЦИК СССР — Президиум ЦИК СССР. Несмотря на то что ЦИК СССР имел право отменять и приостанавливать акты любых органов власти на территории СССР, в т.ч. постановления ЦИК и СНК союзных республик и даже акты съездов Советов союзных республик, однако на практике он, как правило, не отменял акты, признанные неконституционными, а лишь предлагал привести их в соответствие с законодательством. Таким образом, нациям, временно сложившим свои суверенитеты в общую советскую «копилку», была предоставлена значительная самостоятельность. Но только не русским.

Советский строй вообще проигнорировал русский национальный суверенитет. У русских, в отличие от четырнадцати других народов, так и не появилась своя республика, а решениями правящей коммунистической партии, начиная с X съезда ВКП(б), русский народ оказался превращен в бесправного донора для всех остальных народов СССР, ставших в той или иной мере паразитами на его теле. Но что хуже всего — именно русская биосоциальная элита, тысячу лет рожденная всем народом, была истреблена, изгнана и поражена в правах так основательно, как ни одна другая национальная элита страны. С тех пор и доныне мы, русские, — всадник без головы.

Антирусский характер Октябрьской революции и последующего об-

¹ Со многими выразительными подробностями насильственного изменения судьбы русского народа в ходе большевицких пре-

образований можно ознакомиться по книге: *Вдовин А.И.* Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М.: Вече, 2013.

разования Советского Союза вполне просматривается как из Конституции 1918 г., так и, в еще большей мере, из Конституции 1923–1924 гг.

Конституция СССР 1936 г. («Сталинская», утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР) покончила с национально-республиканской вольницей и утвердила приоритет союзного законодательства над республиканским. Она уже не предусматривала право республиканских органов приостанавливать или опротестовывать акты союзных органов. Эта Конституция покончила с поражением в правах целых категорий населения, относящихся к бывшей имперской элите. Что позволило, хотя и поздно, недобитым остаткам отборного русского генофонда интегрироваться в общенародную массу, спастись хотя бы отчасти. Но ни формального равенства, ни суверенитета, ни освобождения от роли всесоюзного донора русский народ так и не получил. Кроме того, к моменту принятия этой Конституции вся реальная власть уже была сосредоточена не в советских, а в партийных органах, опиравшихся в первую очередь на репрессивный аппарат и полностью подчинивших себе всю систему управления страной.

Такой порядок вещей был, понятное дело, неконституционным. Новая Конституция СССР 1977 г. («брежневская», принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва) исправила это положение, закрепив, в соответствии со ст. 6, полномочия КПСС в основном законе страны. Управляемость страны от этого, несомненно, только выиграла. Но ни статус, ни судьба русского народа не изменились к лучшему. Очевидные преимущества партократии не могли быть реализованы в полной мере из-за отсутствия четкой национальной русской ориентации КПСС. Идеи коммунистического интернационала по-прежнему доминировали над русскими национальными правами и интересами. Самое печальное, что в Союзе

советских социалистических республик по-другому и быть не могло, роковой дефект оказался встроенным в сам государственный механизм.

Последующие процессы реформирования Конституции 1978 г., начавшиеся в 1989 г., были ознаменованы принятием Закона РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР» и «О выборах народных депутатов РСФСР». Но эти яркие заплатки на ветхом рубище ничего не изменили в принципе.

Ельцинская конституция как зеркало войны и революции

Перед лицом фактического распада СССР Россия, как и другие союзные республики, поспешно провозгласила свою независимость, приняв «Декларацию о государственном суверенитете РСФСР» от 12 июня 1990 г. В этой Декларации было закреплено новое название старого устройства — Российская Федерация — и заявлено о необходимости принятия новой Конституции России. Но ни возврата к русскому унитарному государству, ни восстановления естественных границ русской России не произошло (признанием границ, произвольно установленных при большевиках, Ельцин выкупил признание зарубежными коллегами своего «воцарения»). Новое государство унаследовало все пороки старого, советского, а то еще и усугубило.

После распада СССР своими конституциями срочно стали обзаводиться как вновь образовавшиеся государства, так и национальные образования внутри самой России. Многие парламенты при этом искали образцы в странах западной демократии. А, скажем, Конституция Узбекистана даже прошла особую экспертизу специалистов Организации Объединенных Наций, Совета по безопасности и сотрудничеству в Европе, ученых, юристов США, Великобритании, Франции и многих других стран. Узбекская власть посчитала нужным получить эту высшую санкцию, дабы обезопасить себя на будущее

от всех возможных претензий Запада насчет нарушения норм демократии.

Наши «отцы-основатели» демократической России напрямую в Совет по безопасности и сотрудничеству в Европе не бегали и в ООН за образцами для разработки новой Конституции не обращались. В 1993 г., расстреляв из танков российский парламент, президент Ельцин форсировал Конституционное совещание. В его работе приняли участие представители политических партий и движений, ученые, представители субъектов РФ, народные депутаты России и др. Основными разработчиками были трое: А.А. Собчак, С.М. Шахрай и С.С. Алексеев.

Референдум по принятию новой Конституции был проведен 12 декабря 1993 г. одновременно с выборами законодательного органа России — Федерального Собрания. Парализованная страхом и недобрыми предчувствиями страна, как официально считается, приняла «ельцинскую конституцию». Законность этого мероприятия неоднократно оспаривалась специалистами.

Во-первых, инициатором всенародного голосования был Президент России, что прямо противоречило ст. 9 Закона РСФСР от 16 октября 1990 г. «О референдуме РСФСР», в котором говорилось, что право принятия решения о проведении всероссийского референдума принадлежит лишь Съезду народных депутатов РСФСР, а в периоды между съездами — Верховному Совету России (как раз только что расстрелянному). Решение о проведении референдума могло быть принято также по требованию: либо не менее чем одного миллиона граждан РСФСР, имеющих право на участие в референдуме; либо не менее одной трети от общего числа народных депутатов РСФСР (ст. 10).

Как видим, эти требования закона соблюдены не были.

Пикантная подробность: на тот момент Ельцин был законным образом отрешен от власти решением Верховного

Совета, и никакие его указы не имели законной силы.

Во-вторых, ст. 35 закона «О референдуме РСФСР» гласила:

«При проведении референдума по вопросам принятия, изменения и дополнения Конституции РСФСР решения считаются принятыми, если за них проголосовало более половины граждан РСФСР, внесенных в списки для участия в референдуме».

Данный закон был отменен лишь в октябре 1995 г., а в 1993 г. он действовал в полную силу. Точнее, должен был бы действовать, но...

Между тем в референдуме участвовало 54,8% зарегистрированных избирателей (58 187 775 человек), из которых за принятие новой Конституции проголосовали 58,43%, что в итоге существенно меньше половины всех избирателей (всего примерно 32%). Впрочем, а был ли мальчик-то? Вопрос о масштабных фальсификациях данных референдума возник сразу после его окончания. Через полгода, в мае 1994 г. были опубликованы выводы экспертной группы А.А. Собянина (не нынешнего мэра Москвы) при администрации президента. Согласно этим выводам, в референдуме принимало участие вовсе не 54,8, а лишь не более 46% от списочного состава избирателей

После этой публикации президентская администрация не снизошла до опровержений и оправданий, а просто прекратила сотрудничество с группой Собянина. Как говорят в таких случаях, «замнем для ясности». Вскоре вся документация, связанная с итогами референдума, была официально уничтожена (сожжена). Концы в воду или в огонь — какая разница?

Что принесла России Конституция 1993 г.? Зачем она понадобилась продавившему ее с нарушением всех норм Кремлю?

Как отмечает председатель Конституционного суда Валерий Зорькин: «У нас в новой России за основу была взята так называемая австрийская модель,

которая в настоящее время действует в большинстве государств Европы (Австрия, Германия, Испания, Италия, Польша, Португалия, Бельгия, Венгрия, Хорватия, Румыния) и в странах СНГ (кроме Туркмении)».

Новизна действующей Конституции по сравнению с последним основным законом Советского Союза в следующем:

а) отказ от характеристики государства как социалистического и советского;

б) определение его как по-прежнему федеративного, но суверенного;

в) устранение из Конституции положений о коммунистической партии как ядре политической системы;

г) признание приоритета прав человека и гражданина;

д) отказ от признания государственной собственности в качестве основной и признание частной собственности, защищаемой государством наряду с другими формами собственности;

е) переход на парламентскую систему; признание принципа разделения властей; введение института Президента; установление местного самоуправления.

Таким образом, сохранив главный порок РСФСР и СССР — федеративное устройство вместо унитарного (базовый конструктивный недостаток, послуживший основой распада СССР и угрожающий сегодня распадом РФ), законодатели ввели в основной закон обновленной федерации еще ряд не менее разрушительных конструктивных недостатков. А именно: 1) отказ от принципа партократии; 2) приоритет прав индивида, а не народа, общества или государства; 3) отказ от государственной собственности как основы экономики. Эти новые черты отразили основные политические итоги 1991–1993 гг. (поражение России в холодной войне и буржуазно-демократическую революцию) и во многом предопределили нашу сегодняшнюю нескладную жизнь.

Но главную суть новой Конституции

предопределил лично и непосредственно сам узурпатор власти Борис Ельцин, собственной рукой внесший в текст поправки, обеспечившие суперпрезидентский характер российской республики. Так свидетельствуют очевидцы.

Эта основная особенность основного закона нашей страны, ради которой он во многом и принимался, впоследствии была усугублена другими законами, установившими фактически вертикаль безответственности — сверху донизу российской власти. Результат: перманентный кризис управляемости страной. Президент никого не может заставить отвечать за свои дела, потому что он и сам ни за что ни перед кем не отвечает. Ведь в России создано уникальное законодательство, провозгласившее, что никакой президент не может отвечать по суду за все, что бы он ни натворил за время президентства.

Безответственность президента... Можно ли было выдумать концепцию, более опасную для общества?

Кстати, голосуя за того или иного президента, граждане Европы и Америки голосуют не только за личность, но прежде всего за платформу, за политическую программу его партии, которая не может быть изменена по прихоти одиночки. Эта программа публична, она принята как руководство к действию всех ее членов вплоть до президента, она масштабна, долгосрочна и касается как минимум всей страны. За выполнение этой программы президент отвечает перед выдвинувшей его партией и перед всей страной. А партия — многомиллионная рука и разум — его контролирует. И избиратель это знает. Поэтому в приличных странах беспартийных президентов не бывает.

За что голосует гражданин России, избирая президента? За красивые глаза? Или за красивые слова? Нет, российский гражданин голосует лишь за свои смутные, ничем не обеспеченные надежды, забывая поговорку о том, что надежда есть отложенное разочарова-

ние. Зато дальнейший ход событий ему об этом неизбежно напоминает.

Президент России — принципиально невменяем. Не в психологическом, конечно, а в политическом и юридическом смысле.

Выборы беспартийного президента в такой стране, как Россия, есть политический нонсенс и проявление позорного неуважения к самим себе. Они должны быть запрещены законом! Мы не Монако или Лихтенштейн.

Однако о несовершенстве «ельцинской» (действующей) Конституции сказано достаточно. Поговорим об альтернативе.

Какая конституция нам нужна?

Настоящая статья началась перечнем причин, по которым действующая Конституция (ДК) не может устраивать русский народ, конкретно и специально. Следует полагать, что в не слишком отдаленном будущем на повестку дня встанет вопрос о ее замене. Тому порукой медленный, но верный дрейф России в сторону Русского национального государства, который отмечают все наиболее дальнзоркие аналитики. А наипаче — из либерального лагеря, имеющие все основания опасаться такого развития событий, а потому проявляющие завидное чутье.

Что должна собой представлять конституция национального государства? Попробуем взглянуть на несколько примеров, чтобы попытаться понять это.

Израиль. Начнем с такого признанного эталона национального государства, как Израиль. Употребив слово «признанный», следует иметь в виду не только совершенство Израиля именно как национального государства, но и факт его признания мировым сообществом в качестве вполне демократической страны, иметь с которой дело не считает для себя зазорным большинство других демократических стран.

Между тем Израиль вполне открыто и без комплексов декларирует свой на-

циональный характер. Например, недавно израильский кнессет (парламент) принял новую формулу присяги на верность, объектом которой является именно еврейское национальное, а не какое-нибудь там «Израильское государство». Стоит напомнить, что евреев в Израиле меньше, чем русских в России, но никто при том не упрекает Израиль в нарушении прав человека. Применительно к нашей стране это означает, что мы могли бы утвердить присягу на верность не Российской Федерации («Российскому государству»), а именно Русскому национальному государству, и это никого не должно шокировать.

Однако, ставя Израиль в пример России, мы с удивлением обнаруживаем, что в этом государстве Конституция, которую, согласно Декларации независимости, намечалось принять Учредительным собранием не позднее 1 октября 1948 г., вообще никогда не была принята. Несмотря на то что с тех пор израильскому обществу предлагались десятки разных проектов конституций (в том числе Израильским институтом демократии, Институтом сионистской стратегии и т.д.), ни один так и не был утвержден². Израиль — вполне уникальное по нашим временам явление: государство без формальной конституции.

Сами евреи полушутя говорят на этот счет: «А зачем нам конституция? У нас есть Тора и Талмуд!»³ И уже вполне серьезно поясняют: наше государство основано-де на принципах, заложенных в наследии еврейского народа.

² Со многими из них можно познакомиться на сайте проекта «Конституция на основе широкого консенсуса».

³ Если верить Википедии, не так давно министром и депутатом кнессета от партии ШАС Ицхаком Хаимом Перецем было вновь высказано именно такое мнение, которое в течение тысячелетий является мнением большинства евреев: «У народа Израиля есть конституция, которой уже 4000 лет. Такой конституцией является Тора».

Что же это за принципы? Для тех, кто читал Тору и Талмуд, тут нет секрета. Тора провозглашает основополагающий принцип еврейского превосходства (религиозный взгляд на все мировое еврейство как на единственный в своем роде, особый, богоизбранный народ), а стотомный Талмуд переводит этот принцип в бесчисленное множество бытовых, моральных и политических рекомендаций⁴. Кроме того, в Торе также содержится 612 заповедей как запретительного, так и разрешительного свойства, комментарии к которым можно найти в Талмуде. Комплекс представлений, имеющих религиозное происхождение, давно и успешно обмирщен и служит цементом всего еврейства, скрепляющим эту своеобразную нацию-религию. Образно говоря, Тора — фундамент, а Талмуд — здание, в котором живет душа еврейского народа целиком.

Подобного изобилия главных и второстепенных установлений, насквозь этноэгоцентричных, действительно хватило бы любому народу на все случаи жизни, чтобы урегулировать все свои отношения с Богом, с ближним (таковым еврей должен считать только еврея) и с миром. Что могла бы добавить к этому конституция? Разве только внести яблоки политического раздора в еврейское национальное единство⁵. Неудивительно, что еще 13 июня 1950 г. кнессет первого созыва не сумел достичь согласия насчет обещанного Основного закона. После длительных дебатов было решено, что вместо

него будет принято много основных законов, каждый из которых представит собой как бы раздел грядущей Конституции. Однако на сегодня принято лишь одиннадцать таких «основных законов», что далеко не закрывает проблему, а между тем с 1990-х гг. процесс заморожен...

К великому сожалению, у русских подобных документов для себя, как Тора и Талмуд для евреев, не сложилось за всю их историю, а до тех пор, пока они не появятся, взять пример с Израиля нам не удастся. Весь урок, который мы могли бы сегодня извлечь из сказанного, состоит в том, что следует всем русским народом самым тщательным образом и не спеша рассматривать проекты Основного закона, широко и публично их обсуждая, чтобы принять лучший из них через максимально возможный консенсус.

В связи со сказанным нам остается обратиться к конституциям свежеспеченных национальных государств, образовавшихся на месте вчерашних «братских республик» Советского Союза, чтобы поучиться у бывших братьев, как надо заботиться о себе и своей стране, если хочешь обрести реальный суверенитет. Ведь нет никаких сомнений, что именно это стремление оторвало четырнадцать наций их от бывшего центра и подвигло на все издержки самостоятельного государственного строительства. Нам предстоит пройти их путем, это уже очевидно; так надо не стесняясь заимствовать опыт.

Украина. Начнем с ближайшего во всех смыслах, включая и кровно-исторический, соседа: с независимой Украины. Ее Конституция наиболее поучительна. Что, к примеру, гласит основной закон этой страны по поводу украинской нации?

А вот что:

«Статья 11. Государство содействует консолидации и развитию украинской нации, ее исторического сознания, традиций и культуры, а также развитие этнической, культурной, языковой

⁴ Доктрина сионизма, не отбрасывая божественную санкцию еврейского превосходства, успешно переводит эту точку зрения на светские рельсы.

⁵ Справедливо сформулировала профессор Рут Габизон: «Жесткая конституция нежелательна, если она принята без широкого согласия в обществе и в обход надлежащей и всесторонней подготовки. От принятой таким образом конституции больше вреда, чем пользы». Как раз наш случай.

и религиозной самобытности всех коренных народов и национальных меньшинств Украины».

Как видим, основной закон закрепляет четкое принципиальное разделение всего населения Украины на три неравноценные категории: есть украинская нация — государствообразующий народ с его историческим сознанием, традициями и культурой, а есть наряду с ним также и коренные народы, и национальные меньшинства. Важно понимать: в отличие от политической «российской нации», выдуманной недобросовестными политтехнологами, «украинская нация» — есть нация этническая, этнонация.

По приведенной тройственной классификации, научно абсолютно состоятельной, русские, к примеру, являются национальным меньшинством Украины. И это в соседнем, самом близком государстве, с которым мы веками жили вместе, жили одними идеалами, целями и традициями, одной верой, общей историей, чья столица навсегда — «матерь городов русских». Так, однако, постановил украинский народ, с которым мы, имея общие корни, столетиями считали себя одним целым.

Обратим тут особое внимание: украинцев нисколько не смущает риск дезинтеграции страны и нации, которым так любят пугать русских в России (и запугали уже до предела, до скверного анекдота). Они не боятся, что от «украинской нации» отделятся огромные этнические контингенты, что эта нация сократится в своем удельном весе. Не боятся, потому что понимают главное: консолидация государствообразующего народа — важнее всего для устойчивости государства. Ибо это есть его главная скрепа. Важна прежде всего реальная этническая солидарность украинцев между собою, а не мнимая солидарность всех со всеми в рамках фантомной нации типа «россиян».

Но ведь этническая солидарность начинается с четкого разделения: вот

свои — а вот чужие. Чужие, даже если тысячу лет живут бок о бок! Значит, нечего бояться этого разделения, надо смело его признавать со всеми вытекающими выводами и последствиями. Как говорится, лучше меньше, да лучше. Нужно быть меньше числом, но зато этнически чище и сплоченнее: вот что поняли украинцы на всем своем историческом опыте, на опыте долгой и полной жертв борьбы за самих себя, за свою самобытность и независимость, за свой суверенитет. И утвердили это понимание в своей Конституции.

Не стоит дом без хозяина. И на вопрос «Кто в доме хозяин?» украинцы ясно и бестрепетно ответили: «Мы!». Даже не задумываясь о том, как на это отреагируют другие народы и этнические группы. Даже тени такой мысли не допустив!

Что бы теперь ни случилось с Украиной, вся ответственность будет лежать именно и только на ее истинном хозяине — украинцах. Мне лично такое поведение кажется правильным, ответственным, мужским. Так и надо поступать.

Украина не менее полиэтническая страна, чем Россия, в ней живет более ста народов, народностей и племен. Но ни у кого не поворачивается язык (да никто и не осмеливается, ибо это просто незаконно, противоречит Конституции Украины) обозвать ее «многонациональной»! Это мононациональная страна, страна украинской нации, страна украинцев.

Почему же у них — так, а у нас иначе, почему у нас нет такой постановки вопроса? Почему мы не осмеливаемся жить и строить страну для себя и своих детей, как это делали наши предки? Тут есть над чем задуматься.

Далее:

«Статья 12. Украина проявляет заботу об удовлетворении национально-культурных и языковых потребностей украинцев, проживающих за пределами государства».

Обратите внимание: такова норма основного закона братского народа

украинцев! Таково их отношение к своему народу, независимо от места его проживания. «Украинцы — поверх любви граници!» — вот их девиз.

А что у нас вместо этого? Сколько миллионов русских кинуто нами на произвол судьбы? По меньшей мере 20 млн. в ближнем зарубежье и 10 — в дальнем. Но наша государственная политика даже не заикается о русской ириденте (объединении), хотя это важнейшее требование времени лежит на поверхности. Наше правительство просто бросило миллионы русских без присмотра: живите и выживайте как хотите! Как будто это мусор какой...

Далее:

«Статья 13. Земля, ее недра, атмосферный воздух, водные и иные природные ресурсы, находящиеся в пределах территории Украины, природные ресурсы ее континентального шельфа, исключительной (морской) экономической зоны являются объектами права собственности Украинского народа. От имени Украинского народа права собственника осуществляют органы государственной власти и органы местного самоуправления в пределах, определенных настоящей Конституцией.

Каждый гражданин имеет право пользоваться природными объектами права собственности народа в соответствии с законом».

Вы поняли? Каждый, кто ходит по украинской земле, ходит по земле, принадлежащей украинскому народу. Каждый, кто дышит воздухом на Украине, дышит воздухом, принадлежащим украинскому народу. И все должны об этом знать и помнить, хотя пользоваться этими природными дарами может каждый гражданин!

И ведь вот что важно: никто в мире не попрекает Украину ее Конституцией, не говорит, что в ней идет речь о нарушении прав человека. Украина — уважаемый член мирового сообщества, с ней дружит Вашингтон, ее тянут в ЕС, в НАТО...

Таковы важнейшие особенности

Конституции Украины как национального государства. Данный пример показывает, как ставит вопрос народ, который знает, любит и уважает себя, помнит о своих правах, потребностях и интересах, заботится о своих детях и внуках, о своем будущем. Народ, у которого есть чему поучиться. Народ, который способен и других заставить уважать свои права и интересы.

Разве так обстоит дело у русского народа? А ведь мы намного более многочисленны, нежели украинцы. И в составе населения своей страны мы занимаем заметно больший удельный вес...

Казахстан. Казахи обогнали Россию, поспешив утвердить свой суверенитет в нынешних границах еще в январе 1993 г. Самой характерной особенностью свежего документа, выдающей основное настроение, с которым он писался и утверждался, было следующее положение, записанное в первом постулате «Основ конституционного строя»: «Республика Казахстан как форма государственности самоопределившейся казахской нации обеспечивает равные права всем своим гражданам». Так утверждался национальный суверенитет казахов.

Пикантность ситуации в том, что на момент отделения Казахстана от России казахов в нем проживало в целом немного менее (44%), чем русских (46%). А в восьми областях Северного Казахстана, примыкающих непосредственно к нашей границе (для нас это Южный Урал), русские и вовсе составляли от 70 до 90% населения. Это не считая отдаленной от России Алма-Атинской области, тоже в целом русской. Поэтому основной головной болью Назарбаева и всей казахской элиты было скорейшее закрытие «русского вопроса», ликвидация угрозы распада страны по национальной границе. Отсюда — стремительный перенос столицы из расположенной близ китайской границы Алма-Аты в центр русских областей, в Астану (с 1830 г. казачий форпост Акмолинск, позднее

Целиноград). Отсюда — обозначение в той же Конституции 1993 г. Казахстана как унитарного, а не федеративного государства, хотя оно и являлось федеративным по факту, резко разделяясь на русскую и казахскую половины. Отсюда и такая конституционная основа: «Территория Республики Казахстан является целостной, неделимой и неприкосновенной». Отсюда и поспешная декларация всеобщего равноправия, приведенная выше...

Однако при всем том, даже опасаясь, как огня, русского сепаратизма и воссоединения русских областей с Россией, казахи не смогли удержаться, чтобы не объявить весь Казахстан, вместе с этими областями, «формой государственности самоопределившейся казахской нации». Настолько сильным, эмоционально необоримым оказался порыв к национальному суверенитету, к этнократии. Народ, никогда не имевший своей государственности, народ, спасенный русскими от тотального геноцида со стороны джунгар в XVIII в., народ, в полном смысле слова созданный советской властью и награжденный ею огромными землями с русскими людьми, вступил в активную фазу этногенеза — и при первом же удобном случае ухватился за возможность создать свое национальное государство. И создал, и удержал, нисколько не смущаясь тем, что лучшая часть страны принадлежит русским, составлявшим на тот момент национальное большинство страны. И закрепил этот факт в Конституции, в самом откровенном выражении. И это не привело ни к русскому восстанию, ни к гражданской войне, ни к интервенции — и вообще ни к каким политическим неприятностям.

Спрашивается: что могло бы помешать русским, составляющим 80% населения России (а не 44%, как казахи в Казахстане в 1989 г.), объявить всю Россию «формой государственности самоопределившейся русской нации»? Поистине, ничто. А между тем нас привычно пугают восстанием всех не-

русских народов, гражданской войной и распадом страны в случае подобной заявки (и уже, опять-таки, запугали до паралича). Казахи не испугались вызвать неудовольствие без малого половины населения, национально единой, мы же боимся пятнадцати процентов, к тому же национально раздробленных, разобщенных.

Правда, через два года казахи тоже испугались, что перегнули палку — и убрали «дразнящую гусей» формулировку из новой Конституции, принятой в 1995 г. и действующей донныне. Испугались, конечно, не русского большинства, пассионарность которого постыдно низка, а несоответствия стандартам западных кураторов.

В остальном Конституция Казахстана 1993 г. не содержала каких-либо особенностей, характерных для национального государства, если не считать пункта о выборах президента, которым может быть лишь гражданин республики, «в совершенстве владеющий государственным языком» (ст. 114 п. 1). Поскольку таковым является по Конституции казахский, то ясно, что должность президента заведомо обеспечена лишь казаху. Сказать об этом прямо постеснялись, в отличие от туркмен, но все и так ясно.

Армения. Конституция этой страны, принятая в 2005 г., на сегодняшний день остается наиболее националистической, после украинской. Она провозглашает: «Армянский народ, принимая за основу фундаментальные принципы армянской государственности и общенациональные цели, закрепленные в Декларации о независимости Армении, осуществив священный завет своих свободолюбивых предков о восстановлении суверенной государственности, будучи приверженным делу укрепления и развития Родины во имя обеспечения свободы, общего благосостояния, гражданского согласия для потомков... принимает Конституцию Республики Армения».

Следует в данной связи обратить

особое внимание на принципиальное различие двух типов формулировок, применяемых в конституциях национальных государств (бывших республик СССР).

В большинстве случаев сувереном, образующим государство и принимающим конституцию, является, условно говоря, «народ Руритании». Национальный признак здесь исключен, а включен признак подданства, гражданства, территориальности: в данном случае синонимом слова «народ» выступает не «племя», а «население», что соответствует западным демократическим стандартам, выпячивающим права человека и гражданина и игнорирующим права народов (за исключением меньшинств). Именно так обстоит дело с конституциями стран, присягающих Западу на соответствие его идеалам: «народ Латвии», «народ Узбекистана» и др. Как указывалось выше, в Казахстане в конце концов тоже пришли к выводу о необходимости принять именно такую формулировку. Дальше всех в забавном стремлении «передемократить демократов» зашла ельцинская Россия, выдумавшая вопиюще нелепую формулу «мы, многонациональный народ России»...

Но есть и другой подход, учитывающий критерий не гражданства, подданства или территории проживания, а именно национальный, этнический. Это в первую очередь касается, как мы видим, Армении. Конституция которой, хотя и не делает в целом различия между гражданами разных национальностей, однако, во-первых, утверждает суверенитет не «народа Армении», а именно и только «армянского народа», а во-вторых, провозглашает (ст. 11.3): «Армяне по национальности приобретают гражданство Республики Армения в упрощенном порядке».

В России, как известно, ничего подобного пока что нет. Напротив, действуют такие законы, нормы и практики, из-за которых русским людям зачастую труднее получить граждан-

ство материнской страны, чем приезжим мигрантам.

Туркмения. Здесь поступили по-восточному хитроумно, пойдя на компромисс между национализмом и демократией западного типа, провозгласив в преамбуле Конституции, принятой в 1995 г.: «Мы, народ Туркменистана, основываясь на своем неотъемлемом праве на самоопределение; исходя из ответственности за настоящее и будущее отечества; выражая верность заветам предков жить в единстве, мире и согласии; имея целью охрану национальных ценностей и интересов, укрепление суверенитета туркменского народа... принимаем настоящую Конституцию — Основной закон Туркменистана».

Как видим, в данном случае «народ Туркменистана» оказался поставлен на страже «суверенитета туркменского народа», оказался гарантом этого суверенитета, если не заложником его. Искреннейший ход, надо признать! И волки сыты, и овцы целы... При этом истинное лицо туркменского «демократического национализма» недвусмысленно проглядывает из статьи 55: «Президентом может быть гражданин Туркменистана из числа туркмен не моложе сорока лет, проживающий в Туркменистане».

Молдавия. Хитроумием блеснули и представители румынского субэтноса, более известного под именем молдаван, принявшие свою Конституцию в 1994 г. Ее многословная преамбула гласит: «Мы, полномочные представители народа Республики Молдова, депутаты Парламента,

основываясь на вековом стремлении народа жить в суверенной стране, выразившемся в провозглашении независимости Республики Молдова; учитывая непрерывную государственность молдавского народа в историческом и этническом пространстве его национального становления; стремясь к удовлетворению интересов граждан иного этнического происхождения, со-

ставляющих вместе с молдаванами народ Республики Молдова... принимаем Конституцию Республики Молдова, провозглашая ее высшим законом общества и государства».

Здесь представители «народа Молдовы», под которым понимается сумма молдаван и иноэтнических граждан, так же удостоены выражать исторический тренд (якобы непрерывную государственность) именно «молдавского народа», а не какого другого. А другим народам не гарантируется, а лишь обещается «удовлетворение интересов». Все сказано вполне откровенно и недвусмысленно.

Но! Понимая, что такой подход к национальной проблеме расходится с европейским, молдаване решили задобрить, умиротворить Запад и ради этого ввели такие пункты, каких я больше не встречал ни в одной конституции бывших советских республик, а именно:

«Статья 8. Соблюдение международного права и международных договоров. (1) Республика Молдова обязуется соблюдать Устав Организации Объединенных Наций и договоры, одной из сторон которых она является, строить свои отношения с другими государствами на общепризнанных принципах и нормах международного права. (2) Вступлению в силу международного договора, содержащего положения, противоречащие Конституции, должен предшествовать пересмотр Конституции».

Такой «позы подставления», такой готовности пойти даже на изменение собственной Конституции, если этого потребует «мировое сообщество», мы не увидим не только у гордых (но полностью НАТОзависимых) прибалтов, но и у азиатских народов. Так молдаване выкупили у «прогрессивного человечества», т.е. Запада, свое право на конституционный национализм.

Прибалтика. Три народа Прибалтики — латыши, эстонцы и литовцы — имеют принципиально разную историю и во многом различный полити-

ческий старт, чем объясняется и различие в подходах к строительству собственных этнократий (а в том, что там выстроены этнократии, сомневаться не приходится). Фундаментальная разница в том, что Литва в значительной мере сохраняла независимость на протяжении всей своей истории, литовский народ не бывал поработан, у литовцев сохранялась собственная аристократия и культура, а в советский период русские составляли лишь менее 10% населения и компактно размещались в основном только в трех городах: Вильнюсе, Снечкусе (вокруг Игналинской АЭС) и в Клайпеде (вокруг порта). Литовцы же в Литве составляли почти 80% населения. В то время как латыши и эстонцы извели 700-летнее рабство (у датчан, поляков, шведов, немцев), не имели своей аристократии и культуры, а к 1989 г. титульные народы в обеих советских республиках составляли лишь от 50 до 60% населения, тогда как русские составляли от 34 до 30%. Соответственно, тревоги, страхи и комплексы у латышей и эстонцев, бросившихся осваивать подаренную им судьбой независимость, многократно превышали таковые у литовцев, что и выразилось в законодательной сфере.

В результате получились две принципиально разные модели государственности: в Литве — одна, в Латвии и Эстонии — другая. Литва в меньшей степени ориентировалась на европейские стандарты, а больше на свое национальное самосознание, но зато применила фактическое равноправие ко всем гражданам, независимо от национальности. Латвия и Эстония причесали свои конституции полностью на европейский манер, но выстроили де-факто систему апартеида, запрятав дискриминационные нормы в законодательство о гражданстве и языке.

Официально сувереном Литвы стал «Народ» (так, с заглавной буквы); как сказано в ст. 2 Конституции: «Литовское государство создается Народом. Суверенитет принадлежит Народу».

Но: какому именно народу? На это отвечает преамбула Конституции: «Литовский народ, создавший много веков тому назад Литовское государство, основывая его правовой фундамент на Литовских Статутах и Конституциях Литовской Республики, веками решительно защищавший свою свободу и независимость, сохранивший свой дух, родной язык, письменность и обычаи, воплощая естественное право человека и Народа свободно жить и творить на земле своих отцов и предков — в независимом Литовском государстве, радуя о национальном согласии на земле Литвы, стремясь к открытому, справедливому, гармоничному гражданскому обществу и правовому государству, по воле граждан возрожденного Литовского государства принимает и провозглашает настоящую Конституцию».

Этот официальный манифест этнократии подкрепляется в дальнейшем еще статьей 32: «Каждый литовец может поселиться в Литве». Однако при всем этом Литва никак не дискриминировала иноплеменных лиц, поселившихся в ней до распада Советского Союза. Специальный закон оставил гражданство Литвы всем, кто приобрел его до 4 ноября 1991 г. Ни русским, ни представителям других национальностей не пришлось выпрашивать себе заново литовское гражданство, проходя процедуру натурализации, в отличие от Латвии и Эстонии.

В Латвии сувереном, от лица которого принимается Конституция, стал, в европейском вкусе, неопределенной этничности «народ Латвии». Конституция предусматривает при этом существование национальных меньшинств, которые «имеют право сохранять и развивать свой язык, этническую и культурную самобытность». Никакого намека на неравноправие или исключительность титульной нации (как в литовском случае) в латышской Конституции не найти. Но, как уже говорилось, жесткая дискриминация в отношении нелатышей осу-

ществляется там в основном на языковой основе.

В Эстонии Конституция также принималась неким «народом Эстонии», в ней также предусмотрены права национальных меньшинств. Однако главными действующими лицами эстонской конституции являются «граждане Эстонии». Почему? Да потому что для того, чтобы стать гражданином Эстонии, оказывается, недостаточно в ней родиться: надо, чтобы один из родителей имел эстонское гражданство (ст. 8). В этом — подвох, ибо это гражданство (как и гражданство Латвии) могут получить далеко не все желающие. В 1992 г. только лица, имевшие эстонское гражданство до 16 июня 1940 г. и их прямые потомки (это всего примерно две трети населения Эстонии, в основном этнические эстонцы), оформили свое гражданство по рождению. А 32% жителей вмиг оказались «лицами с неопределенным гражданством», которым предлагалось либо приобрести эстонское гражданство путем натурализации, либо ходатайствовать о гражданстве любой другой страны.

Аналогичная история развернулась и в Латвии. 15 октября 1991 г. Верховный Совет Латвийской Республики принял постановление «О восстановлении прав граждан Латвийской Республики и основных условиях натурализации», согласно которому гражданство Латвии признавалось только за лицами, бывшими гражданами Латвийской Республики на 17 июня 1940 г., и их потомками (тоже примерно две трети жителей страны, в основном этнические латыши). В дальнейшем это условие было в несколько этапов смягчено. На сегодня установлены такие цензы для натурализации: пятилетнее постоянное проживание в стране, владение латышским языком, знание конституции, истории и текста гимна, легальный источник доходов. При этом запрещена натурализация лиц, активно действовавших после 13 января 1991 г. в ряде запрещенных в августе-сентябре 1991 г.

организаций (Компартия Латвии, Интернациональный фронт трудящихся), лиц с судимостью за деяния, признаваемые преступными в Латвии, лиц, призванных извне Латвии и демобилизовавшихся в Латвии из Советской армии или внутренних войск. Последних было весьма немало, учитывая количество военнослужащих в этой морской и пограничной для СССР республике.

Таким образом, что бы ни говорилось в тексте внешне европеизированных Конституций Латвии и Эстонии, это не повлияло на жестко этнократический характер обеих новых стран Европы.

Другие бывшие республики СССР. Все конституции оставшихся неупомянутыми независимых ныне национальных (этнократических) государств ничем особым не отличаются. Все они скроены на европейский манер (а Конституция Республики Узбекистан даже была принята лишь после многочисленных консультаций в ООН, СЕ и т.п.), все отдают суверенитет абстрактным «народам» своих стран («народ Узбекистана», «народ Таджикистана», «народ Кыргызстана», «народ Азербайджана»), что вовсе не исключает дискриминационную практику в пользу титульных наций. О чем не в последнюю очередь свидетельствует массовый исход русского населения из Грузии (в своем оголтелом национализме и русофобии скатывавшейся во вре-

мена Гамсахурдиа, Шеварднадзе или Саакашвили к прямому фашизму) или Таджикистана⁸. В меньшей степени это касается Узбекистана, в еще меньшей — Азербайджана. Зато лидируют упомянутая выше Грузия и Армения, где русских практически не осталось. И т.д.

* * *

В целом, подводя итог анализу государственного устройства некоторых всеми уважаемых национальных государств, можно извлечь такие основные уроки.

1. Во-первых, наличие сколь угодно «приличной», с точки зрения европеизированного рассудка, конституции (и даже полное отсутствие одной, как в Израиле) нисколько не способно воспрепятствовать на практике апартеиду и этнократии. Было бы желание и политическая воля.

2. Во-вторых, наличие четко и однозначно (как в Армении, Литве, а первоначально и в Казахстане) или завуалированно (как в Туркмении и Молдавии) обозначенного суверенитета титульной нации вовсе не превращает такие страны в изгоев мирового сообщества. То же касается Израиля, утвердившего

⁶ Ст. 6 Конституции Таджикистана специально разъясняет: «Народ Таджикистана составляют граждане Республики Таджикистан независимо от национальности».

⁷ Ст. 1 Конституции Азербайджана специально разъясняет: «Народ Азербайджана состоит из граждан Азербайджанской Республики, проживающих на территории Азербайджанской Республики и за ее пределами, рассматривающихся как подвластные Азербайджанскому государству и его законам, что не исключает нормы, установленные международным правом». Эта формула учитывает жителей Нагорного Карабаха и других временно утраченных территорий.

⁸ «Численность представителей российских этносов в Таджикской ССР к 1989 г. (т.е. к моменту последней советской переписи населения) достигла 490 тыс. человек. Этнические русские составляли 3,7% населения республики. По данным таджикских демографов, основным направлением выезда российских этносов из Таджикистана стала Российская Федерация. Так например, в 1995 году сюда выехало 89% русских из Таджикистана. В целом за период с 1989 по 2000 год доля русского населения Таджикистана уменьшилась с 3,7% до 0,4%. Таким образом, нынешняя российская диаспора в Республике Таджикистан равна примерно 10% от числа русского населения Таджикской ССР накануне развала СССР» (*Виктор Дубовицкий*. Русские в Таджикистане. От присутствия к следу в исторической памяти? // <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=12556>).

текст присяги еврейскому суверенитету. Да будет их пример нам наукой.

3. В-третьих, представляется целесообразным закрепить в конституции, по украинскому образцу, разделение всего населения на три категории: 1) нацию (государствообразующий народ, каковым в России являются только русские), 2) коренные народы и 3) национальные меньшинства.

4. В-четвертых, необходимо ввести в конституцию принцип единства тех коренных народов, которые оказались в разделенном положении (в России это русские, осетины, лезгины), а также вообще провозгласить для русских единство поверх любых границ, с учетом их языковых, религиозных и культурных потребностей. Примеры чему нам также подают «бывшие братья».

5. В-пятых, хотелось бы видеть закрепленной в Конституции национализацию земли, недр и естественных монополий в пользу не государства, а государствообразующего и титульного народа России, как это сделано для украинского народа (не «народа Украины»!).

6. В-шестых, следуя примеру фактически федеративных (Украина, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Молдавия, Грузия), но юридически унитарных государств, надлежит отказаться от антиконституционного (прямо нарушающего ст. 19 Конституции России) и противоестественного для русских федеративного устройства российской государственности.

7. В-седьмых, по примеру Туркмении, Казахстана и др., можно в прямом или косвенном виде закрепить право на избрание в президенты лишь за представителями государствообразующего (русского) народа. Понятно, что использовать, как в Казахстане, языковой критерий тут не удастся,

нужен другой, скорее всего — открыто этнический.

8. В-восьмых, необходимо учесть насильственный характер прерывания русской государственности в 1917 году и факт ее отсутствия по настоящее время. Соответственно, необходимо поступить по примеру латышей: использовать принцип континуитета, предоставив безусловное гражданство России лишь потомкам тех, кто имел его до той роковой даты, а всем остальным — возможность натурализации на основании ряда цензов. Это особенно актуально в свете текущих миграционных процессов.

9. В-девятых, русским не мешало бы, по примеру евреев, обзавестись сакральным обоснованием своего суверенитета и приоритета.

10. В-десятых, если догоняющий характер развития России в экономическом плане (по отношению к высокоразвитым странам Запада и Японии) — объясним и не вызывает ничего, кроме чувства здоровой конкуренции, то вопиющее отставание России от всех бывших братских республик в плане государственного строительства нельзя ничем объяснить и оправдать. Оно оскорбительно и нестерпимо для русского национального сознания, его необходимо срочно преодолеть любой ценой. Мы, русские, ничем не хуже армян, туркмен, казахов, молдаван, литовцев или украинцев. И не меньше прочих достойны своего национального государства.

К чести русской политологии, попытки создать «Русский проект» (проект основного закона Русского национального государства) уже предпринимались. Насколько они были удачны и соответствовали задаче, пусть судит читатель. В следующей статье я расскажу о них подробно.

Илья Константинов:

«КЛЮЧЕВОЕ СОБЫТИЕ В ИСТОРИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ»

С одним из лидеров антиельцинской оппозиции в 1992–1993 гг., сопредседателем Фронта Национального Спасения Ильёй Владиславовичем Константиновым беседует научный редактор «ВН» Сергей Сергеев.

Сергей Сергеев:

— Илья Владиславович, давайте сразу начнём с некоего общего вопроса, а потом уже перейдём к подробностям. Как бы Вы определили историческое значение расстрела Верховного Совета сегодня, спустя двадцать лет?

Илья Константинов:

— На мой взгляд, это ключевое событие в истории постсоветской России, предопределившее развитие РФ за эти двадцать лет, заложившее фундамент той системы, в которой мы сегодня существуем.

С.С. И Вы эту систему, разумеется, оцениваете со знаком «минус»?

И.К. Разумеется.

С.С. А теперь обратимся к истокам противостояния Ельцина и Верховного Совета. Ведь изначально подавляющее большинство его депутатов были его горячими сторонниками. На выборах 1990 г. многие из них входили в коалицию «Демократическая Россия» (входили туда и Вы), неформальным лидером которой собственно и был Ельцин. Почему же позднее произошёл раскол?

И.К. «ДемРоссия» была очень пё-

стрым политическим образованием, туда входили и либералы, и социал-демократы, и даже некоторые националисты. Всех их объединяло только одно — борьба против монополии КПСС на политическую власть. И эта задача была выполнена. Я в ту пору входил в руководство Ленинградского Народного Фронта, так вот, мы на тех выборах в Ленинграде взяли сто процентов депутатских мест. Ельцин был объединяющей фигурой для всех в «ДР», кроме того, было понятно, что народное большинство может повести за собой именно такой человек, а не какой-нибудь интеллигент-диссидент. Но это не значит, что Ельцин всем в «ДР» нравился. У меня, например, возникло чувство резкого отталкивания от него после первого же разговора — раздражали его воинствующий антиинтеллектуализм и нескрываемая агрессивность. Похожие впечатления возникли и у Марии Евгеньевны Салье. Но политическим оппонентом Ельцина я стал только после августа 91-го, когда стало ясно, что он руководствуется прежде всего своими личными властными амбициями, а не интересами России, что он готов жертвовать любыми российскими приоритетами на постсоветском пространстве, в частности пренебречь положением русского населения в бывших республиках СССР, лишь бы укрепить своё положение в Кремле. Я как демократ-государственник не мог не

возмущаться такой политикой. Кульминацией этой политики стали Беловежские соглашения, против подписания которых я (и ещё шесть депутатов ВС) открыто выступили. Вторым пунктом противостояния стала экономическая политика Ельцина, которая проводилась самым очевидным образом в ущерб интересам народного большинства. Первоначально оппозиция Ельцину в ВС была количественно невелика, но постепенно всё большее количество депутатов стали осознавать порочность его курса, и в конце концов даже руководство ВС примкнуло к оппозиции.

С.С. Вы были одним из организаторов антиельцинской политической коалиции, получившей название Фронт Национального Спасения. Расскажите подробнее об этом проекте.

И.К. В начале 1992 г. мой друг Виктор Аксючиц и я попытались объединить некоммунистическую, национал-патриотическую оппозицию Ельцину в рамках Российского Народного Собрания. Но было ясно, что на этой платформе мы не сможем организовать массового движения. В то же время было видно, что ельцинская социальная политика породила мощную «красную» ностальгию, на волне которой прокоммунистические организации могли выводить на улицу множество людей. Очевидно, что нужно было объединить эти два крыла оппозиции для победы над общим врагом. Попыткой такого объединения и стал ФНС, созданный в октябре 1992 г. Этому созданию предшествовали сложные переговоры и консультации. Многих приходилось долго уговаривать, особенно трудно дело шло с Зюгановым, который в последний момент хотел отказаться от участия, и мне пришлось прибегнуть буквально к шантажу (я пригрозил, что опубликую наши с ним секретные разговоры), чтобы он вновь дал согласие. Создание ФНС имело огромный резонанс и несомненный по-

литический эффект. Объединённая оппозиция сумела в 1992–1993 гг. захватить улицу, собирая на митинги и демонстрации десятки тысяч людей, что стало серьёзным аргументом в противостоянии ВС с президентом. Но надо сказать, что очень скоро, когда началось строительство КПРФ, коммунисты по сути прекратили участие в ФНС, тем самым парализовав его работу. С другой стороны, многие «белые» патриоты тоже посчитали для себя невозможным сотрудничать с «красными» (например, тот же Аксючиц). И к октябрю 1993-го ФНС был уже при смерти.

С.С. Как Вам сейчас кажется, правильной ли была тактика ВС во время событий конца сентября — начала октября 1993 г.? Какие ошибки были допущены?

И.К. Главная ошибка состояла в том, что ВС не выработал никакой чёткой стратегии в этом противостоянии, он всегда находился в обороне, всегда только реагировал на действия противоборствующей стороны. ВС не смог обратиться к России с внятной программой, способной увлечь за собой народное большинство. В результате, кроме Москвы, он не получил никакой поддержки. Я уважаю Руслана Имрановича Хасбулатова, он очень умный человек, настоящий интеллигент, но в той ситуации острой политической борьбы лидеру ВС нужны были другие качества — волевые, организаторские. К сожалению, этих качеств не было и у также уважаемого мной Александра Владимировича Руцкого. Скажем, решение идти на Останкино было совершенно непродуманным и привело к катастрофическим последствиям.

С.С. 3 октября Вы возглавили прорыв «кольца» вокруг Белого дома...

И.К. Ничего подобного я не делал. Напротив, я был решительным противником каких-либо радикальных акций

и пытался увести участников митинга на Калужской площади от соприкосновения с этим кольцом, но пока я вёл одну из групп, основная масса собравшихся спонтанно или нет (я этого не видел) ринулась прорывать оцепление, первый ряд которого перед ней расступился. После этого мне уже ничего не оставалось делать, кроме как примкнуть к этому прорыву.

С.С. Ваша оценка количества жертв 3–4 октября?

И.К. По моим наблюдениям, могло погибнуть человек 250–300.

С.С. Попробуем пофантазировать. Что бы было с Россией, победи двадцать лет назад ВС?

И.К. Думаю, Россия бы эволюционировала к парламентской республике. И мне не кажется, что это было бы для неё худшим вариантом, чем тот неэффективный авторитаризм, который мы сейчас имеем, являющийся прямым следствием тогдашней победы Ельцина.

**rosndp.org —
официальный сайт Национально-
Демократической партии**

На этом портале вы всегда можете узнать свежие новости о деятельности партии, о проводимых НДП гражданских кампаниях и ознакомиться с партийной программой. Кроме того, данный сайт предлагает вашему вниманию регулярные публикации об актуальных событиях в политической, общественной и экономической жизни страны.

Владимир Садовников

АЛЬТЕРНАТИВА 93-го

I

За двадцать лет с того судьбоносного года уже успело вырасти новое постсоветское поколение, но что оно знает о событиях холодной осени 1993-го, предопределивших помимо его воли его современное бессубъектное состояние? Можно прямо сказать, что очень немного, да и то, как правило, насквозь превратно. Если о событиях августовского «путча» (ГКЧП) 1991 г. в медийно-информационном пространстве ещё и появляются кое-какие сведения, фото- и видеохроника, воспоминания очевидцев (впрочем, тоже не густо), то о «чёрном октябре» режим и его медийная обслуга старается говорить крайне мало, ограничиваясь краткой и насквозь лживой оценкой.

Согласно официально принятой версии, кровавый переворот и беспрецедентный в мировой истории расстрел законного парламента с сотнями (а возможно и с тысячами) жертв были следствием как бы межведомственной склоки «между двумя ветвями власти», а также честолюбивой несговорчивости тогдашних политиков, Рущого-Хасбулатова со стороны парламента и Ельцина (с его «окружением») со стороны исполнительной власти. К этой сказочке ещё иногда добавляются происки страшных «красно-коричневых», якобы жаждавших реставрации «коммунизма» в какой-то «фашистской» или националистической разновидности.

Следует заметить, что эта лживая оценка, внедряемая ныне в школьные учебники истории, не выдерживает даже самой детской критики и разоблачает сама себя. Из-за мнимого или реального «несовершенства» кон-

ституции или личных амбиций народных депутатов (*избирательная кампания весны 1990 г. в парламент РСФСР была самой свободной после октября 1917 г.*) не устраивают кровавой бани в центре столицы и не уничтожают на корню самое основное завоевание демократических преобразований эпохи перестройки — общенациональный парламента. Причем (это часто сейчас выпадает из внимания общественности) вместе с уничтожением общероссийского парламента были ликвидированы и все местные органы самоуправления. В первую очередь был разогнан самый радикально-демократический в стране Моссовет, максимально полно представлявший тогда интересы девятимиллионной Москвы. После переворота по новой «конституции» декабря 1993 г. всё местное самоуправление было лишено государственно-конституционного статуса и отдано на откуп местной плуто-бюрократии и криминала.

Что же произошло на самом деле холодной осенью 1993 года? С чисто политической точки зрения тогда — под антикоммунистическими лозунгами — был произведён авторитарный переворот, уничтоживший демократические завоевания перестройки и реально реставрировавший махровые номенклатурно-советские порядки, правда, в новой, либерально-плутократической разновидности. Однако за этой политической «контрреволюцией» скрывался значительно более серьёзный выбор социально-экономической модели постсоветского периода после августа 1991 г. и последующего распада СССР.

После развала Советской империи

перед страной открывалось два пути. Путь более или менее цивилизованного развития в правовом поле, при отказе от всего худшего в советской системе и преемственном сохранении и развитии того, что было достигнуто в научно-техническом и индустриальном развитии в советский период. Или же, наоборот, путь криминальной приватизации по Гайдару и Чубайсу и сосредоточение бывшей госсобственности в узком кругу новой номенклатуры (плуто-бюрократии) ради личных нужд её обогащения и сохранения политического господства. Этот путь был не только связан с установлением нелегитимного авторитарного режима, но прямо означал разгром бывшей промышленной базы и блокировал дальнейшее самостоятельное развитие страны.

Почему был избран второй, самый худший вариант переходного периода? Ответов на этот вопрос — задним числом, через 20 лет, — может быть великое множество. Но я бы выделил лишь один, и на мой взгляд — ключевой аспект.

После распада СССР у бывшей РСФСР могла быть только одна реальная цель — строительство своего современного национального государства. Если исключить некоторые регионы Кавказа, то остальная РФ по факту представляла почти однородное культурно-национальное пространство, в котором этнические русские составляли около 80%, а остальные нацменьшинства были давно русифицированы. Однако главным было даже не это. Как бы ни относиться к советскому периоду, следует признать, что свою историческую задачу — *пусть крайне однобоко, уродливо и затратно* — он выполнил. Причём выполнил исторически *необратимым образом.*

Ещё Солженицын в «Красном колесе» заметил, что после коллективизации 30-х годов нечего было и думать о реставрации дореволюционного состояния России (даже если бы такая

возможность и появилась), ибо с ликвидацией дворянства и крестьянства русское традиционное общество было необратимо разрушено. Уже тогда — и религиозно, и социально — была оборвана всякая преемственная связь с прошлым, а значит, и была похоронена мечта славянофилов об эволюционном и мирном вращении Старого в Новое.

В самом сжатом виде: что представляла из себя РСФСР перед самым концом Советской империи? Это была самая индустриально развитая республика из всех остальных республик распавшегося СССР. Удельный состав индустриальной интеллигенции (т.е. все имевшие высшее образование или среднетехническое) достигал до 30% (по А. Севастьянову). Доля урбанизированного населения в 1989 г. была самой высокой в СССР — до 73,4%. Однако и остальные 30% сельского населения (на окраинах больше), как правило, проживали в посёлках городского типа, да и сами совхозы представляли из себя ухудшенную копию промышленного производства. По уровню ВВП и общему экономическому развитию РСФСР превосходила не только все остальные республики, но и являлась экономическим донором многих других, более отсталых регионов. Это донорство вызывало негодование в национально-патриотических кругах. Отражая эти настроения, писатель Валентин Распутин на 1-м съезде нардепов СССР в июне 1989 г. задал на всю страну такой провокационно-риторический вопрос: *«А может быть, России выйти из состава Союза?»*

Таким образом, строительство современного национального государства после распада СССР могло быть осуществлено только на базе уже созданной советской промышленности и советских научно-технических достижений, советской образовательной и социальной инфраструктуры. Другой базы просто не было, возвращаться же к досоветскому (доиндустриальному)

состоянию было невозможно, не только по той общей причине, что исторический «поезд уже ушёл», но прежде всего из-за того, что созданный в процессе коллективизации и индустриализации новый советско-русский народ был народом сугубо индустриального типа и в иных условиях — т.е. вне городской и индустриальной среды — просто не мог уже существовать.

Иными словами, всякое радикальное разрушение существовавшей промышленности и сложившейся социальной и коммунальной инфраструктуры закономерно ставило под угрозу саму возможность дальнейшего выживания советско-русского народа в РФ в самом тесном и физическом смысле этого слова. (Тем более что и демографические показатели для русских в последний советский период были весьма неблагоприятными. Прекрасная статья о начавшемся вымирании русских — «Сколько жить русскому народу» — была опубликована ещё в годы перестройки: журнал «Москва», 1990, № 5.)

И без всяких специально экономических знаний было ясно, что реформы Гайдара (за которыми скрывались интересы либеральной номенклатуры) означают прямое разрушение и без того дефектной экономики. Забюрократизированная, с громадными диспропорциями, с директивной системой управления и распределения, вся советская промышленность (да и всё народное хозяйство в целом) была ориентирована на внешние имперские цели (военная мощь и расширение имперского влияния за счёт «помощи» слаборазвитым государствам), а не на развитие своего внутреннего национального рынка и благополучие домохозяйств своего коренного населения.

Советская промышленность и вся тогдашняя экономика требовали постепенной перестройки в более современные системы хозяйственного управления — прежде чем включить рыночные механизмы, следовало сна-

чала устранить имеющиеся диспропорции, сделать всё возможное, чтобы сохранить квалифицированные кадры и т.д. Об этих необходимых мерах было написано в годы поздней перестройки немало аналитических работ, а современный опыт успешной переориентации этатистской экономики на национально-рыночные рельсы в Китае и Беларуси хорошо подтвердили их правоту.

Все негативные последствия псевдорыночных реформ, разрушающих национальную экономику, хорошо понимали депутаты ВС РСФСР, избранные весной 1990 г., на пике общественной активности. Если же учесть, что депутатский корпус достаточно адекватно отражал интересы тогдашней индустриальной элиты (т.е. управленческой и научно-технической интеллигенции), то станет понятным стремление номенклатурной группировки Ельцина как можно быстрее уничтожить парламент, а вместе с ним ликвидировать и полноценное самоуправление на местах и в регионах.

Суть тогдашней «классовой борьбы», развернувшейся как бы под маской конфликта «между двумя ветвями власти» (в действительности уже и тогда власть была одна — у госаппарата), состояла в том, что номенклатура усматривала в советско-русской интеллигенции своего самого главного врага, препятствующего ей осуществить планы по разграблению общенациональных богатств в пользу новой плутократии. Доказательством этого тезиса служит не только традиционно советское недоверие номенклатуры к «трудовой интеллигенции», но прежде всего уничтожение в самом начале гайдаровской реформы, посредством развязанной гиперинфляции, трудовых накоплений советского «среднего класса», т.е. индустриальной советско-русской интеллигенции. Гайдаровское объяснение этого мародёрства якобы устранением угрозы «необеспеченной денежной массы» было насквозь ли-

цемерным. Можно было легко заморозить эти накопления и перевести их в личные приватизационные чеки или иные долевые льготы, которые бы позволили индустриальной интеллигенции хотя бы частично сохранить свой социальный статус.

Более того, и сам погром бывшей советской промышленности и инфраструктуры был вовсе не случайным просчётом «реформаторов», но сознательно продуманной акцией по устранению с социального и политического поля своего самого главного конкурента. Разорив промышленность и этим самым лишив достойных средств существования индустриальную элиту страны (т.е. до 20–30% активного индустриального населения), новая номенклатура под прикрытием либерально-западнических и антикоммунистических лозунгов легко становилась абсолютным хозяином деклассированной и маргинализированной страны. («Простой народ», средне- и малоквалифицированные рабочие и колхозники не представляли для «реформаторов» никакой серьёзной угрозы, эти инертные и разобщённые массы легко было нейтрализовать усиленной пропагандой по центральному ТВ или пустыми обещаниями скорых улучшений.)

Однако, уничтожая социально-экономическим путём своего основного «классового» противника, необходимо было также уничтожить его и политически. Но для этого было необходимо под тем или иным предлогом ликвидировать созданную в процессе перестройки довольно демократическую, но весьма аморфную систему представительной и законодательной власти. Несколькими раз до осени 1993 г. «банда Ельцина» предпринимала безуспешные попытки ограничить или блокировать полномочия ВС РФ, но несмотря на массивную антипарламентскую кампанию, развязанную подвластными СМИ и центральным ТВ, как в Москве, так и в провин-

ции активная часть населения постепенно пробуждалась. Многие факты предательства, коррупции и злоупотреблений из окружения «реформаторов» становились известными мыслящей общественности, и с каждым съездом народных депутатов всё твёрже раздавались голоса о гибельном характере ельцинских «реформ», ведущих страну к *деиндустриализации*, а народ — к обнищанию и деградации.

Напряжённость возрастала, и единственно, что ещё сдерживало противоборствующие стороны, — это память о светлых ожиданиях перестроечной эпохи с её известным лозунгом: *«перестройка — это революция без выстрелов»*. Однако когда встал ребром вопрос о собственности и власти, этот лозунг был легко отброшен новой номенклатурой, жаждавшей установления своего единоличного господства. К осени 1993 г. окончательно определилась как «классовая» расстановка основных социальных сил, так и судьбоносная альтернатива относительно ближайшего развития страны.

Или, сохраняя созданную тяжёлым трудом трёх советско-русских поколений индустриальную базу и социальную инфраструктуру, двигаться в сторону создания своего независимого национального государства во главе с сильным общенациональным парламентом и своей индустриальной интеллигенцией. Или же создание неофеодальной системы во главе с криминальной плуто-бюрократией и быстрое сползание из стран развивающегося «второго мира» в страну «третьего мира», наподобие марионеточных латиноамериканских режимов прошлого века.

Понимание этой альтернативы в те осенние дни объединило все лучшие национально-патриотические силы, под какими бы левыми или правыми брендами они ни выступали. Тогдашнее объединение «белых» и «красных» на самом деле было объединением всех порядочных и неравнодушных людей,

не желавших подчиниться беззаконию и осознавших, в какую катастрофу ведёт страну Ельцин и его проворовавшиеся окружение.

Именно понимание этой альтернативы — сознательное или (чаще всего) подсознательное, было главным побудительным мотивом для «защитников Конституции» всех типов и направлений, выступивших в то время на стороне парламента. «Право и правда» были безусловно на стороне этих равнодушных граждан, но их относительная малочисленность, общая пассивность народа (уставшего уже от политических баталий), а также значительное административно-силовое и информационное превосходство группировки Ельцина не позволили тогда обеспечить победу в двухнедельном противостоянии. Для новой плуто-бюрократии все пути отступления были закрыты, ни на какие компромиссы она пойти не хотела и не могла, а потому кровавая развязка была предопределена всем ходом развития тех трагических событий холодной осени 1993 года.

По прошествии двадцати лет после «чёрного октября» может легко показаться, что событие это, несмотря на большое историческое значение в рамках своего времени, давно уже принадлежит прошлому и для современного постсоветского поколения не может представлять какого-либо актуального интереса в силу своей полной исторической исчерпанности.

Пусть профессиональные историки и политологи занимаются исследованиями белых пятен переворота 1993 г., которых немало и по сей день, тем более что архивы и документы, связанные с кровавым расстрелом Белого дома, до сего дня остаются строго закрытыми и недоступными для обществу.

Однако это не так. Несмотря на всю важность чисто исторических исследований, тем не менее прямые и косвенные последствия кровавого пере-

ворота по-прежнему довлеют над обществом с неослабевающей силой. Это легко можно увидеть на самой актуальной проблеме сегодняшнего дня — проблеме массового завоза азиатских мигрантов и экспансии кавказского криминала. Было бы несколько легковесно приписывать появление этой проблемы исключительно злой воле современных чиновников или же всецело уповать на её положительное решение, возлагая тщетные надежды на какие-то чудодейственные административные решения. Даже введение давно назревшего «визового режима» вряд ли может решить эту проблему радикальным образом и окончательно перекрыть поток дешёвой и неквалифицированной рабсилы из Средней Азии.

Общее и гибельное направление социально-экономического развития, заданного переворотом 1993 г., с неутомимой последовательностью предопределило компрадорско-сырьевую модель народного хозяйства, которой не нужна ни фундаментальная наука, ни высокий культурно-образовательный уровень коренного населения, ни развитие современных высоких технологий. Более того, эта постсоветская модель вообще не нуждается в высокоразвитом типе *индустриального народа*, так как он не может быть полноценно востребован как её хозяйственной системой, так и её правящей элитой.

В этой связи становится хорошо понятным стремление компрадорской верхушки к «реформированию» РАН или к директивному закрытию якобы непомерно расплодившихся «неэффективных вузов» (кстати говоря, многие из которых существуют на чисто коммерческой, а не на бюджетной основе), выпускники которых будто бы не смогут найти себе работу на существующем «рынке труда». При этом не упоминается, что и без всякого высшего образования на этом «рынке» русской молодёжи уже найти ничего нель-

зя, так как он уже давно монополизирован мигрантами и диаспорами.

Стремление к высшему образованию, которое так раздражает компрадоров, обусловлено тем, что лучшая часть русской молодёжи если не сознательно, то интуитивно хорошо понимает, что будущими профессиями на национальном «рынке труда» будут не профессии дворника и полицейского, но профессии, связанные со сложной социальной и технологической деятельностью.

Нет ни малейшего сомнения в том, что если не произойдёт *новой индустриализации* на основе высоких технологий и современных научных достижений, то экспансия азиатских орд будет продолжена вплоть до полного замещения русского населения чужеродной средой. Особенно трагическими выглядят перспективы современной постсоветской молодёжи, которая по результатам переворота 1993 г. лишена собственности, власти, достойных рабочих мест, а значит, и своего будущего. Для русской молодёжи в постсоветском режиме просто нет места, а потому смена его является для неё жизненно важной задачей.

II

Личные воспоминания о перевороте осени 1993 года

Выдержки из записей, сделанных
в середине 90-х годов

Первый раз к Белому дому я отправился в четверг 23 сентября во второй половине дня с одним своим приятелем, Володей Х. (инженером-энергетиком, сочувствующим патриотическому направлению), который когда-то проживал в районе Краснопресненской набережной и хорошо знал все проходы к зданию парламента. К Белому дому мы подходили не со стороны станции метро «Баррикадная», но шли длинным маршрутом от станции метро «Арбатская».

И на Старом, и на Новом Арбате мне

неприятно бросилось в глаза полное отсутствие настенных оппозиционных листовок и объявлений. Никаких листовок я не обнаружил и на станциях метро. Ещё свежо сохранялась в памяти схожая ситуация первых дней августовского путча, когда все публичные места и станции метро были сплошь обклеены листовками с призывами о борьбе с ГКЧП, и возбуждённый народ толпился вокруг них. На сей раз ничего подобного не наблюдалось, а московская публика показалась мне какой-то вялой и равнодушной. Никакого благородного возбуждения, которое было свойственно толпам москвичей в августовские дни 91-го, на центральных улицах не ощущалось вообще. Как же быстро «демократам» удалось отбить у москвичей интерес к общественным проблемам!

Но когда мы через какие-то закоулки наконец-то вышли на площадь Свободной России, то мои опасения, что народ может оказаться полностью равнодушным к совершившемуся беззаконию (что было бы очень на руку Ельцину и его окружению), совершенно рассеялись. Нельзя сказать, что общее количество собравшихся перед белодомовским балконом с установленной на нём радиофицированной трибуной было очень большим, но около трёх тысяч москвичей несомненно присутствовали на площади. Если же учесть, что митинг протеста шёл в непрерывном режиме — одни уходили, другие приходили, то можно было сделать вывод, что политически активная часть москвичей не осталась равнодушной к судьбе страны.

Все последующие дни, вплоть до полной блокады БД 28 сентября, я вместе с другим патриотом со своей автобазы Сашей каждодневно сразу же по окончании рабочего дня отправлялся на метро к БД и мог с удовлетворением наблюдать постепенный численный рост сторонников и защитников Конституции. Ставка Ельцина на быстрое удушение всякого народного сопр-

тивления явно была бита. Поток ежедневно прибывавших к БД москвичей и приезжих из других российских городов не иссякал, а неуклонно увеличивался. От метро «Баррикадная» по Дружинниковской улице, ведущей к зданию парламента, в первую неделю переворота, когда доступ к БД был ещё относительно свободен, непрерывно в обе стороны текла река граждан, как спешивших к очередному митингу, так и уходивших после посещения площади Свободной России.

Среди собиравшихся на площади сторонников парламента иногда было заметно и присутствие лазутчиков. Наблюдая на следующий день, 24 сентября, с небольшой возвышенности перед стадионом «Красная Пресня» многотысячный митинг — почти вся прилегающая к зданию парламента внутренняя площадь была заполнена народом (не менее 10–15 тысяч), — я вдруг услышал намеренно громкую реплику впереди стоящего плотного сложения мужчины в плаще: «А всё же в августе 91 года народу было намного больше». (Естественно, что митинги 22 и 23 августа 1991 г. были более крупными, ибо «путч» уже провалился, *не успев и начаться*, и все СМИ, особенно западные радиостанции, с утра до вечера взахлёб приглашали москвичей отпраздновать «победу».)

Между тем два или три других соседа этого скептика как бы невзначай начали между собой громким голосом развивать перед стоявшей публикой популярную в те дни на ельцинском телевидении тему о том, что Хасбулатов чеченец, а вся Москва заполнена кавказцами, которым он несомненно покровительствует. Затем подозрительная группа принялась громогласно, почти как на Пушкинской площади, обсуждать проблему ВПК, бюджетные расходы на поддержание которого якобы опустошают казну, и в этом бессмысленном разбазаривании народных денег будто бы виновен Верховный Совет...

Однако стоявшие кругом люди, особенно женщины, быстро осадили провокаторов и предложили им побыстрее убираться к своим «жидовствующим демокрадам». Группка идеологических диверсантов не заставила себя долго упрашивать и как-то быстро и слаженно исчезла.

Что же касается содержания большинства речей белодомовских митингов, то они в моей памяти не оставили какого-то конкретного следа. Почти все речи состояли из двух взаимосвязанных тем: резкое осуждение ельцинской «банды» и затем перечисление поступивших в адрес ВС РФ телеграмм поддержки со стороны местных Советов, а также со стороны различных воинских округов, флотов и отдельных частей.

Я же с самого начала переворота понимал, что решающим фактором в противоборстве будет не моральная поддержка выжидающих регионов или маловероятные массовые выступления народа, но прежде всего активная поддержка армии. Социальная база Ельцина была небольшой, но при общей пассивности народа и при реальном контроле телевидения и силовых министерств стратегическое преимущество было на его стороне.

Если бы на пути переворотчиков не оказалось неожиданной для них народной поддержки парламента активным меньшинством москвичей, то переворот завершился бы очень скоро (в первые же дни!) и без серьёзных эксцессов. Как бы ни оценивать и ни критиковать Ельцина, в области политических интриг он был опытным дельцом, и без сильной поддержки *внутри и извне* он никогда бы не решился на свержение законной власти.

Якобы «*всевластный*» (по выражению ельцинской пропаганды) парламент не имел даже своей общероссийской радиостанции. Правда, кто-то из ораторов говорил, что с верхних этажей БД иногда вещает маломощная радиостанция «Радио-парламент», но

сколько ни пытался я поймать её у себя дома на своём приёмнике, мне ни разу не удалось этого сделать...

Однажды в самом центре площади Свободной России я обнаружил на груде из старых ящиков корпус какого-то старого лампового телевизора, опутанного сетью проводов. Вокруг этой самодельной конструкции ходил молодой парень, что-то налаживая и подстраивая. Вскоре этого радиолюбителя-патриота допустили до микрофона, и он в своей речи обратился к собравшимся с отчаянной просьбой принести в следующий раз необходимые радиодетали, недостающие для его самодельной радиостанции.

Не знаю, удалось ли собрать ему свою походную радиостанцию, но до сего дня удивляюсь близорукости руководства парламента, заблаговременно (а времени после марта 93 года было более чем достаточно) не обеспечившего себя элементарной радиосвязью. Поспешно избрать чисто символических министров и генералов без армии парламентарии успели, а позаботиться о прорыве весьма вероятной информационной блокады или же о создании второго (запасного) центра власти где-нибудь в Сибири они и не подумали...

Несмотря на то что власти сильно затруднили доступ к парламенту, митинги в субботу и воскресенье 25 и 26 сентября были особенно многочисленными. Народ заполнял почти всё свободное пространство от здания БД до забора стадиона «Красная Пресня». Всю субботу я провёл на площади Свободной России, фотографируя различные виды политической жизни на этом последнем острове политической свободы.

Представители каких только политических сил не присутствовали на парламентской площади: казаки, патриоты всех направлений, баркашовцы, неугомонные пенсионерки-пионерки из «Трудовой России», священники и православные верующие с иконами

и просто русские люди, равнодушные к судьбам своей родины. Среди митингующих также было много беспартийной русской молодёжи.

При воспоминании об этом многоликосм празднике свободы, этом удивительном единении самых различных политических и социальных групп Русского Народа невольно приходит на ум известное изречение нашего национального гения А.С. Хомякова, определяющее главный смысл русского понимания соборности: «*свобода в единстве и единство в свободе*».

Однако самым незабываемым впечатлением этого дня (и всех белодромовских митингов вообще) было впечатление от торжественного выхода депутатов прошедшего 10-го чрезвычайного съезда на длинный балкон перед собравшимися на площади москвичами. Тысячи митингующих радостными криками приветствовали своих депутатов, которые были выбраны в одной из самых первых и — потому — наиболее честных избирательных кампаний начала 1990 г. В центре балкона, где находились микрофоны и выступали ораторы, были воздвигнуты три флага: чёрно-жёлто-белый, самый высокий, представлял русских патриотов, красный — неокommунистов и Андреевский — всех «беспартийно» сочувствующих парламенту.

Какое-то удивительное, трогательное чувство охватило в тот момент всех собравшихся как на площади, так и на балконе. Никогда я в своей жизни больше не испытывал такого радостного ощущения от сознания того, что перед тобой, самым обычным рядовым человеком, стоит *твоя власть*. Это был своеобразный праздник даже не демократии, а какой-то почти религиозной соборности. Все стоявшие наверху и внизу переживали незабываемое чувство почти родственного единения. И одновременно вместе с этой радостью у всех собравшихся было подсознательное грустное ощущение взаимного прощания друг с другом. Идеал

Русской правовой власти, основанный на нравственном доверии друг к другу Власти и Народа, словно светлый и добрый призрак как бы на один миг явился перед нами, чтобы в следующий момент исчезнуть в чёрно-кровавых клубах расстреливаемого Белого дома.

Следует заметить, что в те роковые дни стояла очень холодная для конца сентября погода, по ночам было что-то около нуля градусов и даже случались заморозки. И в такие холодные и ветреные ночи в палатках около чисто символических баррикад, греясь у костров, ночевали добровольцы, состоящие из мужчин и женщин разного возраста, но встречались иногда и целые семьи с детьми.

Запомнилась одна молодая женщина лет тридцати, медсестра, которая вместе со своими близкими — мужем, сыном и ещё каким-то родственником — уже трое суток ночевала на одной из баррикад, выходящей на Рочдельскую улицу. Как выяснилось из разговора, эта женщина вместе со своей семьёй была активной участницей августовских событий 1991 г. на стороне Белого дома. Её решение защищать парламент своим личным присутствием у здания БД было сознательным выбором в пользу законной конституционной власти. Мне с Сашей она даже показала «фирменную» справку, которую ей выдали в канцелярии парламента как добровольной защитнице законной власти для предоставления на работу в качестве оправдательного документа. Подобные справки, по её словам, выдавали всем добровольцам, дежурившим по ночам в качестве живого щита вокруг здания парламента. Лицо этой героической женщины имело характерный нездоровый оттенок из-за постоянного недосыпания, холода и пронизывающего осеннего ветра.

Какой силой духа надо было обладать, чтобы на протяжении многих ночей подвергать себя и своих близких смертельному риску и терпеть такие лишения! Когда вспоминаешь этих бе-

лодомовских баррикадников, самых обычных людей, большей частью типичных представителей средней русской интеллигенции, — начинаешь верить в то, что Россия ещё не погибла и по Божией милости не погибнет...

Однако самой духовно сильной частью борцов за грядущую Национальную Россию, несмотря на свою малочисленность, были православные русские люди, которые с самых первых дней переворота создали своеобразный молебный центр — нечто вроде походной часовни под открытым небом — прямо на площади Свободной России, напротив главного балкона Белого дома.

Этот центр представлял собой небольшое возвышение, на котором были расположены православные иконы. Впереди этого «алтаря» был установлен стэнд с текстом молитвы «О спасении державы Российской и утолении в ней раздоров и нестроений» (св. Тихона, Патриарха Московского). Ежедневно около походного алтаря совершались молебны и читался акафист иконе Божией Матери «Державная». В молебнах участвовали священники разных православных юрисдикций, но, как я понял, ядро составляли верующие и духовные руководители некоторых православных братств и сестричеств.

Однажды, в воскресенье 26 сентября, в молебне участвовало пять или шесть православных священников. После его окончания все участники молебна приложились ко кресту, который держал о. Леонид (священник РПЦ), и затем каждый священник обратился к собравшимся с краткой проповедью. Среди священников я узнал о. Стефана Красовицкого (Русская Зарубежная Церковь), который по своему обыкновению горячо проповедовал о святости семьи и незыблемости семейных устоев.

26 сентября во второй половине дня мы с Сашей участвовали в крестном ходе, который, как обычно, реше-

но было провести после окончания молебна. От молебного центра, построившись в длинную колонну по двое, отправилась процессия верующих патриотов в количестве около семидесяти человек. Какая-то молодая женщина из православного сестричества одолжила мне нести небольшую икону Державной Божией Матери, а моему товарищу Саше доверили нести на полотенце большую икону Святителей Московских.

Все прилегающие окрестности вокруг Белого дома были оцеплены многочисленными подразделениями милиции, ОМОНа и внутренних войск. Религиозная цель предстоящего крестного хода состояла в торжественном круговом обходе здания парламента и возвращении обратно к молебному центру.

Сначала всё шло хорошо, оцепление не препятствовало выходу процессии верующих в сторону Глубокого переулка по направлению к Краснопресненской набережной. С пением молитв крестный ход благополучно прошёл мимо парадного подъезда БД и затем направился в сторону Конюшковской улицы, чтобы обойти по ней восточную часть здания парламента и возвратиться на площадь Свободной России к молебному центру. Возглавлял процессию и дирижировал нашими молитвенными песнопениями высокий юноша в очках, с небольшой бородкой, весьма благородной наружности. Вероятно, он был родственником или прихожанином священника о. Леонида, постоянно участвовавшего в молебнах у молебного центра.

Крестный ход шёл медленно и часто останавливался перед каким-нибудь новым оцеплением. Во время остановок верующие патриоты беседовали с милиционерами и солдатами, пытаясь разъяснить им подлинный смысл событий и привлечь на сторону парламента. Как правило, смущённо потупясь, они молча слушали наставления «пропагандистов» и никогда не говорили

бранных слов в наш адрес. Один только раз какой-то молодежавый офицер эмвэдэшник возразил на наши морально-правовые аргументы тем, что повторил известную в те дни телевизионную демагогию о злых чеченцах в Москве, которым будто бы покровительствует чеченец Хасбулатов. Было очевидно, что подтолкнуть этих людей на кровавые действия против защитников БД было возможно лишь какими-то чрезвычайными провокациями. И ельцинисты стали их очень скоро устраивать...

Пройдя по Краснопресненской набережной до входа на Конюшковскую улицу, мы натолкнулись на плотную цепь солдат, решительно не пропускавших нас к прохождению вдоль восточной стороны Белого дома. После получасового ожидания офицер ограждения заявил нам, что пропустить крестный ход не может по причине полученного по радию указания вышестоящего начальства. Этот запрет свидетельствовал о значительном ужесточении наружной блокады БД, так как в предыдущие дни крестные ходы всегда беспрепятственно проходили по Конюшковской улице.

Вероятно, одной из целей запрета было стремление сломать правильное круговое движение крестного хода и не допустить его возвращения к своему началу. Пришлось идти длинным окружным путём, с пением молитв пройти по Новому Арбату и Садовому кольцу, а затем по одному из переулков — к главному пропускному пункту на входе Дружинниковской улицы. Впрочем, этот извилистый путь крестного хода оказался не таким уж и плохим. Множество народа смогло увидеть, кто на самом деле является душой сопротивления антинародному режиму. Помимо взрослых в крестном ходе участвовали и дети. Одна молодая мама шла с детской коляской, рядом с другой мамой девочка лет шести несла замечательный самодельный плакат: *«Русские люди, объединяйтесь!»*.

Понедельник 27 сентября — *праздник Воздвижения Креста Господня* — был последним днём свободного доступа к осаждённому парламенту на площадь Свободной России, на которой прошёл последний свободный и весьма многочисленный митинг.

Одним из слухов, ходивших в тот день среди митингующих на площади, был слух о некоем бунте в рядах дивизии Дзержинского и о самовольном уходе воинских подразделений из охраняемой зоны. Между прочим, на площади я видел нескольких солдат, вероятно, недавно убежавших из правительственных частей. Также среди митингующих ходил слух о каком-то спецподразделении МВД, будто бы отказавшемся от ночного штурма БД. И это было похоже на правду.

В середине недели, скорее всего в среду 29 сентября, я ещё раз попытался подойти к Белому дому со стороны метро «Баррикадная», однако проход в сторону Дружинниковской улицы оказался наглухо перекрытым омонвцами. День был холодный, дождливый и сумрачный. Прямо на широкой проезжей части Баррикадной улицы перед высотным зданием, расположенным на противоположной стороне от станции метро, образовался многочисленный, тысячи в три, стихийный митинг.

Из-за дождя всё обозримое пространство было усеяно раскрытыми зонтиками, а где-то на некотором отдалении хорошо просматривались цепи ОМОНа, фронтально перекрывшие улицу и прикрытые большими щитами. С высокой цокольной площадки высотного дома по мегафону выступали депутаты районных советов Москвы, но дождь и порывы пронизывающего ветра сильно ухудшали слышимость, и разобрать что-либо связанное в речах ораторов было практически невозможно. Да дело давно уже было не в красивых обличительных речах, и те, кто приехал сюда, не побоявшись жестоких избиений (о которых открыто писали в газетах и рассказывали по

зарубежным «голосам»), только одним своим личным присутствием демонстрировали «городу и миру» свою бескорыстную преданность Закону.

Это были в полном смысле слова лучшие русские люди (безотносительно к их этническому происхождению), *настоящее гражданское рыцарство славного города Москвы*, да простят мне некоторую высокопарность этих слов. Недалеко от проезжей части улицы собрались в кружок верующие женщины, которые были постоянными участниками белодомовских молебнов. Они негромко и сосредоточено читали акафист Державной иконе Божией Матери. *«Радуйся, Матерь Божия Державная, Заступнице усердная рода христианского»...*

В начале седьмого часа вечера я уехал домой. Позже я узнал от Саши, который ездил на Баррикадную позднее (около 8 часов вечера), что собравшиеся подверглись неожиданному нападению омонвцев и были сильно избиты, при этом пострадали и верующие женщины-патриотки. В оставшиеся дни недели — вплоть до 2–3 октября — избиения ОМОНОм всех попадавших под его руку граждан, женщин и мужчин, молодых и старых, приобрели совершенно погромный характер, и ездить на Баррикадную стало просто невозможно.

Небезынтересно отметить, что эти публичные зверства, наблюдаемые и описанные множеством отечественных (в частности журналистом Андреем Бабицким) и иностранных корреспондентов, не вызывали никакого особенного протеста со стороны так называемой мировой правозащитной общественности. И тем более — наших «правозащитников», всегда и неукоснительно защищающих только одну сторону...

* * *

И вот наступило роковое воскресенье 3 октября. После череды пасмурных и дождливых дней наконец-то

в Москве установилась ясная и по-осеннему умиротворённая погода. Казалось, ничто не предвещало судьбоносных и грозных событий. Поднимаясь со станции «Октябрьская» вверх по эскалатору вместе с многолюдным потоком москвичей (и не только москвичей), постоянно пополняемым с каждой новой электричкой, я на противоположной стороне эскалатора увидел большую группу спускающихся вниз, в метро, неунывающих пенсионерок-пенсионерок из «Трудовой России», которые, махая руками в нашу сторону, бодрым голосом кричали: «Товарищи, митинг запрещён, не теряйте времени, следуйте за нами к заводу Ильича!»

Я не придавал большого значения этим призывам, хотя в душе стали возникать смутные сомнения... Но как только я вышел из метро на прилегающую к выходу территорию, то сразу обнаружил, что вся просторная Калужская площадь по своему периметру была окружена двойными цепями ОМОНа. В центре пустой площади — движение транспорта было полностью перекрыто — стояла милицейская машина и какой-то эмвездэшный чин по мегафону периодически объявлял: «Граждане, расходитесь! Митинг не санкционирован!»

Этот запрет показался мне очень странным, ведь ещё вчера я своими ушами по ельцинскому телевидению слышал об этом митинге как о разрешённом! А между тем народ всё прибывал, и на прилегающей к станции территории становилось всё теснее и теснее. Общая напряжённость быстро возрастала, многие собравшиеся активно пытались распропагандировать омонцовцев, которые, однако, никак не реагировали и старались отмалчиваться. Бросилось в глаза то, что значительная часть стоявших вдоль станции метро цепей омонцовцев, несмотря на внешнюю экипировку, состояли не из знакомых по внешнему виду мордovorотов-профессионалов, а из разновозрастных мужчин. Некоторые

из них не имели и вовсе никакой экипировки (например, в цепи заграждающей пешеходный проход на Крымский вал) и состояли из лиц явно пожилого возраста, отслуживших военных пенсионеров. Меня это обстоятельство, честно говоря, сильно озадачило. Решительными и жестокими действиями ОМОНа собравшийся народ можно было бы легко рассеять или вытеснить обратно в метро — подобная практика на Баррикадной была уже давно и безотказно отработана, — но цепи омонцовцев стояли на месте и не предпринимали никаких действий.

Между тем среди собравшейся толпы неторопливо прохаживался какой-то крупногабаритный и полный милицейский офицер, довольно вяло уговаривавший граждан разойтись. На него никто не обращал внимания, правда, кто-то из коммунопатриотов зло крикнул в его адрес весьма резкую реплику: «Ты, Иуда! Посмотри на свою фуражку, какую кокарду ты ещё носишь! — Советского Союза! А кому служишь?!» «Иуда» с заметно красным и потным лицом — вероятно, от чрезмерного винопития — ничего не отвечал и продолжал бесцельно слоняться среди народа.

Скоро обнаружилось, что несмотря на большое скопление милиции и омонцовцев проход в сторону Ленинского проспекта — как и 1 мая — был совершенно свободен. Из толпы раздались голоса: «Товарищи! Идёмте вперёд!» Это предложение было на лету схвачено сильно подуставшими от тесноты гражданами.

От основного скопления народа перед станцией метро сначала потёк маленький ручеек по направлению к Ленинскому проспекту, но очень скоро поток отходивших стал быстро увеличиваться. Увлечённый общим движением, пошёл и я. Среди самых первых устремившихся по Ленинскому проспекту людей я мельком увидел неугомонного бунтаря Уражцева — фигура колоритнейшая и приме-

чательная, словно специально созданная природой для разного рода антиправительственных акций.

Однако, пройдя некоторое расстояние вперёд по пешеходной части тротуара, многие, в том числе и я, стали постепенно выходить на проезжую часть. Как-то незаметно и быстро вся проезжая часть оказалась перекрытой большой толпой демонстрантов. Как вскоре обнаружилось, впереди идущий авангард сумел построиться в правильную и крепко сплочённую колонну, которая неожиданно для большинства демонстрантов и милиции на ходу стремительно развернулась в обратном направлении — т.е. в сторону Калужской площади, увлекая за собой, подобно снежному кому, всех встречных идущих демонстрантов.

Пробивным кулаком колонны были её первые ряды, которые, соединившись руками друг с другом в плотные цепи, превратили колонну в мощную ударную силу. В центре её первого ряда я узнал Виталия Уражцева. Однако даже сейчас без особого труда можно было бы остановить и рассеять демонстрантов, так как общее количество их было относительно небольшим — может быть, около двух тысяч. Особенно легко было отсечь от малочисленного ударного кулака следовавших за ним не очень плотной толпой остальных демонстрантов. Рыхлые цепи омоновцев с противоположных сторон Калужской площади как будто бы попытались это сделать, но как-то вяло и нерасторопно. Момент был упущен, и вскоре народ повалил валом отовсюду. Сравнительно небольшая колонна демонстрантов стремительно превращалась в могучий людской поток.

Дальше всё завертелось с лихорадочной скоростью, как в старой кинохронике. Сняв боковые заградительные цепи милиции, уже многотысячная толпа демонстрантов быстро заполнила всю Калужскую площадь и двинулась, уверенно ведомая ударным

авангардом, в сторону перекрытого ОМОНОм в нескольких местах Крымского моста. Трудно оценивать события, находясь внутри них, но хорошо помню, что все эти ещё до конца непонятные по своей конечной цели уличные действия мне глубоко не понравились и уже тогда — т.е. в самом начале рокового прорыва к БД — показались политически выгодными для ельцинской команды.

Всем сторонникам Белого дома в тот судьбоносный момент — на исходе второй недели жестокой блокады парламента — было бы политически полезнее проведение мирного массового митинга с принятием соответствующих резолюций, осуждающих переворот. Такой мирный митинг в защиту законной власти неизбежно был бы отмечен всеми информационными агентствами, так как теле- и фотокорреспондентов и журналистов на Калужской площади было очень много. Прорыв же демонстрантов к заблокированному Белому дому мне показался нелепостью, ибо если уж на сторону парламента не перешли вооружённые воинские части, то чем могут реально помочь ему безоружные демонстранты? В то же время проведение многотысячного митинга на Калужской площади или у входа в Центральный парк оказало бы большое политическое воздействие как на колеблющиеся регионы, так и на мировое общественное мнение. После такого мирного митинга Ельцину в морально-политическом отношении было бы трудно штурмовать парламент, а каждый день промедления мощно работал против него.

Но страсти были накалены, и события шли своим роковым чередом. Я не находился в рядах прорывающей омоновские цепи ударной колонны, но хорошо видел, как впереди периодически возникала какая-то толчея, слышны были крики «ура», затем из этой толчеи летели вверх омоновские шлемы, дубинки, фуражки. После очередного прорыва демонстранты шли спокойно

до следующего заграждения, и всё повторялось вновь...

Поразило меня то, что прорывы омовских заслонов происходили слишком уж быстро. А между тем первоначальное количество демонстрантов на Крымском валу вряд ли было больше 20–30 тысяч (что тоже было немало). Когда я поднимался в плотной массе демонстрантов на первую половину Крымского моста, то специально оглянулся, чтобы оценить общее количество народа. Свидетельствую, что всё пространство широкого Крымского вала от края и до края вплоть до Калужской площади было затоплено сплошным людским морем. Однако при желании остановить и рассеять такое количество народа не представляло большой сложности для властей, что и было наглядно продемонстрировано 1 мая 1993 г. у площади Гагарина.

Сравнительно ожесточёнными были столкновения с заградительными цепями ОМОНа во второй половине Крымского моста. Ещё издали от места «боёв», где-то на середине моста, я с недоумением услышал странные звуки падающих с моста в Москву-реку каких-то тяжёлых предметов. Подойдя к краю моста и присмотревшись внимательнее, я с изумлением увидел, что это падали в воду изъятые у поверженных омовцев щиты, каски, дубинки...

Правда, самих омовцев демонстранты в реку не бросали. На выходе с моста запомнился один эпизод: здоровенный омовец двухметрового роста, грозно размахивая дубинкой над головой, не подпускал к себе демонстрантов, защищая своего лежащего на асфальте сильно помятого товарища. Иногда даже и омовцу ничто человеческое не чуждо.

Наиболее сильными и решающими были столкновения на Смоленской площади напротив МИДа. Понять там я уже ничего не мог. Сражение разбилось на какие-то разрозненные стычки. Прорвать оборону противника де-

монстрантам помогли ранее захваченные военные грузовики. Один захваченный грузовик задним ходом стал успешно таранить пожарную машину, пытавшуюся развернуться против наступающих демонстрантов. Почему-то милиция и ОМОН легко бросали свой служебный транспорт. Только один раз я видел, как большой омовский грузовик, взревев мотором, с бешеной скоростью помчался по Садовому кольцу. Демонстранты врассыпную разбегались перед ним в разные стороны. В других же случаях после прорыва какой-нибудь омовской цепи разбитые омовцы легко бросали свои военные грузовики с ключами зажигания...

Во время шествия по Садовому кольцу со стороны омовских заслонов иногда слышались глухие негромкие выстрелы. Один раз при подходе к очередному заслону я издали отчётливо видел, как омовец с колен стреляет в демонстрантов из какого-то странного ружья. Но в кого конкретно и зачем он стреляет, было непонятно. Устрашающего впечатления эти выстрелы на демонстрантов не производили. Повидимому, стреляли из специальных ружей зарядами со слезоточивым газом «черёмуха», но никакого эффекта этот газ не оказывал, хотя многие вынимали носовые платки и пытались дышать через них.

Следует заметить, что плотность прорывающихся к БД демонстрантов на подходе к Смоленской площади заметно уменьшилась. Демонстранты сильно растянулись, разбрелись, рассеялись. В какой-то момент я даже оказался в некоем свободном пространстве между брошенным или бросаемым эмвэдэшниками транспортом. Фактически на подходе к Белому дому уже не было единого потока демонстрантов, но какие-то отдельные группы и толпы. Были моменты, когда я пребывал в некоторой растерянности и не знал, куда же надо идти и за кем...

После прорыва на Смоленской пло-

щади толпы демонстрантов уже легко вышли на Новый Арбат по направлению к мэрии. Здесь последний раз произошла короткая схватка, закончившаяся победой. Правда, как я узнал позже, в процессе этой схватки произошёл характерный и зловещий инцидент. (Сколько подобных инцидентов будет впоследствии...) Снайперским выстрелом из гостиницы «Мир» был убит офицер милиции. Лично я видел, как двое гражданских лиц мимо меня волоком протащили куда-то безжизненное тело в милицейской форме. В целом же, по моим субъективным наблюдениям, общее количество демонстрантов, подошедших в первой волне к мэрии и наружному ограждению БД, было относительно невелико. Вряд ли до конечной цели прорыва к БД дошло более половины первоначального числа демонстрантов. Возможно, что некоторая часть более осторожных или мирно настроенных граждан решили не испытывать судьбу и тихо разбрелись по домам (во всяком случае, так было моё субъективное впечатление.)

Между прочим запомнился один любопытный эпизод. Проходя мимо здания мэрии, я обратил внимание на стоявший на обочине большой служебный автобус (в просторечии «кишка»). Около него мирно толпилась кучка каких-то эмвездшных чинов. На них никто из проходивших мимо демонстрантов не обращал никакого внимания, и они могли бы спокойно уехать на своём служебном транспорте. Но почему-то они не уезжали. (Вскоре я увижу эту «кишку», до отказа набитую добровольцами, ехавшими в Останкино.)

Победоносное, но чреватое непредсказуемыми последствиями движение народной демонстрации от Калужской площади до Белого дома заняло по времени не более полутора часов, и за это время было прорвано пять или шесть омоновских кордонов. Голова у меня разрывалась от множе-

ства версий, но никакого вразумительного объяснения виденным мною событиям найти я не мог. События имели почти фантастический характер. Очень быстро были проделаны бреши в «спирали Бруно», и большая часть демонстрантов первой волны, перелезая через поливальные машины и разный баррикадный мусор, с радостными криками, иногда показывая пальцами V-образный знак победы, устремилась на площадь Свободной России со стороны Рочдельской улицы.

Я же присоединился к подошедшей по Новому Арбату, более или менее организованной, но небольшой колонне демонстрантов, которая пошла по свободному проходу к главному подъезду БД со стороны Краснопресненской набережной. Когда же наша колонна, состоящая в основном из трудороссов, успела дойти до парадного входа, неожиданно раздался ясный и чёткий стрёкот пулемёта или автомата. Где, кто и откуда стреляют, понять было невозможно.

Демонстранты, многие из которых были весьма почтенного возраста, стали стремительно разбегаться под различные укрытия. Я же укрылся за ближайшим парапетом недалеко от парадной лестницы главного подъезда. Стало страшновато, хотя убитых и раненых нигде не было видно, а длинные автоматные очереди были чем-то похожи на мирный рокот громкой швейной машинки. (Как потом рассказали, стреляли из здания мэрии.)

Как только стрельба прекратилась (длилась она недолго, вероятно несколько минут), я решил выйти из ближайших пределов БД в более безопасное место. Проходя снова мимо проволочных ограждений и рядов поливальных машин, я обратил внимание на то, что проход к площади Свободной России активно освобождался как от лужковского спецтранспорта, так и от оставшейся колючей проволоки.

В это время вновь возобновилась стрельба вокруг мэрии, на сей раз

какая-то хаотическая, и все стали разбегаться в разные стороны. Я же поспешил пройти на противоположную сторону Нового Арбата, как раз напротив торцевой стены мэрии.

С этой позиции мне было хорошо видно, как стайка любопытствующей молодёжи от тинейджеровского возраста и выше, невзирая на смертельную опасность, периодически то дружно подбегала, то так же дружно в панике отбегала от верхней площадки пандуса, на которой располагался центральный вход в мэрию и происходили какие-то необычные и очень интересные события. Снизу мне было видно (хотя и не очень хорошо), как выехавший на площадку военный трофейный грузовик кабиной вперёд и с разбитыми стёклами пытался протаранить парадные двери подъезда, но двигатель у него по каким-то причинам заглох, а стрельба между тем продолжалась.

Во всяком случае, дела на пандусе происходили весьма серьёзные, и любопытствующую стайку глупой молодёжи, жаждавшей поглазеть на боевые действия, неизменно встречал откуда-то возникающий милиционер, тщетно пытавшийся отогнать её из опасной зоны. Нет, напрасно некоторые люди считают инстинкт самосохранения самым сильным инстинктом у человека. Самым сильным у него, как и у кошки, является всё-таки любопытство.

В конце концов я тоже решил подойти поближе и ясно увидел, как на площадку пандуса прямо напротив парадного входа выскочили молодые люди в униформе, и один из них, картинно расставив ноги, начал строчить из автомата по вестибюлю. После хаотичной короткой стрельбы вдруг послышался мощный грохот разбиваемого стекла.

Почти напротив меня в торцевой части мэрии разом обрушилась вся стеклянная стена вестибюля и прямо на улицу дружно вывалился большой отряд — не менее ста человек — укрывавшихся внутри здания омоновцев. Омо-

новцы очень шустро построились попарно и, перейдя на противоположную сторону Нового Арбата, быстро пошли по направлению к Садовому кольцу. Возглавлявший отряд офицер, потрясая над своей головой портативной рацией, как бы оправдываясь, несколько раз крикнул стоящей на улице редкой толпе: «Смотрите, у нас ничего кроме этого нет!»

После ухода омовского отряда все беспрепятственно ринулись на верхнюю площадку пандуса. Там в нескольких местах на асфальте были видны студенистые лужи почерневшей крови. Очевидно, это были последствия тех пулёмётных очередей, которые я слышал со стороны Краснопресненской набережной, когда лежал под парашютом. Вскоре стали прибывать новые колонны демонстрантов, и как вокруг мэрии, так и у Белого дома возросшие в численности толпы революционного народа начали радостно кричать друг другу: «Победа!», «Победа!»

Меня же по-прежнему терзали сильные сомнения, ибо я хорошо помнил события августа 1991 г., в которых радостные крики белодомовской толпы, также торжествующей победу, были весомо подкреплены многочисленной военной техникой и войсками, якобы или на самом деле перешедшими на сторону «законной власти». Теперь же крику и энтузиазма было много, но кроме редких вооружённых устарелыми автоматами добровольцев я не видел никакой военной техники, никаких веских доказательств победы...

Почти на моих глазах произошёл арест крупного чиновника мэрии Брагинского (одного из замов Лужкова). Когда его вывели из здания на пандус, негодующая толпа мгновенно окружила его и сопровождалших конвоиров таким плотным кольцом, что нельзя было подойти поближе и взглянуть на этого лужковского поделщика. Однако поверх голов и машущих рук я хорошо увидел, как конвоир поднял вверх

руку с пистолетом и выстрелил в воздух, чтобы утихомирить разбушевавшуюся толпу.

Когда я направился от мэрии к площади Свободной России, то по дороге мне повстречался Илья Константинов, которого, вероятно, пригласили «принять» арестованного. Я успел на ходу пожать ему руку и пожелать успеха, но вид у Константинова был весьма озабоченный и хмурый. Между тем на площади перед балконом БД в это время шёл бурный и эмоциональный митинг. Ораторы на балконе сменяли один другого, и каждое их слово встречалось восторженными криками одобрения. Большинству собравшихся на митинг победа представлялась полной и окончательной, но у меня в душе нарастала какая-то тревога.

Содержание речей ораторов я не слышал, так как общий революционный восторг затопил всё и вся. Но поразило меня тогда большое количество присутствовавшей на площади молодёжи. Хорошие, чистые и благородные русские лица. Помимо ребят встречались и совсем молоденькие девушки, совсем девчонки. Повстречался даже самый настоящий гаврош лет тринадцати, весь обвешанный омовскими трофеями (щит, каска, бронежилет). Честно говоря, я очень пожалел, что со мною не было фотоаппарата...

Революционный восторг на площади неуклонно возрастал, и толпа как-то спонтанно начала скандировать: «*На Останкино! На Останкино!*» Кто-то наверху, на ораторском балконе, одобрил эту злосчастную затею. Кажется, это был Рущкой. Захваченный общим энтузиазмом, я тоже вместе со всеми, как бы по инерции, что-то кричал в её поддержку, при этом хорошо сознавая всю абсурдность этой акции.

Коллективный энтузиазм заразителен, но когда я увидел отъезжающие от БД на Останкино трофейные грузовики, до отказа набитые молодёжью, фактически безоружной (хорошо если на грузовик приходилось 2–3 автома-

та), то сердце у меня сжалось и на душе стало очень тревожно. Полная военная бессмысленность этой акции была очевидной, но бескорыстный порыв русской молодёжи, страстное желание немедленной победы были настолько мне душевно понятны, что будь я помоложе и, признаюсь, порешительнее, то поехал бы вместе с этими ребятами добывать Русскую Правду...

(Кстати говоря, хочу особо отметить, что в своей основной массе большинство уличных активистов в эпоху перестройки составляло поколение 40–60-летних («шестидесятников»). Молодёжь в значительном количестве, от совсем пацанят до молодых людей зрелого возраста, я смог увидеть только в эти героические дни. И в этом был некий пророческий промысел.)

По сути дела русские люди отпоявлялись в Останкино, рискуя своей жизнью, не ради какой-либо корысти, но единственно ради защиты поруганного русофобами своего человеческого и национального достоинства. Растленная «империя лжи», ежедневно глумящаяся над униженным и ограбленным народом, вызывала всеобщую праведную ненависть.

Приход на защиту парламента и Конституции, несмотря на бешеную антипарламентскую пропаганду по правительственному ТВ, *большого числа русской пассивной молодёжи* (при этом не имеет никакого значения её сиюминутные право-левые симпатии) неоспоримо свидетельствовал о том, что самый чувствительный барометр глубинных общественных настроений верно и точно указывал на пробуждающийся дух нации. Несмотря на то что большинство русского народа того времени ещё ни в малейшей степени не осознавало себя нацией, но являлось лишь униженным и деморализованным населением. Без всякого сомнения, всё то, что удалось мне увидеть в 1993 году, было началом Национальной Революции русского народа, точнее, её прелюдией...

Нет, не за то был расстрелян парламент, что он чем-то законодательно не угодил президенту-самодуру или же якобы пытался стать неким «всевластным» органом, подминающим под себя исполнительную власть. Он был расстрелян за то, что постепенно, шаг за шагом, с нерусским и непопулярным председателем во главе, превращался во всенародный символ свободного единения и последний оплот «права и правды». Лучшие русские люди — избранное «малое стадо» — прекрасно поняли, что парламент в тех конкретных условиях конца 1993 г. стал последним рубежом перед наступлением полного правового беспредела и беззакония. Парламент, ставший знаменем народного сопротивления, был смертельно опасен компрадорской мафии и её криминальному «президенту»...

Ещё раз хочу повторить, что смутное предчувствие беды и различные сомнения одолевали меня на площади Свободной России, и несмотря на то что день выдался как будто бы ясным и чистым, в какой-то момент небо показалось мне хмурым и давящим, а на душе стало необычайно тяжело. У православного центра недалеко от бело-домовского спорткомплекса я увидел одиноко стоящего на коленях перед иконами знакомого по крестному ходу пожилого клирика (не знаю, какого сана). Он тихо молился, а за разложенными на возвышении иконами стоял, вероятно, недавно воздвигнутый добротный деревянный православный крест. Около молитвенного центра больше никого не было, все были заняты сборами в Останкино. Я опустился на колени рядом с молящимся клириком и стал про себя читать те молитвы, которые знал наизусть. Вскоре ещё кто-то тихо подошёл сзади и тоже стал молиться вместе с нами.

Через некоторое время я решил отправиться домой, так как от всех увиденных и неоднозначных событий я ощущал сильную нервную усталость, которая усугублялась общей просту-

женностью. У мэрии оказался свидетелем того, как попарно построенный отряд спецназа, человек двести, направлялся к зданию парламента. Собравшаяся толпа бурно приветствовала этих героев, рискнувших перейти на сторону народа при такой ещё абсолютно неясной ситуации. Я не военный человек, но меня неприятно поразило то обстоятельство, что отряд был совершенно безоружным, автомат я смог разглядеть только у идущего впереди командира, который что-то кричал и при этом нервно вскидывал руку вверх.

Один за другим мимо меня проезжали грузовики с бело-домовской молодёжью, направлявшиеся в Останкино. Толпа напутственно махала им вслед руками. Пройдя по Новому Арбату до Садового кольца, я стал звонить по уличному открытому таксофону домой. Пообещав жене скоро вернуться и уже вешая трубку, я неожиданно заметил вокруг себя трёх сильно возбуждённых пареньков предпризывного возраста и совершенно неопределённой национальности.

Какие-то стёртые и безликие лица, которые очень трудно запомнить. Одеты они были хорошо, как бы в полуспортивном стиле, главный же из них с большим католическим распятием, выставленным напоказ на груди, обратился ко мне с нелепыми риторическими вопросами, при этом странно подпрыгивая на месте от нервного возбуждения и с какими-то истерическими интонациями: «Что там случилось?! Что?! Мы знаем, там БТР с солдатами сожгли. Вы же служили в армии?! За что пострадали солдаты, они же выполняли приказ!» Когда я попытался им что-то объяснить, честно говоря, не очень связно и убедительно, несколько опешив от такого неожиданного напора, юнец стал весьма агрессивно спрашивать: «Вы что же, хотите оставить нас без будущего?! Вы лишаете нас будущего?! Да?!» Другие двое его товарища между тем начали наскакивать на меня с боков...

Но на моё счастье как раз в эту минуту появилась двигавшаяся по Садовому кольцу в сторону злосчастного Останкино разномастная колонна демонстрантов, среди различных флагов которой, как обычно, особо выделялись красные. Несмотря на изрядную усталость, я решил некоторое расстояние до ближайшего метро пройти вместе с демонстрантами. Махнув рукой, я быстро пошёл вперёд, чтобы присоединиться к идущей колонне. Юнец с распятием закричал мне вслед: «Я знаю, сейчас готовятся войска, и я пойду туда добровольцем!»

Присоединяясь к демонстрантам, я невольно подумал о том, как же сильно отличаются эти молодые люди от своих героических сверстников у Белого дома. И те и другие были одинаково сильно возбуждены (что было естественно), но защищавшую правое дело белодомовскую молодёжь идейное возбуждение возвышало и облагораживало, а этих «детей Арбата» возбуждала не высокая идея, но почти животный страх за потерю какого-то своего «будущего». Этот страх превращал их в психопатов, способных совершить какую-нибудь подлость или преступление. Да и о каком будущем можно всерьёз говорить в криминальном государстве Ельцина, особенно для молодёжи?! На глазах происходит деиндустриализация страны, гибнет наука и система высшего образования, разрушается социальная инфраструктура и т.д. Что может ожидать молодого человека — не принадлежащего, конечно, к правящей «элите» — в таком будущем?

Колонна демонстрантов широко растянулась по необычайно пустынному Садовому кольцу. Народ был самый разнообразный, среди демонстрантов были представители всех политических направлений, профессий и возрастов. Поразительное дело, на всём

протяжении следования демонстрации не было видно ни одного милиционера или уличного регулировщика ГАИ. Между прочим, в каком-то месте Садового кольца демонстрантов обогнали какие-то крытые военные грузовики с красными флажками. Кое-кто из колонны приветливо помахал им рукой.

Проходя мимо одного переулочка, я с удивлением обратил внимание на большое добротное красное знамя, видимо, недавно вывешенное над каким-то районным военкоматом. У входа в военкомат толпилась группа, как мне показалось, празднично одетых солдат и офицеров. По дороге демонстранты иногда нестройно скандировали что-то вроде: «Руцкой — президент!» или «Банду Ельцина — под суд!».

Дойдя до метро «Маяковская», я окончательно решил ехать домой, так как хорошо понимал, что сил у меня идти пешком дальше до Останкино уже не хватит. Недалеко от входа в метро услышал последний «идейный» диалог. В ответ на наше нестройное скандирование «Руцкой — президент!» какая-то тётка неопределённого возраста и необъятных габаритов (наверняка местная уличная торговка) зло выкрикнула в наш адрес: «Так вы за Хасбулатова? Нам чеченцев не надо!» Мужчина средних лет немедленно ответил ей: «Лучше чеченец Хасбулатов, чем твой жид Эльцин!» Тётка заткнулась...

* * *

Таков мой эксклюзив личных воспоминаний, записанных по горячим следам, содержащий, может быть, ряд наивных и излишне патетических оценок, но в духе того горячего и незабываемого времени. Однако социальнополитический взгляд на внутренние причины того кровавого переворота остался у меня точно таким же, как и в те судьбоносные дни.

Владимир Кузнецhevский

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО» И «РУССКИЙ ВОПРОС»

Одним из самых больших преступлений верхушки большевистского режима в послевоенное время остается физическое уничтожение политической и интеллектуальной элиты русской нации в 1949–1953 гг., которое в истории навсегда осталось под кодовым названием «Ленинградское дело».

«Ленинградцы» справедливо ставили вопрос о том, что государствообразующая нация, да ещё и составляющая большинство населения страны, не может всегда оставаться на третьестепенных позициях и ролях в системе политического управления обществом. Многонациональный состав населения диктует правило, в соответствии с которым все инациональные элементы имеют право на участие во властных структурах. Однако речь должна идти именно об участии во власти, но никак не о господстве над государствообразующей нацией (народом). По всей видимости, именно этим обстоятельством можно объяснить ничем иным не оправдываемое раздражение Н.А. Вознесенского в отношении представителей других наций в руководстве страны, которое у него проявлялось слишком часто.

К слову сказать, всё это хорошо понимали и все другие: армянин А. Микоян, грузин Джугашвили, еврей Ю. Андропов (настоящая фамилия — Флек-

кенштейн). Так, тот же А. Микоян в своих мемуарах написал: «Все понимали, что преемник Сталина будет русским»¹.

Окончательную, устоявшуюся оценку исторической роли «ленинградцев» время ещё не вынесло. Но уже пришло время к этой оценке начать продвигаться. В этой связи стоит привести несколько мнений.

С. Рыбас: «Если спросить у автора, на чьей он стороне — ленинградцев или на стороне их противников, то он замолчит в долгой задумчивости», а потом честно говорит: «...Автор оставляет свой вопрос без ответа».

Однако что-то беспокоит его самого в этом выводе, и в конце книги он вновь возвращается к этой теме: «А что было бы в случае прихода к власти “ленинградцев”? Тогда судьба СССР была бы иной. Думается, он избежал бы краха»².

Автор фундаментального труда о положении евреев в СССР, доктор исторических наук Г. Костырченко: «...“ленинградская” политическая ветвь, питаемая соками робко возрождавшегося после войны российского самосознания и так безжалостно обрубленная с древа национальной государственности, могла бы в перспективе стать для страны весьма плодоносной.

Правда, реализация ждановской идеи возрождения государственности

От ред.: Статья представляет собой сокращённый вариант главы из новой книги В.Д. Кузнецhevского «Сталин: Что это было?..», которая готовится к выходу в свет в конце этого — начале следующего года.

¹ Емельянов Ю.В. Сталин: На вершине власти. М.: Вече, 2002. С. 458.

² Рыбас С.Ю. Московские против питерских: Ленинградское дело Сталина. М.: Алгоритм, 2013. С. 209–210, 198.

России чревата была распадом империи, чего, впрочем, так и не удалось избежать.

Спровоцировав, таким образом, в грозные предвоенные и военные годы рост русского самосознания и прагматично использовав его, в том числе и в интересах сохранения собственной власти, Сталин, из страха перед возможной перспективой выхода этого самосознания за рамки дозволенного, безжалостно его растоптал»³.

В этих рассуждениях остается недосказанным один важный аспект: Россия для этих авторов существует только в имперском варианте, то есть со всеми союзными республиками: Прибалтикой, Кавказом и Закавказьем, Средней Азией, которые все 75 лет существования Советской власти развивались исключительно за счет перечисления им прибавочного продукта, создаваемого в РСФСР.

У меня на этот счет уже давно выкристаллизовалось такое мнение.

Империя — да, но только в составе России, Белоруссии и Украины. Все остальные бывшие союзные республики ни в коем случае нельзя больше включать в состав единого с Россией государства: хватит русскому народу столетиями на своем трудовом горбу, на своей крови и упорном труде, своей мирового значения культуре втаскивать эти «цивилизационно отсталые нации», как определяет их современный выдающийся исследователь этих проблем, профессор Белградского университета Д. Симеунович, в цивилизацию⁴.

Причины политического поражения «ленинградцев» заключаются, на мой взгляд, в том, во-первых, что хотя их и называли всегда «группой», но именно группой-то они никогда и не были.

А вот противостояла им в лице Маленкова, Берии, Хрущева действительно группа: слаженная, скрепленная взаимными политическими интересами, поднаторевшая за много лет в дворцовых интригах. Эта группа объединена была жизненным интересом: после ухода Сталина из жизни не потерять своего положения в руководстве страны. Потом эти люди сошлись в смертельной схватке друг с другом, но уже в иных условиях: в высшем звене политической власти в СССР остались только индивидуальности.

А во-вторых, политическая слабость «ленинградцев» заключалась в том, что они слишком рано уверовали в то, что Сталин в 1948 г. искренне назвал своими преемниками по государственной и партийной линии после своего ухода из жизни Н. Вознесенского и А. Кузнецова. Их политическая наивность сказывалась буквально во всем. Так, тот же Алексей Кузнецов, едва только пришедший на партийный политический Олимп, не нашел ничего лучшего для своего утверждения там, кроме грубых нападок на побочного сына Сталина К. Кузакова. Причем сделал это публично, на заседании Политбюро ЦК, в присутствии самого Генсека.

«Ленинградцы» действовали слишком прямолинейно, им явно не доставало царедворческого умения в плетении интриг, и уж слишком акцентированно подчеркивали они свою национальную (русскую) сущность. Думаю, что если бы они включили в свой состав 2–3 русских еврея, то они никогда бы не насторожили Сталина в отношении своих намерений и скорее всего обиграли бы противостоящую им группу во главе с Маленковым. И тогда их дело увенчалось бы успехом: Сталин был бы отстранен от своих властных функций, а СССР в своем внутреннем развитии ориентировался бы на подъем жизненного уровня населения, а не на гонку вооружений. Думаю, однако, что в конце концов всё это неизбежно закончилось бы распадом искусственного

³ Костырьченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. Изд. 2-е, доп. М.: Международные отношения, 2003. С. 289.

⁴ См.: Симеунович Драган. Нация и глобализация / Пер. с серб. В.Д. Кузнецевского. М., 2013. С. 76–78.

ленинско-сталинского монстра — Советского Союза, и не в 1991-м, а гораздо раньше. Но было, как было.

А теперь — о содержании «Ленинградского дела» подробно.

Об авторах «Ленинградского дела»

Технически инициаторами по осуществлению репрессий в отношении руководящего состава русской нации, от начала и до конца, выступили три человека: этнический македонец, сын железнодорожного служащего из Оренбурга **Г.М. Маленков**, этнический грузин (мингрел), сын бедного крестьянина **А.П. Берия**, украинизированный русский, сын бедного крестьянина из села Калиновка Курской области (на границе с Украиной) **Н.С. Хрущев**. Исполнителем функций палача, по чьему непосредственному распоряжению к арестованным применялись изуверские физические пытки, был этнический русский, сын истопника и прачки, министр государственной безопасности СССР **В.С. Абакумов**. Активно поддерживал эту группу человек, непонятно как оказавшийся в узком высшем руководстве страны, поскольку, по отзывам современников, был абсолютно бездарен во всех делах, которыми по воле Сталина он занимался, — сын приказчика мукомольной фабрики, этнический русский **Н.А. Булганин**.

Но подлинным мотором всей этой операции был сам вождь Страны Советов. Именно он приказал арестовать проходящих по «Делу» основных фигурантов, по ходу судебного процесса одобрил предложение Маленкова и Берии вернуть в судопроизводство смертную казнь⁵, лично правил тек-

стовую часть обвинительного приговора, требуя от судебной коллегии вынесения «ленинградцам» расстрельного вердикта, регулярно требовал от Абакумова протоколы допросов братьев Вознесенских, внимательно вчитываясь в них и вплоть до расстрела обвиняемых интересовался, приведен ли приговор в исполнение.

30 сентября 1950 г. в Ленинграде состоялся суд, который правильнее было бы назвать судилищем, над центральной группой фигурантов по «Ленинградскому делу»: **Вознесенским Н.А.**, членом Политбюро ЦК ВКП(б), заместителем председателя Совета Министров СССР, председателем Госплана СССР, депутатом Верховного Совета СССР, действительным членом АН СССР; **Кузнецовым А.А.**, секретарем ЦК ВКП(б), членом Оргбюро ЦК, начальником Управления кадров ЦК партии, депутатом Верховного Совета СССР; **Родионовым М.И.**, председателем Совета Министров РСФСР, кандидатом в члены ЦК ВКП(б), членом Оргбюро ЦК ВКП(б), депутатом Верховных Советов СССР и РСФСР; **Попковым П.С.**, первым секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), кандидатом в члены ЦК ВКП(б), депутатом Верховного Совета СССР; **Капустиним Я.Ф.**, вторым секретарем Ленинградского горкома ВКП(б), депутатом Верховного Совета СССР; **Лазутиным П.Г.**, председателем исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся, депутатом Верховного Совета СССР.

Спустя час после оглашения приговора они были расстреляны, тела их зарыты на Левашовской пустоши под Ленинградом и засыпаны негашеной известью. И.М. Турко, Т.В. Закржевскую и Ф.Е. Михеева осудили на длительное тюремное заключение.

Затем на московском процессе по «Ленинградскому делу» к смертной казни были приговорены ещё 20 человек. После немедленного расстрела тела их вывезли на кладбище Донско-

⁵ С 1946 г. смертная казнь в СССР была отменена. Но в ходе судебного процесса над «ленинградцами» 12 января 1950 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О применении смертной казни к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам».

го монастыря, кремировали, сбросили в яму и зарыли. Таким образом, расстрелу были подвергнуты 26 руководителей РСФСР, 6 человек скончались в ходе допросов. Репрессированы были и члены их семей.

Судебные процессы и моральные и политические расправы над этническими русскими руководителями по «Ленинградскому делу» продолжались по всей стране вплоть до смерти Сталина⁶. В Ленинграде на длительные сроки тюремного заключения были осуждены больше 50 человек, работавших секретарями райкомов партии и председателями райисполкомов. Свыше 2 тысяч человек были исключены из ВКП(б) и освобождены от работы. Тысячи руководящих работников были репрессированы в Новгородской, Ярославской, Мурманской, Саратовской, Рязанской, Калужской, Горьковской, Псковской, Владимирской, Тульской и Калининской областях, в Крыму и на Украине, в среднеазиатских республиках. Отстранены от должностей и понижены в должностях более двух тысяч военных командиров по всей стране. Всего (по позднейшим оценкам) по всему СССР, но в основном по РСФСР, репрессиям по этому «Делу» были подвергнуты более 32 тысяч этнически русских руководителей партийного, государственного, хозяйственного звена.

Репрессивная машина Сталина–Берии–Абакумова жалости не знала. Гребли всех, невзирая на возраст и степень родства и знакомств с арестованными. Так, 11-летняя дочь расстрелянного 28 октября 1950 г. Бубнова Алексея Александровича, секретаря исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся, Людмила была арестована сразу же по возникновении «Ленинградского дела», отконвоирована в детприемник-распределитель, а за-

тем направлена в трудовую воспитательную колонию №2 г. Львова (после смерти Сталина Людмила Алексеевна Бубнова (Вербицкая) окончила Ленинградский государственный университет, стала доктором филологических наук, профессором, ректором Санкт-Петербургского государственного университета, а с 2008 г. — президентом СПбГУ). А 84-летняя мать Александра, Николая, Марии и Валентины Вознесенских Любовь Гавриловна Вознесенская была арестована как «лицо, представляющее общественную опасность», осуждена на 8 лет ссылки и по этапу отправлена в Туруханский край (15 января 1951 г., не выдержав издевательств и мучений, скончалась в ссылке).

При этом репрессиям были подвергнуты только (и исключительно) этнически русские руководители.

В этой связи приведу только один, но типичный для того периода факт, который на многое, до сего дня закрытое, проливает свет.

Известный в России и за рубежом историк Константин Александрович Залесский, автор уникальных изданий «Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь» и исторической энциклопедии «Кто есть кто в истории СССР»⁷, узнав, что я работаю над исследованием «Ленинградского дела», поведал мне 13 марта 2013 г. историю своей семьи, подтверждающую тезис о том, что в 1949–1952 гг. Сталин действительно открыл охоту на этнически русских руководителей государственного, хозяйственного, партийного аппаратов в СССР. Вот этот рассказ.

Дед Залесского, А.Ф. Щёголев, потомственный русский, в 1950 г. работал министром легкой промышленности РСФСР. Ни о каком «Ленинград-

⁶ См.: Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. Сборник документов. М.: Политиздат, 1991. С. 319–320.

⁷ Залесский К.А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М.: ВЕЧЕ. 2001; *Он же*. Кто есть кто в истории СССР. М.: Вече, 2011.

ском деле» он и слыхом не слыхивал, и вдруг в середине года его вызывают в правительство, вручают трудовую книжку, где уже сделана запись, что он уволен по собственному желанию, и, не сказав даже «до свиданья», отбирают пропуск в здание министерства. Сказать, что министр был потрясен произошедшим с ним, — ничего не сказать. В СССР ведь в то время не было безработных, а тут — номенклатура ЦК ВКП(б) вдруг была выпровожена в буквальном смысле на улицу без выходного пособия и предложения нового места работы.

Оказавшись в таком положении, Алексей Федорович принялся обходить своих друзей и знакомых в поисках работы и узнал, что он такой не один: увольнениям без объяснения причин были подвергнуты все его русские знакомые начальствующего состава.

На работу экс-министру удалось устроиться только через год в глухом уголке Московской области инженером на мебельную фабрику. И только после смерти Сталина Алексею Федоровичу удалось вернуться в Москву и устроиться инспектором на ВДНХ. Только тут и узнал, что пострадал он по «Ленинградскому делу», что был тогда, в 1950 г., строжайший негласный приказ с самых властных верхов увольнять всех руководящих работников русской национальности.

До сих пор об этом явлении исследований нет. А вот о том, что Сталин в случае с «ленинградцами» был якобы «прав» и «расстреляли их» якобы правильно — об этом пишут (А. Мартиросян, Е. Прудникова, С. Миронин, например). В 2013 г. появилась даже первая (и пока единственная) монография по этой теме под названием «Московские против питерских: Ленинградское дело Сталина», где продемонстрирован фактически тот же подход. Монографию создал автор нескольких политических биографий Сталина С. Рыбас, без всяких сомне-

ний считающий Сталина «великим вождем».

Все пружины ленинградской трагедии 1949–1952 гг. до сих пор во многом окутаны тайной. Не смог раскрыть этой тайны и С. Рыбас. Скорее уж запутал читателей ещё сильнее. Это объяснимо. Часть хранящихся в архивах документов по этому «Делу» продолжает оставаться недоступной⁸ для историков. Архивисты говорят, что некоторые документы по этому «Делу» ранее 2020 г. и не будут открыты для исследователей. Но даже если доступ и будет открыт, полной картины уже всё равно не восстановить. Сразу после смерти Сталина часть архивных документов, относящихся к «Ленинградскому делу», была изъята из фондов Г.М. Маленковым, а часть просто уничтожена направленной в архивы ко-

⁸ См. статью к.и.н., сотрудника Центрального государственного архива историко-политических документов (Санкт-Петербург) Шульгиной Н.И. «“Ленинградское дело”: пора ли снимать кавычки. Мнение архивиста» // Журнал «Жизнь. Безопасность. Экология». 2009. №1–2. С. 281–289. Ссылаюсь также и на свой собственный опыт работы в ГАРФ и РГАСПИ в 2010–2012 гг.

Единственным человеком, которому после смерти Сталина удалось не только поработать с архивными документами «Ленинградского дела» в читальном зале КГБ СССР в советское время, но и беседовать с ответственными сотрудниками Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, которым при Хрущеве была поручена работа по пересмотру ряда сталинских политических процессов, в том числе и «Ленинградского дела», до сегодняшнего дня остается Л.А. Вознесенский — сын расстрелянного в 1950 г. министра образования РСФСР Александра Алексеевича Вознесенского. В неоднократных личных беседах Лев Александрович рассказывал автору настоящей книги о содержании хранящихся в архивах подробностях «Ленинградского дела». В частности и о том, что Маленков после смерти Сталина изъязил из этого архива 36 листов и не вернул их.

мандой, сформированной Н.С. Хрущевым, который целенаправленно заметал свои следы в репрессиях 1930-х гг. и в «Ленинградском деле».

Особенную в этом плане активность Хрущёв проявил, когда стало ясно, что Президиум ЦК согласился на расстрел сидящего в заключении Берии и перед Никитой Сергеевичем замаячила перспектива стать первым лицом не только в партии, но и в государстве (в сентябре 1953-го Маленков и Берия согласились назначить его 1-м секретарем ЦК). Последнее означало, что надо уничтожить следы его участия в расстрельных делах не только в 1930-х гг., но прежде всего в «Ленинградском деле», потому что это произошло совсем недавно и оставшиеся в живых русские члены ЦК могли ему лично поставить в вину участие в уничтожении руководящих кадров РСФСР. За две недели до расстрела Берии Хрущев дает задание своему клевету генералу армии И.А. Серову подготовить справку по «Ленинградскому делу». Тот, будучи обязан Хрущеву своим назначением на должность первого заместителя министра внутренних дел СССР, в ходе подготовки этой справки вычистил все следы участия Хрущева в уничтожении «ленинградцев». А в справке, которую он 10 декабря 1953 г. вместе с министром МВД Кругловым представил Хрущеву, упор был сделан на необходимости «в месячный срок опротестовать в установленном законом порядке перед Верховным судом СССР и отменить решение Военной коллегии и Особого Сопровождающего МГБ по лицам, незаконно осужденным» по Ленинградскому делу в 1949–1951 годах⁹.

Проведенная Серовым операция позволила Хрущеву в 1957 г. на Пленуме ЦК, который отстранил Маленкова от

всех должностей в верховной власти СССР, обвинить последнего в том, что именно тот организовал «Ленинградское дело». Маленков на этом Пленуме ЦК попытался было и Хрущева пристегнуть к участию в репрессиях в отношении руководства РСФСР, но у него это не получилось: Хрущев уверенно заявил, что его следов в «Ленинградском деле» нет. Как следует из стенограммы заседания, Маленков, зная о проведенной Серовым работе в архивах в 1953 г., с сарказмом бросил фразу: «Ну конечно, ты у нас, Никита Сергеевич, как всегда чист».

В советское время в последний раз «Ленинградское дело» было рассмотрено 5 марта 1988 г.

В заключении Комитета партийного контроля при ЦК КПСС отмечено: «Вопрос о преступной роли Г.М. Маленкова в организации так называемого “Ленинградского дела” был поставлен после июньского (1957) пленума ЦК КПСС. Однако Г.М. Маленков, заметая следы преступлений, почти полностью уничтожил документы, относящиеся к “Ленинградскому делу”».

Подвергнутый в ходе этого рассмотрения допросу бывший зав. Секретариатом Маленкова А.М. Петроковский рассказал, что в 1957 г. он произвел опись документов, изъятых из сейфа помощника Маленкова Суханова. Как оказалось, Маленков хранил в сейфе специальную папку с надписью «Ленинградское дело». В ней находились объяснения первого секретаря (с 1949 г.) Ленинградского обкома В.М. Андрианова, подготовительные материалы выступления Маленкова в Ленинграде на партактиве по «Ленинградскому делу», проекты постановлений Политбюро ЦК об исключении из членов ЦК ВКП(б) Н.А. Вознесенского и других. В 1957 г., перед осуждением «антипартийной группы Маленкова, Молотова и других», Маленков многие материалы из этой папки брал домой (в папке сохранились записи о номерах изъятых листов), но когда в КПК при

⁹ См.: Докладная записка С.Н. Круглова и И.А. Серова Н.С. Хрущеву о реабилитации родственников лиц, осужденных по «Ленинградскому делу» от 10.12.1953 г. // ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3289. Л. 63–64.

ЦК КПСС ему было предъявлено требование вернуть взятое, Маленков заявил, что он эти листы уничтожил как личные документы¹⁰.

Словом, «Ленинградское дело» все ещё стоит на листе ожидания своего летописца и аналитика. А пока, за именем лучшего, за описание (именно описание) этого непростого феномена берутся в основном журналисты, которые, к сожалению, слишком часто грешат не основанными на фактах собственными догадками, строят версии, которые не выдерживают и простого логического анализа.

Я в этой статье, естественно, не могу не затрагивать эти публикации (благо их не так уж много), но в основном текст этой главы строится на анализе документов, как уже опубликованных, так и хранящихся в архивах, а также на анализе бесед с людьми, пережившими ленинградскую трагедию как свою личную судьбу.

Ход «Дела»

Почему возникло, как начиналось и развивалось т.н. «Ленинградское дело»?

Если судить по текстам обвинительных приговоров, проекту секретного письма Политбюро членам ЦК ВКП(б) под названием «Об антипартийной враждебной группе Кузнецова, Попкова, Родионова, Капустина, Соловьева и др.» от 12 октября 1949 г., авторами которого выступили Маленков и Берия, и представленному 18 января 1950 г. Сталину министром госбезопасности СССР В. Абакумовым проекту «Обвинительного заключения по делу привлекаемых к уголовной ответственности участников вражеской группы подрывников в партийном и советском аппарате» в составе 10 человек, «ленинградцам» были предъявлены следующие обвинения:

1) проведение в Ленинграде без разрешения ЦК ВКП(б) т.н. Всесоюзной оптовой торговой ярмарки по реализации неликвидной потребительской продукции;

2) якобы сфальсифицированные результаты выборов руководящих партийных органов в ленинградской партийной организации на партийной конференции в декабре 1948 г. (были заменены несколько бюллетеней «против» на бюллетени «за»);

3) пропажа в Госплане СССР с 1944 по 1948 г. 236 секретных документов, относящихся к планированию народнохозяйственного комплекса страны;

4) занижение планов хозяйственного развития страны в первом квартале 1949 г.;

5) расхищение крупных государственных средств в целях личного обогащения;

6) проведение «линии на отрыв ленинградской парторганизации и противопоставление её ЦК ВКП(б)» и «высказывание изменнических замыслов о желаемых ими изменениях в составе советского правительства и ЦК ВКП(б)».

Большинство пишущих о «Ленинградском деле» утверждают, что началось оно с проведения 10–20 января 1949 г. в Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарки, которую руководители «второй столицы» провели якобы несанкционированно, превратили во всесоюзную и (тоже якобы) тем нанесли многомиллиардный (в рублях) ущерб народному хозяйству страны.

Произведенные мною исторические (в том числе архивные) «раскопки» позволяют прийти к выводу, что это утверждение представляет собой либо добросовестное заблуждение, либо преднамеренную ложь и подтасовку фактов с целью снять ответственность за кровавое «Ленинградское дело» лично со Сталина (сторонники этой версии обеими ногами стоят

на тезисе: «правильно расстреляли»)¹¹.

К этой пресловутой выставке мы ещё вернемся, а сейчас следует отметить, что на самом деле всё началось гораздо раньше и совсем не с нее.

Как пишет главный специалист Государственного архива Российской Федерации, д.и.н. О.В. Хлевнюк¹², осенью 1948 г. в процессе доклада Н. Вознесенским Сталину плана экономического развития страны на 1949 г. Генсеку показалось, что план роста промышленного производства первого квартала 1949 г. выглядит слишком скромно, и он предложил повысить его на 5%.

В архивных документах не сохранилось следов мотивации этой сталинской интервенции. Думаю, что причина была простой: Генсек сравнил поквартальные планы роста промышленности и не понял — почему темпы роста первого квартала ниже, чем последнего. Вознесенский, по идее, должен был объяснить вождю, что по нашему стародавнему советскому обычаю в декабре люди из кожи лезут, чтобы закрыть год с хорошими показателями, получить свои премии и встретить Новый год с хорошим настроением, а первый квартал следующего года всегда начинается с раскочки и потом всё наверстывается по ходу дела. Председатель Госплана едва не впервые в плане промышленного развития 1949 г. отразил эти реалии, а не дутые цифры, но объяснять это Сталину у него смелости не достало. С поправкой вождя он согласился, а изменение натуральных показателей в плане оставил «на потом», по-видимому, рассчитывая сделать это по ходу. Но до сведения подчиненных информацию о сталинской поправке довёл сразу же.

Сотрудники Вознесенского при ра-

боте с планом это учли, и 15 декабря 1948 г. три руководящих работника Госплана направили председателю Госплана записку, в которой сообщили, что в связи с перевыполнением плана четвертого квартала 1948 г. имеется возможность изменить плановые натуральные показатели первого квартала следующего года в сторону увеличения на 1,7 млрд рублей. Вознесенский записку прочитал, с предложением согласился и прямо на тексте записки поручил внести соответствующие изменения в план первого квартала 1949 г.

Распоряжение было сделано, но реализация его затянулась, что-то в бюрократической машине Госплана не сработало вовремя. Кто-то в самом Госплане это обнаружил и в январе 1949 г. уведомил об этом члена Политбюро ЦК ВКП(б), секретаря ЦК, председателя оргбюро ЦК, заместителя председателя Совмина СССР, председателя Бюро СМ СССР Г.М. Маленкова.

Как следует из текста О.В. Хлевнюка, опытный царедворец Маленков, который уже давно искал поводы для компрометации Н. Вознесенского (о причинах этого столкновения интересов будет сказано подробно ниже), использовал этот промах коллеги по Политбюро на сто процентов, но не напрямую, а по-иезуитски. Он не стал сам информировать Сталина о том, что его распоряжение якобы проигнорировано Вознесенским, а пошел в атаку на Вознесенского обходным путем.

В начале февраля 1949 г. связанный с Маленковым первый заместитель председателя Госснаба СССР М.Т. Помазнев вдруг ни с того ни с сего направляет на имя Сталина записку о том, что председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский закладывает в годовые планы экономического развития страны заведомо заниженные показатели. Прямого выхода на Генсека у Помазнева, естественно, не могло быть, и потому записка ложится на стол Маленкову, который тут же от-

¹¹ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб: Норма, 2009. С. 46.

¹² Хлевнюк Олег. Ленинградское дело и дело Госплана. URL: http://rulibs.com/russian/sci_historyhlevnyuk/0/lj24.html

дает её Берии, а тот передает Сталину сразу два документа: копию записки трех руководящих работников Госплана от 15 декабря Н. Вознесенскому (без резолюции на ней последнего) и записку Помазнева.

Судя по всему, Сталин сразу же, что называется, «навострил уши»: вышло так, что Вознесенский не только игнорирует личные указания вождя, но ещё и делает это за его спиной! И назначает комиссию Совмина СССР по проверке этого факта, а во главу комиссии, по совету Берии, ставит Маленкова.

Это был именно то решение, которого и добивался Маленков.

А между этими событиями Маленков сделал еще один судьбоносный для «ленинградцев» шаг. Внешне он был направлен на компрометацию политического руководства Ленинграда и РСФСР, но цель-то была — политически подобраться к главной фигуре — Николаю Александровичу Вознесенскому, которого Сталин к этому времени вслух назвал своим преемником по государственной линии, фактически взамен Маленкова.

Речь шла о Всероссийской оптовой ярмарке в Ленинграде.

С этой ярмаркой с самого начала и до самого конца творились чудеса бюрократической эквилибристики.

Нынешние сторонники «правильности» действий Сталина в «Ленинградском деле» — питерская журналистка Е. Прудникова и итальянско-российский журналист (с двойным гражданством), выступающий под псевдонимом Сигизмунд Сигизмундович Миронин (настоящего своего имени не раскрывает, отделяясь репликой, что не пришло ещё время), утверждают, что ленинградское руководство, проводя в январе 1949 г. в Ленинграде Всероссийскую торговую оптовую ярмарку товаров народного потребления и продовольственных товаров, совершило «антинародное преступление», выразившее-

ся в том, что в условиях, «когда страна только что начала отходить от голода 1947 года», допустило порчу этих товаров, что привело к «астрономическому ущербу в четыре миллиарда рублей». «Уже за одно только это, — пишет из своего итальянского далека С. Миронин, — люди, совершившие подобный шаг, заслуживают самого серьезного наказания»¹³.

О чем действительно идет речь?

Никто сегодня уже не может ответить на вопрос, каким образом создавалась совершенно фантастическая ситуация, когда после Войны, в условиях острейшей нужды, на складах Министерства торговли СССР скопилось неликвидных товаров народного потребления на сумму более 5 млрд рублей. В том числе и продовольственных. Но терпеть такую ситуацию правительство дальше не могло, и 14 октября 1948 г. Бюро Совмина СССР под председательством Н. Вознесенского (председателем Бюро на тот момент был Сталин, а его заместителями, которые попеременно вели заседания, были Вознесенский, Маленков и Берия) приняло решение о разработке мероприятий по реализации этих неликвидов. Позднее в числе этих мероприятий были названы межобластные оптовые ярмарки, куда был разрешен вывоз этих неликвидов и их реализация. Наибольшее количество подобных товарных остатков собралось в РСФСР, и руководство республики (предсовмина РСФСР Н.И. Родионов) приняло решение провести 10–20 января 1949 года в Ленинграде Всероссийскую оптовую ярмарку с приглашением участвовать в ней торговых организаций союзных республик.

В Ленинград были свезены образцы товаров 450 наименований. Ярмарка прошла успешно. Как пишет профессор В.А. Кутузов, «по образцам заключались сделки и договоры на до-

¹³ Миронин С.С. Сталинский порядок. М.: Алгоритм, 2007. С. 114–115.

ставку товаров в различные районы. *А до этого товары, в том числе и продовольственные, хранились на базах и складах производителей.* Всего было предложено заключить договоры на поставку промышленных товаров на 6 млрд рублей и продовольственных — на 2 млрд рублей¹⁴. Об этих сделках 8, 11 и 21 января сообщала на своих страницах «Ленинградская правда». То есть всё происходило открыто и гласно.

Перевирая эти факты, Е. Прудникова, С. Миронин, А. Мартиросян пишут, что на эту оптовую ярмарку были якобы свезены ВСЕ товары, они там якобы испортились и нанесли ущерб народному хозяйству на 4 млрд рублей¹⁵ и потому, дескать, Сталин «правильно расстрелял» «ленинградцев»¹⁶. Желание этих авторов с помощью подтасовки фактов «реабилитировать» Сталина в «Ленинградском деле» объяснить можно, но ложь оправдания не имеет.

Небезынтересно, что к этому искажению фактов в последнее время присоединился и С. Рыбас. Здесь всё те же подтасовка и искажение фактов, всё та же логика (в огороде бузина, а в Киеве дядька) и всё то же стремление оправдать Сталина с его «расстрельным приговором» высшим руководителям РСФСР.

Ленинградцы были абсолютно уверены в рутинности своих действий по поводу проведения этого мероприятия и никакого подвоха не опасались. Они не подозревали, что в Москве Маленков затеял большую политическую интригу против Н. Вознесенского с це-

люю устранения его как соперника во власти.

Но через три дня после начала работы ярмарки, 13 января 1949 г., председатель Совета Министров РСФСР М.И. Родионов почувствовал, что что-то здесь идет не так, и решил подстраховаться: направил Маленкову специальное письмо с докладом о ходе работы ярмарки и о проявлении большого интереса к ней со стороны торговых организаций союзных республик.

Но оказалось, что заместитель председателя Совета Министров СССР только и ждал повода для развития атаки на Н. Вознесенского. Сразу по получении этой депеши прямо на письме Родионова Маленков написал: «Товарищам Берии Л.П., Вознесенскому Н.А., Микояну А.И. и Крутикову А.Д. Прошу Вас ознакомиться с запиской тов. Родионова. Считаю, что такого рода мероприятия должны проводиться с разрешения Совета Министров».

Вот эта январская резолюция и стала по-настоящему спусковым крючком «Ленинградского дела».

Маленков и Берия немедленно расширяют поле наступления на, условно говоря, «ленинградцев», и к двум главным направлениям (якобы непрофессиональное и политически неправильное руководство Н. Вознесенским Госпланом и, опять же якобы, превышение полномочий ленинградским руководством в деле проведения Всероссийской оптовой ярмарки, хотя бы и с разрешения заместителя председателя Бюро Совмина СССР Н. Вознесенского) Маленков добавил третье и тоже вывел его на Сталина.

Этим третьим эпизодом стали нарушения в подсчете голосов во время выборов партийных руководителей в Ленинграде в конце 1948 г.

25 декабря 1948 г. в Ленинграде состоялась X областная и VIII городская объединенная партийная конференция, в ходе которой были проведены выборы руководящих партийных орга-

¹⁴ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб.: Норма, 2009. С. 47–48.

¹⁵ См.: *Мартиросян А.Б.* Двести мифов о Сталине. Миф № 176 «Сталин незаконно и жестоко расправился с ним в чем не повинными руководителями ленинградской организации (Ленинградское дело)». URL: http://gramotey.com/?open_file=12690884#ТОС_id290036

¹⁶ Судьбы людей... С. 46.

нов. На должность 1-го секретаря горкома партии был избран Попков П.С., 1-го секретаря обкома партии — Бадаев С.Ф., 2-го секретаря горкома — Капустин Я.Ф., председателем Ленисполкома — Лазутин П.Г. Как было зафиксировано в протоколах избирательной комиссии, все руководители были избраны единогласно.

Но в первых числах января 1949 г. в ЦК ВКП(б) на имя Сталина поступило письмо анонимных авторов, в котором говорилось о том, что «*очень многие коммунисты*» голосовали против руководителей Ленинграда.

Письмо было анонимным, но не случайным. Судя по всему, оно было инспирировано из Москвы, и знающие люди подозревали тогда и так считают и сегодня, что этими анонимами были люди, связанные с Маленковым.

По существующим тогда правилам анонимные письма на имя Сталина (а это были сотни, а иногда даже и тысячи в день) на стол Сталина, как правило, не попадали. Их рассматривал аппарат Генсека, где конечной инстанцией, принимавшей решение класть их в папку для доклада или отправить гулять по аппарату ЦК партии, был генерал-лейтенант А.Н. Поскребышев, заведующий канцелярией Генсека, личный секретарь Сталина. Кроме него в Кремле было всего лишь два человека, кто мог лично положить на стол Сталина, то есть отдать ему в руки, анонимный документ, — Берия и Маленков. Как попало к Генсеку это письмо из Ленинграда, теперь уже выяснить невозможно. Известно только, что Генсек держал его в руках, прочитал немедленно и вызвал Маленкова для прояснения ситуации.

Маленков, судя по всему, именно в этот момент и доложил Сталину, что в Ленинграде идет какая-то непонятная Всероссийская оптовая ярмарка, на которую съехались торговые делегации из всех союзных республик, и что ему, Маленкову, об этом мероприятии ничего не известно.

Сталин был обеспокоен и приказал Маленкову через Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) разобраться и с партконференцией, и с ярмаркой. Уже 12 января Комиссия доложила, что действительно против Попкова на партконференции было подано 4 голоса, против Бадаева — 2, против Лазутина — 2, против Капустина — 15¹⁷.

Вот после двух дней работы этой Комиссии в Ленинграде, 13 января 1949 г., председатель Совмина РСФСР Родионов и направил письмо Маленкову о работе в Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарки, достоверно не зная о том, что колесо дискредитации российского руководства в глазах Сталина уже всюду крутится, а у штурвала этого колеса стоит именно Маленков.

Международный журналист Сигизмунд Миронин о работе Комиссии КПК пишет так: «Попков, Капустин и Кузнецов подтасовали партийные протоколы по избранию на ответственные должности на объединенной партконференции города и области 25 декабря 1948 года, когда 23 бюллетеня с головами “против” были заменены на положительные для руководства... В то время самым ужасным преступлением высокопоставленного партийного или государственного деятеля была измена. Но не меньшим преступлением была и фальсификация партийных выборов. *Дело партии было священным*, и в особенности внутрипартийные выборы тайным голосованием, которые считались наиболее эффективным инструментом внутрипартийной демократии»¹⁸.

Оставим пока в стороне демагогические рассуждения Миронина (и Мартиросяна) о «священном» характере «внутрипартийной демократии» в ВКП(б). Не будем напоминать читателю и о том, сколько партийных функционеров, избранных в руководящие партийные органы до Войны и после

¹⁷ См.: Шульгина Н.И. Указ. соч.

¹⁸ Миронин С.С. Указ. соч. С. 113.

нее, расстались с жизнью по нормам этой самой «священной внутривластной демократии», а таких были десятки тысяч.

Миронин ведь не случайно не упоминает о том, что делегатов на упомянутой ленинградской конференции было около 1200, и 23 голоса, поданных «против» старого партийного руководства, ничего, конечно же, не решали.

Он просто-напросто вслед за Маленковым, Берией, Хрущевым и Сталиным повторяет их ложь по поводу действий ленинградского руководства. Они-то ведь прекрасно знали и о казусе XVII съезда ВКП(б), прошедшего 26 января — 10 февраля 1934 г., так называемого «съезда победителей». 1966 делегатов было избрано на этот съезд, из них 1227 с решающим голосом и 739 — с совещательным. Почти все они потом были расстреляны, но дело даже не в этом. После XX съезда КПСС стало известно, что несколько сот делегатов на том съезде при тайном голосовании руководящих парторганов проголосовало против членов Политбюро. Выживший после съезда член счетной комиссии этого съезда, делегат от московской парторганизации В.М. Верховых в записке в Комитет партийного контроля ЦК КПСС 23 ноября 1963 г. вспоминал: «Сталин, кажется, имел 122 или 123 голоса “против”, а Молотов и Каганович — каждый более 100 голосов. Но все бюллетени “против” были уничтожены».

Об этом инциденте в партии уже тогда знали многие. За что и поплатились. А современные западные советологи в один голос говорят, что хотя более сотни голосов против Сталина на том съезде было действительно подано, но признают, что этот факт никак не мог повлиять на выборы руководящих органов.

На партконференции в Ленинграде несколько голосов из 1200 действительно были поданы против отдельных членов партруководства города и об-

ласти, но, как удалось выяснить Комиссии КПК, ни Попков, ни Лазутин, ни Капустин и другие руководители об этом не знали. Председатель счетной комиссии партконференции А.Я. Тихонов не стал ставить в известность руководство Ленинграда и области о нескольких поданных голосах «против» и на конференции объявил, что все эти лица прошли единогласно.

Нет слов, это было нарушение партийных норм. Не вызывает удивления и то, что Маленков, а вслед за ним и Сталин объявили это «фальсификацией» выборов. Им эта подтасовка была нужна для того, чтобы представить ленинградское руководство перед партийной общественностью города преступниками.

Не стану больше утомлять читателя подробным «разбором полётов» по поводу пропажи документов в Госплане с грифом «секретно» и обвинениях «ленинградцев» по части так называемого личного обогащения. При ближайшем рассмотрении ситуация, взятая в целом, показывает, что и здесь в основном идут подтасовки и домыслы. Материал этот в моём распоряжении имеется, но, скажу откровенно, возиться с ним и скучно, и омерзительно. Намного интереснее (и полезнее) разобраться с основными причинами «Ленинградского дела».

Народ-победитель не заслужил достойную жизнь

Пишущие о «Ленинградском деле» слишком часто сводят всю канву этих событий к «грызне за власть» между различными группировками под сталинским властным покровом. С Рыбас даже свою монографию так и назвал: «Московские против питерских». А главу 14 завершил такой сентенцией: «Что же, противостояние элит по линии “московские — питерские” здесь показано достаточно полно» (с. 181). Резонным такой вывод назвать сложно. Хотя бы по внешним признакам: Берия, Маленков, Хрущев, да и сам

Сталин по происхождению «московскими» не были, а Жданов, Вознесенский, Кузнецов и многие другие фигуранты «Ленинградского дела» не были «питерскими».

Нет слов, противостояние между властными группировками место имело. Известен и тот, кто эту борьбу постоянно провоцировал и разжигал, если видел, что она начинает затухать. Но сводить всю политику в управлении государством только к борьбе за власть недостаточно. Были и причины глубинного характера.

Ещё в последний год Войны часть руководства СССР, пришедшая во власть не из союзных республик, а из центральных областей России, выступила с предложением по завершении военных действий изменить приоритеты в развитии экономики страны и перейти к преимущественному росту не производства средств производства, а продовольствия и предметов широкого потребления. Это были руководители, которых собирал под своим крылом выходец из Нижегородского губкома (Горьковского обкома) ВКП(б), руководивший в Войну блокадным Ленинградом, ставший в 1944 г. секретарем ЦК А.А. Жданов. В это «крыло» постепенно вошли его выдвиженцы — первый секретарь МГК и МК ВКП(б) и секретарь ЦК Г.М. Попов, председатель Госплана СССР, член Политбюро ЦК Н.А. Вознесенский, секретарь ЦК А.А. Кузнецов, председатель Совмина РСФСР М.И. Родионов и другие, которых позднее судебное дело объединило всех под именем «ленинградцы» (хотя все они были выходцами из разных центральных областей РСФСР).

Всех их объединяла одна мысль: *русский народ заплатил немисливо высокую цену за Победу в Великой Отечественной войне и заслужил достойную жизнь по завершении своего подвига.*

В осуществление своих замыслов «ленинградцы» (будем всех их условно называть так) предложили Сталину

заложить в послевоенный план экономического развития страны, рассчитанный на три пятилетки, опережающие темпы развития отраслей промышленности группы «Б» по сравнению с отраслями группы «А», производящими производство средств производства.

Такие структурные изменения в экономике требовали изменений в политике и идеологии, и «ленинградцы» предложили Генсеку провести ряд политических мероприятий. Сын А.А. Жданова Юрий Жданов вспоминал:

«На заседании Политбюро сразу после окончания войны А.А. Жданов обратился к Сталину с предложением: “Мы, вопреки Уставу, давно не собирали съезд партии. Надо это сделать и обсудить проблемы нашего развития, нашей истории”. Отца поддержал Н.А. Вознесенский. Остальные промолчали»¹⁹.

Как пишет первый архивист независимой России Рудольф Пихойя, «Жданов и Вознесенский предприняли попытку поднять жизненный уровень народа, вводя существенные изменения в управление экономикой страны»²⁰.

Самое удивительное в этой истории заключается в том, что Сталин «загорелся» предложенной идеей и разрешил «ленинградцам» готовиться к этому повороту: разработать не только новый Устав партии, но и новую Программу ВКП(б), и поддержал предложение А. Жданова в 1948 г. провести XIX съезд ВКП(б). Работу «ленинградцы» начали незамедлительно.

Как отмечают А. Пыжиков и А. Данилов, основную часть подготовки к новому повороту в экономике взял на себя председатель Госплана, заместитель председателя правительства СССР, член Политбюро Н. Вознесен-

¹⁹ Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. Ростов-н/Д., 2004. С. 227.

²⁰ Пихойя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 1998. С. 62.

ский. Руководимый им журнал «Плановое хозяйство» (орган Госплана) в целом ряде своих публикаций взял курс на пропаганду экономических рычагов организации производства и распределения — денег, цены, кредита, прибыли, премий. Благодаря усилиям Вознесенского была разрешена торговля в городах и рабочих поселках продовольствием и товарами широкого потребления, ставилась задача повсеместного расширения сети магазинов и лавок. 6 января 1947 г. передовая статья газеты «Правда» указывала ориентир в этом плане: «Чем шире будет развернут товарооборот, тем быстрее поднимется благосостояние советских людей»²¹.

Полным ходом шла разработка проекта новой Программы партии. В 1947 г. для этой цели решением Политбюро была создана специальная комиссия по ее подготовке. Основную тяжесть работы в этом плане взял на себя Н. Вознесенский, разработавший план экономического развития страны на 30 лет.

Основной упор был сделан на решении социальных проблем — жилищное строительство (к концу 1970-х обеспечить большинство городского населения отдельными квартирами и бесплатными коммунальными услугами), перейти к массовому производству легковых автомобилей для населения по доступным для людей ценам, переложив основные затраты при этом на государство, много внимания уделялось инфраструктурным проектам, то есть, говоря современным языком, созданию среды обитания для среднего человека.

Были обозначены и совсем уж революционные новации: в проекте Программы впервые была поставлена задача замены государства диктатуры пролетариата общенародным государ-

ством и вообще постепенного сужения политических функций последнего; было предложено создать механизм всенародного голосования по важнейшим вопросам государственного развития и предоставить законодательную инициативу общественным организациям; планировалось ввести принцип конкурентной выборности руководителей²².

Все эти новации Жданов и Вознесенский формулировали в тесном контакте с Генсеком. В семье Вознесенских сохранилась информация о том, как уже и после смерти Жданова Сталин очень много времени проводил в разговорах с Вознесенским на Ближней даче, работали в кабинете Сталина, обсуждали все эти проблемы во время длительных совместных прогулок вдвоем.

К 1948 г. Н. Вознесенский подготовил монографию «Политическая экономика коммунизма» (822 машинописные страницы), которую до самой смерти считал главным трудом своей жизни.

Но в высшем руководстве страны существовала группа людей, которая придерживалась иных взглядов на прогнозное развитие СССР. Эта группа опиралась на сталинский тезис о том, что СССР, существуя во враждебном окружении империалистических государств, должен первостепенное внимание уделять не немедленному улучшению жизни населения, а росту расходов на оборонные нужды, и в том числе на производство ядерной составляющей. Решать одновременно две такие крупные задачи, как оборона и социальные проблемы, СССР не в состоянии, считали они. А потому повышение жизненного уровня людей должно быть принесено в жертву резкому наращиванию оборонных расходов и экономической поддержке стран Восточной Европы, которые следует держать под жестким контролем Москвы.

²¹ Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 232–233.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 476. Л. 25–28.

Во главе этой второй группы стояли Маленков и Берия. Оба были вхожи к Сталину и оба стремились торпедировать многие инициативы Жданова и Вознесенского по развитию социальной сферы.

Совершенно неожиданно на стороне «ленинградцев» автономно и самостоятельно выступил академик Варга, крупнейший ученый-международник, пользующийся большим авторитетом не только в СССР, но и за рубежом. В специальных записках он рекомендовал вождю, как и «ленинградцы», сконцентрироваться на проблемах внутреннего экономического развития, но Сталин от этих рекомендаций отмахнулся (подробнее об этом ниже).

К 1947 г. политическая линия Сталина начинает претерпевать изменения. Как считают А. Пыжиков и А. Данилов, Сталин пришел к выводу, что необходимо высвободить финансовые средства для противостояния с западными странами в «холодной войне», а для этого следует перейти к жесткой политике государства в социально-экономической сфере²³.

Принятием целого ряда постановлений правительства был значительно ужесточен налоговый пресс на население, но в особенности на крестьянство. В мае 1947 г. специальным постановлением правительства была сохранена практика военных лет о повышении минимума трудодней в колхозах и судебная ответственность за его невыполнение. Приусадебные участки колхозников были обложены дополнительными налогами. Крестьянам перестали выдавать хлеб на трудодни, а за так называемое «хищение хлеба» (сбор колосков с уже убранных полей) допускался расстрел. Как пишут вышеназванные авторы, «отдавая государству не только прибавочную, но и значительную часть необходимого продукта, де-

ревня переживала самые трудные годы в своей истории»²⁴.

В середине 1948 г. Жданов попадает в опалу. Вождь отстраняет его от политической деятельности и отправляет в двухмесячный отпуск с неопределенными перспективами на возвращение в политическую жизнь. В августе Жданов внезапно умирает от инфаркта, а через несколько месяцев Маленков переходит в последнее решающее наступление на всех «ленинградцев».

5 марта 1949 г. состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), принявшее Постановление ЦК «О Госплане». Проект Постановления был написан Маленковым. Вел заседание Политбюро Сталин. Проект Постановления был принят без изменения. В нем говорилось, что «Госплан допускает необъективный и нечестный подход к вопросам планирования и оценки выполнения планов, что выражается прежде всего в подгонке цифр с целью замазать действительное положение вещей...» В Постановлении было указано предусмотреть исправление плана развития народного хозяйства на 1949 г. «в сторону увеличения плана производства промышленной продукции на март и II квартал 1949 года». В Постановлении было записан пункт об освобождении Вознесенского Н.А. от должности председателя Госплана и назначении в Госплан «специального уполномоченного ЦК ВКП(б) по кадрам»²⁵.

Роль Маленкова вообще была самой зловещей в этом «Деле». Сын его, А.Г. Маленков, попытался было оспорить роль своего отца в уничтожении «ленинградцев»²⁶, но документы непровержимо свидетельствуют об обратном.

Если документы ЦК КПСС в 1955 г. возлагают на Маленкова еще только

²⁴ Там же. С. 142–154.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1074. Л. 59. Л. 107–116.

²⁶ Маленков А.Г. О моем отце Георгии Маленкове. М.: НТЦ, «Техноэкос», 1992. С. 88.

«моральную» ответственность за «ленинградский процесс», то в 1957 и в 1988 гг. он уже был прямо обвинен в организации этого «Дела».

Материалы КПК при ЦК КПСС 1989 г. не оставляют никакого сомнения в участии Маленкова в этом «деле»: «С целью получения вымышленных показаний о существовании в Ленинграде антипартийной группы Г.М. Маленков лично руководил ходом следствия по делу и принимал в допросах непосредственное участие. Ко всем арестованным применялись незаконные методы следствия, мучительные пытки, побои и истязания. Для создания видимости существования в Ленинграде антипартийной группировки по указанию Г. Маленкова были произведены массовые аресты... Более года арестованных готовили к суду, подвергали грубым издевательствам, зверским истязаниям, угрожали расправиться с семьями, помещали в карцер и т.д. Психологическая обработка обвиняемых усилилась накануне и в ходе самого судебного разбирательства. Подсудимых заставляли учить наизусть протоколы допросов и не отклоняться от заранее составленного сценария судебного фарса. Их обманывали, уверяя, что признания “во враждебной деятельности” важны и нужны для партии, которой необходимо преподать соответствующий урок на примере разоблачения враждебной группы. Однако вопрос о физическом уничтожении Н.А. Вознесенского, М.И. Родионова, П.С. Попкова, Я.Ф. Капустина, П.Г. Лазутина был предрешен до судебного процесса»²⁷.

Сын А. Берии Серго в своих мемуарах рассказал, что Кузнецова, Попкова, Родионова, Лазутина и Соловьева 13 августа 1949 г. Г.М. Маленков пригласил прийти к нему в кабинет, и именно здесь все они были арестованы офицерами НКВД даже без предъявления санкции прокурора.

Функции непосредственного исполнителя репрессий в отношении «ленинградцев» с огромной энергией выполнял министр госбезопасности В. Абакумов. По малейшему намеку Сталина Абакумов приказывал производить аресты, приказывал пытать фигурантов по «Ленинградскому делу», если те отказывались подписывать наветы на самих себя, помещал их в карцер-холодильник на несколько суток. Арестованных сотни раз вызывали по ночам к следователям и сутками не давали спать. А когда это не помогало, то подвергали зверским избиениям.

Ради выполнения приказа вождя — добиться «признаний» от арестованных — Абакумов не только подвергал их истязаниям, но шел на совершенно фантастические обещания и беспардонный обман и ложь. В материалах заседания КПК при ЦК КПСС 1988 г. есть показания о том, что «ленинградцам» обещали: даже если их приговорят к высшей мере, её никогда не приведут в исполнение²⁸.

В архивах не сохранились свидетельства этих пыток, так как «ленинградцы» если и писали бумаги, то только такие, в которых они опровергали возводимую на них ложь. Но на следователей они не жаловались, считая это ниже своего достоинства. В этом они кардинально отличались от своих палачей. В архиве сохранилась жалоба В. Абакумова на бывших его непосредственных подчиненных, которые подвергали его пыткам после его собственного ареста. Между про-

²⁸ Летом 2012 г. я спросил Л.А. Вознесенского: что означали в этом документе КПК слова о том, что следователи обманывали арестованных? Сославшись на беседы с членом Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС А.И. Кузнецовым, Лев Александрович рассказал, что следователи НКВД убеждали «ленинградцев», что если они подпишут навязываемые им протоколы допросов, то на самом деле их не расстреляют, а направят на подпольную партийную работу.

²⁷ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 130.

чим, камера-холодильник, в которую попал бывший глава МГБ, была той самой, куда по требованию Сталина, чтобы ускорить процесс «признания» в якобы совершенных ими преступлениях, Абакумов лично приказывал поместить Н.А. и А.А. Вознесенских.

Но это всё было потом, когда Сталин уже расправился с «ленинградцами» и Абакумов больше не был ему нужен. А в августе 1950 г. вождь приказал своему министру госбезопасности предоставить ему список обвиняемых по «Ленинградскому делу», и уже 10 августа такой список на десять человек был Генсеку представлен. Сталин был разгневан, в грубой форме и в матерных выражениях обругал Абакумова за «мягкотелость», потребовал увеличить список до 33 человек и приказал добиться от арестованных признательных показаний. Поскольку министр не знал, кого ещё включать в список, то Сталин лично вписал карандашом в список ещё 23 фамилии.

23 августа 1950 г. Абакумов представил Сталину новый проект обвинительного заключения уже на 33 человека, с протоколами допросов и личными «признаниями в преступлениях», полученными за эти месяцы от арестованных.

Но текст обвинительного заключения, представленный Абакумовым, Сталина не удовлетворил. Тогда за дело взялся Маленков.

По проекту обвинительного заключения, составленному Маленковым, Генсек лично «прошелся» с карандашом в руке и оставил в нем плотную личную правку. Изменил, в частности, очередность перечисленных фамилий. Вместо Н. Вознесенского на первое место вывел Кузнецова, а Вознесенского переместил на третье, написав: «Во главе обвиняемых поставить Кузнецова, затем Попкова и потом Вознесенского». К Кузнецову вождь вообще проявил почему-то повышенное внимание.

Маленков и Берия, кроме проек-

та обвинительного заключения, представили и проект закрытого обращения Политбюро к членам ЦК партии с разъяснением причин возникновения «Ленинградского дела» под названием «Об антипартийной враждебной группе Кузнецова, Попкова, Родионова, Капустина, Соловьева и др.». Сталин сильно поправил проект письма. В частности трижды ввел в текст имя А. Жданова, написав, что Кузнецов был переведен на работу в ЦК «по рекомендации т. Жданова», что Кузнецов злоупотребил «доверием тов. Жданова», что кадровые «назначения происходили при поддержке тов. Жданова, питавшего полное доверие к Кузнецову». При этом дважды зачеркивал слово «полное», менял его на «безграничное», но в конце концов все же оставил первоначальный вариант.

Надобно отметить, что в конце концов вся эта кропотливая работа Генсека с проектом закрытого письма во многом оказалась напрасной: он так и не решился познакомить с творением Маленкова и Берии не только широкую общественность, но даже членов ЦК ВКП(б). Вплоть до его смерти о расстрелах и репрессиях по этому «Делу» знал только самый узкий круг лиц. А с тех, кого согнали в Ленинграде на так называемый «открытый процесс» в Доме офицеров, взяли подписку о неразглашении, и никто из них до самой смерти Генсека не решился раскрыть рот. Какова была строгость соблюдения этой тайны, можно судить по тому, что о «Ленинградском деле» вплоть до смерти Сталина ничего не знали даже такие люди, как заместитель начальника Первого главного управления МВД СССР генерал-лейтенант П.А. Судоплатов, о чем он сам написал в своих мемуарах за два месяца до своей кончины в 1996 г.

Возникает естественный вопрос: почему Сталин не решился на обнародование этой информации? Ведь когда в 1930-е гг. он уничтожал своих старых соратников по партии и военные ка-

дры, об этом не только знала вся страна, но специально проводились массовые публичные мероприятия с осуждением обвиняемых. Почему же в случае с процессами 1949–1950 гг. была соблюдена такая секретность?

Думаю, что Сталин страшился именно огласки того, что массовая расправа им совершалась над представителями *русской* руководящей элиты. Он ведь только что, после Войны, вознес здравицу русскому народу, признав, что именно благодаря его таланту и мужеству СССР победил гитлеровскую Германию. Более того, Сталин практически принес публичные извинения русскому народу за военные поражения 1941 и 1942 гг., вина за которые, он это признал, лежит прежде всего на нем и его правительстве.

Наверное, нечеловеческая интуиция вождя подсказывала ему, что опасаться было чего. Прошло всего четыре года после Победы, а Генсек подверг кровавым репрессиям именно тех, кто в основном вынес на своих плечах эту Победу — представителей государственного, партийного, военного и хозяйственного аппарата не только Ленинграда и Ленинградской области, но практически всех областей Центральной России и выдвиженцев РСФСР на руководящую работу в другие союзные республики.

Таким образом, мы подходим к основной причине возникновения «Ленинградского дела».

Главное обвинение, предъявленное «ленинградцам» со стороны Сталина, было обвинение в «русском национализме», которое, по его мнению, могло привести к распаду Советского Союза, а в этом вопросе Генсек о компромиссах не хотел даже слышать. Уже после распада СССР в Болгарии были опубликованы дневники Г. Димитрова, в которых тот записал гост Сталина, произнесенный им 7 ноября 1937 г., где Генсек высказал свое отношение к единству СССР. «Каждая часть, которая была бы оторвана от общего со-

циалистического государства, — сказал Сталин в этой короткой речи, — не только бы нанесла ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу. Поэтому каждый, кто попытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от отдельной части и национальности, он — враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, хотя бы был он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью... беспощадно будем уничтожать. За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода!»²⁹.

Сам Генсек был человеком скрытным и осторожным. Он всю жизнь предпочитал, чтобы его настоящие мысли угадывали и преподносили ему на бумаге другие. А он бы выступал в роли редактора этих мыслей. Маленков и Берия эти скрытые мысли Сталина в «Ленинградском деле» угадали и в проекте закрытого письма к членам ЦК написали прямо:

«Во вражеской группе Кузнецова неоднократно обсуждался и подготавливался вопрос о необходимости создания РКП(б) и ЦК РКП(б), о переносе столицы РСФСР из Москвы в Ленинград. Эти мероприятия Кузнецов и другие мотивировали в своей среде клеветническими доводами, будто бы ЦК ВКП(б) и союзное правительство *проводят антирусскую политику и осуществляют протекционизм в отношении других национальных республик за счет русского народа* (курсив мой. — В.Д.). В группе было предусмотрено, что в случае осуществления их планов Кузнецов А. должен был занять пост первого секретаря ЦК РКП(б)...»

Правда, авторы проекта перебрали с усердием. Они так хотели оправдать

²⁹ *Мафрина В.В.* Дневник Г. Димитрова // Вопросы истории. 2000. №7. С. 32–55.

«Ленинградское дело», что в проект письма ввели «шпионский след».

«Следует учесть, — писали Берия и Маленков, — что с одним из руководящих членов этой группы Капустиным, как выяснилось теперь, во время пребывания его в 1936 году в Лондоне установила связь английская разведка. Сейчас стало очевидным, что Кузнецов А. и Попков имели сведения об этом, но скрыли их от ЦК ВКП(б)».

Но тут они явно перестарались. В первых, Сталин не поверил в шпионскую связь Капустина с английской разведкой (Абакумов не смог предоставить Генсеку каких-либо доказательств на этот счет, и этот сюжет не вошел ни в обвинительное заключение по «Делу», ни в приговор).

А во-вторых (и это, видимо, и было главным соображением), Сталин просто не решился включать в письмо опасный тезис о том, что русские коммунисты захотели иметь свою собственную организационно оформленную компартию. Генсек не стал подписывать такой политически взрывоопасный документ своим именем. Содержание такого письма слишком явно таило в себе опасность лишить его политической поддержки со стороны русского народа.

Патриотизм: советский или русский?

«Ленинградцы» были патриотами своей земли, русской земли. Как умели, они это выражали. Конечно, Советский Союз был тоже их родиной. Но СССР Россией никогда не был. Поэтому у них душа болела именно за Россию. За создавший Россию и духовную её культуру русский народ. Поэтому, как только уроженец Нижегородской губернии М.И. Родионов в марте 1946 г. сменил на должности председателя Совета Министров РСФСР А.Н. Косыгина, он сразу же поставил перед Сталиным вопрос об образовании, по примеру других союзных республик, Коммунистической партии России и символов России: трехцвет-

ного знамени, гимна, а в качестве столицы предложил Ленинград — словом, сделать всё то, что уже было сделано в других союзных республиках.

Высказал он это открыто, сначала вербально, а потом и официально. 27 сентября 1947 г. Родионов направил Сталину записку с предложением о создании Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР.

«Товарищу Сталину И.В.

О создании Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР

27 сентября 1947 г.

Прошу Вас рассмотреть вопрос о создании Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР.

Создание Бюро, как мне представляется, необходимо для предварительного рассмотрения вопросов РСФСР, вносимых в ЦК ВКП(б) и Союзное Правительство, а также для обсуждения важнейших вопросов хозяйственного и культурного строительства РСФСР, подлежащих рассмотрению Советом Министров РСФСР.

Наличие такого органа при ЦК ВКП(б) даст возможность привлечь еще большее внимание местных партийных и советских организаций к более полному использованию местных возможностей в выполнении пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства.

Более лучшее использование местных возможностей особенно необходимо, наряду с Союзным хозяйством, и в таких отраслях, как городское хозяйство, дорожное строительство, сельское и колхозное строительство, местная промышленность, просвещение и культурно-строительная работа»³⁰.

Понимая всю неординарность своей просьбы, Родионов просит поддержки у первого секретаря МГК и МК ВКП(б), секретаря ЦК Г.М. Попова:

«Товарищу Попову Г.М.

Направляю Вам копию письма, по-

сланного мною на имя товарища Сталина И.В. по вопросу создания Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР. Прошу Вас, Георгий Михайлович, поддержать эту просьбу.

М. Родионов.

27 сентября 1947 г.»³¹.

Михаил Иванович опирался при этом на исторический прецедент: 19 июля 1936 г. сам Сталин на заседании Политбюро предложил создать Бюро по делам РСФСР при ЦК КПСС во главе с А.А. Андреевым. И такое Бюро было создано. Правда, просуществовало оно недолго, что-то в этом органе Генсеку не понравилось, и через несколько месяцев он предложил упразднить этот орган. Рассмотреть успели всего 11 вопросов.

Судя по всему, Г.М. Попов был опытнее Родионова в царедворческих делах и на письмо Родионова не ответил. Возможно, что этим спас себе жизнь. Не случайно ведь из всех назначенцев Жданова после «Ленинградского дела» в живых остался только Попов, которого Сталин после завершения «Ленинградского дела» ещё почти год держал на прежних должностях. Лишь в декабре 1949 г. Сталин решил убрать его и в срочном порядке поставить на Москву Хрущева, вызвав того с Украины. Попов же после отставки сначала был назначен министром городского хозяйства СССР, потом министром сельского хозяйства, потом последовательно директором

некоторых авиационных заводов, а после смерти Сталина — послом в Польше. На пенсию Попов ушел в 1965 г. в возрасте 59 лет, пережив всю «команду» Жданова на целых 17 лет.

А что касается просьбы Родионова об образовании Бюро ЦК по РСФСР, то Сталин не стал на нее отвечать. Однако Михаил Иванович заторопился и провел переговоры с композитором Д.Д. Шостаковичем на предмет создания гимна России. Шостакович согласился сразу, но заявил, что для написания музыки ему нужны стихи. Родионов обратился к замечательному русскому поэту-лирику Степану Щипачеву, и тот написал. Российский государственный архив социально-политической истории сохранил этот текст. Заканчивается он строфой:

Славься, Россия, — отчизна свободы!
К новым победам пойдем мы вперед.
В братском единстве свободных
народов
Славься, великий наш русский народ!³²

Гимн России не понадобился руководству СССР. Не пришелся он ко двору и руководителям новой России, от Ельцина до Путина. Сталинский гимн СССР оказался более актуальным и в новую, послесталинскую, эпоху. Не означает ли это, что дело «ленинградцев» все ещё не получило своего завершения?

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 979. Л. 3–4.

³² Костырченко Г.В. Указ. соч. С. 289.

ЙЕНС ПЮЗЕ:

«НАША НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАХОДИТСЯ ПОД УГРОЗОЙ»

От редакции

Национал-демократическая партия Германии (НДПГ) (*нем.* Nationaldemokratische Partei Deutschlands, NPD) — немецкая политическая партия правого толка.

Образована 28 ноября 1964 г. в Ганновере (ФРГ). НДПГ объединила в себе различные националистические и патриотические партии и организации. Организационным ядром новой структуры стал партийный аппарат Немецкой имперской партии (Deutsche Reichspartei-DRP).

В конце 1960-х партия добилась успехов на выборах в местные органы власти Западной Германии, получив представительства в семи из десяти земель ФРГ. В 1969 г. партия приняла участие в выборах в федеральный парламент (Bundestag), но столкнулась с сильнейшей антикампанией, развёрнутой политическими оппонентами, и не смогла преодолеть 5-процентный барьер, набрав 4,3% голосов избирателей.

В 1970–1980-е гг. для НДПГ наступили тяжёлые времена. Она переживала постоянные поражения на выборах. Также сократилось количество членов партии. В Берлине местные власти поставили НДПГ фактически вне закона, запрещая их акции и съезды.

В первой половине 1990-х НДПГ оказалась на грани раскола и роспуска, однако после того как в 1996 г. председателем партии был выбран Удо Фогт,

позиции НДПГ стали укрепляться. Партия сконцентрировалась на работе с населением и выборах. Первые успехи были достигнуты в 1998 г., когда НДПГ преодолела 1-процентный барьер на выборах в земельный парламент Мекленбург – Передней Померании, вследствие чего партия попала под частичное государственное финансирование.

Начало 2000-х было ознаменовано скандалом, связанным с попыткой запретить НДПГ. 30 января 2000 г. федеральное правительство Германии подало иск в Конституционный суд о запрете партии. Чуть позже к иску присоединился парламент (Bundestag) и федеральный совет (Bundesrat). В ходе судебного процесса выяснилось, что большинство членов правления НДПГ, чьи высказывания легли в основу иска как экстремистские, оказались завербованными агентами спецслужб, осознанно занимавшимися провокациями. Суд вынужден был прекратить дело.

Громкий процесс сыграл на руку партии, увеличив её узнаваемость. В 2004 г. партия решила сконцентрировать все свои силы на выборах в ландтаг Саксонии и получила 9,2% голосов (на выборах в 2009 г. результат снизился до 5,9%). Впервые после 1968 г. НДПГ прошла в земельный парламент. К сентябрю 2013 г. НДПГ представлена в парламентах двух земель — Саксонии и Мекленбург – Передней Помера-

нии — 5,9% (8 депутатов) и 6% (5 депутатов) соответственно.

На выборах в германский бундестаг 2009 г. партия получила 1,5% голосов.

1 января 2011 г. НДПГ объединилась с Немецким народным союзом (Deutsche Volkunion, DVU). К названию партии добавилось «Народный союз» — NPDD Die Volkunion.

13 ноября 2011 г. новым лидером партии был избран руководитель фракции НДПГ в саксонском ландтаге Хойгер Апфель.

В 2011–2013 гг. НДПГ снова оказалась в центре скандала. Партию в очередной раз пытались запретить в связи с раскрытием террористической организации «Национал-социалистическое подполье» (Nationalsozialistischer Untergrund, NSU) и причастностью к её деятельности одного из членов НДПГ. В декабре 2012 г. бундесрат подал запрос в Конституционный суд с требованием запрета НДПГ. Однако в апреле 2013 г. большинство депутатов высказались против запрета НДПГ из-за юридической необоснованности.

В июле–сентябре 2013 г. НДПГ развернуло активную избирательную кампанию на выборах в Бундестаг, которые должны состояться 22 сентября¹. Накануне этого события корреспондент «ВН» **Всеволод Радченко** взял интервью у одного из членов президиума партии, федерального секретаря НДПГ **Йенса Пюзе**.

Всеволод Радченко:

— Ваша партия называется Национал-демократической партией Германии. Можете ли Вы назвать себя национал-демократами? Можете ли

Вы дать своё определение национал-демократии и объяснить её отличие от национал-социализма, в возрождении которого вас часто обвиняют?

Йенс Пюзе:

— Мы совершенно сознательно называем себя национал-демократами, поскольку стремимся не к диктатуре, а к подлинному народовластию, которое как раз заслуживает такого названия. По нашему мнению, основой подобного народовластия могла бы стать прямая демократия по швейцарскому образцу, в которой граждане могут участвовать в принятии конкретных решений, внося посредством плебисцитов важную коррекцию в политику, осуществляемую в парламентах.

В.Р. Как Вы относитесь к такой трактовке: национал-демократия — это демократия в интересах национального большинства?

Й.П. Национал-демократия — это народовластие в интересах народа. Почти все партии в Германии носят перед собой «демократию» как дароносицу, не стремясь при этом к подлинному народовластию. Для нас демократия есть то, что Авраам Линкольн назвал властью посредством народа и для народа.

В.Р. Считаете ли Вы демократическое устройство государства идеальным, а демократические институты неприкосновенными? Или же Вам ближе авторитарная государственная система?

Й.П. НДПГ стремится к демократическому государству в смысле подлинного народовластия, но также она стремится к тому, чтобы оно было сильным и дееспособным как внутри, так и вовне. То есть государство должно быть устроено демократически, но также нужно заботиться о том, чтобы общие интересы не нарушались в результате споров и частных партийных интересов.

¹ По результатам состоявшихся 22 сентября выборов в Бундестаг НДПГ получила только 1,3% голосов (560 660 человек проголосовали за их партийный список). Этот результат меньше на 0,2%, чем на предыдущих парламентских выборах в 2009 году. Однако, сами национал-демократы перед выборами оценивали свои шансы в пределах 0,8–1,2%.

В.Р. Современная Германия — демократическое государство?

Й.П. По нашему мнению, сегодняшняя Германия — это дефектная демократия, поскольку в ней систематически выхолащиваются и нарушаются важнейшие права, от подлинной оппозиции вроде НДПГ пытаются избавиться посредством спецслужб, политической изоляции и профессионального и гражданского уничтожения членов партии, а народ не допускается до участия в принятии элементарных решений.

В.Р. Как Вы относитесь к России и к русским? В прагматическом и в историческом контексте — мы противники или союзники?

Й.П. Конечно, Россия и Германия были не только противниками. Весь XIX век три консервативные монархии — Россия, Пруссия/Германия и Австрия — были бастионом, противостоявшим западному империализму. Просто две мировые войны, имевшие катастрофические последствия для обеих сторон, затмевают в сознании людей это длительное сотрудничество. Опираясь на эти традиции, НДПГ видит в потенциальном партнерстве с Россией базовый элемент своих внешнеполитических представлений, поскольку лишь партнерство этих двух государств дало бы и многим другим народам Европы возможность избавиться от гегемонии США, установить подлинный национальный суверенитет и конкурировать с другими новыми глобальными игроками, как Китай или Индия.

Исторические события невозможно отменить, и к ним нужно относиться честно, но эта история предшествующих поколений не должна вновь встать между патриотами с обеих сторон. Поэтому с сегодняшней точки зрения для каждого настоящего националиста понятно, что нельзя допустить еще одной братоубийственной войны между немецким и русским народом.

В.Р. Что Вы думаете о Путине и нынешнем политическом режиме в России? Как, по-Вашему, политика российских властей отвечает национальным интересам русских или нет? Где власть более национально-ориентирована — в Германии или в России?

Й.П. С нашей точки зрения, Путин определенно действует более национально и сильнее ориентируется на национальные интересы, нежели предшествующие руководители России и тем более Германии. Прежде всего примечательно то, что он, в отличие от немецких политиков, не считает себя вассалом США, а стремится реформировать государство и армию таким образом, чтобы восстановить роль России как мировой державы, которую она после 1991 года утратила более чем на десятилетие. Ввиду особой исторической констелляции, мы в Германии очень далеки от подобного национального суверенитета.

В.Р. Ваша партия известна как антииммиграционная. Вы выступаете против иммиграции в принципе или же против каких-то конкретных этнических и конфессиональных групп иммигрантов? Чем именно они вас не устраивают?

Й.П. НДПГ в принципе выступает против продолжения иммиграции в Германию, поскольку это стало угрозой внутренней безопасности в нашей стране, а также привело к перегруженности социальной системы. У нас не было колониальной империи, как у других великих держав, а иммиграция, особенно турецких гастарбайтеров в 1960-е годы, была навязана США. Сегодня это происходит путем злоупотребления правом на убежище в 95% случаев. Во многих немецких городах немцы уже стали меньшинством, и особенно иностранцы из мусульманских стран образуют параллельное общество в наших городах, в которых немецкое государство *de facto* уже не играет никакой роли. С нашей точки

зрения, с этим неприемлемым положением должно быть покончено.

В.Р. Какие именно меры предлагает НДПГ для решения иммиграционного вопроса — вето на приём беженцев, ограничения трудовых квот, лишение гражданства, какие-то запреты? Есть ли эффективные механизмы? И в чём они заключаются?

И.П. НДПГ — единственная партия в Германии, имеющая концепцию возвращения иностранцев на родину. Важнейшими элементами этой программы возвращения иностранцев являются приоритет немцев при приеме на работу, исключение иностранцев из немецкой социальной системы и отмена единственного в мире права на получение убежища, которого можно добиваться в суде. Кроме того, иностранцы, совершившие преступления, должны высылаться из страны.

В.Р. В России с подачи националистических организаций постепенно прижилось слово «этнокриминал». Периодически после очередного громкого преступления, совершённого представителями этнических меньшинств, проходят акции против этнопреступности. Самая известная была в декабре 2010 года на Манежной площади в центре Москвы — тогда на улице вышло около 10 000 молодых людей, чтобы высказать свой протест против убийства выходцами с Северного Кавказа футбольного болельщика Егора Свиридова и бездействия полиции. Выступление сопровождалось избиением попавшихся под руку кавказцев и азиатов и столкновениями с полицией. Опросы, проводимые СМИ, показали, что порядка 90% москвичей и жителей России поддерживают вышедших на улицу. А какова ситуация с этнокриминалом у вас и какова общественная реакция?

И.П. В Германии иностранная преступность также уже превратилась в большую проблему. Согласно по-

лицейской статистике, уже каждый третий убийца является иностранцем, как и каждое третье изнасилование и нанесение телесных повреждений совершается иностранцами. В районах с особым засильем иностранцев уже возникли «запретные зоны» для немцев. Даже полиция не решается появляться в определенных районах, характеризуя целые части города как «потерянные». Мы, национал-демократы, не хотим мириться с этим неприемлемым положением.

В.Р. Три года назад книга Тилло Саррацина «Германия самоуничтожается» (*Deutschland schafft sich ab*), в которой жёстко обозначается проблема интеграции мигрантов, произвела эффект разорвавшейся бомбы. Книга всколыхнула немецкое общество, опросы говорят о сильной поддержке немцами позиции автора. Как Вы относитесь к книге, её автору и эффекту, произведённому ими? Известно, что тогдашний глава НДПГ Удо Фогт предложил Саррацину в случае исключения из СДПГ стать советником руководства партии. Как Вы можете объяснить, что одна книга Саррацина заставила общество и власти Германии начать пересматривать своё отношение к миграционной политике?

И.П. Книгу Саррацина рекламировала самая популярная газета Германии — «Bild-Zeitung», опубликовавшая незадолго до ее выхода интервью с ним и выдержки из текста. В результате тема книги стала известна широкой общественности. Большой интерес привлек к книге тот парадокс, что именно политик из СДПГ и бывший берлинский сенатор по финансовым вопросам заговорил о засилье чужаков в нашей стране, хотя его партия несет прямую ответственность за это состояние. Если эта книга долго обсуждалась в СМИ и Саррацин смог выступить во всех важнейших политических ток-шоу, то нам как НДПГ почти никогда невозможно объяснить наши по-

литические взгляды, которые искажаются СМИ.

Шум вокруг книги Саррацина показал, насколько популярны в нашем народе взгляды, критикующие засилье иностранцев. В этом смысле книга Саррацина открывает дверь для наших тезисов и требований с критикой иммиграции. Саррацин помог нам донести темы отчуждения, иммиграции в социальном государстве и преступности иностранцев до центра общества. Этим же путем пошел недавно бургомистр заселенного иностранцами берлинского района Нойкельн Хайнц Бушковски, выпустивший книгу «Нойкельн повсюду». Для нас удивительно лишь то, что оба эти социал-демократа в своем откровенном анализе проблем не называют главного виновника, т.е. свою собственную партию СДПГ, и остаются в ней. Это невозможно понять нормальным умом. Если бы Саррацин серьезно относился к своим тезисам и был последователен, то он принял бы предложение тогдашнего председателя НДПГ Удо Фогта и тем самым помог бы партии и своему делу преодолеть 5-процентный барьер!

В.Р. В чём заключаются проблема идентичности в сегодняшней Германии?

Й.П. Понятно, что цифра уже в 16 миллионов иностранцев в Германии приводит к тому, что наша национальная идентичность находится под угрозой. Особенно ползучая исламизация наших городов приводит к тому, что целые части города уже не узнать. А немцев после 1945 года, наоборот, систематически отучали от национальной гордости, что привело к тому, что многие немцы имеют проблему с собственной идентичностью, живут во внеисторическом пространстве и, подобно вечно кающемуся грешнику, уже не способны ни к какому напряжению ради сохранения жизни. Отстаивание собственных естественных интересов многие соотечествен-

ники воспринимают как возвращение национал-социализма. Это принимает настолько иррациональные черты, что федеральное предвыборное турне кандидата в канцлеры от СДПГ, названное «Поездкой по Германии», вызвало осуждение молодых социалистов как «патриотический промах».

В.Р. Как Вы относитесь к распространению ислама в Европе? В частности к попыткам исламистов навязывать европейцам свои нормы и ценности, а также к переходу части коренного населения в ислам?

Й.П. НДПГ ясно и однозначно выступает против исламизации Германии и Европы. Мы хотим не допустить того, что законы ислама, которые несовместимы с европейскими ценностями, однажды будут навязаны нам, немцам. Для системных партий ислам уже является частью Германии, а для нас, национал-демократов, напротив, не является. К сожалению, все больше немцев уже не находят моральной поддержки в этой «демократической» системе, как не находят ее и в официальных христианских церквях. Многие из них принимают ислам, что чревато последствиями, и это невозможно предотвратить правовым путем.

В.Р. В рамках последней избирательной кампании в Бундестаг очень сильно выражен антиисламский аспект. Он присутствует в риторике и агитационных материалах. О чем может говорить один только плакат: «Мария вместо Шари» (*Maria statt Sharia*). Что это — желание сыграть на внешней разнице культурных кодов или сознательное обозначение глубокой религиозной несовместимости?

Й.П. Мы не считаем себя религиозной партией, поскольку, по нашему мнению, религия есть частное дело каждого индивида. Тем не менее мы решительно отвергаем то, что представители одной религии, в данном случае ислама, считают, что могут усиливать свое доминирование в нашей стра-

не, вести травлю т.н. неверных, импортируя религиозные конфликты в Германию. Многие немцы опасаются ползучей исламизации нашей страны. Мы считаем себя голосом молчащего большинства, которое не хочет, чтобы однажды Германия стала исламской страной. То, что это вполне реалистичский сценарий, показывает исследование Центрального института «Исламский архив», подтверждающее, что при сохранении нынешнего уровня рождаемости и числа прибывающих иммигрантов уже в 2045 году немецкому меньшинству будет противостоять мусульманское большинство. Именно этого мы не хотим и поэтому сделали наше неприятие исламизации темой предвыборной борьбы.

В.Р. Какие социальные и экономические проблемы, на Ваш взгляд, сегодня актуальны для Германии и немцев? Какую социальную и экономическую политику намерена проводить НДПГ в случае прихода к власти? Есть ли какие-то готовые эффективные предложения?

И.П. Сейчас все больше немцев живет в бедности, несмотря на наличие работы. 2,5 миллиона немецких детей растут в нищете. Согласно исследованию Федерального министерства труда, бедность в старости грозит всем немцам, зарабатывающим менее 2500 евро без налогов. А это подавляющее большинство нашего народа. С нашей точки зрения, этим катастрофическим последствиям либерализации экономической политики и политики занятости можно противостоять лишь посредством законодательного и повсеместного введения минимальной оплаты труда для всех немцев.

В.Р. Германия выступает экономическим локомотивом Евросоюза. Издержки евроинтеграции во многом ложатся на плечи Германии и её налогоплательщиков. Известно ваше резко негативное отношение к этому во-

просу. В частности, ваша первомайская кампания в текущем году прошла под лозунгом «Genug gezahlt! Wir sind keine Melkkuh Europas!» (Хватит платить! Мы не дойная корова для Европы!). Можно подробнее рассказать о Вашем отношении к созданию Европейского союза, его формата, оценки роли Германии и перспективы его развития и жизнеспособности?

И.П. Для нас, немцев, ЕС приносит почти одни затраты. Мы утратили дееспособность, поскольку уже более 80% экономически релевантных законов принимается ЕС, а не немецкой политикой. ЕС угрожает внутренней безопасности, поскольку в результате отмены пограничного контроля в рамках Шенгенского соглашения больше нет возможности защитить граждан от организованной преступности, нелегальной миграции и массовых краж. В результате отмены пограничного контроля угоны машин выросли в Бранденбурге на 250%. В конечном счете ЕС делает нас, немцев, бедными, поскольку мы уже давно являемся крупнейшим донором и должны нести на себе большую часть затрат по спасению стран-банкротов и оказавшихся в кризисе банков.

В.Р. В последнее время в Европе рядом стран приняты законы, позволяющие однополым парам вступать в браки и даже усыновлять детей. Во Франции это привело к массовым протестным выступлениям со стороны приверженцев традиционных ценностей и противников сексуальных меньшинств. Каково отношение вашей партии к проблеме гомосексуалистов?

И.П. НДПГ решительно отвергает приравнивание гомосексуальных партнерств к семьям и право геев и лесбиянок на усыновление детей. По нашему мнению, следует поддерживать семьи с детьми, поскольку они являются гарантом будущего нашего народа. Лишь из полноценных семей могут выходить счастливые дети. Кроме того, пока не-

известно, какие риски исходят от права на усыновление для гомосексуалистов. Мы категорически отвергаем эксперименты за счет наших детей. На наш взгляд, новаторские меры Путина в этой сфере направлены на ясное, здоровое развитие, не вторгаясь при этом в половую жизнь затронутых лиц.

В.Р. Вас неоднократно пытались запретить. В 2012–2013 гг. развернулась очередная кампания травли. В чём её реальная причина? И почему Бундестаг в апреле этого года встал на защиту НДПГ? Есть мнение, что вы необходимы властям как своеобразное пугало для обывателя. Насколько оно оправдано?

Й.П. Поскольку НДПГ не делает ничего запрещенного, нет никаких оснований для ее запрета. Однако многие политики охотно используют призывы к запрету НДПГ для того, чтобы отметить и привлечь к себе общественный интерес. Бундестаг не был на нашей стороне, но большинство депутатов понимало, что с точки зрения правового государства нет никакого легитимного основания для запрета НДПГ. Все до сих пор приведенные «доказательства» были просто смехотворны. Большинство бундестага испугалось того, что успех НДПГ на процессе о ее запрете в Федеральном конституционном суде будет выгоден нашей партии в долгосрочной перспективе. Многие депутаты не захотели пойти на этот риск.

В.Р. Обвиняют ли партию в популизме? Можно ли назвать НДПГ партией реальных дел? Есть ли на счету партии практические успехи, и какие? Оказываете ли вы помощь населению, в том числе на местном уровне? В чём это проявляется?

Й.П. НДПГ уже проводила «Социальные дни», в рамках которых проходили акции в поддержку нуждающихся людей и социальных учреждений, например, сбор средств пострадавшим от наводнения летом 2013 года. Также

некоторые руководители НДПГ оказывают консультации немцам, не по своей вине попавшим в сложную ситуацию.

В.Р. Как вы выстраиваете свою работу с населением? Чем и как привлекаете в свои ряды молодёжь и людей среднего возраста? На кого прежде всего ориентирована партия? Как выглядит среднестатистический партиец? Что значит быть членом НДПГ в Германии?

Й.П. НДПГ в среднем моложе, чем частично уже престарелые системные партии. У молодых избирателей НДПГ находит гораздо более высокий уровень поддержки. Мы организуем различные мероприятия и митинги, информационные стенды, демонстрации, а также креативные акции, с помощью которых нам удастся обратиться к молодым людям и привлечь их к себе. Тем самым, что касается структуры членства, НДПГ является зеркалом общества.

Запрет на профессию и другие попытки репрессий имеют следствием то, что уже рискованно открыто признаваться в симпатиях к НДПГ. Тем более следует ценить мужество и жертвенность наших активистов, но это возможно только при наличии убежденности в том, что выступаешь за справедливое и правильное дело, за свой народ, зная о том, что политические изменения и новые проблемы могут очень быстро привести к полному изменению политической ситуации. А опасных проблем не замечать невозможно.

В.Р. В какие проекты вы вовлекаете соратников? Что они из себя представляют? Дают ли практическую пользу и ощущение удовлетворения от своей работы? Люди постоянно должны быть в деле, чтобы не потерять интерес. Что делает НДПГ для того, чтобы не только сохранять команду, но и пополнять её? Какого рода мероприятия

партия считает целесообразными, помимо шествий и митингов?»

И.П. Как уже говорилось, мы проводим разнообразные медийно заметные акции, чтобы привлечь внимание к нашим требованиям. В репертуаре организаций НДПГ — распространение листовок, информационные стенды, митинги, демонстрации и креативные акции типа уличного театра и акций с ослиными масками, символизирующими глупость системных партий, а также доклады, марши памяти, встречи ветеранов и многое другое. Новейшей формой является, например, «Поездка по Германии», в рамках которых руководство партии на большом рекламном автомобиле объезжает многие города по всей республике и привлекает внимание своими политическими речами к требованиям и целям НДПГ.

В.Р. Ваши мероприятия, вроде Дня труда в Берлине и Дня памяти в Дрездене, собирают больше противников, чем участников. В Германии общество так сильно вас отвергает? Или есть другие причины? Как Вы это сами объясняете? И как планируете это преодолеть?

И.П. Продолжающаяся криминализация и диффамация НДПГ посредством СМИ привела к тому, что многие люди имеют в голове клише о НДПГ, которые не соответствуют реальности. Члены НДПГ изображаются в СМИ как примитивные драчуны; почти только говорят о НДПГ, но никогда не с НДПГ. Это привело к тому, что НДПГ имеет очень плохой имидж. Наша задача заключается в том, чтобы посредством постоянной работы с общественностью предстать такими, какими мы действительно являемся. Только так мы можем противостоять лжи СМИ и постоянным призывам системных партий запретить нас.

В.Р. Ваши акции охраняются полицейскими настолько тщательно, что никакой посторонний либо случай-

ный прохожий не имеет никаких шансов увидеть их (я убедился в этом на собственном неудачном примере 1 мая в Берлине) — за оцепление не пускают даже местных жителей и журналистов без пресс-карты. Чем Вы объясните такую опеку властей?

И.П. Часто кажется, что целью полиции является не защита наших мероприятий, а стремление посредством воинственного вида спецназа представить их как перевозку заключенных. Вооруженные полицейские создают у граждан впечатление, будто мы, национал-демократы, опасны и что лучше с нами не иметь ничего общего. Поэтому мы во многих местах перешли к проведению скорее малых акций, при которых задействуется гораздо меньше полиции, а граждане имеют возможность вступить в контакт с нашими членами и функционерами.

В.Р. Зависит ли политический успех той или иной партии (в частности НДПГ) от численности сторонников на улицах?

И.П. Нет, по нашему мнению, не следует мерить успех лишь количественно. Более важно то, что наши акции и мероприятия становятся известны общественности, что об этом говорят и что люди узнают о целях НДПГ и ее активности по всей стране. Но, конечно, ясно, что мы также радуемся присутствию на наших мероприятиях большого числа участников. Но многие люди в Германии бояться на демонстрациях встретить враждебность со стороны политических противников, т.н. антифа.

В.Р. Как Вы оцениваете роль Интернета и социальных сетей в политической борьбе? Что важнее — онлайн или оффлайн?

И.П. И то, и другое важно и используется нами. НДПГ до сих пор хорошо удавалось использовать новые социальные сети — например Facebook — для работы с общественностью. Мы

ежедневно охватываем множество людей, поскольку присутствуем повсюду — у нас есть свои интернет-ресурсы, аккаунты в Твиттере и Фейсбуке. Также важно то, что Интернет значительно сократил ограничительный порог контактов с НДПГ. Без преувеличения, Интернет впервые дал реалистическую возможность обратиться к гражданам почти без государственного контроля и цензуры и информировать их о наших целях и программных требованиях.

В.Р. Любая политическая партия для успешной работы должна иметь приличное финансирование. На одни членские взносы далеко не уедешь. Есть ли у НДПГ спонсоры? Кто они (можно без конкретных имён и названий)? Какова их мотивация? Не боятся ли они преследований со стороны властей, проблем для бизнеса?

Й.П. Естественно, у НДПГ есть финансовые спонсоры, которые маленькими и большими суммами поддерживают и вообще делают возможной работу НДПГ. Спонсоры происходят из всех слоев нашего народа. Но у нас нет крупных спонсоров из бизнеса. В Германии имена тех, кто жертвует свыше 10 000 евро, должны быть опубликованы, что сдерживает многих от более крупных пожертвований.

В.Р. Каковы ваши отношения с властями и другими политическими силами? И на глобальном, и на региональном уровне. Так, например, нам известно, что депутаты от НДПГ присутствуют в ландтагах земель Саксония (Sachsen) и Мекленбург – Передняя Померания (Mecklenburg-Vorpommern). Им же приходится каким-то образом взаимодействовать с исполнительной властью и с представителями других партий? Или последние всячески игнорируют ваше присутствие и вставляют палки в колёса? Возможна ли конструктивная работа или только глухая оппозиция?

Й.П. НДПГ готова сотрудничать с властями, например, в целях обеспечения спокойного проведения мероприятий. Но, к сожалению, многие посты в государственных органах раздаются согласно партийному билету, что приводит к тому, что на нашем пути ставится много преград. Поэтому многие конфликты невозможно разрешить посредством договоренностей, но лишь путем обжалования в суде. Наши политические предложения принципиально отвергаются и не рассматриваются предметно. Поэтому мы концентрируемся на оппозиционной деятельности в парламентах. Тем самым мы являемся для избирателя ясной альтернативой.

В.Р. Сотрудничаете ли вы и считаете ли возможным сотрудничество с более умеренными националистическими партиями, вроде «Die Freiheit» (Свобода)? Каково ваше отношение к ним? В чём заключаются основные расхождения между вами?

Й.П. Вообще, мы протягиваем руку всем партиям, стремящимся вместе с нами к тому, чтобы в Германии осуществлялась национальная политика. Но, к сожалению, многие новые псевдоправые структуры возникли лишь из-за личной неприязни. Эти партийные образования на протяжении десятилетий верят в то, что с помощью смягченных требований они добьются большего успеха, предавая при этом немецкие интересы. Этим новым образованиям на правом фланге политического спектра важен лишь краткосрочный успех, а не будущее нашего народа. Ирония в том, что ни одной из этих партий не удалось продержаться долго или добиться хотя бы кратковременного успеха.

В.Р. В 2011 году НДПГ объединилась с партией «Die Volksunion» (Народный союз). Пошло ли это объединение на пользу? Как восприняли это объединение соратники обеих организаций? Ожидаете ли Вы реальной отдачи от

этого слияния на предстоящих выборах в Бундестаг?

Й.П. Многие бывшие члены Немецкого народного союза (ННС) уже являются членами НДПГ, и даже в наших руководящих органах присутствуют бывшие члены ННС. Это большой прогресс, поскольку теперь две важнейшие национальные партии Германии больше не конкурируют друг с другом, а будут вместе работать на пользу лучшей Германии. Слияние двух партий также доказало, что для НДПГ и ННС важна именно Германия, тогда как другие «правые партии» не готовы переступить через личную вражду и объединиться. Непосредственного влияния на выборы в бундестаг, вероятно, это не принесет, так как уже появились новые «правые» партии, которые будут участвовать на этих выборах.

В.Р. Известно, что весной этого года к вам в гости приезжали представители украинской националистической партии ВО «Свобода». Сотрудничаете ли вы с ними? С какими другими зарубежными партиями поддерживаете отношения? Участвуете ли в совместных общеевропейских акциях или кампаниях? В каких? Не пересекаются ли национальные интересы и территориальные споры и не становятся ли камнем преткновения в подобных отношениях? Как это можно преодолевать?

Й.П. Мы сотрудничаем с национальными партиями почти всех европейских стран, подробное перечисление которых заняло бы слишком много времени. Уже проходили выступления представителей НДПГ в европейских странах, а иностранные соборы выступали на мероприятиях НДПГ. Этим летом в Дрездене прошла рабочая встреча с представителями украинской «Свободы», на которой представители НДПГ познакомились с украинской

перспективой, а украинцы — с национал-демократической. НДПГ занимает скорее посредническую позицию между русскими и украинцами, понимая обе позиции, но с ясным требованием того, что, невзирая на весь негативный исторический опыт, нужно равноправно добиваться целей, которые еще предстоит сформулировать совместно. Мы осознаем, что многие националистические партии не хотят сотрудничать из-за исторических или территориальных конфликтов. Однако мы считаем, что все европейские народы стоят перед одинаковыми проблемами, что нужно искать общее и отложить то, что разделяет.

В.Р. Поддерживаете ли связь с русскими националистическими организациями?

Й.П. К сожалению, в настоящий момент у нас нет контактов с русскими националистическими партиями, но есть определенные контакты с отдельными лицами в России.

В.Р. Как Вы оцениваете свой электоральный потенциал и свои шансы на выборах в Бундестаг осенью 2013 года? Ранее вам ни разу не удавалось преодолеть проходной барьер в 5%. Удастся ли вам сделать это теперь и что вы для этого предпринимаете?

Й.П. Мы, национал-демократы, на выборах в бундестаг выдвигаемся по всей стране. Сложно делать прогнозы. Поставлена цель улучшить результат 2009 года. К сожалению, против нас вновь выступают партии, которые также считают себя «правыми», что будет стоить нам голосов и приведет к тому, что опять будет сложно преодолеть 5-процентный барьер.

Перевод *Олега Кильдюшова*

Кирилл Титов

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

«ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЛДАТА»

21 мая 2013 г. у алтаря собора Парижской Богоматери покончил с собой, выстрелив себе в рот из пистолета, известный французский интеллектуал, историк и публицист Доминик Веннер. Средства массовой информации охарактеризовали самоубийство как акцию протеста против принятого накануне закона, позволяющего семьям гомосексуалистов усыновлять детей. Попутно намекали и на психическую неадекватность Веннера. На самом деле такая трактовка не соответствует действительности.

Доминик Веннер совершил свою последнюю политическую акцию, находясь «в полном здравии ума и тела»¹. Подготовка к ней заняла несколько месяцев: будучи главным редактором влиятельного «Нового журнала истории», Веннер заранее утвердил кандидатуру своего преемника; также он опубликовал подборку эссе, посвященную примерам героического самопожертвования в истории и самурайским традициям ритуального самоубийства. Одна из статей в этой серии была посвящена японскому писателю, актеру, драматургу, крайне правому политическому активисту Юкио Мисиме, который совершил харакири в 1970 г.

В своем предсмертном послании Веннер писал: «Я считаю, что должен пожертвовать своей собственной жизнью для того, чтобы пробудить соотечественников от летаргического сна.

Я приношу в жертву то, что осталось от моей жизни, в знак протеста. <...> Я восстаю против отравляющих душу ядов, против индивидуалистичных желаний, что разрывают нашу связь с корнями и традиционными формами бытия, в частности с семьёй — фундаментом нашей многотысячелетней цивилизации. Выступая в защиту идентичности каждого из народов у себя дома, я восстаю против преступного замещения нашего народа иными»².

Природу поступка Доминика Веннера невозможно адекватно понять без знакомства с его политической биографией.

Он родился в Париже в 1935 г. в семье архитектора и свои политические убеждения отчасти унаследовал от отца. Шарль Веннер был членом лиги «Огненных крестов»³, а затем активистом Французской народной партии, которая представляла собой интересный политический феномен, характерный для межвоенной Европы. Партия была основана в 1936 г. бывшими французскими коммунистами, противниками марксистского интернационализма и еврейского засилья в коммунистическом движении. Ее лидер Жак

² Там же.

³ «Огненные кресты» («Croix de feu») — ветеранская лига во Франции, основанная в 1927 г. Представляла собой умеренно правое массовое движение (до 500 тыс. участников), ориентированное на традиционный католицизм и социальный реформизм в корпоративистском ключе. Запрещена правительством Народного фронта в 1936 г.

¹ Д. Веннер. Последнее послание // http://vk.com/wall-39340950_30676

Дорио, в прошлом член ФКП и лидер «французского комсомола», стремился утвердить новую немарксистскую и националистическую форму солидарности трудящихся. Веннер-младший, в отличие от своего отца, никогда не симпатизировал социалистическим и другим эгалитарным идеям, всю жизнь оставаясь последовательным противником демократии.

Молодость Доминика Веннера пришлась на один из острейших политических кризисов в новейшей истории Франции, связанный с «алжирской проблемой». С начала 1950-х гг. в Алжире, старейшей французской колонии, началась вооруженная борьба местного арабского населения за предоставление независимости. Ситуация осложнялась тем, что на его территории проживало около двух миллионов этнических французов. В случае победы повстанцев этих людей, считавших себя коренными жителями Алжира, ждала смерть или изгнание. Парижское правительство постоянно колебалось, то приказывая армии форсировать наступление против арабов, то критикуя военных за жестокость и вступая в переговоры с мятежниками.

В период с 1958 по 1961 г. французские офицеры в Алжире, поддержанные местным французским населением и националистами в метрополии, предприняли три безуспешные попытки организовать военный переворот. Страна находилась на грани гражданской войны. По накалу политической борьбы, в том числе вооруженной, атмосфере экзальтации и завышенных ожиданий, по горькому разочарованию, последовавшему за крушением попытки «сломать систему», период с 1954 по 1965 г. сравним для французских националистов с «годами свинца» в Италии 1970-х и нашим 1993-м.

В 17 лет, «бежав от скуки семьи и школы», Доминик Веннер поступил в военное училище, а затем добровольцем отправился воевать в Алжир. По итогам своего участия в вой-

не он получил звание сержанта и был награжден «Крестом участника боевых действий». Еще находясь в армии, в ноябре 1955 г., Веннер познакомился с братьями Сидо, руководителями националистической организации «Молодая нация» («Jeune Nation») и тогда же принял участие в ее учредительном съезде⁴. Центральным лозунгом движения был призыв ко «Второй французской революции», которая ликвидирует республику, «старую, потасканную шлюху», и «очистит Францию от захвативших ее преступников»⁵. Неотъемлемой частью политической практики организации были регулярные акции «прямого действия» и постоянные столкновения с политическими противниками. На Доминика Веннера были возложены обязанности по организации молодежного лагеря и выпуску внутреннего бюллетеня. Но самым главным направлением его партийной деятельности была вербовка сторонников в армейских частях в Алжире. Работа в этой области шла успешно, что сразу же позволило Веннеру выдвинуться и занять место одного из лидеров «Молодой нации».

В октябре 1956 г. Веннер демобилизовался из армии и вернулся в Париж, где продолжил активную партийную работу, а также постоянно принимал участие в уличных схватках. 7 ноября 1956 г. он участвовал в столкновениях с коммунистами во время протеста против советского вторжения в Венгрию у штаб-квартиры ФКП, а 25 ноября 1957 г. руководил атакой на посольство США, после того как Кеннеди заявил о своей поддержке независимости Алжира⁶. Эти громкие акции не только укрепили его авторитет

⁴ Venner a sonné les cloches une dernière fois! // <http://lahorde.samizdat.net/2013/05/30/dominique-venner-a-sonne-les-cloches-une-derniere-fois/>

⁵ Shields J.G. The Extreme Right in France. From Pétain to Le Pen. London & N. Y., 2007. P. 95.

⁶ Venner a sonné les cloches une dernière fois!

в правой среде, но и привлекли в организацию новых сторонников. Однако «Молодая нация» получила признание не только от правой молодежи, но и от компетентных органов французского государства. В мае 1958 г. движение было запрещено после того, как его активисты приняли участие в митинге в поддержку выступления военных в Алжире⁷.

В конце 1950-х гг. «Молодая нация» послужила своеобразной кузницей кадров для французских националистов. Через нее и ее дочерние структуры прошло немало будущих лидеров различных националистических организаций, среди которых можно назвать Алена де Бенуа, Франсуа Дюпра (один из основателей «Национального фронта») и многих других.

После запрета практически все структуры «Молодой нации» сохранились под другими названиями. Веннер возглавил «Издательское общество Кельтского креста», которое выпускало журнал «Молодая нация», также вскоре запрещенный. Через год Пьер Сидо и Доминик Веннер попытались реанимировать объединение под новым названием — «Партия националистов». Но из-за пристального внимания спецслужб данная попытка провалилась. В январе 1960 г. был выписан ордер на их арест за «попытку восстановления запрещенной организации»⁸. В результате Веннер перешел на нелегальное положение. Впрочем, несмотря на это он продолжал играть активную роль в национальном движении, став одним из организаторов Федерации студентов-националистов (FEN; одним из ее руководителей стал Алел де Бенуа). Перу Веннера принадлежал главный теоретический документ этого объединения под названием «Манифест выпуска

1960» («Le Manifeste de la classe 60»)⁹. В нем декларировался отказ от «демократической концепции человека», которая «поставила на один уровень Марселя Бижара и дворника, Пастера и неграмотного негра из Конго, мать семейства и проститутку»¹⁰. Среди задач FEN были борьба с марксизмом «в университетах и школах Франции», распространение идей французского национализма, подготовка интеллектуальных кадров национального движения, интеллектуальное обеспечение борьбы за сохранение Алжира в составе Франции¹¹.

Параллельно с попытками продолжить легальную деятельность Доминик Веннер принимал активное участие в деятельности нелегальной, вступив вместе с частью соратников по «Молодой нации» в ОАС (OAS; Вооруженная секретная организация). Однако его участие в террористическом подполье оказалось недолгим. 19 апреля 1961 г. Веннер был арестован¹² и в течение полутора лет находился в тюрьме. В это же время произошло событие, которое навсегда определило негативное отношение Веннера к террористическому и заговорщицкому направлению в национальном движении. По приказу одного из руководителей ОАС был расстрелян его близкий друг Марсель Леруа.

Подобно многим революционерам, время, проведенное в тюрьме, Доминик Веннер посвятил теоретической работе. Он написал в заключении манифест «В качестве конструктивной критики», в котором пытался проанализировать причины поражения национального движения. В январе 1961 г. во Фран-

⁹ Парафраз названия одной из работ Р.Бразильяка «Письмо к солдату 1960 года призыва» («Lettre à un soldat de la classe 60»).

¹⁰ Shields J.G. Op. cit. P. 95.

¹¹ Coston H. Partis, Journaux et Hommes politiques d'hier et d'aujourd'hui, numéro spécial des Lectures françaises. Paris, 1960. P. 229.

¹² http://www.france-politique.fr/wiki/Jeu-ne_Nation_%28JN%29

⁷ Shields J.G. Op. cit. P. 97.

⁸ http://www.france-politique.fr/wiki/Jeu-ne_Nation_%28JN%29

ции прошел референдум, на котором 75% населения Франции и 69% населения Алжира высказались за предоставление независимости последнему. А через три месяца сокрушительный провал постиг попытку военного переворота, организованную частью высших офицеров в Алжире и поддержанную националистами в столице.

Под влиянием прочитанных в тюрьме Маркса, Ленина и Грамши Веннер стремился использовать практические наработки левых для построения положительной части своей программы. В своей работе Веннер признавал, что режим Пятой республики невозможно свергнуть насильственным путем. Задача националистов в другом. Они должны не только создать монолитную, дееспособную организацию, которая станет объединяющим центром будущей национальной революции (здесь Веннер следует Ленину: «Без революционной партии не может быть революции»), но и завоевать умы общества, получить поддержку в различных социальных группах, обеспечить свое постоянное присутствие на местах: в жилых микрорайонах, университетах и школах, на предприятиях.

Изложенные принципы Веннер сразу же попытался провести в жизнь. В октябре 1962 г. он вышел из тюрьмы, а уже в следующем месяце зарегистрировал издательство «Сен-Жюст». В 1963 г. вместе с Жаном Мабиром и Аленом де Бенуа (печатался под псевдонимом Фабрис Ларош) Веннер начал выпуск журнала «Европа-Действие» («Europe-Action»). «Теперь недостаточно быть антикоммунистом, антиголлистом и т.п., националисты должны научиться развивать и отстаивать позитивные принципы своей доктрины, вокруг которых могли бы объединиться погрязшие в расколах крайние правые»¹³ — гласила редакционная статья в майском спецвыпуске 1963 г. под заглавием «Что такое на-

ционализм?»). Новое издание стремилось к развитию идей паневропейского национализма, в идеологии журнала доминировал дискурс цивилизации, расы и культуры. Как и многие другие националисты, оказавшиеся в ситуации политического поражения, Веннер не смог избежать соблазна пойти по тупиковому пути ревизии основ собственного мировоззрения. Собственно этнический национализм был признан им недостаточным и акцент был перенесен на более перспективные, с его точки зрения, идеологические элементы. Появилась и актуальная для Веннера тема критики христианства, ответственного, по его мнению, за деградацию европейской цивилизации, что привело к размежеванию со многими бывшими соратниками. Новая идеологическая конструкция нуждалась в дополнительной легитимации, что закономерно привело к появлению в издании материалов, посвященных метафизике и эзотерике. За четыре года своего существования журнал определил круг тем и авторов, которые позднее, в начале 1970-х гг., положили начало движению «новых правых».

Но в 1960-х Веннер еще не был готов ограничиться исключительно интеллектуальной деятельностью. Он предпринял попытку организовать на базе своего журнала одноименное политическое движение. Были созданы региональные комитеты, объединявшие т.н. добровольцев «Europe-Action». Действующие структуры удалось создать в основном в университетских городах и на юге Франции, где было много французских беженцев из Алжира. Среди добровольцев насчитывалось немало ветеранов «Молодой нации», Федерации студентов-националистов и членов других националистических организаций. По некоторым оценкам их число достигало 4500 человек¹⁴. Эти силы были привлечены к последней общенациональной попытке правых

¹³ Shields J.G. Op. cit. P. 120–121.

¹⁴ Ibid. P. 123.

добиться успеха. На этот раз речь шла об участии в президентских выборах 1965 г. Кандидат объединенных правых, в прошлом член вишистского правительства, затем адвокат, защитник руководителей ОАС Жан-Луи Тиксье-Винанкур набрал по итогам голосования только 5,2%. Надежда на участие в большой политике окончательно рухнула.

Последним крупным политическим проектом, в котором принял участие Доминик Веннер, была ГРЕСЕ — Группа по изучению европейской цивилизации (GRECE, Le Groupement de recherche et d'études pour la civilisation européenne), созданная в 1969 г. и сформировавшая интеллектуальное движение «новых правых». Веннер, под псевдонимом Жюльен Лебель, вошел в число основателей ГРЕСЕ, ядро которых, как мы уже отмечали, составили авторы журнала «Европа-Действие». Но вскоре, уже к началу 1970-х, он сворачивает всякую политическую активность и полностью посвящает себя академической работе историка.

Уход Веннера из политики пришелся на поворотную точку в истории французского национального движения. В нем на первый план вышел издавна существовавший конфликт между «правым» и «национальным», особенно актуальный для Франции в силу исторической связи правых с антиреспубликанизмом. Национализм требовал, чтобы источником легитимности движения являлась нация, народ, понимаемый как кровнородственная общность, а для правых таким источником являлась идеология. Национализм требовал равных прав для всех членов нации, а для правых именно сословность, иерархичность общественной структуры была основополагающим принципом. Наконец, национализм подразумевал строительство политической системы, будь то партийная или корпоративная, основанной на принципе народного представительства. Для правых такое устройство обще-

ства являлось неприемлемым — только власть аристократии (крови или духа) или равной ей партии-ордена, отделенного от плебейских масс, они видели как инструмент, способный привести к главной цели — революционному преобразованию современности, созданию «нового человека», укорененного в дохристианской, античной традиции.

С начала 1970-х гг. националисты и правые во Франции разделились. По пути дальнейшего развития правового дискурса, поставив во главу угла принцип антиэгалитаризма, пошло движение «новых правых» во главе с ГРЕСЕ.

Следуя за Ю. Эволой, идее национального государства они противопоставили идею наднациональной, а по сути антинациональной империи, состоящей из «автономных сообществ, организованных по принципу локальности, на основе общих целей и разделяемых ценностей»¹⁵. За образец бралась Римская империя, которую А. де Бенуа называет «самым замечательным в истории человеческим творением». Этническое содержание данной империи не имело значения, важно было, чтобы политический класс был верен имперской идее. Ныне А. де Бенуа заявляет, что «новые правые» «никогда не считали себя сугубо национальным движением», и выступает как сторонник правового мультикультурализма и «объединенной Европы, включая Ислам»¹⁶.

Националисты пошли другим путем. Та часть правового движения, для кого единство с собственным народом, а не химера языческой империи, представляло собой незыблемую ценность, в 1972 г. организовала партию «Национальный фронт»¹⁷.

¹⁵ Цит. по: Бурый Д. Пространство Европы в системе взглядов «новых правых» // Палытычная сфера. 2007. № 8. С. 69.

¹⁶ Иванов А. «Новым правым» — тридцать лет // <http://www.ateney.ru/ideologija6.htm>

¹⁷ Подробнее о политической истории

Доминик Веннер не примкнул ни к одному из лагерей. В силу своих анти-демократических убеждений, анти-христианства и нищезанятия он был не готов заниматься практической политикой в рамках «Национального фронта»¹⁸, хотя его приглашали войти в руководство этой организации. Для Веннера Ле Пен был всего лишь «парнем честным, но зараженным вирусом либерализма». Постмодернистские спекуляции Алена де Бенуа ему также не были близки.

Как профессиональный историк Доминик Веннер добился немалых достижений, особенно учитывая его политическое прошлое и господство левых в академической среде. С начала 1970-х и до своей смерти Веннер

опубликовал 50 книг¹⁹. Среди них множество исследований, посвященных истории огнестрельного оружия, несколько работ о Гражданской войне в России, в частности книга о Красной армии в 1917–1924 гг., удостоенная награды Французской академии в 1981 г. Среди других работ Веннера — «Критическая история Сопротивления» во Франции, исследования по истории Гражданской войны в США, французского коллаборационизма, немецких добровольческих корпусов в Прибалтике после Первой мировой войны, биография Эрнста Юнгера.

Самоубийство Веннера не являлось ни жестом отчаяния, ни спонтанным актом. Подражая героям античности, он хотел своим поступком бросить вызов ...року, судьбе, высшим силам?.. Так или иначе, Доминик Веннер сделал все, чтобы в этом мире последнее слово навсегда осталось за ним.

«Национального фронта» см.: *Васильева Н.Ю.* «Национальный фронт» вчера и сегодня // Французский ежегодник. 2003. М., 2003. С. 273–290.

¹⁸ В «Национальном фронте» сильны позиции католиков-традиционалистов.

¹⁹ Полная библиография опубликована на личном сайте Веннера: <http://www.dominiquevenner.fr/bibliographie/>.

Издательская группа «Скимень» выпустила в свет книгу Константина Крылова «Прогнать чертей»

Константин Крылов — признанный интеллектуальный лидер русского национального движения. Последовательный националист, радикальный критик российской политической и культурной реальности, продолжатель традиций классической публицистики — и блестящий мыслитель, чье творчество стало одним из самых ярких явлений интеллектуальной жизни России «нулевых».

В сборнике представлены тексты, посвященные общественно-политическим темам: начиная с устройства современного российского государства и кончая положением русского народа.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-551-49-54, kkrylov@mail.ru (Константин Крылов); 8-964-580-19-12, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

Доминик Веннер

В КАЧЕСТВЕ КОНСТРУКТИВНОЙ КРИТИКИ

Недостатки националистической оппозиции¹

В акции, предпринятой после провала в апреле 1961 г.², были использованы новые средства. Было мобилизовано возросшее число сторонников, и решено было следовать путем насилия и подпольной деятельности. Однако это изменение форм борьбы не повлияло на основные методы, которыми пользовались и ранее. Как и прежде, сохранились характерные черты «правых» выступлений, отмеченных доблестными деяниями и прискорбными провалами.

В 1917 г. Ленин пошел на риск поражения в войне, чтобы создать условия для большевистской революции, а Франко, как только принял командование у повстанцев в 1936 г., казнил собственного двоюродного брата, который отказался последовать за ним. Эти два примера поведения про-

тивоположны поведению «правых» (nationaux)³.

Зато типичен для «правого» склада ума отказ поддержать акцию в столице [Франции] 22 апреля 1961 г., как в свое время не поддержали кровавую и тщетную парижскую демонстрацию 6 февраля 1934 г.⁴.

³ Веннер в своем тексте разделяет французских националистов на две категории: собственно националистов (les nationalistes), под которыми он подразумевает национал-революционеров, сторонников уничтожения существующей политической системы в целом, и «националов» (nationaux), т.е. правых патриотов — государственников, «державников», если использовать аналогию с российскими реалиями.

⁴ 6–7 февраля 1934 г. в Париже в районе здания парламента состоялась манифестация около 40 тысяч сторонников правых организаций. Страна находилась в ситуации правительственного кризиса, вызванного раскрытием т.н. «аферы Стависского». Еврейский мошенник, выходец из Киева, пользуясь покровительством высокопоставленных представителей социалистических партий, в том числе левых депутатов парламента и членов правительства, создал банк, с помощью которого похитил накопления французских граждан на сумму более 650 млн франков. При этом после раскрытия аферы Стависский не был даже арестован, а спокойно уехал на альпийский курорт. И только после резкого роста общественного возмущения он был убит неизвестными в своем номере с тем, чтобы унести в могилу имена своих высоких покровителей.

Правые депутаты парламента, пытаясь опереться на многотысячную поддержку

¹ От редакции. «ВН» впервые на русском языке публикуют политический манифест, написанный Домиником Веннером в 1962 г. В это время французское национальное движение переживало глубочайший кризис, вызванный поражением национальных сил в конфликте, развернувшемся вокруг судьбы Французского Алжира. В своей работе Веннер стремился осмыслить совершенные ошибки и, опираясь на революционный опыт XX столетия, наметить новый путь для французских националистов.

² Речь идет о незавершенной попытке вооруженного мятежа французских частей в Алжире, которая была направлена против политики де Голля, предполагавшей предоставление независимости Алжиру.

Изъяны мировосприятия

«Правые», которые используют слово «революция» не понимая его значения, верят в стихийное «национальное пробуждение»! Они также верят, что «армия нам поможет». Веря в эти две неосуществимые мечты, как в некое волшебное лекарство, они не видят необходимости обучения сторонников с помощью надлежащей доктрины, которая объясняет причины упадка Запада, предлагает решение и служит кормилом для мысли и действия. Вот почему они подвержены ряду политических немощей, которые являются причиной их провалов.

Идеологическая путаница

«Правые» нападают на следствия зла, а не на его корни. Они антикоммунисты, но забывают, что капитализм и либеральные режимы являются главными виновниками распространения коммунизма. Они были враждебны политике правительства касательно Алжира, но забыли, что эта политика была продуктом режима, его идеологии, его интересов, его действительных финансовых господ и технократов

за его стенами, потребовали участия в формировании нового правительства. Однако в правом лагере не было единства. Наиболее активны были члены «Аксьон Франсез», «Французской солидарности», «Патриотической молодежи» и других относительно небольших движений. Франсуа де ля Рок, руководитель лиги «Огненных крестов», одной из самых массовых ветеранских организаций, подобной отрядам Arditi и «Стального шлема», занял нейтральную позицию.

Требования правых не были приняты во внимание. В качестве ответного хода коммунисты и социалисты вывели на улицы Парижа своих сторонников, против правых применила оружие полиция. Столкновения привели к человеческим жертвам. В результате данного кризиса произошла консолидация левых сил, был образован т.н. Народный фронт, сформировавший правительство. Многие правые организации были запрещены.

и его политических и экономических структур. Они хотели спасти «французский Алжир» вопреки режиму, но они основывали свои расчеты на принципах и мифах этого режима. Можете ли вы себе представить ранних христиан, поклоняющихся языческим идолам, или коммунистов, воздающих хвалы капитализму?

Конформизм

У всех «правых» есть свой «хороший голлист», свой «хороший технократ», свой «хороший министр». Поддаваясь старому буржуазному рефлексу, они страшатся «авантюра» и «хаоса». Стоит только человеку из правительства махнуть флагом, как они присягают ему на верность. Им предпочтительнее спокойствие слепоты, нежели ясность восприятия. Сентиментализм и узость взглядов всегда преобладают у них над политическим рассуждением. В тщетной надежде понравиться всем они отказываются занять чью-либо сторону и не нравятся никому.

Архаизм

Из-за недостатка воображения, «правые» продолжают трубить в трубу Деруледа⁵, которая никого больше не собирает. Программы и лозунги прикреплены к довоенному триколору. От «армии у власти» к негативному антикоммунизму, через контрреволюцию и корпоративную систему: «правые рецепты» больше отвращают, чем притягивают. Этому политическому арсеналу уже полвека. Он больше не действует на наш народ.

Изъяны организации

Причины, которые заставляют «правых» отрицать необходимость идей в политической борьбе, также заставляют их отрицать необходимость организации. Их деятельность иска-

⁵ Поль Дерулед (1846–1914) — французский поэт и писатель; политический деятель, националист и рваншист.

жена недостатками, которыми объясняются все их провалы.

Оппортунизм

«Правые» знаменитости, военные и гражданские, члены парламента и т.п., являются оппортунистами из-за собственных амбиций. Предлог, который обычно приводят, чтобы замаскировать свои амбиции, — «возможность делать что-либо». Во имя этой возможности «правые» поддержали... референдум 1958 г.⁶ и инициативы политиков того времени. За каждой из этих позиций стоит перспектива медали, хлебной должности или успеха на выборах. Они держат нос по ветру и способны быть жесткими, даже мятежными, когда это кажется им выгодным. Их скандальные речи никого не пугают. Они нападают на конкретного человека, на правительство, но остерегаются трогать сущность и обвинять сам режим.

Алжир был для них хорошим трамплином и благоприятным моментом, чтобы сделать состояние на щедро выданных субсидиях, в то время как солдаты должны были сражаться голыми руками. Если ветер переменится, они без колебаний предадут свой флаг и своих товарищей. Место в парламенте для них не средство, но цель сама по себе: его нужно сохранить любой ценой. Простые же сторонники являются оппортунистами из-за изъянов в доктрине и подготовке. Они доверяют краснобаям и поверхностным впечатлениям скорее, чем политическому анализу идей и фактов: они обречены быть одуроченными.

Мифомания

Чтение шпионских романов, мемуаров участников Сопротивления и про-

чих деятелей спецслужб, истории заговорщиков — голлистов и прочих, погружают «правых» в атмосферу непрекращающихся грез. Бридж с генералом на пенсии, членом парламента или сержантом запаса превращается в темный и могущественный заговор. Если им удастся завербовать десять школьников, они мнят себя Муссолини. Если они хвалятся, что руководят группой из пяти тысяч организованных людей, это значит, что у них едва наберется несколько сот разношерстного сброда. Если случайно они получают письмо из какого-либо военного ведомства, они показывают конверт с видом конспираторов, с улыбками и молчанием, полными намеков: они, мол, союзники... И с горечью укоряют за сектантство активистов, которые отказываются принимать их всерьез. Тех же самых «правых», в период настоящей подпольной деятельности, арестовывают со списками адресов и документов, и они начинают «раскалываться», стоит полицейскому повысить голос.

Терроризм

Ошибочный анализ ситуации, отсутствие доктрины и подготовки, которое подталкивает некоторых к оппортунизму, иных делает приверженцами насилия и терроризма, приводящих к обратным результатам. Плохо усвоенные, примитивные познания, касающиеся некоторых аспектов подрывной деятельности коммунистов в FLN (Front de Libération Nationale)⁷, усугубили эту тенденцию. Петарды под окнами консьержки не прибавили ни одного сторонника «французского Алжира». Слепой способ оторвать себя от народа. Это акт отчаяния. В то время как под-

⁶ Референдум 28 сентября 1958 г. по вопросу изменения Конституции, ограничения роли парламента и резкого усиления власти президента, который утвердил режим Пятой республики во главе с генералом де Голлем.

⁷ Фронт национального освобождения — социалистическая политическая партия в Алжире. В годы Войны за независимость (1954—1962) ФНО возглавлял вооруженную борьбу с французами.

польная деятельность и рассчитанное применение силы могут быть незаменимыми, когда у нации нет других средств самозащиты (и в этом случае они имеют цель побудить людей участвовать в сопротивлении), терроризм ставит прибегающих к нему вне народного сообщества и обрекается на провал.

Анархизм

«Правые», которые так восхищаются дисциплиной у других, сами на деле являются настоящими анархистами. Неспособные определить свое место в борьбе, они имеют склонность к беспорядочной деятельности. Их тщеславие побуждает их к неуместным индивидуальным поступкам, даже в ущерб своему делу. Они нарушают обещания, и никто не может предугадать, куда их заведут фантазии. Они строго следуют за главарем и превращаются в маленькие кланы. Отсутствие общего идеологического ориентира усугубляет их разбросанность и препятствует их объединению.

К новой теории революции

Перед тем как пытаться определить нечто конструктивное, необходима данная критика изъянов «правых». Некоторые, по недостатку политической зрелости, не смогут воспринять ее. С другой стороны, те, кто вынес урок из собственного опыта, осознают ее необходимость.

Революция — это не акт насилия, которое иногда сопровождает смещение власти. Это и не простая смена институций или политического клана. Революция — это не столько захват власти, сколько ее использование для построения нового общества.

Эта огромная задача не может быть обдумана среди беспорядка мыслей и действий. Она требует обширного инструментария для предварительных работ и подготовки. «Правая» борьба застряла в рутине середины века. Прежде всего остального необходи-

мо разработать новую теорию революции.

Не бывает спонтанных революций

Сделать что-нибудь — всегда легко, сложнее преуспеть. Это особенно применимо к революционной борьбе: смертельной битве со всемогущим, хитрым и опытным врагом, биться с которым следует скорее с помощью идей и изобретательности, чем силой. Часто, однако, можно слышать о противоположности действия и мысли. Нужно, мол, поверить в спонтанность революционных действий. Ссылаются на пример фашистской революции в Италии. Только забывают, что к тому времени, когда в 1919 г. были сформированы «фасции», Муссолини уже двенадцать лет сражался в качестве агитатора и журналиста. Особенно забывают про условия борьбы в Италии после перемирия 1918 г., которые не имеют ничего общего с таковыми условиями во Франции сегодня.

В Италии, как и во многих других европейских нациях, власть государства была чрезвычайно слабой, совершенно не способной распространить свой закон на вооруженные группировки, сражающиеся по всей стране. Государство было вынуждено договариваться с каждой из этих настоящих политических армий. В октябре 1922 г. армия «черных рубашек» оказалась немного сильнее других и захватила государство. Сегодня «либеральные режимы» Запада характеризуются большой привилегированной кастой представителей финансовых группировок, которые контролируют все политические, административные и экономические рычаги и объединены тесным сотрудничеством. Они опираются на гигантский административный аппарат, который строго руководит населением, особенно посредством социальных служб. Они держат монополию на власть политическую и власть экономическую. Они контролируют большинство СМИ и являются властителями умов. Их за-

щищают многообразные полицейские войска. Они превратили граждан в послушных овец. Они допустят только фиктивных оппозиционеров.

К концу Первой мировой войны коммунистическая революция была прямой угрозой всей Европе. Опасность всегда определяет направление защиты: фашистские движения извлекли из этой опасности выгоду. Единственная сила, способная противостоять жестокости красных, фашизм получил мощную поддержку и верность множества сторонников. В настоящий момент наступил «вечер революции», Советы как работающий механизм, чекисты, уже принадлежат прошлому. Коммунисты на Западе стали буржуа, они слились с пейзажем, они — самые упорные защитники режима. Человек с ножом в зубах больше не коммунист, а экстремист. Что до России, то капиталисты видят в ней новый рынок сбыта.

Отличие от первой половины XX в., удовлетворение первичных материальных нужд, кажется, стало общедоступно. Бесплатные кухни для бедняков, «дикие забастовки»⁸ уже забыты. Кроме некоторых меньшинств, находящихся под угрозой исчезновения, подавляющее большинство наемных рабочих убеждены, что больше потеряют, чем приобретут, если насильственно вырвут то, что и так неизбежно получают путем мирных требований или просто подождат. Ярмо социального законодательства и шантаж кредитами вынуждают остальных прятать всякую воинственность.

Чувство общих интересов, гражданское и политическое мужество сегодня присущи абсолютному меньшинству, чьи легальные средства самовыражения систематически ограничиваются. Это ставит нас весьма далеко от Италии 1920-х. Личного гения Муссолини было достаточно, чтобы собрать и мобилизовать массу энтузиастов и за-

воевать государство, неспособное защитить само себя. Не такая ситуация сейчас в Европе и Франции. Поскольку власть принадлежит противнику, нужна хитрость получше. Поскольку «великий человек» (к тому же не существующий) уже невысоко ценится, нужно опираться на команду. Качество бойцов, методическая и осознанная борьба, коллегиальное управление требуют обучения, доктрины.

С 1947 г. французская армия была вовлечена в защиту заморских территорий, одержала победу на поле боя и была принуждена к последующим капитуляциям политическими и экономическими группировками, которые представляли собой режим. Нужно было ждать до апреля месяца 1961 г., четырнадцать лет, чтобы ничтожное число руководящих кадров смогло мельком увидеть своего истинного врага. Врага, который был не столько на поле боя, под личиной вьетнамца или феллаха⁹, сколько в самой Франции: в советах директоров, банках, редакциях, ассамблеях и министерских канцеляриях. Это враждебное чувство было направлено против мнимо упадочной столицы [Франции], а не действительности режима. Это ограниченное понимание не имело будущего.

Чтобы победить, нужно осознать, что представляет собой данный режим, раскрыть его методы, выбить из строя его подельников, которые маскируются под патриотов. Нужно определить положительные решения, которые позволят построить общество завтрашнего дня. Это требует тщательного самонаблюдения, тщательного пересмотра общепринятых истин, революционной сознательности.

Революционная сознательность

Нет ничего менее стихийного, чем революционная сознательность. Революционер полностью осознает борь-

⁸ Забастовки, проводимые без согласия профсоюзов.

⁹ Алжирский партизан в войне 1954–1962 гг.

бу между национализмом, носителем творческих и духовных ценностей Запада, и материализмом в его либеральных или марксистских формах. Он свободен от предрассудков, от фальши, и от условных рефлексов, с помощью которых режим защищается. Политическое воспитание, которое позволяет освободиться от них, можно, конечно, получить через личный опыт, но лучше — через образование, которое может дать только обучение. Без этого воспитания самый храбрый и самый дерзкий человек — только кукла, которой манипулирует режим. В зависимости от обстоятельств режим дергает за ниточки, отвечающие за его поведение: ниточку патриотизма, слепого антикоммунизма, угрозы фашизма, строгого соблюдения закона, братства по оружию и т.п. Через непрестанную однонаправленную пропаганду, которой все подвергаются с детства, режим, во всем своем многообразии, постепенно отравил французский народ. Все народы с демократическим строем находятся на этой стадии. Всякое критическое мышление, всякое личное суждение уничтожаются. Достаточно произнести ключевые слова, чтобы включить условные рефлекс и подавить любое возражение.

Этим условным рефлексам позволяет существовать стихийность. Она ведет только к бунтам, которые легко обезвредить или увести в сторону парой поверхностных уступок, парой подачек или парой перемен в декорациях. Так и было много раз с «французскими алжирцами», с армией и с «правыми».

Перед лицом смертельной опасности вполне возможно выстроить оборонительную линию. Например, Сопротивление в конце последней войны или OAS¹⁰. Исход боя был вопро-

сом жизни и смерти; физическая борьба против физической силы видимого врага может быть тотальной, без жалости. Допустим, что переворот удался, тогда вероятно следующее: лишь только опасность, как кажется, предотвращена, линия обороны разбивается на множество группировок, и масса бойцов, не видя больше смысла сражаться, возвращается к привычным делам, демобилизуется и снова предоставляет спасенный город тем, кто прежде его потерял.

Франция и Европа должны завершить свои националистические революции, чтобы выжить. Поверхностные изменения не затронут сути зла. Ничто не будет сделано, пока ростки режима не будут вырваны до последнего корешка. Для этого необходимо уничтожить его политическую организацию, сбросить его идолов и догмы, истребить его официальных и закулисных хозяев, показать народу, сколько его обманывали, эксплуатировали, загрязняли. Наконец — восстановление. Полагаясь не на теоретические построения, но на молодую и революционную элиту, проникнутую новым мировосприятием. Может ли деятельность, которая должна утвердить эту революцию, быть осознана без направления революционной доктриной? Конечно, нет! Как можно противостоять врагу, который вооружен проверенной диалектикой, многоопытен, имеет мощную организацию, — без идеологии, без метода?

Без революционной доктрины невозможна никакая революция!

Даже принимая формы вооруженного противостояния, революционная

по предоставлению Алжиру независимости как предательство национальных интересов, OAC поставила своей целью ликвидацию де Голя и свержение режима Пятой республики. К 1963 г. организация была разгромлена в результате ряда операций французских спецслужб.

¹⁰ OAS (Organisation del'armée secrète) — правая террористическая организация, созданная французскими военными, действовавшая на территории Франции, Алжира и Испании в 1961–1963 гг. Расценивая политику де Голя

борьба выше всего психологического. Как же вести ее, как вербовать и вдохновлять новых сторонников, не имея четких определений новой идеологии, не имея доктрины? Доктрины, понимаемой не как набор абстракций, но как кормило для мысли и действия.

Поддержание высокого морально-го духа своих сторонников и изложение своих убеждений колеблющимся — два обязательных условия развития национализма. Доказано, что в акциях или в тюрьме, когда близка деморализация, когда кажется, что враг торжествует, образованные бойцы, чья связанная мысль поддерживает их веру, имеют больше сил для сопротивления.

Новая разработка доктрины является единственным ответом на бесконечное деление активистов по фракциям. Несомненна объединяющая ценность действия. Она очевидна. Но объединение не может быть прочным и полезным без идейного сплочения вокруг внятной доктрины. Возьмем редактора «Французского обозревателя»¹¹, функционера S.F.I.O.¹², коммуниста: у всех общая идеология — марксизм. Следовательно, их теоретический ориентир одинаков, а их мировосприятие схоже. Слова, которыми они пользуются, значат для них одно и то же. Они — члены одной семьи. Несмотря на глубокое разделение в деятельности, они согласованно продвигают одну и ту же идеологию. Не так в националистической оппозиции. Активисты не признают никаких общих предтеч. Одни — фашисты, другие — сторонники Морра-

са¹³, третьи — интегристы¹⁴, и в каждой такой группе много подвидов. Их объединяет только отрицание: антикоммунизм, антиголлизм. Они не понимают друг друга. Слова, которые они используют: «революция», «контрреволюция», «национализм», «Европа» и т.д., имеют разный, подчас противоположный смысл. Как же им не противопоставлять себя друг другу? Как же им иметь общую идеологию? Революционное единство невозможно без единства доктрины.

Сочинения Маркса огромны, неудобочитаемы и запутанны. Ленину понадобилось вычлнить остов доктрины и преобразовать эту необъятную мешанину в эффективное орудие политической войны. У национализма на заднем плане есть свой коллективный «Маркс», такой же запутанный и неудобоваримый, каким приятель Энгельса мог быть для России в 1903 году. Теперь срочно нужно создать коллективного «Ленина».

Национализм — наследник невероятно обширного корпуса мысли, но он слишком разнообразен, не завершен, и заражен архаизмом. Пришло время осуществить синтез и сделать дополнения, исправления, обусловленные новыми проблемами. Например, хорошим приближением к решению этой задачи было бы подтвержденное документами изучение финансовой аристократии или националистических доктрин.

Причины, которые ускорили к концу XIX века рождение национализма как политической идеологии (а не просто пробуждение национального самосознания в узком смысле), не сильно

¹¹ France observateur («Французский обозреватель») — еженедельный журнал социал-демократического направления. С 1964 г. выходит под названием Le Nouvel Observateur («Новый обозреватель»).

¹² La Section française del'Internationale ouvrière («Французская секция мирового интернационала») — социалистическая партия во Франции в 1905–1969 гг.

¹³ Шарль Моррас (1868–1952) — идеолог французского интегрального национализма, лидер и главный теоретик национально-монархической организации Action Française («Французское действие»); литературный критик, поэт, публицист.

¹⁴ Интегристы — противники модернизма в Католической церкви.

изменились с тех пор. Национализм родился из критики либерального общества XIX века. Позже он был противопоставлен марксизму, внебрачному ребенку либерализма.

Работая после противников «энциклопедистов», после позитивистов, после Тэна и Ренана, чьи учения отчасти присутствуют в национализме, Дрюмон¹⁵ и Баррес¹⁶ выделили неизменные черты этой идеологии. Впоследствии вложили в ее разработку свой талант Шарль Моррас, Хосе-Антонио Примо де Ривера¹⁷, Робер Бразильяк¹⁸,

¹⁵ Эдуард Дрюмон (1844–1917) — французский журналист; политический деятель. В 1886 г. получил известность, опубликовав книгу «Еврейская Франция» (более 200 переизданий на 2005 г.). В 1889 г. основал «Французскую антисемитскую лигу», активный участник дела Дрейфуса, антидрейфуссар. В 1892 г. основал газету «La Libre Parole» («Свободное слово»). За разоблачение Панамской аферы подвергался трехмесячному заключению. В 1893–1898 гг. в эмиграции в Бельгии. В 1898–1902 гг. — депутат французского парламента от Алжира.

¹⁶ Морис Баррес (1862–1923) — французский писатель и политический деятель, один из лидеров французского национализма на рубеже XIX–XX вв.

¹⁷ Хосе Антонио Примо де Ривера-и-Саэнс де Эредиа (1903–1936) — испанский политический деятель, основатель партии «Испанская фаланга»; адвокат. Сын генерала, диктатора Испании в 1920-е годы, Мигеля Примо де Ривера. Расстрелян республиканскими властями в Аликанте 20 ноября 1936 г.

¹⁸ Робер Бразильяк (1909–1945) — выдающийся французский писатель, литературный критик; французский националист, автор газеты Action Francaise. В годы Второй мировой войны коллаборационист, автор наиболее читаемой газеты оккупированной зоны «Je Suis Partout» («Я — всюду»). Арестован в 1944 г. после освобождения Парижа союзниками. Суд над Бразильяком вызвал жаростные дебаты среди французской интеллигенции относительно ответственности писателей за акции, на которые их творчество

Алексис Каррель¹⁹ и многие другие в Европе. Национализм, основанный на героическом восприятии бытия (existence), есть возвращение к истокам народной общины. Он стремится создать новые социальные отношения на основе общинности и построить политический порядок на иерархии достоинства и доблести. Сорвав с себя тесную оболочку, в которую поместила его эпоха, национализм стал новой политической философией. Европейская по своим концепциям и перспективам, она предлагает универсальное решение проблем, поставленных перед человечеством технической революцией.

Перспективы националистов

Пассивность общественного мнения и трусость традиционных элит пред лицом событий в Алжире открыла глаза всем людям, которые способны думать. Часто ценой болезненного переосмысления, разрыва со своими прошлыми убеждениями они перестраиваются вокруг нового определения национализма. Здесь не место пытаться представить научное исследование. Изучение и споры еще понадобятся. Однако можно наметить основные положения.

вдохновляло других людей. Ходатайство о помиловании Бразильяка было подписано Альбером Камю, Франсуа Мориакком, Жаном Анно, Жанн-Луи Барретом и Артуром Онеггером, однако оставлено де Голлем без последствий. Казнен 6 февраля 1945 г. в Монруже.

¹⁹ Алексис Каррель (1873–1944) — французский хирург и биолог, лауреат Нобелевской премии (1912), автор важнейших открытий в области сосудистой медицины. В 1940 г. назначен правительством Виши директором Фонда исследований человеческих отношений, в задачи которого входили евгенические исследования. После освобождения Парижа в 1944 г. Каррель был отстранен с поста директора Фонда, обвинен в коллаборационизме и вскоре скончался.

Критика либерализма и марксизма

Либерализм может очаровать (на время) видимостью великодушия. Реальность рассеивает эту иллюзию. Эта мертвая идея сегодня маскирует лицемерную диктатуру международного капитализма, который охватывает все западные демократии.

Капиталистическая олигархия родилась в конце XVIII в. Либеральные идеи, распространившиеся в эту эпоху во Франции, были использованы для отстаивания совместных интересов высшей аристократии и богачей против авторитета центральной власти, которая долгое время держала их в узде. Эта борьба высших кругов против народной власти (в данном случае французской монархии) последовательно велась многие годы. В организованных обществах, стоит только сорвать оболочку монархических или республиканских форм, которая скрывает реальность, обнаруживаются два основных вида власти: первый имеет основание в народе, он сдерживает высшие круги, феодальные или финансовые; второй находится в руках высших кругов, его цель — эксплуатировать народ. Первый вид отождествляется с народным сообществом и служит реализации его предназначения, второй подчиняет народное сообщество для удовлетворения собственных appetitов.

Современные демократии, которые принадлежат ко второму типу, последовали за эволюцией капитализма, чьим политическим следствием они и являлись. По мере того как капитализм терял свою личностную и национальную форму, становясь финансовым и не имеющим гражданства, демократии подпадали под контроль международных финансовых группировок. Методы немного меняются, как только появляется угроза народного пробуждения. Если ложь и уловки, в которых они преуспели, оказываются неэффективными, они применяют более страшное оружие, более жесткие ограниче-

ния. Они никогда не останавливались перед геноцидом, атомными бомбардировками, концлагерями, пытками и моральным изнасилованием.

Капиталистическая олигархия безразлична к судьбе национальных сообществ. Ее цель — насытить ненасытную волю к власти путем экономического доминирования в мире. Человечество и его цивилизации приносятся в жертву чисто материалистическим проектам, аналогичным проектам марксистским. Для технократов, так же как для коммунистов, человек — это экономическое животное, снабженное двумя функциями: производить и потреблять. То, что не может быть высчитано на логарифмической линейке, считается избыточным. Избыточное должно подчиняться основному: экономической производительности. Личностные стремления — помехи строительству и применению планов — должны исчезнуть. В материалистических обществах есть место только для абсолютно покорных, однородных и стандартизированных масс.

Те, кто не принимает выработку условного рефлекса в умах и кастрацию масс, вынуждены носить ярлык «фашистов». Сомневаться в искренности хозяев общественного мнения при демократии или оспаривать противоречия «линии партии» при коммунизме, отказываться равнять культуру Запада с доисторическим завыванием чернокожих или отвратительным разложением определенного рода модернизма, презирать «вселенский разум», улыбаться, когда кто-то говорит о праве человека на самоубийство — все это признаки неблагонадежного и бунтарского духа. Бунт ведет к физическому уничтожению при коммунистическом режиме и к социальному уничтожению при режиме либеральном. Таким образом, и тот, и другой разрушают творческий индивидуализм и народные корни, самую сущность человечества и его сообще-

ства. Они ведут человечество в тупик, к худшей форме упадка.

История человечества — не что иное как постоянное усилие освободиться от законов материи. Экстаз мифа, искусство, наука и этические правила являются завоеваниями духа и человеческой воли. Прочность этих побед дала рождение цивилизациям. Цивилизации, эти побочные творения восприимчивости, ума и энергии людей, развиваются и взрослеют, пока сохраняют свою творческую силу. Народы, давшие им рождение, теряют силу защищать себя от нападений извне, когда их исходные добродетели и их жизненная энергия уходят. Тогда и их цивилизации в свою очередь приходят либо к концу, либо к упадку.

Таков логический результат эксплуатации человечества кастой технократов или «новым правящим классом». Эти две силы исходят из одной и той же философии.

Либерализм и марксизм пошли разными путями, которые привели их к взаимному противостоянию, однако результаты оказались одинаковыми: подчинение народов, предварительно обманутых демократическими мифами. Демократия — это новый опиум для народов.

Мужественный гуманизм

Европейские народы построили уникальную в истории цивилизацию. Несмотря на возраст в несколько тысячелетий, ее творческая сила не иссякла. Ее явные враги молчаливо признают ее всеобщность. Между традиционным Востоком, подчиненным метафизическим принципам, и новыми материалистическими обществами европейская цивилизация синтезирует духовные стремления и материальные нужды. Даже когда униформизм масс провозглашается идеалом по всему миру, она перевозит личность сильного человека, торжество человеческого достоинства над посредственностью.

Она содержит в себе равновесие, которое необходимо для выхода из потрясений, созданных технической революцией в жизни человечества. Эту новую гармонию, основанную на ценностях личности и общества, можно определить как «мужественный гуманизм» (*un humanisme viril*).

Мужественный гуманизм, эта новая шкала ценностей, отвергает фальшивые законы чисел и стремится подчинить силу техники и экономики цивилизующей воле европейца. На знакомой почве, в своем родословии и в самобытной культуре своего народа, он снова обретет соразмерный ему мир. Он найдет смысл жизни в следовании своей судьбе, в верности жизненному пути, основанному на европейской этике чести.

Этика чести противостоит рабской морали либерального и марксистского материализма. Она признает, что жизнь — это битва. Она перевозит самопожертвование. Она верит во власть воли над событиями. Она видит основу взаимоотношения людей одного сообщества в верности и солидарности. Она признает за работой важность, независимо от выгоды. Она возвращает чувство подлинного достоинства человечества, не дарованного, но завоеванного постоянными усилиями. Она развивает в европейце сознание своей ответственности в отношении к человечеству, настоящим управителем которого он и является.

Живой порядок

Легитимность власти не сводится к исполнению очень разнообразных писанных законов или к согласию масс, полученному под психологическим давлением пропаганды. Легитимна та власть, которая соблюдает права нации, ее неписанные законы, выработанные историей.

Нелегитимна же такая власть, которая отбрасывает национальную судьбу и уничтожает национальную сущность. В таком случае легитимность принад-

лежит борцам за восстановление прав нации. Это здоровое меньшинство формирует революционную элиту, на которой будет держаться будущее.

Мир подчиняется не системе, но воле. Не систему нужно искать, но волю. Конечно, сама структура государства должна быть осмыслена в связи с некими основополагающими принципами: авторитет, преемственность, способность принимать решения объединяются в правительстве, имеющем коллегиальную форму; она должна опираться на иерархически выстроенный коллектив политических кадров и на помощь народного представительства из разных профессий и региональных сообществ, способного решать собственные проблемы. Но особенно важно выковать людей, на которых будет держаться общество и будущее цивилизации.

Не электронное оборудование и не ученые будут решать судьбу человечества. Огромные проблемы, поставленные новыми техническими разработками, требуют политической элиты по призванию, чья железная воля стоит на службе ясного осознания своей исторической миссии. Разумеется, при такой колоссальной ответственности от них будет требоваться больше, чем от других людей.

Как утверждают социологи, пять процентов людей глубоко извращены, безумны, порочны. С другой стороны, можно увидеть, что тот же процент людей обладает необычайным качеством энергичности и самопожертвования, которые предрасполагают их к служению обществу и лидерству в нем. Демократиями, в которых установилась власть махинаций и денег, обычно управляют люди первого типа. Националистическая революция должна будет уничтожить первый тип и выдвинуть второй.

Отбор с детского возраста и воспитание этой элиты человечества будет одной из основных забот нового общества. Подготовка элиты бу-

дет подразумевать развитие силы характера, духа самопожертвования, она откроет их ум для интеллектуальных дисциплин. Соблюдая свою первоначальную чистоту не только как почетное обязательство, но и как строгий и своеобразный устав, они сформируют живой порядок, постоянно обновляющийся с течением времени, но всегда тождественный по своему духу. Таким образом, власть финансистов будет замещена властью тех, кто верит и сражается.

Органическая экономика

Экономика не является самоцелью. Она — составляющая часть жизни обществ, одна из важнейших, но только одна из. Она не является источником или объяснением эволюции человечества. Она — лишь фактор или результат. Объяснение истории нужно искать в психологии людей, в их деятельности и их политических добродетелях.

Экономика должна быть подчинена политической воле. Если этого не будет (как при либеральных режимах), то необузданные экономические силы потянут общество к анархии.

Конечно, решение громадных проблем в экономике является частью националистической революции. Отрицать их важность или отделяться от них с помощью волшебных слов (являющихся предметом недоумений и споров, например «корпоративная система») — значило бы повторить фатальную ошибку «правых».

Капитализм создал искусственный мир, к которому человечество не может приспособиться. С другой стороны, народное сообщество эксплуатируется небольшой кастой, которая монополизировала всю власть и стремится к международному верховенству. Наконец, капитализм прячет под ворохом новых слов устаревшую концепцию, в которой экономике придается первостепенное значение. Эти упреки одинаково относятся и к коммунизму.

Как мы видели, проблема неприспособленности человека в мире, где ему больше неуютно, нуждается в политическом решении. Техническое и экономическое развитие не находит оправдания в самом себе; оно зависит от его применения. Новое государство подчинит экономику своим замыслам, чтобы сделать ее инструментом новой европейской весны. Тогда ее целями будут созидание культурных ценностей, производство орудий необходимой мощности, повышение качества народа.

Средство уничтожить чрезмерную власть технократической касты, прекратить эксплуатацию рабочих, установить реальное правосудие, восстановить настоящую экономику и ее здоровое функционирование состоит во всеобщем изменении структуры предприятий (мы говорим только о тех предприятиях, которые подчинил финансовый капитализм, а не о маленьких семейных предприятиях, которые нужно сохранять и которые не являются проблемой) и общей организации экономики.

При капиталистическом режиме (как и при коммунистическом) предприятие является исключительной собственностью финансового капитала в первую очередь и государственного капитала — во вторую. Для наемных работников (неважно, управленцев или простых рабочих) результат один: они ограблены, а благосостояние, произведенное их работой, поглощено капиталом.

Это привилегированное положение дает капиталу все полномочия в предприятии: руководство, менеджмент, даже когда они осуществляются извне и имеют основной целью получение финансовой выгоды, иногда в ущерб производству и самому предприятию.

Здесь обнаруживают свой подлинный смысл знаменитые слова Прудона: «Собственность есть кража!» Упразднить присвоения — единственное решение, которое породит обществен-

ный тип предприятия. Тогда капитал займет подобающее ему место как элемент производства, наряду с работой. И то и другое будет принимать участие, пропорционально своей важности, в предприятии, в назначении директора, в его управлении хозяйством и в получении реальной прибыли.

Эта революция в устройстве предприятий впишется в новую организацию экономики, имеющую своей базой конкретные профессии и географическую региональную структуру. Чтобы отделаться от паразитов и власти финансистов, она создаст ряд образований-посредников. Эти новые структуры, способные легко интегрироваться в Европе, лучше всего определить как «органическую экономику».

Молодая Европа

Американо-советская победа в 1945 г. положила конец войнам между европейскими нациями. Угроза общих врагов и опасностей, очевидная общность судьбы в хорошие и плохие времена и совместные интересы развили ощущение единства.

Это ощущение подтверждается разумом. Единство необходимо для будущего европейских наций. Они утратили численное преимущество; объединившись, они восстановят преимущество цивилизации, творческого гения, организующей способности и экономической мощи. Будучи разделенными, они обрекают свои территории на оккупацию, свои армии на поражение; объединившись, они составят непобедимую силу.

Будучи изолированными, они станут государствами-сателлитами с гарантированным упадком, как уже произошло с некоторыми под советским владычеством. Европейская цивилизация подвергнется постоянным атакам, и это будет финальной точкой эволюции человечества. Напротив, если они объединятся, у них появятся средства взять на себя и обеспечить цивилизующую миссию.

Единство не подразумевает продолжение действия финансовых и политических организмов, образованных после войны. Их цель — расширить международное влияние технократии, которая контролирует все ее механизмы, и охранять политические и экономические привилегии, скрытые под вывеской демократии. Эти учреждения разносят сегодня на европейском уровне пороки и идеи, порожденные режимом каждой нации, и умножают их. Развитие этих учреждений, действующих от имени Европы, ускоряет ее упадок.

Объединение не означает уравниловки. Стандартизация и космополитизм погубят Европу. Ее единство будет построено вокруг национальных реалий, которые стремится защищать всякий народ: историческая общность, самобытная культура, привязанность к почве. Желание ограничить Европу латинским или германским влиянием поддержало бы ее разделение, даже посеяло бы новую вражду. Но более всего оно отрицало бы европейскую действительность, воплощенную Римом и Средневековьем в смешении двух потоков: континентального и средиземноморского.

Представить Европу под владичеством одной нации значило бы возобновить кровавую мечту, недавние шрамы от которой остались в истории. Разница в языках и происхождении — не препятствие. Многие государства многоязычны: Римская империя, создавшая первое европейское единство в многообразии собранных ею народов и культур, имела императоров, рожденных как в Риме, так и в Галлии, в Иллирии или в Испании.

Европа не ограничивается искусственным рубежом «железного занавеса», установленным победителями 1945 г. Она включает в себя все европейские нации и народы. Думать о единстве — значит в первую очередь думать об освобождении всех плененных наций, от Украины до Германии. Судьба Европы — на востоке: разбить

цепи, свергнуть советскую тиранию, отбросить азиатскую волну.

Народы и государства вне европейского континентального блока, но принадлежащие к его цивилизации, являются Западом. Европа — его душа. Его полное единомыслие, особенно с западными центрами в Африке, еще проявит себя. На этих положениях будет основываться новая организация африканского континента, чья судьба связана с судьбой Европы.

В устройстве Европы слабо развитые народы найдут пример и решение своих собственных проблем. Им нужна не нищета, но организация. В Европе есть превосходное сообщество специалистов по заграничным вопросам. Никакая иная сила не сравнится с организационным талантом этих специалистов, взятым на вооружение пробудившимся европейским динамизмом. Они выведут этих людей из бедности и анархии и вернут их Западу.

Не экономические соглашения объединят Европу, но приверженность ее народов национализму. Препятствия, которые кажутся непреодолимыми, обусловлены демократическими структурами. Как только режим будет очищен, эти ложные проблемы исчезнут сами. Тем более очевидно, что без революции невозможно никакое европейское единство.

Успех революции в одной европейской нации (а Франция единственная обладает всеми необходимыми условиями) приведет к быстрому распространению ее на другие нации. Единство двух наций, независимых от режима, разовьет такую притягательную силу и динамизм, что старая система, «железный занавес» и границы обрушатся. Первый этап объединения будет политическим и создаст единое коллегиальное государство в развивающейся форме. Другие этапы, военный и экономический, последуют. Националистические движения Европы будут действующими силами этого единства и ядром будущего жизненного порядка Европы.

Так молодая Европа, имеющая основание в одной цивилизации, одном пространстве и одной судьбе, будет активным центром Запада и мирового порядка. Задачей европейской молодежи будет воздвигать новые соборы и строить новую империю.

Организация и деятельность

Борьба, которая велась вокруг событий в Алжире, показала, что «правые» могут способствовать созданию благоприятной ситуации. Однако совершенно очевидна (если не говорить о событиях перед Второй мировой войной) их полная неспособность превратить народный бунт в революцию. Зачаточная националистическая организация, несмотря на усилия своих активистов, не пошла в ногу со стихийным бунтом. Итак, «правые» идеи восторжествовали, и новое сопротивление, вступившее в бой при благоприятных политических условиях после 22 апреля 1961 г., обладая обилием сторонников и средств, завершилось посмешищем и позором.

Однако этот период подпольной борьбы и репрессий выковал настоящих революционных бойцов, в основном молодых, а обстоятельства поражения дали урок множеству участников, твердо верящих в «правые» методы. Вот почему у национализма найдутся завтра бойцы и специалисты, которых не хватало в прошлом.

На французской молодежи многие годы будет лежать отметина последних боев, которые велись за защиту целостности национальной территории в Алжире. Ее лучшие представители активно в них участвовали. Они шли на все: пытки, тюрьмы, смерть. Осуждение террористических методов применимо не к тем, кто храбро выполнял приказы и кто является образцом, но к лидерам, которые решили использовать эти пагубные методы. Восстание Молодости против старческого и враждебного общества — вот что это было.

Никто не мог предвидеть ни волны «пужадизма»²⁰ в 1955 г., ни крестьянских восстаний 1961 г. Несмотря на холодильники и телевизоры, люди сотнями тысяч вышли на улицы. Злодеяния режима породят в будущем новый народный взрыв. Если эти восстания будут дезорганизованы, они потерпят крах, как и предыдущие. Следовательно, вся деятельность должна иметь целью положить закваску в тесто.

Дело организации, проникновения, народного обучения всегда нескоро. Нужно помнить, что все революционеры XX в. должны были долго сражаться, прежде чем добиться триумфа: Ленин почти тридцать лет, Гитлер — тринадцать, Мао Цзэдун — тридцать три... В трудностях борьбы массы приобретают революционную сознательность, появляются новые кадры, организация обкатывается и укрепляется.

Развитие революционной деятельности никогда не бывает последовательным и гармоничным. Подобно пунктирной линии, она состоит из частичных успехов, неудач, подъемов, новых падений, мнимых застоев. Все револю-

²⁰ Пужадизм — национал-популистское движение во Франции, созданное Пьером Пужадам (1920–2003) и объединившее нижние слои среднего класса, торговцев, ремесленников и крестьян на юге страны. В 1953 г. Пужад основал «Союз по защите владельцев магазинов и ремесленников» для отстаивания интересов мелких предпринимателей. Движение выступало против крупного предпринимательства и профсоюзов, государства и правительства, но более всего против налогов. Придерживаясь правых, популистских и в то же время республиканских взглядов, пужадисты, используя широко распространенное недовольство Четвертой Республикой, получили свыше 2,5 млн. голосов на выборах 1956 г. и провели 53 депутата в парламент от созданного ими «Союза французского братства». Самым молодым депутатом, избранным по списку Союза, был Ж.-М. Ле Пен. Через два года из-за слабости руководства и отсутствия программы движение распалось.

ционные движения знавали катастрофические провалы, когда победа, казалось, была рядом: большевики в 1905 г., национал-социалисты в 1923 г., китайские коммунисты в 1927 и 1931 гг. Их успех был обусловлен их способностью анализировать причины этих неудач, извлекать уроки, исправляться и приспособляться к новым условиям борьбы. Большевики отвергли исключительно нелегальное положение, чтобы попробовать и легальные, и нелегальные возможности. Национал-социалисты отказались от повстанческого пути, чтобы предпринять легальный захват власти. Мао Цзэдун оставил городской пролетариат и обратился к деревне и партизанской войне. Революционная деятельность, как и война, подчиняется строгим законам. Националисты должны отыскать их в свете собственного опыта и приспособить их к новой ситуации.

Видные деятели или активисты? За человека или за идею?

Избиратель, простой участник, следует за заголовком плаката, известным именем, героем дня. «Правым» нравится эта легкость. Являясь пассивной толпой, они всего ждут от некоего чудо-человека. Даже у маленьких групп есть свой идол. Неизменное отсутствие великого человека огорчает и обескураживает простофиль. Националисту же нужны не последователи, но активисты, которые характеризуются отношением к доктрине, а не к какому-либо человеку. Националист не сражается за некоего псевдоспасителя, ибо сам является спасителем. Те, кто берет на себя управление борьбой, могут пропасть или наделать ошибок: это не обесценивает само дело, их заменяют другие. Активисты жертвуют собой за свои идеи, а не за человека.

Организация должна быть сообществом активистов, а не личной собственностью. Она будет управляться уполномоченными лицами, которые будут лишь временными глашатаями

национализма. Уполномоченные лица будут управлять действиями активистов не раньше чем докажут, что они наиболее пригодны к службе Организации, без которой они — никто.

Блеф и эффективность

Огромные суммы денег, собранные на дело французского Алжира, были растрачены видными деятелями и политиками, которым они были доверены. Как доказательство того, что деньги были потрачены с пользой, предъявляются несколько брошюр, несколько конференций, несколько поездок, несколько плакатов. С такими колоссальными средствами видные деятели не сделали ничего.

Все это время активисты осуществляли последовательную деятельность со смехотворными средствами, полученными из их личных вложений. Они проводили народные собрания, покрыли страну надписями, рисовали плакаты от руки, делали яркие акции за малые деньги, использовали ротапринты по всей Франции. Они сделали многое, не имея ничего за душой. Это — характерная черта настоящего активиста.

Видные деятели и рядовые

Для видных деятелей, которые управляют «правыми», активисты являются низшим классом. Они всего лишь пехота, используемая в политических баталиях. Они — часть электората. Они — пешки в непрерывных интригах. Их самопожертвование служит трамплином для амбиций карьеристов. Если дело принимает дурной оборот, от активистов спокойно отказываются.

Националистическая организация отодвинет «видных деятелей». Ее членами и ее лидерами будут активисты, которых породили не электоральные лаборатории или кухни, где плетутся интриги, но боевые действия: расклейка плакатов по ночам, публичные выступления, бурные собрания, перепечатка вечером листовок на ротапринте и их распространение на рассвете, аре-

сты, допросы, силовики, тюрьмы, суды, разочарования, оскорбления, безразличие, неудачи... Так самые крепкие, самые преданные, самые сознательные выйдут на первый план, так сформируется революционная элита.

Объединение «правых» или организация революционеров?

Замаскированные враги

Некоторые политики, гражданские или военные, уже давно смотрят на Алжир как на трамплин для своих амбиций. Плоть от плоти режима по интересам и по партийной принадлежности, они остались заклятыми врагами революции. Им было бы даже легче бороться с ней, если бы они выглядели ее участниками. Голлисты (некоторые члены парламента до 13 мая²¹, некоторые лидеры после этого) являются иллюстрацией того, как режим засылает агентов в революционную среду.

Один из участников заговора 13 мая, Леон Дельбек²², бесстыдно проясня-

²¹ 13 мая 1958 г. произошел военный мятеж в Алжире, спровоцировавший правительственный кризис. Делегатам генерала де Голля, находящимся в Алжире, удалось навязать руководству восставших частей его кандидатуру в качестве единственного приемлемого национального лидера. Опираясь на поддержку французов в Алжире, де Голль смог вернуться в большую политику и в том же году занять пост президента республики.

²² Леон Дельбек (1919–1991) — деятель французских спецслужб; политический активист, голлист. Участник Соппротивления, сотрудник деголлевской разведки. Член организованного де Голлем «Объединения французского народа» (РПФ). Сотрудник Министерства обороны, доверенное лицо де Голля в Алжире во время майских событий 1958 г., вице-президент созданного восставшими Комитета общественного спасения. Уговорил генералов Салана и Массю обратиться к де Голлю с призывом создать правительство общественного спасения. В 1958 г. депутат парламента от голлистского «Союза за но-

ет этот метод. «Я был организатором 13 мая, — объявил он 6 июля 1958 г. на конгрессе социал-республиканцев²³ севера, — на должностях, которые я занимал, от меня требовалось участвовать в заговорах, часто направленных против Республики и республиканского режима, в заговорах, о которых полиция знала, но не могла остановить. Мне удавалось оказаться в правильном месте в правильное время, чтобы направить в интересах генерала де Голля восстание, которое должно было произойти».

В директорате OAS было полно таких персонажей, которым «удавалось быть в правильном месте в правильное время», чтобы завести восстание в тупик. Если бы у Секретной армии получилось свергнуть де Голля, они бы обеспечили режиму возможность благополучно перенести этот кризис, что и произошло 13 мая.

Они искусно используют путаницу, возникающую от одинаковых на первый взгляд целей. Они знают, что «правые», не имеющие политического образования, поддаются на союзнический шантаж и имеют непоправимую симпатию к якобы раскаявшемуся противнику.

Принять их игру — значит попасть к ним в руки. Промолчать и не разоблачить их перед всеми — значит стать их сообщниками. Никакого союза с людьми режима! Их нужно разоблачать по максимуму. Только так массы перестанут заблуждаться, сторонники избавятся от присущей им наивности и станут образованными активистами.

Ноль плюс ноль

Ноль плюс ноль всегда будет ноль. Увеличение количества мифоманов, заговорщиков, ностальгирующих, ка-

вую республику» (UNR). После поражения на выборах 1962 г. отошел от политики.

²³ Национальный центр социал-республиканцев (CNRS) — голлистская партия, существовавшая в 1954–1958 гг.

рьеристов и «правых» никогда не даст сплоченной силы. Сохранять надежду объединить бездарностей — значит упорствовать в заблуждении. Деятельность небольшого количества ценных людей парализуется фриками (les farfelus) вокруг них. Общественное мнение в данном случае не ошибается. Еще они причиняют значительный вред национализму, с которым их часто путают. Они способствуют уходу здоровых людей и не дают набрать качественных рекрутов.

Не может быть и речи о союзе с такими! Напротив, необходимо говорить о глубоких различиях между ними и национализмом. Фриков нужно беспощадно вышвыривать. Только так можно будет привлечь новых людей, деятельных сторонников.

Объединения и Комитеты согласия

Даже OAS со своей активной деятельностью, с единым руководством, гигантскими средствами и общей основной целью не преуспела в объединении сторонников «французского Алжира» в столице [Франции]. Как же можно представить, что эти благие пожелания могут исполниться в будущем с гораздо меньшими доступными средствами?

Объединения и фронты преследуют только одну цель: приносить выгоду тем, кто организует или контролирует их. «Народный фронт» содействует коммунистам, а «Национальное объединение» служило Сустелю²⁴.

²⁴ Жак Сустель (1912–1990) — французский антрополог, сотрудник спецслужб и политический деятель. Кавалер ордена Почетного легиона. Член Французской академии (1983). Трижды избирался депутатом Национальной ассамблеи (1945–1946, 1951–1958, 1973–1978). С 1940 г. участник Сопrotивления, переехал в Лондон, возглавлял разведывательную службу де Голля. В 1945 г. последовательно занимал должности министра информации, затем министра колоний. В 1947–1951 гг. — генеральный секретарь голлистской партии «Объединение француз-

Другие участники остались в дураках.

Если объединения и комитеты согласия предлагаются видными деятелями, они чаще всего имеют электро-ральные цели. Они обеспечивают по небольшим расценкам расклейщиков плакатов и команды подчиненных; они прекрасно умеют перекачивать деньги. Когда период выборов заканчивается, объединение усыпляется в ожидании нового случая попользоваться неизменной доверчивостью «правых».

При первой серьезной трудности, например, принятии решения насчет спорного события, фронт распадается и каждый обретает свободу. Мечты кончились. Политическая борьба, как и война, требует маневров: притворства, отступления, нападения. Она нуждается в абсолютной дисциплине и едином управлении, способном мгновенно проявить инициативу, привлекая все свои силы. Разнородный состав и различие воззрений лидеров препятствует объединениям применять эти правила; таким образом, они обречены на оппортунизм и распад.

Как можно представить, что разрозненное стадо, которым управляют болтуны, карьеристы и чудаки, раздерганные клановыми и личными ссорами, будет способно бороться против превосходящей организованной силы режима? Конечно, не это являет-

ского народа», один из ближайших соратников де Голля. В 1955—1956 гг. — генерал-губернатор Алжира. Благодаря поддержке Сустеля во время майского правительственного кризиса 1958 г. де Голль вернулся к власти и был избран президентом. В 1959 г. назначен Государственным министром заморских территорий. В результате конфликта с де Голлем, вызванного несогласием Сустеля с признанием независимости Алжира, в 1960 г. лишился должности министра и был исключен из партии. Вступил в OAS и участвовал в тайной антиправительственной деятельности. В 1961 г. эмигрировал из Франции, вернулся только в 1968 г. после амнистии.

ся целью «правых» видных деятелей. Такой образ действий отвергнут опытом. Тактика фронта непредставима без мощной националистической организации, способной собраться с силами и навязать свою политическую линию.

Монолитная и дисциплинированная организация

В последние несколько лет работу выполняли маленькие команды, даже отдельные активисты. Это ядро было образовано из настоящих активистов: образованных, надежных, компетентных. Обладая крошечными средствами, но имея упорство и воображение, они обеспечили все успехи, достигнутые в борьбе.

Это доказывает, что пять активистов полезнее пятидесяти фриков. Качество бойцов безусловно важнее их количества. Массы соберутся вокруг маленькой и эффективной команды, не наоборот.

Тот факт, что революционные движения являются эффективными меньшинствами, не означает, очевидно, что все малочисленные группы тем самым революционны. Это слишком простое извинение для посредственности некоторых. Эффективные меньшинства — не бесплодные секты, они находятся в прямом контакте с людьми.

Националистическая организация, предопределенная к борьбе, должна быть единой, монолитной и иерархически выстроенной. Она будет сформирована из всех активистов, посвятивших себя национализму, преданных и дисциплинированных. Их возраст, как и их происхождение, не имеет значения. Будь они студентами или крестьянами, рабочими или инженерами, эти активисты будут в любой среде пропагандистами и организаторами революции.

В зависимости от обстоятельств их деятельность будет либо на виду, либо нет. Ее перспективы позволят им обеспечить всеобщее проникновение

Националистической организации, вплоть до механизмов режима.

Заговор или народное действие?

Устаревшие тактики

Некоторых «правых» увлекает пример голлистских заговоров, систематический терроризм FLN или IRA в Ирландии. Проще подражать прошлому, чем вообразить будущее. Анахронизм в политике, как и в военной сфере, гарантирует поражение. Нельзя вести позиционную войну в эпоху танков.

Некоторые шаблоны очень навредили в прошлом. Гражданская война в Испании, народное восстание 1936 г., связанное с армией. 13 мая и военный псевдопереворот. Призыв к солдатам, столь милым сердцу «правых». Французская армия является одной из составляющих режима; ее командиры тщательно отбирались по признаку корыстной покорности; ее кадровый состав по большей части простые чиновники: это не армия с большой буквы «А». Она сгодится только для того, чтобы подлатать дыры режима.

Именно из-за недостатка веры в себя и отказа прилагать усилия «правые» переложили свою ответственность на смутную надежду воображаемого заговора военных. Это интеллектуальная трусость, ложное оправдание, чтобы избежать насущной и трудной активистской работы.

Тысяча революционных руководителей

Народного согласия, как и уличной деятельности, недостаточно, чтобы обеспечить успех революции в технически развитом обществе. Не может быть власти без внутреннего контроля технических механизмов, обеспечивающих функционирование современного государства. Крайняя сложность высших государственных учреждений, их скрытая власть и их инфильтрация кастой технократов ставят их вне общества, делают непроницаемы-

ми и всемогущими. Только присутствие в этих механизмах революционных кадров, даже в очень малом числе, позволит нейтрализовать их и подчинить воле националистов. Это применимо и к некоторым жизненно необходимым для страны госслужбам, инфильтрованным технократами и коммунистами.

Открыто, как знаменосец национализма, политическое движение само будет иметь задачу публично общаться с народом и перетягивать его на свою сторону. Оно будет использовать, в зависимости от насущных потребностей, все легальные способы пропаганды и действия. Построенное на иерархии руководителей и образованных активистов, организованное по принципу ячеек (как территориальных, так и профессиональных), оно будет привлекать обширную поддержку.

Будут организованы «опорные пункты», находящиеся в открытых или скрытых связях с политическим движением. Как объясняется ниже, цель «опорных пунктов» — удерживать и контролировать определенную среду путем общественной и политической деятельности по мере того, как противники уничтожаются, а нейтральные люди присоединяются. Эта работа даст рождение разным коллективам, приспособленным к определенным средам. Ее будут целиком проводить руководители-националисты, подготовленные и способные позаботиться об организации.

Политическое движение, проникнувшее в механизмы государства, и «опорные пункты» в народной среде будут главными направлениями Националистической организации. Она будет построена на базе иерархического, специализированного, присутствующего во всех общественных организациях корпуса кадров, связанных с централизованным коллегиальным управлением. Таким образом, организация будет способна руководить какой-либо кампанией по всей стра-

не и во всех тонкостях. Она будет способна дисциплинированно и оперативно маневрировать в битве. Руководители и активисты будут среди народа как закваска в тесте. Тысяча руководителей из революционной элиты принесут национализму победу.

В масштабе Запада

Внешнее легкое

В течение всего времени, начиная с 22 апреля 1961 г., деятельность в пользу «французского Алжира» получала постоянную и активную поддержку со стороны разных групп националистического направления в Европе и даже в США. В первый раз действительная солидарность объединила представителей Запада поверх всех границ.

Средства пропаганды этих групп были мобилизованы, чтобы поддерживать деятельность, ведущуюся во Франции. Газеты, брошюры, конференции, митинги, демонстрации, комитеты поддержки приняли на вооружение этот лозунг на всех языках.

Некоторые нации стали в некотором смысле внешними легкими французского сопротивления, позволившими ему восстановить дыхание. Были учреждены рабочие группы. Было организовано расселение активистов, находящихся в бегах. Режим понял опасность. Он вмешался на дипломатическом уровне, чтобы остановить поддержку французских бойцов и подавить акты солидарности.

Солидарность и организаторская деятельность

Столкнувшись с постоянным сговором либеральных режимов и международной коммунистической организацией, националисты Запада должны не только упорно продолжать в том же духе, но также увеличить масштабы деятельности и совершенствовать методы. Активисты любой европейской нации должны найти за границей поддержку в пропаганде, которая будет объяснять цели их борь-

бы, прославит их храбрость, сообщит о репрессиях и зверствах, которые они претерпевают, и пробудит чувство общей борьбы европейских народов за их выживание против тех, кто хочет их поработить.

Распространение этих мероприятий должно дать возможность подлинной организаторской деятельности вокруг очень простой центральной темы: борьбы против коммунизма и против всех, кто его поддерживает.

Через совершенно разные каналы: прессу, студенческие кружки, профсоюзы, членов парламента, политические движения, ассоциации искусства, бывших военных, молодежные организации, заседания интеллектуалов — может быть предпринята решительная контратака против советских инициатив и тех, кто косвенно их поддерживает. Например, можно немедленно раздуть, повсюду и одновременно, события, свидетельствующие о тайных сделках либерального режима и коммунизма, или любые другие, способные вызвать народное возмущение. Координирующий орган, оставляя каждому участнику свободу действия, должен будет собирать информацию и распространять ее в целях развития успеха.

Новая кровь

Вовлечение молодежи в политическое противостояние, влияние замыслов насчет борьбы, ведущейся во Франции, новые проблемы увеличили потребность новой дефиниции националистической идеологии как доктрины Молодой Европы. Многочисленные контакты, обмен идеями, общие конференции показали, насколько схоже мировоззрение всех европейских активистов.

Последние несколько лет, которые были несравненным источником опыта для националистов Франции, кажутся, на тех же основаниях, уникальным опытом, предоставленным националистам Европы. Здесь выработан метод,

приспособленный к новым условиям борьбы. В позитивной критике, принятой французскими активистами, европейские бойцы найдут выводы, которые направят их действие.

Для начала

Для начала нужно создать условия для нового народного, совершенно легального действия. С этой точки зрения надо уничтожить губительные последствия деятельности OAS, которая отныне является мощным козырем режима.

Важно везде и на всех уровнях продвигать позитивную критику предыдущей деятельности, совместно работать над новым определением «национализма». Необходимо говорить, писать, объяснять, требовать открытия печатного издания националистической оппозиции для этого дела. Нужно использовать все возможности; и личный труд должен определяться этой заботой и этой потребностью.

Пропагандистская деятельность должна осуществляться, чтобы поддерживать присутствие и постоянные разъяснения национализма. Плакаться о прошлом или проявлять рессентимент несовместимо с намеченной целью. Ответственность за отказ от Алжира лежит не на одураченных людях, а на режиме и политиках (гражданских и военных), которые руководили «правой» борьбой.

В то же время необходимо поддерживать контакт со всеми искренними сторонниками. Помогать пострадавшим. Активно присутствовать рядом с нашими соотечественниками — беженцами из Алжира и не предоставлять инициативу только силам режима.

В этот переходный период нужно извлечь выгоду из глубинной работы, чтобы подготовиться к моменту, когда ранее рассеянные активисты соберутся вместе, чтобы учредить Националистическую организацию, определить ее программу и скрестить шпаги с неприятелем.

Нет, заговоры ничего не решают, они только вредят. Заговорщики напоминают старых дев, которые собираются вместе, чтобы излить свою желчь и злобу. Эти салонные заговорщики и террористы сами себя отсекают от соотечественников. Они считают себя «непонятыми», озлобляются, и ими овладевает рессентимент. Так в конце концов они отдаляются от национализма и победы.

«Р-революционность»

Революционную организацию характеризуют не используемые средства, но ее цели. Средства, сами по себе, зависят от обстоятельств. Так, партия большевиков использовала подпольную деятельность и насилие, а национал-социалистическая партия (также революционная организация) использовала для захвата власти только легальные средства.

Крайности в проявлениях, обещания апокалипсиса ни на шаг не продвинули национализм, наоборот: противники находят простые контраргументы, народ отдаляется от людей, выглядящих как опасные дураки, сторонники обескуражены или сами, в свою очередь, повреждаются умом.

Карикатурная «революционность» в речах, манерах и действиях — это враг революции. Особенно должны остерегаться молодые участники. Наряжаясь в маскарадный костюм, называемый униформой, путая сектантство и принципиальность, демонстрируя склонность к беспричинному насилию, они выдают свою инфантильность. Кто-то может увидеть здесь восторг болезненного романтизма. Революция — это не бал-маскарад, не отдушина для фантазеров. Революционная деятельность — не повод увеличивать градус пуризма.

Опорные пункты в народе

Цель деятельности — просвещать народ, отравленный мощной пропагандой режима, предлагать ему нацио-

налистический идеал и организовывать для борьбы до победного конца. Вот почему приоритет отдается пропаганде. Эта деятельность, направленная к массам, должна быть строго легальна.

Работа в народной среде — не привилегия коммунистов. Однако она требует подходящего метода. Недовольство рабочих предприятия официальными профсоюзами, восстание живущих в непригодных для жилья условиях, концентрация беженцев из Северной Африки в малосемейках [Н.Л.М., дешевое социальное жилье во Франции], открытие местного союза земледельцев, студенческой корпорации, выборы в подходящий муниципалитет, образовательный центр в армии, профессиональная школа — так много возможностей постепенно формировать, с настойчивостью и прекрасной адаптацией к среде, националистические «опорные пункты». Учитель, инженер, офицер, член профсоюза, националистический активист — любой из них будет в своей среде потенциальным организатором этих «опорных пунктов».

Организация таких «опорных пунктов» в народной среде подразумевает специализацию работы и концентрацию всеобщих усилий на нескольких направлениях, выбранных после тщательного анализа возможностей и доступных средств. Лучше контролировать только одно предприятие во всей Франции, только один муниципалитет или один факультет в университете, чем развешивать общую агитацию без всякого влияния на массы. Эти оплоты национализма благодаря своему примеру станут лучшими козырями в пропаганде. Они будут школами активистов и организаторов, которые в свою очередь продолжат свою работу в другой среде.

Это политика дальнего прицела, без почестей и без щегольства. Это кропотливая работа. Но только такая деятельность будет эффективной.

Ремесленное производство или эффективность?

Ремесленное производство

С самого начала националистической борьбы распыленность инициатив и недостаток начальных средств возложили весь объем задач на очень малое количество активистов. То, что было необходимо на первой стадии, становится катастрофой, когда организация развивается. Несколько организаторов надрываются от бесчисленных видов деятельности, каждый из которых так же необходим, как и все остальные. Их окружение, как водится, возлагает на них ответственность за все. Опасаясь, что новичок плохо выполнит задачу, организатор продолжает все делать сам. Пропадает дух инициативности, а с ним — вкус к действию. Ценные активисты начинают считать себя чернорабочими, теряют запал и энергичность.

На этой стадии «ремесленного производства» каждый должен уметь делать все, и никто не отвечает за что-либо конкретное. Личные способности активистов игнорируются. Такая «ремесленная» работа ведет к невероятной потере энергии и качества. Например, можно было видеть, как блестящий экономический журналист, имеющий связи в США, занимается распространением циркуляров OAS в почтовых отделениях. Его арестовали в ходе одной из таких акций, с которой справился бы любой молодой сторонник, школьник, да кто угодно. В то время как он был незаменим в своей специальности, где польза от него, казалась бы, очевидна.

Перегруженный работой организатор, как и неиспользуемый активист, сходятся в общем ощущении неэффективности и отращения. И тот, и другой осознают, что работают вхолостую.

Проверенные активисты находятся в достаточном количестве для того, чтобы будущая Националистическая орга-

низация отказалась от «ремесленной» работы, которая приведет к застою.

Разделение труда и централизация

Разнообразие деятельности Организации, разница окружений, в которые она должна проникать, публичный и непубличный характер борьбы подталкивают к разделению труда, иногда вплоть до изоляции разных видов работы. Это разделение деятельности на отрасли, доверенное надежным людям, логично дополняется единым централизованным командованием наверху.

Точно так же нужно устроить разделение труда и специализацию участников внутри каждой отрасли. Местные организации должны быть способны к действию с максимальной эффективностью, а централизация и специализация задач должны дать им возможность к этому. Например, ответственный за пропаганду должен уметь быстро предоставить материалы, подходящие местным группам, вместо того чтобы запускать «ремесленное производство», бессильное бороться против вражеской пропаганды.

Организация в лице своих активистов должна присутствовать повсюду, включая вражеский стан. Присутствие активистов в определенных экономических и административных механизмах может быть гораздо важнее их участия в полевой деятельности. Борьба принимает разные формы. Поэтому разделение труда должно в равной мере применяться на уровне местных организаций. Участники должны быть активными составляющими общей работы, ответственными за специфические задачи, а не просто исполнителями приказов. В таком случае мы получим эффективных активистов, организаторов и руководителей.

Перевод с французского

Андрея Иванова

Примечания — *Кирилла Титова*

Сергей Бирюков

Доминик Веннер и тупики французского республиканизма

Самоубийство Доминика Веннера с христианской точки зрения — добровольный отказ от Благодати и Вечной Жизни, какими бы «высокими» мотивами это ни аргументировалось. И страстное обращение некоторых единомышленников Веннера к покровительствующему ему католическому святому Доминику, боюсь, едва ли изменит участь, на которую обрек себя французский интеллигент.

Самоубийство Веннера — пожалуй, последняя попытка защитить некоторый условный «дух республики» от торжества распада и разложения, от духа декаданса, который торжествует сегодня в лице идейных наследников «Красного мая» 1968 года. Закон Тирбо, продвинутый французскими социалистами, планомерно разрушает французские государство и общество, в перспективе окончательно превращая французов в постмодернистских «мух на столе». Президент Франсуа Олланд, успешно проваливший все обещания своей избирательной кампании 2012 года и заработавший рекордный «антирейтинг» в 74%, на наших глазах творит зловещую карикатуру на республику, французский социализм и сам институт президентства.

Собственно, программа уничтожения остатков «исторической Франции» уже была публично заявлена социалистами. Мадам Доминика Бертинотти, представительница министерства по семейным вопросам, отвечая перед голосо-

ванием в Сенате на претензии противников скандального закона, сформулировала свое видение ситуации следующим образом: «Что вызывает настоящие проблемы — так это, прежде всего, идеализированный, предпочтительно белый, гетеро-патриархальный образ семьи». Таким образом, государство-Левиафан, оседланное «левыми» нигилистами, решило окончательно уничтожить и без того заметно ослабленный во Франции институт семьи, пока еще поддерживающий существование того, что принято называть «гражданским обществом».

Французское государство — наследник «революционного меньшинства», сосредоточенного в Париже, которое в итоге покорило «консервативное большинство», сосредоточенное в провинции, предварительно его атомизировав и раздробив. Поэтому главным и наиболее парадоксальным результатом того, что принято называть «Великой французской революцией», стало заметное ограничение свободы общества, лишённого «неписаных» прав, сословных перегородок и различных автономных статусов, перед лицом ставшего всемогущим государством. Помимо непримиримых критиков революции Жозефа де Местра и Луи де Бональда, этот феномен государственного всевластия над атомизированным и ослабленным обществом достаточно подробно описал в своей книге «Старый порядок и револю-

ция» исследователь французского послереволюционного развития Алексис де Токвиль.

Как результат, французская революционная государственность, принявшая после целого ряда революционных потрясений и неудачных попыток реставрации форму Республики, изначально не могла опираться на консервативные ценности, которые бы могли связать ее с «консервативным большинством» (чем, к примеру, с самого начала характеризовался американский республиканизм). Волей своих создателей она была обречена творить и опираться на идеологию и смыслы, по большей части враждебные установкам и ценностям этого до поры «молчаливого большинства». Поневоле значительная часть французов была вынуждена жить в «обществе спектакля», когда политическая и интеллектуальная элиты постоянно создавали некоторые идеологические симулякры, призванные вытеснить традиционные ценности (католические, монархические, аристократические, патриархальные) и обеспечить условную легитимность республиканского проекта.

На определенное время было возможно заключение компромисса, когда Республика апеллировала к «консервативному большинству» и его ценностям (проект «Великой Франции» Шарля де Голля, условно примиривший две антагонистические традиции и положенный в основу «Пятой Республики»). Однако подобное примирение могло быть лишь временным и ни в коем случае не означало реставрации и тем более реванша Франции «традиционной». Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался торжеством «политических симулякров», когда синтез «старой» и «новой» политических традиций был практически невозможен и восторжествовало манипулятивное «общество спектакля», разрушающее с помощью государственных механизмов остатки традиционной морали, этики и семьи.

Инициированный французскими социалистами пересмотр традиционной концепции семьи и брака — лишь неизбежное следствие подобных трендов, ставшее глубокой личной катастрофой для тех, кто до последнего верил в возможность соединить Республику с «традиционными» французскими ценностями.

В подобной ситуации своим отчаянным поступком в соборе Нотр-Дам Доминик Веннер попытался нарушить саму логику французского «общества спектакля», в котором ключевые публичные события постепенно перестают оказывать сколько-нибудь существенное влияние на реальную политику, уже достаточно давно формирующуюся узким элитарным слоем в соответствии со своими корпоративными интересами. При этом вне контекста вызванных его самоубийством дискуссий остается один весьма существенный вопрос. Собственно, стоит ли защищать республику в ее современном виде, и какие фундаментальные ценности несет она в себе? Ведь речь идет о той самой республике, которая хотела на заре своего существования уничтожить христианскую религию и церковь (введя якобинский криптокульт «Высшего существа»), а потом заставила католических священников присягать себе на верность? Та самая республика, которая лишь в 2008 г. решилась ввести в национальный образовательный стандарт предмет «История религии», ограничиваясь до этого лишь аморфной «Этикой»? И даже робкая попытка экс-президента Николя Саркози в начале срока его полномочий поднять вопрос о католической идентичности Франции и заявление о желательности того, чтобы «как можно больше граждан Республики верили в Бога», натолкнулись на жесткий ответ защитников «республиканского лаицизма» и «автономии публичного пространства».

Между тем история Франции знает два основных типа защитников Ре-

спублики — по крайней мере, в том ее виде, в котором она сложилась после Второй мировой войны. Первый из них может быть условно определен как *deus ex machina*. Воплощением этого типа «лидера-спасателя» стал генерал Шарль де Голль, спасший национальное достоинство Франции после бездарной капитуляции 1940 г. и вдохнувший в ослабленный постоянными кризисами республиканский проект новую жизнь уже в 1950-е гг. Однако и выпускнику иезуитского коллежа, дважды спасшему достоинство нации, не удалось в свое время выстоять под натиском адептов левого радикализма в 1968 г., что означало конец заявленного им проекта по возрождению былой славы и величия Франции.

Другой вид защитников республиканских ценностей — трагические герои-одиночки, в античном стиле противопоставляющие духу упадка свое *virtu*. Подобные герои до определенного момента стоят в стороне от дел и политического «шума», но потом своим самопожертвованием приходят ей на помощь. При этом они желают спасти не саму республику, но определенные высокие принципы, с ней связанные. Самопожертвование для таких людей — это не христианское «жизнь за други своя» — но трагический индивидуализм в античном духе, дополненный своеобразной «эстетикой смерти», которая выступает как своего рода «возмещение» за «недостоинство» жизни. Таким был выдающийся французский антрополог, экс-губернатор Алжира, а впоследствии — создатель ОАС и пламенный противник де Голя Жак Сустель, не простивший генералу «сдачи» этой территории. Таким был и пламенный «ультраправый» комбатант Доминик Веннер.

В одном из своих последних сочинений «Шок истории» (2011) Веннер сам определил себя как «медитирующий историк». Он неоднократно признавался в своих симпатиях к таким фи-

гурам, как Анри де Монтерлан, Пьер Дрие ля Рошель или Юкио Мисима — то есть к публичным деятелям, совершившим в свое время «громкие» самоубийства. Сам Веннер, как сказано в его письме, рассматривал свое запланированное самоубийство в качестве «протеста против унижения, которому подвергается страна».

Примечательно, что сама тема самоубийства затрагивалась Веннером во многих из последних произведений «крайне правого» интеллектуала. Совершенный им в соборе Парижской Богоматери акт суицида вписывается в логику «политической жертвы», которую он отстаивал на протяжении многих лет. Если верить еще одному письму, оставленному Веннером в редакции Radio Courtoise, которое он завещал вскрыть после своей смерти, он рассматривал самоубийство не как метафизическое, в духе героев Достоевского, но как сугубо публичное «резонансное» явление. В этом письме, в частности, говорится: «Я люблю жизнь и не вижу ничего за ее пределами, помимо вечности моей расы и моего духа... Я считаю необходимым пожертвовать собой, чтобы разорвать лентаргию, которая нас охватила... Я выбрал весьма символическое место, которое я уважаю и которым я восхищаюсь. Мой жест воплощает этику воли. Я предаю себя смерти с целью разбудить убаюканное сознание».

Свое политическое кредо Веннер сформулировал в упомянутом письме следующим образом: «Поскольку я защищаю идентичность всех народов, живущих на своей земле, я встаю против преступления, нацеленного на замещение нашего населения» — имея в виду набирающую обороты миграцию.

Говоря о проекте по легализации гомосексуальных браков, Веннер отмечает, что он восстает «против яда души и захватывающих индивида желаний, которые разрушают наши идентитарные скрепы». Он также полагал, что

участники массовых протестов против гомосексуальных браков не могут не принимать во внимание «реальность афро-магрибинской миграции».

Особого внимания в этой связи заслуживает отношение Веннера к христианству (и прежде всего в его католической версии). «Крайне правый» интеллеktуал полагал, что по своему духу «христианство является не идентитарной, но универсальной религией». Главная проблема, по Веннеру, связана с тем, что христианство не ставило проблему «европейского доминирования в мире». Характерно в этой связи, что один из последних трудов Веннера назывался «Самурай Запада». В нем он в частности написал: «До середины XX века они [европейцы] доминировали... Однако накануне этих испытаний универсальная религия не обеспечила им никакой коллективной поддержки». Подобная «неудовлетворенность» христианством и привела Веннера в конечном итоге к подобному «трагическому самопожертвованию».

В связи с трагическим поступком Веннера весьма важным выглядит вопрос: *что именно* собираются защищать в современных условиях французские «правые», весьма далеко расходящиеся в своих программных установках?

«Новые правые», окончательно разочаровавшись в проекте европейского Модерна, хотят возродить Европу на основе античного и неоязыческого мироощущения, вернув античные по своему смыслу гражданские и воинские добродетели. Однако и в эпоху Древнего Рима также существовали герои и весьма достойные граждане и полководцы, готовые жертвовать собой, но и они не спасли Империю от заката и распада.

В свою очередь, «Национальный фронт» отца и дочери Ле Пенов заявляет о необходимости создания «Шестой Республики» вместо «Пятой» — что является, по сути, «перезагрузкой» все того же политического проекта без

новых ценностных оснований. Однако позволительно ли забывать о том, что брутальный национализм в условиях Постмодерна — не более чем симулякр?

Наконец, Союз за народное движение (УНР), партия бывшего президента Николя Саркози, скорее по инерции претендующая на «наследие» де Голля, пытается сегодня найти некую среднюю линию между глобализмом и «остаточными» элементами консерватизма. Но подобное устремление, как показали результаты последних выборов, все менее убеждает французских избирателей. Как, собственно, и недавняя попытка парижского отделения Союза возглавить общественный протест против закона о легализации гомосексуальных браков, не принесшая активистам УНР никаких серьезных политических дивидендов.

Возможна ли в принципе конструктивная альтернатива в условиях современной «Объединенной Европы», идеологи которой отказались в своих программных проектах даже от простого указания на христианские «корни» европейской «цивилизации» и идентичности, введя себя в рамки «дурной бесконечности», из которой ее едва ли смогут вывести герои-одиночки? Современная Французская республика, обнажив сегодня свои якобинские корни, лишь продемонстрировала свою несовместимость с «исторической Францией», некогда считавшейся «старшей дочерью католической церкви». Усиливающееся государственное давление на религиозные конфессии и общины, о реальной автономии которых говорить сегодня не приходится, равно как и его разрушительное воздействие на семью через механизмы ювенальной юстиции — подлинное торжество не признающего никаких ограничений «лаицистского этатизма», руководствующего абстрактной руссоистской «волей народа», воплощенной в институтах Республики.

В этой ситуации определенную надежду для Франции представляет движение «Католики в походе» — влиятельная гражданская организация, сыгравшая ключевую роль в организации недавних массовых протестов против скандального закона, беспардонно продвигаемого французским и общеевропейским «гомосексуальным лобби». Определив в качестве своих противников, с одной стороны, агрессивный лаицизм, а с другой — набирающий силу исламизм (специфическую политизированную версию ислама), «Католики в походе» заявляют о своей готовности совершить прежде всего «духовную и идейную контрреволюцию».

Выступление католических активистов, долгое время существовавших под «спудом» этатистского лаицизма, представляет собой весьма примечательное для Франции явление. Впервые за долгое время консервативное гражданское общество восстало против государственного принуждения и насилия в духовной и нравственной сфере, соглашаясь отдать кесарю кесарево, но не желая при этом уступить ему то, что принадлежит к сфе-

ре Духа. Не имея своей целью спасти идущую к распаду «Пятую республику», католические активисты пытаются сохранить семью и общество от угрозы необратимого распада — хорошо понимая при этом, что дальнейшая экспансия нигилистов от политики заставит общину французских католиков, по примеру их нидерландских единоверцев, перейти к «осадному» положению и «катакомбному» существованию в своей собственной стране. Спасая в первую очередь страну и ее живые силы, они оставляют Франции пусть и весьма условную, но надежду на будущее, следуя знаменитому евангельскому «Не убийся, малое стадо!» (Евангелие от Луки, 12:32).

И даже принимая во внимание многовековой антагонизм между Православием и католицизмом, остается лишь пожелать французским католикам успеха в борьбе против носителей глобальной Смуты и распада — поскольку именно они являются сегодня массовым движением, способным заявить подлинную альтернативу происходящему.

НАСТАСЬЯ ИВАНОВА

В РЕЖИМЕ РУЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Этот текст — часть готовящейся работы, посвященной локальным межэтническим конфликтам в современной России. Хотя не 2006 год начал череду небольших, но шумных всплесков в русских городах, именно тогда появилось нарицательное название, которое сегодня часто используется для обозначения этого явления, — «кондопога». Ну и, конечно же, дело не только в символичности выбора объекта анализа. Три уже почти классические «кондопоги» хорошо иллюстрируют механику этих конфликтов и условия, в которых они зарождаются.

В середине 2000-х жители поселков и небольших городов России остались наедине с проблемой соседства криминализованных национальных общин, а федеральный центр не смог предсказать и предотвратить целую серию небольших, но болезненных конфликтов, которая прокатилась и продолжает катиться по стране. Россию начали накрывать две новые волны миграции — из бывших республик СССР (ее стимулировала миграционная политика страны) и с Северного Кавказа, который все меньше становился пригоден для жизни. Бушевавшая в федеральной и региональных столицах «антифашистская» кампания не оставила российской глубинке ни малейшего шанса на своевременную адекватную помощь в решении накапливающихся межэтнических проблем — это была не та тема, которую было позволено даже

обсуждать. Гарантированная коррупцией лояльность к этнокриминалу со стороны муниципальных властей и полиции довершала удручающую картину. Сложившаяся ситуация вынуждала жителей небольших населенных пунктов решать самим вопрос собственной безопасности.

Об этой реальности громко заявили конфликты, произошедшие в Харагуне Забайкальского края, Сальске Ростовской области и Кондопоге в Республике Карелия.

Вечером 17 мая 2006 г. в поселковом зале игровых автоматов в Харагуне произошла переросшая в драку ссора между местным жителем Виктором Милютиным и азербайджанцем Роялом Юсуфовым. Кавказец после драки позвал на выручку своих криминальных знакомых из Читы, те, 8–10 человек, ворвались в квартиру Милютина, избили его и потребовали отдать в качестве компенсации за нанесенную Юсуфову обиду личный автомобиль. Харагунцу удалось разогнать налетчиков выстрелами из ружья. После того как выяснилось, что жители поселка готовы защищать Милютина, Юсуфов сообщил о направляющемся из Читы в сторону Харагуна подкреплении, вооруженном автоматами. В ответ начался погром. Было подожжено несколько кавказских домов, две машины, четверо мигрантов были избиты, один из них позже скончался в больнице от черепно-мозговой травмы. По утверждению сельчан, харагунские администрация и милиция знали о происхождении, но никаких мер, чтобы успоко-

ить людей, не предприняли¹. Еще четыре дня Харагун митинговал, пытаясь добиться безопасности и справедливости.

23 июня между Ханапи Карабаговым (по утверждению местного активиста Дмитрия Пугачева, членом банды дагестанских рэкетиров)² и жителем Сальска Андреем Рудычем произошел конфликт, который перерос в драку. Хотя после драки дагестанец заявил, что к оппоненту у него претензий нет, 25 июня кавказцы — знакомые Карабагова выманили Рудыча и его друзей на пустырь, где избили арматурой. Молодые люди попали в больницу с серьезными травмами. 26 июня около двадцати человек попытались провести переговоры с группой Карабагова у ресторана «Разгуляй», но кавказцы переговорщиков обстреляли и продолжили стрельбу, преследуя убегающих на автомобилях. Один из сальчан, Юрий Сарычев, был убит выстрелом из карабина, еще восемь местных жителей получили огнестрельные и колото-резаные ранения. Ответом на произошедшее стали два схода, второй из них собрал до 5 тысяч участников.

В Кондопоге конфликт начался с ссоры, которая произошла 30 сентября в ресторане «Чайка» между местными жителями Сергеем Мозгалевым и Юрием Плиевым, с одной стороны, и официантом-азербайджанцем — с другой. На помощь последнему пришла вооруженная арматурой и ножами группа чеченцев, начавшая избивать случайных прохожих, оказавшихся рядом с рестораном. В результате двое, Сергей Усин и Григорий Слизов,

погибли, еще 9 человек были госпитализированы. Хотя наряд милиции находился неподалеку, никаких мер для защиты кондопожцев стражи порядка не предприняли. После произошедшего Кондопога пережила три дня погромов и пять дней митингов.

Диаспоры

В поселке Харагун азербайджанцы появились лишь в 2002–2004 гг.³. В 2006 г. примерно на 3 тысячи жителей приходилось, как выяснилось после погрома, 89 мигрантов из Азербайджана⁴ (по другим данным — до 200)⁵. Большая часть кавказцев жила в поселке нелегально, причем официальное число азербайджанцев было намного меньше реального. Когда в августе УВД Читинской области и Хилокский ОВД провели проверку по жалобе харагунцев, они обнаружили в поселке лишь 26 мигрантов, из которых 12 имели гражданство России, а 14 представились милиционерам гостями кавказских семейств (11 «гостей» депортировали, троих оштрафовали)⁶. О размерах дагестанской общины Сальска сложно судить, хотя, скорее всего, она также была не слишком большой. В городе, где к 2006 г. проживало более 61 тыс. человек, первые дагестанцы появились в конце 90-х, позже они перевезли туда свои семьи⁷. Речь

³ Орлова О. Отгремело, но не забылось // Эффект (краевая информационная газета). 2011. № 19.

⁴ Межнациональный конфликт в Читинской области спровоцировала сигарета // Информационное агентство REGNUM. 08.06.2006 [Электронный ресурс]. URL: www.regnum.ru/news/653896.html

⁵ Сас И. Погром без ущерба для репутации // Независимая газета. 10.06.2008 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/society/2008-06-10/7_pogrom.html

⁶ «Вместо уважения — камень за пазухой...» // Забайкальский рабочий. 15.05.2005. № 148.

⁷ Стешин Д. Сход решил: выселить кав-

¹ Черкасов В. О том, как прокуратура обвинила в экстремизме жителей забайкальского села // Civitas.ru. 23.06.2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.civitas.ru/openarticle.php?code=72

² Ракуль Е. Разгуляй по максимуму // Южный репортер. 10.06.2006 [Электронный ресурс]. URL: http://reporter-ifo.ru/1329-razguljajj-po-maksimumu.html

первоначально шла о нескольких семьях — 10–15, хотя к 2006 г. община выросла. В карельской Кондопоге (более 33 тысяч жителей) также жаловались на новоселов-кавказцев. Местная чеченская община за несколько лет до конфликта стала разрастаться. По официальным данным, в Кондопоге проживали около трехсот кавказцев, из них этнических чеченцев — 73 человека⁸. Однако известно, что из города во время погромов бежали как минимум 30 чеченских семей⁹, а общее число семей оценивалось в 100¹⁰.

Эти диаспоры, несмотря на их микроскопические размеры, стали постоянным источником раздражения для местных жителей. Члены всех трех общин открыто и безнаказанно занимались криминальной деятельностью. Азербайджанцы в Харагуне зарабатывали на полулегальной или нелегальной вырубке леса, который вывозился на незарегистрированном транспорте¹¹. По свидетельству медсестры участковой больницы Т. Кривоносенко, в больницу часто поступали работники азербайджанских лесопилок с травмами, полученными в результате побоев. Рабочие также жаловались, что их работодатели отбирали у них паспорта и не выплачивали зарплаты¹². О рабстве на лесопилках говорилось и

в открытом письме жителей Харагуна, опубликованном в газете «Забайкальский рабочий» в мае 2005 г.¹³, однако в ответ правоохранители провели лишь рейд по выявлению в поселке мигрантов-нелегалов. Еще одним источником дохода стала безнаказанная торговля спиртосодержащими суррогатами. Главврач участковой больницы Л. Афанасьева утверждала, что после появления в поселке азербайджанцев резко увеличилось число случаев алкогольной интоксикации со смертельными исходами. Афанасьева обращалась с жалобой на торговцев спиртом в поселковую администрацию, но никаких последствий и это заявление не имело¹⁴.

Жители Сальска утверждали, что дагестанские ОПГ занимались воровством нефти из нефтепровода, ее переработкой и продажей¹⁵. Цистерны, на которых перевозилась нефть, сопровождали местные милиционеры, получавшие половину доходов от ее продажи. Другие ОПГ занимались вымогательством денег у мелких торговцев (зачинщиком конфликта стал один из рэкетиоров Ханапи Каратдагов, по некоторым сведениям сын главаря другой банды¹⁶, занимавшейся нелегальной продажей спирта. В Кондопоге, как заявили местные жители на сходе 2 сентября, чеченцы занимались силовой поддержкой предпринимателей-кавказцев (такая «группа поддержки» азербайджанца — владельца «Чайки» и устроила 29 августа побоище, спровоцировавшее погромы), торговлей суррогатной водкой и наркотиками.

Отдельной статьей в перечне претензий стало поведение мигрантов. В своем открытом письме в «Забайкальский рабочий» харагунцы жаловались на привычку азербайджанцев са-

казцев // Комсомольская правда. 22.08.2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru/daily/23759/56455>

⁸ Драма в «Чайке» // Новая газета. 9.09.2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://2006.novayagazeta.ru/nomer/2006/69n/p69n-s12.shtml>

⁹ Кондопога: Чеченская делегация «разберется» в ситуации и «поможет» карельским властям // Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/polittech/2006/09/06/275>

¹⁰ *Перевозкина М., Озерова М.* Кондопога жжет // Московский комсомолец. 07.09.2006. №201.

¹¹ *Черкасов В.* Указ. соч.

¹² *Сас И.* Указ. соч.

¹³ «Вместо уважения — камень за пазухой...»

¹⁴ *Черкасов В.* Указ. соч.

¹⁵ *Стешин Д.* Указ. соч.

¹⁶ *Ракуль Е.* Указ. соч.

даться за руль в нетрезвом виде и «гонять» по поселку. Сальские дагестанцы также отличались любовью к быстрой езде: по словам заместителя главы города А. Скубина, они устраивали гонки на машинах прямо перед зданием городской администрации¹⁷. В Кондопоге притчей во языцех, а после и символом конфликта стал черный «мерседес» без номеров, на бешеной скорости носившийся по городу, — машина принадлежала одному из кондопожских чеченцев. Автомобиль неоднократно сбивал прохожих, его владельца лишили прав, но он продолжал ездить¹⁸. Наконец, жители всех трех населенных пунктов жаловались на необыкновенную агрессивность своих новых соседей.

Хулиганство в составе группы лиц по предварительному сговору

Ход всех трех конфликтов наводит на мысль, что власти Харагуна, Сальска и Кондопоги легко могли уберечь себя от нескольких дней сходов и потоков критики, если бы милиция поступила не так, как она обычно поступала с провинившимися кавказцами, — то есть своевременно задержала бы преступников. Но ни в одном из рассматриваемых случаев это сделано не было.

В Харагуне правоохранители после погрома интересовались лишь его участниками, а сам зачинщик, Роял Юсуфов, в поле зрения органов не попал. Только когда начались митинги, длившиеся четыре дня подряд, и прозвучало требование привлечь к ответственности азербайджанца, против Юсуфова было возбуждено уголовное дело по статье «хулиганство в составе группы лиц по предварительному сговору» (часть 2 статьи 213 УК РФ), а сам он объявлен в розыск. Хотя азербайд-

жанца сумели задержать (это произошло в июне 2006 г.), его фамилия больше не появлялась в списке фигурантов дела. Прокуратура также не нашла оснований привлечь к ответственности за произошедшее азербайджанцев¹⁹.

В Сальске только Муртуз Багомаев был вскоре после расстрела, 27 июня, взят под стражу, ему предъявили обвинение в убийстве. Остальных задержанных, шестерых кавказцев, милиция тут же отпустила²⁰. Это позволило Ханапи Кабагарову покинуть город и уехать в Дагестан. Хотя начальник ОВД Сальска Е. Пономарев на сходе 29 июня заверял горожан, что пятеро кавказцев находятся в руках милиции²¹, из ответа Генеральной прокуратуры на запрос депутата ГД от ЛДПР Николая Курьяновича ясно, что участники двух нападений были заключены под стражу уже после схода (К. Алимурзаев — 2 июля, Ш. Исаев, М. Магомедов и М. Анкалаев — 4 июля, Х. Карабдагов — 8 июля, его правоохранителям выдала дагестанская община, еще один фигурант дела, Ш. Дагиров, по-прежнему оставался в розыске)²². И в этом случае обвинение было предъявлено по части 2 статьи 213 УК. О дальнейшей судьбе фигурантов дела о драке и расстреле, обвиняемых в хулиганстве, известно лишь, что несколько человек приговоры получили. Каких-либо сообщений прокуратуры с упоминанием имен этих дагестанцев по сальскому делу нет. Но о приговорах говорит лаконичное свидетельство

¹⁹ Сас И. Указ. соч.

²⁰ Стешин Д. Указ. соч.

²¹ В Сальске в связи с убийством местного жителя уроженцем Дагестана состоялся несанкционированный митинг // ЮгМедиа. Ру. 30.06.2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.yugmedia.ru/ne_3542957

²² Генпрокуратура — о межнациональном конфликте в г. Сальске Ростовской области // Золотой лев [Электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/87_11.htm

¹⁷ Стешин Д. Указ. соч.

¹⁸ Соболев Б. Кондопога словно взбесилась // Вести недели 10.09.2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti7.ru/news?id=9046>

в сообщении о заседании Консультативного совета по межнациональным отношениям при губернаторе Ростовской области от декабря 2007 г.²³. Ханнапи Карабагов пробыл по стражей более двух лет и освобожден в 2009 г., а еще через год снова стал героем криминальной хроники, попав под суд за хранение оружия²⁴. Чем закончился суд над убийцей Сарычева, неизвестно, но в июне 2007 г. в убийстве обвинялся уже не Муртуз Багомаев, а Шамиль Дагиров, который к тому времени был изловлен и водворен в СИЗО²⁵.

В Кондопоге в день побоища были задержаны лишь три чеченца, еще трое подались в бега. Кроме того, жители настаивали, что конфликт не может быть назван «бытовым» (как утверждала милиция) — свидетели нападения говорили, что во время своего карательного рейда кавказцы выкрикивали «Аллах акбар!» и оскорбления в адрес русских²⁶. Горожане заподозрили, что власти не только не собираются наказывать всех виновников побоища, но еще и скрывают реальное число погибших. Остальных преступников задержали лишь 3 сентября после переговоров с чеченской диаспорой. Только 1 апреля 2010 г. Верховный суд Карелии определил наказание кавказцам,

дав им сроки от 3 до 22 лет колонии. Единственным подсудимым, которого признали виновным в убийстве и покушении на убийство, стал Ислам Магомадов. Остальных обвинили в хулиганстве все по той же части 2 статьи 213 и нанесении травм различной степени тяжести.

Двумя другими общими темами сходов стали безопасность и выселение диаспоры. В Харагуне 18 мая потребовали изгнать азербайджанцев из поселка и усилить охрану детских учреждений и больницы, использовав для этого читинский ОМОН, присланный в поселок. Сальчане 9 июля настаивали на проверке регистрации у дагестанцев и выселении нелегалов, а также введении упрощенного порядка приобретения и хранения огнестрельного оружия — для самообороны. Кроме того, они выдвинули требование об отставке мэра А. Кашина, которого обвинили в покровительстве дагестанской общине и коррупционных связях с ней. Кондопожцы 2 сентября решили предложить всем южанам, прибывшим в город после 1991 г., покинуть его, а также создать народную дружину.

Впрочем, надо сказать, что если митинги действительно заставили милицию шевелиться, то в вопросе выселения нежеланных соседей сыграли решающую роль отнюдь не сходы, а степень жесткости конфликта. Сразу же после погрома в Харагуне азербайджанские семьи бежали из поселка и больше никогда не возвращались²⁷. В Кондопогу вернулись 49 чеченцев, причем 9 человек жили в Петрозаводской мечети до ноября²⁸. Лишь в Сальске дагестанская община никак не пострадала и даже попыталась 14 июля провести митинг, чтобы довести до властей и жителей города «факт рав-

²³ В Ростовской области межнациональные отношения развиваются стабильно // Кавказский узел. 16.12.2007. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/105467/>

²⁴ Панфилович А. Пистолет строгого режима // Сальск. Информационный портал. 15.04.2010 [Электронный ресурс]. URL: http://salsknews.ru/novosti/pravoohranitelnye_organy/pistolet_strogogo_rezhima_7.html

²⁵ Дадашева Д. Если бы он хотел убить, то стрелял бы по людям // Коммерсантъ (Ростов). 21.06.2007. № 106 (3682) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/776184/print>

²⁶ «Аллах акбар!» в Кондопоге // News-Info. 04.09.2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsinfo.ru/articles/2006-09-04/item/533816/>.

²⁷ Орлова О. Указ. соч.

²⁸ Чеченцы понемногу вернулись в Кондопогу // Южный федеральный. 03.11.2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.u-f.ru/ru/Archive/2006/11/42/News/ID_3265

ноправия с гражданами РФ», но заявку общины власти отклонили²⁹.

Бытовой конфликт областного значения

Реакция властей на бунт горожан оказалась разной. При том, что мэром Сальска А. Кашин стал объектом самой ожесточенной критики, городские власти сумели спасти ситуацию. Милиция не предпринимала попыток разогнать несанкционированный сход 29 июня, а следующий митинг, 9 июля, прошел с разрешения властей, хотя одной из основных тем сходов была отставка мэра, коррупция в администрации и неэффективность ее работы. Дагестанская община в лице ее главы М. Галбацдебирова пыталась навязать «экстремистскую» версию происхождения конфликта, объясняя сходы происками неких эмиссаров националистических групп из Ростова-на-Дону³⁰. Но эта версия администрацией города подхвачена не была. Мэрия явно не спешила оскорблять сальчан или разбрасываться политическими обвинениями, усугубляя сложную ситуацию, в которую уже была вовлечена значительная часть города. Ни сальская администрация, ни милиция не отрицали того, что для возмущения поведением диаспоры у их земляков есть основания, хотя и настаивали на том, что сальский случай — исключительно бытовой. Произошедшее в городе, наконец, получило умеренную огласку в СМИ — тайны в Сальске из случившегося не делали, но и излишне пристального внимания региональных и федеральных властей конфликт не привлек. Позже Кашин подал иск против своего критика, лидера сальского протеста Дмитрия Пугачева. 22 фев-

раля 2007 г. Пугачев был приговорен к двум годам условного заключения и выплате штрафа в 15 тыс. руб. по обвинению в клевете на мэра³¹. Никто больше из сальчан — участников схода не пострадал. Милиция, впрочем, пыталась пресечь «завозной экстремизм», задержав приехавшего в город главы Движения против нелегальной иммиграции Александра Белова и нескольких гостей из областной столицы, но не нашла повода для их ареста.

Исход конфликта в Харагуне предопределило вмешательство областных властей, обеспокоенных произошедшим здесь погромом. Следствие сосредоточилось на участниках погрома, не обратив внимания на азербайджанцев. К началу июня в СИЗО оказались 20 сельчан, В. Милютин стал главным подозреваемым в деле. По свидетельству харагунцев, милиция задерживала в том числе и тех, кто в роковую ночь был за пределами поселка³². Когда сходы прекратились, администрация начала давить на членов инициативной группы, избранной для переговоров с властями. Активистам угрожали неприятностями и требовали прекратить правозащитную деятельность. Члены областной комиссии, созданной для исследования событий в Харагуне, назвали митинги «продолжением массовых беспорядков», участники которых якобы были пьяны³³. Что касается объективного исследования контекста ситуации, то власти в этом отношении продвинулись мало. Версии, которые высказывали областные инстанции,

³¹ Д.В. Пугачев приносит извинения // Сальск. Информационный портал. 27.03.2006 [Электронный ресурс]. URL: http://salsknews.ru/novosti/mezhnatsionalnye_otnosheniya/d.v._pugachyov_prinosit_izvinieniya_22.html

³² Черкасов В. Указ. соч.

³³ Межнациональный конфликт в Читинской области спровоцировала сигарета // Информационное агентство REGNUM [Электронный ресурс]. 08.06.2006 URL: www.regnum.ru/news/653896.html

²⁹ Генпрокуратура — о межнациональном конфликте в г. Сальске Ростовской области...

³⁰ В Ростовской области была своя Кондопога // Кавказский узел. 12.09.2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/102253>

в чью задачу входила официальная интерпретация произошедшего, касались чего угодно, но только не азербайджанской общины Харагуна. Комиссия назвала основной причиной беспорядков социально-экономическую ситуацию в поселке. Заместитель начальника областного УВД Николай Зайцев даже заявил, что причиной массовой драки стала война двух преступных группировок за «передел влияния на лесном рынке»³⁴. Наконец, была востребована и «экстремистская» версия. В июне 2007 г. Хилокский районный суд обязал должностных лиц всех поселений района разработать программу профилактики экстремизма и терроризма на 2007–2009 гг. Эту меру иницировавшая ее районная прокуратура связывала с произошедшим в Харагуне конфликтом³⁵. Харагунцам предъявили обвинение в сентябре 2007 г., вменив две политические статьи — часть 2 статьи 212 (участие в массовых беспорядках) и часть 3 статьи 212 УК РФ (призывы к неподчинению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам) (предъявлена двоим). Девять человек были обвинены по части 4 статьи 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего). В мае 2008 г. Малютин был приговорен к 6 годам колонии строгого режима, 11 человек получили сроки от 3 лет 6 месяцев до 5 лет 6 месяцев, остальные получили условные сроки.

Затянувшийся конфликт в Кондопоге также пришлось разрешать республиканским властям. Только после приезда в город главы Карелии С. Катанандова, руководства карельского МВД и прокуратуры были задержаны оставшиеся участники нападения у ре-

сторана «Чайка», а жители Кондопоги услышали обещание выселить чеченцев. Также было принято решение передать злополучную «Чайку», место постоянных стычек между местными и кавказцами, городу, а рынок — кондопожским торговцам. Милиция обратилась по радио к жителям города, взывая к спокойствию. Однако появление в Кондопоге регионального руководства означало и более жесткое отношение к произошедшему бунту. Правоохранители возбудили дела по статьям 105 и 212 УК РФ (убийство и массовые беспорядки), а также задержали Сергея Мозгалева, участника ссоры в ресторане. Следствие стало рассматривать его как зачинщика конфликта и даже заявило, что события в Кондопоге имели «общеуголовный характер», но были использованы криминальными элементами ради передела сфер влияния, повторив версию харагунского конфликта в изложении замначальника Читинского УВД Зайцева³⁶. Вслед за ним заместитель прокурора Карелии П. Клемешев высказал мнение, что массовые беспорядки в Кондопоге «были хорошо организованы», а их зачинщики хотели отработать этот сценарий для других регионов России³⁷. Одновременно был взят под контроль городской форум, к тому времени ставший основным источником информации о происходящем в городе.

Тем не менее приговоры, вынесенные кондопожцам, были значительно мягче тех, что получили жители Харагуна. Мозгалеву и Плиеву были предъявлены обвинения по ч. 2 ст. 213 УК (хулиганство в составе группы лиц),

³⁶ В Кондопоге сожжена школа, в которой жили азиаты // Каспаров.Ru. 06.09.2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=44FE623FDC427>

³⁷ Следствие: Кондопога — репетиция погромов ДПНИ в других регионах // РИА «Новости». 6.09.2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rian.ru/>

³⁴ Черкасов В. Указ. соч.

³⁵ В Читинской области разработают программу профилактики экстремизма и терроризма // Чита.Ru. 13.06.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://news.chita.ru/11329>

в марте 2007 г. они были приговорены к 3 годам и 8 месяцам колонии соответственно. В ноябре 12 участников беспорядков получили по ч. 2 ст. 212 УК РФ (участие в массовых беспорядках) по 3 года лишения свободы условно. Попытка использовать антиэкстремистское законодательство не удалась. В ноябре 2006 г. прокуратура Карелии возбудила дело против Александра Белова по статье 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды), но в следующем году дело было закрыто за отсутствием состава преступления.

* * *

Все три конфликта имеют больше общих черт, чем различий. В поселке и двух городах сложилась одна и та же ситуация. Там появилась небольшая, но конфликтная и криминализованная этническая группа, представители которой регулярно и безнаказанно нарушали законы и терроризировали местных жителей. Милиция, связанная с общиной коррупционными связями, никак не реагировала на происходящее. Каждый из трех конфликтов начался с обычной стычки, которая

в любом другом случае не имела бы серьезного продолжения. Но в ответ последовала необыкновенно агрессивная акция устрашения, заставившая все-таки опасаться за свою безопасность уже не одного-двух участников первоначальной ссоры, а целый город. Бездействие милиции и неадекватная реакция власти завершали дело, приводя людей к мысли, что о своей безопасности им придется заботиться самим. И действительно, иначе как через самосуд навести порядок оказывалось невозможно. Паралич правоохранения оказался настолько силен, что в случае Кондопоги для того, чтобы произвести действие уровня наряда ППС, то есть задержать преступников, в город пришлось приехать главе республики. Очевидно и то, что областные или республиканские власти оказались неспособны понять, что, собственно, произошло. Даже когда требование выселить диаспору было многократно произнесено и растиражировано СМИ, даже когда диаспора уже была выселена, как это случилось в Харагуне, конфликт продолжали официально именовать бытовым.

НОВАЯ КНИГА ИЗДАТЕЛЬСТВА «СКИМЕНЬ»

Александр Храмов. «Катехизис национал-демократа»

В книге молодого политика и публициста Александра Храмова затрагивается проблематика отношений нации и империи в российской истории, рассматриваются особенности и генезис российского федерализма. Что такое русский демократический национализм, возможно ли трансформировать Российскую Федерацию в русское национальное государство — на эти и другие вопросы автор пытается дать ответ в рамках национал-демократической парадигмы. Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей и современным политическим процессом в России.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-580-1912, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

Сергей Петров

ЕЩЁ РАЗ О РУССКО-ОРДЫНСКОМ «СИМБИОЗЕ»

Евразийское истолкование русской истории имеет ряд разновидностей, но все они сходятся в том, что монгольское покорение Руси было для нее благотворным. Согласно версии Льва Гумилева, Русь вступила с Ордой в добровольный симбиоз, потому что русские люди увидели в подчинении монгольской власти пользу для себя. Так продолжалось в течение нескольких десятилетий, пока хан Узбек не ввел ислам в качестве государственной религии Орды, что и положило конец идиллии: «...Систему русско-татарских отношений, существовавшую до 1312 г., следует назвать симбиозом. А потом все изменилось...»¹. Попробуем разобраться, насколько такая точка зрения соответствует действительности, рассмотрев факты отношений Руси с Ордой второй половины XIII — начала XIV в. и их отражение в русских письменных памятниках.

Начнем с терминологического вопроса. Иногда от сторонников евразийства приходится слышать, что термин «татаро-монгольское иго» имеет позднее происхождение и потому не может отражать отношение русских людей к Орде периода зависимости от нее. Действительно, в русских (если быть совсем точным, в малороссийских) источниках слово «иго» для описания отношений Руси и Орды впервые появляется в датируемом 1660-ми годами добавлении к «Сказанию о Мамаевом

побоище», автором которого предположительно был Феодосий Сафонович, игумен Михайло-Златоверхого монастыря в Киеве. В рукописи Погодинского сборника, включающей этот текст, после самого «Сказания» приводятся 12 дополнительных статей с подзаголовками, первая из которых имеет подзаголовок «О княжении Киевском под лютым игом татарским и о князех киевских отчасти»², являющийся самым ранним известным употреблением выражения «татарское иго» на русском языке.

В иностранных источниках термин «иго» появляется раньше. Так, он используется в сочинении «Начало и возвышение Московии» Даниила Принца из Бухова, австрийского посла, посетившего Россию в 1575 г., в апокрифическом рассказе о том, как София Палеолог убеждала Ивана III «свергнуть наконец когда-либо это Скифское иго»³. По-видимому, самый ранний случай его употребления обнаруживается у польского хрониста Яна Длугоша, умершего в 1480 г. Под 1479 г. в своей хронике он поместил панегирик Ивану III, в котором в частности заявляется, что тот, «свергнув варварское иго (*iugo barbaro*), освободился со всеми своими княжествами и земля-

² Дмитриев Л.А. «Книга о побоищи Мамаева, царя татарского, от князя владимерского и московского Димитрия» // ТОДРЛ. Т. 34. Л., 1979. С. 61–71.

³ Даниил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии // <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Buchow/text1.phtml?id=1144>

¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь // <http://gumilevica.kulichki.net/ARGS/args624.htm>

ми, и иго рабства (*iugum servitutis*), которое на всю Москву в течение долгого времени... давило, сбросил»⁴.

Таким образом, термин «иго» появился в европейской историографической традиции, в ней одной продолжительное время бытовал, из нее же, по всей вероятности, был заимствован киевскими книжниками, через которых и вошел в русский обиход. Но следует ли из этого, что сами русские до того момента оценивали свои отношения с Ордой совсем по-другому, а именно как симбиоз, о котором столь любят говорить евразийцы? Чтобы выяснить это, возьмем несколько текстов того периода, когда Орда еще не была исламским государством, т.е. когда, по утверждениям Льва Гумилева и его последователей, и существовал пресловутый симбиоз, и посмотрим, как в них оцениваются русско-татарские отношения.

Правило митрополита Кирилла (Владимир, 1274): «Кьи оубо прибытокъ наследовахомъ, оставльше Божия правила? не разсея ли ны Богъ по лицу всея земля? не взяти ли быша гради наши? не падоша ли сильнии наши князи остриемъ меча? не поведени ли быша въ пленъ чада наша? не запустеша ли святыя Божия церкви? не томими ли есмы на всякъ день от безбожныхъ и нечистыхъ погань?»⁵. Слово 2-е епископа Владимирского Серапиона (Владимир, до 1275): «Страшно есть, чада, впасти въ гневъ божий. Чему не видим, что придя на ны, в семь житии еще сущимъ? Чего не приведохомъ на ся? Какая казни от Бога не въсприяхомъ? Не пленена ли бысть земля наша? Не взяти ли быша гради наши? Не вскоре ли падоша отци и братия наши трупиемъ на землю? Не ведены ли быша жены и чада наша въ пленъ? Не порабощены быхомъ

оставше[ися] горкою си работою от иноплеменикъ? Се оуже къ 40 лет приближаеть томление и мука, и дани тяжкыя на ны не престануть, глади, мороке животь наших; и всласть хлеба своего изъести не можем; и въздыхание наше и печаль сушать кости наша»⁶.

Повесть о Михаиле и Федоре Черниговских (Ростов, 1271–1277): «Ты же, Михаиле, помолися за внука своя Бориса и Глеба с Феодоромъ благочестивымъ мирно державу царствия ихъ управити на многа лета и от нужда сея поганыхъ избавити и вся верою память ваю празднующа заступити от скорби и печали и всякия нужда славящихъ ваю память»⁷. Ростовская летопись (Ростов, конец 1270-х): «Въ лето 6786 (1278)... Тое же зимы въ Филипово говеино преставися князь Глебъ Василковичъ Ростовский, живъ от рожения своего летъ 41. Сесь от уности своея, по нахождении поганыхъ Татаръ и по пленении отъ нихъ Русскыя земля, нача служити имъ и многи христианы, обидимыя отъ нихъ, избави и печальныя утешая, брашно свое и питие нещадно подавая, и многу милостню нищимъ, убогимъ, сиротамъ, вдовицамъ, маломощнымъ подаваше»⁸.

Написание монаха Акиндина к великому князю Михаилу Ярославичу (Тверь, ок. 1311): «Слышахъ бо некая безочествомъ известующа вины въ гресехъ, поганьскаго ради насилия се творяще — пресвятое и не продаемое продають и купять, ихже Апостоль суесловники и умъ погубивша нарече... Нынешнии же како не стыдятся, изве-

⁴ Цит. по: Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 167.

⁵ Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1908. Стб. 85–86.

⁶ Цит. по: Петухов Е.В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888. Прибавление к исследованию. С. 5.

⁷ Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1915. С. 50–51.

⁸ Симеоновская летопись. ПСРА. Т. 18. С. 76.

ты кривыми мнѣтся поганьскыя дея
нужа се творяще?.. Разумей, боголюбче,
державный княже, яко преслушания
ради божественныхъ номоканонъ
святыхъ Апостоль и сборныхъ отеческихъ
вся злая приходять на ны. Не падоша ли
силнии наши и ереви наши остреемъ
меча? не преданы ли быша въ полонъ
чада наша въ скверней руце? не осквер
[не]на ли быша святая наша въ опустение?
Быхомъ въ смехъ же и въ поругание
живущимъ окрестъ насъ языкомъ»⁹.
Житие Михаила Ярославича Тверского
(Тверь, 1319–1320): «Господь же
премилостивый Богъ, не терпя видети
погибающа от диявола род нашъ,
претяше намъ казньми, хотя нас
обратити от злобъ нашихъ, посла на
ны казнь, овогда глад, овогда смерть
въ чловецехъ и скотехъ; конечную
же пагубу преда нас в руце измаилтяном.
Оттоле начахомъ дань даяти по татарьскому
языку. И егда коему княземъ нашимъ
доставашея великое княжение, хожаше
князи русстии въ Орду къ цареви,
носящи множество имения своего. По
великомъ жестоком пленении рустемъ
минувшемъ лет 34¹⁰»¹¹.

Итак, русскими книжниками рубежа
XIII–XIV вв. зависимость Руси от Орды
описывается как «ежедневное томление
от безбожных и нечистых язычников»,
«горькое рабство у иноплеменников»,
«томление и мука», «принуждение от
язычников», «пленение Русской земли»,
«языческое насилие», «великое жестокое
пленение русское». Слово «иго» здесь
действительно отсутствует, но все присутствующие
слова несут в себе как минимум не
меньший отрицательный заряд. Очевидно,
что уже и в раннюю эпоху русско-ордынских
отношений Орда

воспринималась Русью как абсолютное
зло и ни о каком благом евразийском
симбиозе между ними не могло быть и
речи.

Но если русские относились к Орде
столь враждебно уже в доисламскую эпоху,
почему же они тогда ей не сопротивлялись,
может спросить иной читатель. Тут нам с
сожалением приходится отметить, что в
массовом сознании закреплено представление
о том, что деятельная борьба Руси с Ордой
началась только при Дмитрии Донском.
Большинство русских людей отнесут ее
начало к Куликовской битве, и разве что
единицы смогут вспомнить о сражении на
Воже, состоявшемся двумя годами ранее.
Чтобы показать, насколько это представление
ошибочно, приведем сообщения источников
о столкновениях между Русью и Ордой с
середины тринадцатого по начало
четырнадцатого столетия.

В 1252 г. великий владимирский князь
Андрей Ярославич вступил в бой с татарами:
«Прииде Неврюй, и Котья, и Олабуха
храбрый на землю Суздальскую, со
многими вои, на великого князя Андрея
Ярославича. Бысть же въ канунъ Боришу
дни, безбожьнии Татарове подъ
Володимеремъ бродишася Клязму, и
поидоша ко граду къ Переяславлю
таящася; наутрии же, на Боришь день,
срете ихъ князь великий Андреи со
своими полкы, и сразишася обои плъци,
и бысть сеча велика, гневомъ же
Божиимъ, за умножение греховъ нашихъ,
погаными христиане побежени быша.
А князь великий Андреи едва убежа...
А тогда безбожнии Татарове плениша
градъ Переяславль, и княгиню Ярославлю
яша, и дети изомаша, и убиша ту
воеводу Жидислава, и княгиню убиша,
а дети Ярославли въ полонъ поведоша,
и людей много полониша, и много зла
сотворивъ отъидоша»¹².

В 1262 г. в землях Великого княже-

⁹ Русская историческая библиотека. Изд. 2-е. СПб., 1908. Т. VI. Стб. 154.

¹⁰ То есть от нашествия Батыя в 1237 г. до рождения Михаила Ярославича Тверского в 1271 г.

¹¹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб., 1999. С. 70.

¹² Воскресенская летопись. ПСРЛ. Т. 7. С. 159.

ства Владимирского вспыхнуло народное восстание, приведшее к отмене откупов татарской дани: «Въ лето 6770 (1262). Избави Богъ от лютаго томленья бесурьменьскаго люди Ростовския земля: вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганых, изволиша вещь, и выгнаша из городовъ, из Ростова, из Володимеря, ис Суждаля, изъ Ярославля. Окупахуть бо ти оканънии бесурмене дани и от того велику пагубу людемъ творяхуть, роботяще резы и многы души крестьяньския раздно ведоша. Видевше же человколюбецъ Богъ, послуша моленья Матерня, избави люди своя от великыя беды. Томъ же лете оубиша Изосиму преступника, то бе мнихъ образомъ точью, сотоне съсудъ; бе бо пьяница и студословецъ, празнословецъ и кощюньникъ, конечное же отвержесе Христа и бысть бесерменинъ, вступивъ в прелестъ лжаго пророка Ма[х]меда; бе бо тогда Титямъ приехалъ отъ цесаря Татарьско-го, именовемъ Кутлубии, золь сый бесурменинъ, того поспехомъ оканный лишеникъ творяше хрестьяномъ велику досаду, кресту и святымъ церквамъ поругаяся; егда же люди на врагы своя двигшася на бесурмены, изгнаша, иныхъ избиша, тогда и сего незаконного Зосиму оубиша в городе Ярославли, бе тело его ядь псомъ и ворономъ»¹³.

В 1276 г. ярославцы не пустили в город ханского посла, сопровождавшего князя Федора Ростиславича: «Царь же абие умоленъ бывъ, и отпусти посла своего з грозою и опалою великою зело, дабы его [Федора Ростиславича] прияли на его столъ на княжение. Посол же поиде на Русь отъ царя къ граду Ярославлю, и прииде къ граду с силою, и хотяше внити въ градъ. Они же посла царева не послушаша и его не прияша на столъ его»¹⁴. В 1282 г. князь Дмитрий

Александрович Переяславский не подчинился приказу хана Туда-Менгу о передаче великокняжеского ярлыка его младшему брату Андрею Александровичу Городецкому: «Тое же зимы князь Андрей Александровичъ, внукъ Ярославль, правнукъ Всеволожъ, меншей братъ великого князя Дмитрея Александровичя Володимерскаго, иде во Орду ко царю, ища себе княжения великого подъ братомъ своимъ старейшимъ... и изпроси себе княжение великое Владимирское у царя подъ братомъ своимъ старейшимъ, великимъ княземъ Дмитриемъ Александровичемъ. И прииде ему вестъ изъ Руси, яко князь велики Дмитрий Александровичъ собираетъ рать и крепить градъ, не хоцетъ цареву слову покоритися и съступи- тися великого княжения по цареву слову»¹⁵.

В 1284 г. князь Святослав Липовецкий напал на слободы ордынского баскака Ахмата в Курском княжестве: «Въ лето 6792 (1284) два бесерменина изъ свободы въ другую идоста, а Руси съ ними боле 30 человекъ. Се же слышавъ Липецкий князь Святославъ, сдумавъ съ своими бояры и з дружиною, безъ Олговы думы, достерегся на пути, разбои сътвори. Саме же два братеника та утекоста, а Руси избиль 25, да два бесерменина... Того же лета по велице дни въ неделю Фомину побегоста два братаника бесерменина х Курьску, наутриа въ понеделникъ разбежася вся свобода та, такоже и другая, и обе свободе те разбегостася бесерменския»¹⁶.

В 1285 г. князь Дмитрий Александрович Переяславский, Даниил Александрович Московский и Михаил Ярославич Тверской прогнали татарского «царевича», приведенного

российским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 14–24. СПб., 1869. Стб. 1265.

¹⁵ Никоновская летопись. ПСРА. Т. 10. С. 159.

¹⁶ Симеоновская летопись. ПСРА. Т. 18. С. 79–81.

¹³ Лаврентьевская летопись. ПСРА. Т. 1. Стб. 476.

¹⁴ Великий Минеи Четви, собранные все-

Андреем Александровичем Городецким: «Князь Андреи приведе цареви́ча, и много зла сътвори крестьяномъ. Дмитрии же, съчтався съ братьею, цареви́ча прогна, а боляры Андреевы изнима»¹⁷. В 1289 г. жители Ростова изгнали из своего города татар: «Въ лето 6797 (1289). Князь Дмитрий Борисович седе въ Ростове; умножи же ся тогда Татаръ въ Ростове, и гражане створше вече и изгнаша ихъ, а имение ихъ разграбиша»¹⁸.

В 1293 г. против татар выступили жители Твери: «Въ лето 6801 (1293) бысть въ Русской земли Дюденева рать... И оттоле въсхотеша [татары] ити на Тферь. Тогда велика бысть печаль Тферичемъ, понеже князя ихъ Михаила не бяше въ земли ихъ, но въ орде, и Тферичи целоваша крестъ, бояре къ чернымъ людемъ, такоже и черныя люди къ бояромъ, что стати съ единого, битися съ Татари; бяше бо ся умножило людеи и прибеглыхъ въ Тфери и из ыныхъ княженеи и волостей передь ратью; къ тому же услышаша Тферичи своего князя Михаила идуща изъ орды, и възрадовашася вси людие... Татарове же и князь Андреи слышаша приездъ князь Михайловъ, не поидоша ратью къ Тфери, но поступиша на Волокъ...»¹⁹. В 1300 г. князь Даниил Александрович Московский разгромил татарский отряд, выступавший на стороне рязанского князя Константина: «Данило князь московьскыи приходилъ на Рязань ратью и билися у Переяславля, и Данило одолелъ, много и татаръ избито бысть, и князя рязанского Костянтина некакою хитростью яля и приведе на Москву»²⁰.

В 1310 г. князь Святослав Глебо-

вич Можайский погиб в бою с татарами, приведенными его племянником Василием Александровичем, свергнутым им с брянского стола: «Въ лето 6818 (1310) пресвященныи Петръ митрополить приеха въ Дъбрянскъ. Во то же время прииде князь Василеи ратью Татарскою къ Дбрянску на князя на Святослава... И тако князь Святославъ ратью великою въ силе тяжце за полдни изыде противу рати Татарския, и поткнуша межи себе копы, и съступишася обои, и бысть сеча зла. Брянци же выдали князя Святослава, коромолници суще, стяги своя повергоша, а сами побегоша. Князь же Святославъ токмо съ своимъ дворомъ бився, последи убьенъ бысть на полку, месяца Апреля въ 2 день. Петръ же митрополить затворися тогда въ церкви, и Богъ съхрани его тогда цела отъ поганыхъ Татаръ»²¹. В 1320 г. жители Ростова вновь изгнали из города татар: «Въ лето 6828 (1320)... Того же лета преставися князь Юрьи Александрович Ростовьскыи. Быша в Ростове злии Татарове, люди же Ростовьскыи събравшеся изгониша ихъ»²².

Как видим, даже сохранившиеся источники, весьма скудно освещающие события интересующего нас периода, содержат довольно много сведений о противостоянии между Русью и Ордой. Оно имело самый разный характер — от прямых боевых столкновений, партизанской войны и восстаний до отказа допустить ордынских послов на свою землю. Среди участников этого противостояния мы видим все слои русского общества — от великих князей до простонародья, выражающего свою волю посредством вече. Прямые вооруженные столкновения в этот период заканчиваются с переменным успехом — в ряде случаев победу в них удаётся одержать русским. Примечательно, что в ряде случаев мы наблюда-

¹⁷ Новгородская IV летопись. ПСРА. Т. 4. Ч. 1. С. 246.

¹⁸ Воскресенская летопись. ПСРА. Т. 7. С. 179.

¹⁹ Симеоновская летопись. ПСРА. Т. 18. С. 82–83.

²⁰ Лаврентьевская летопись. ПСРА. Т. 1. Стб. 486.

²¹ Симеоновская летопись. ПСРА. Т. 18. С. 87.

²² Московский свод. ПСРА. Т. 25. С. 166.

ем отказ русских князей подчиниться ханскому решению о передаче ярлыка, т.е. отказ от признания зависимости от Орды как таковой. Среди правителей, противостоящих татарам, мы встречаем и московских князей, на которых имеет смысл остановиться более подробно.

Московским князьям выпала сомнительная честь быть представляемыми в качестве самых последовательных проводников политики, которую евразийцы именуют симбиозом с Ордой (а некоторые их оппоненты — коллаборационизмом). Ключевой фигурой здесь является Иван Калита. Не вызывает сомнений, что Иван Данилович действительно придерживался политики умиротворения Орды посредством выполнения ее требований во имя избежания военных столкновений с татарами. Но уместно задать вопрос об идейных основах такой политики, а именно — действовал ли Калита подобным образом потому, что считал зависимость Руси от Орды естественным и даже полезным явлением, как нас хотели бы уверить идеологи евразийской ориентации? Каково вообще было отношение к татарам в Москве в годы правления этого князя?

К счастью, у нас есть возможность ответить на эти вопросы, потому что именно к эпохе Ивана Калиты относятся первые памятники московской письменности, касающиеся в том числе и татарской темы. Самым ранним написанным в Москве произведением литературы, дошедшим до наших дней, является Житие митрополита Петра. Уроженец Вольни, ставший в 1305 г. митрополитом Киевским и всея Руси, Петр с 1309 г. пребывал во Владимире на Клязьме, а в 1325 г. переехал на постоянное жительство в Москву. В 1326 г. по его совету Иван Калита заложил в Кремле каменный Успенский собор, в котором и был похоронен скончавшийся в декабре того же года митрополит. Сразу же после смерти Петра одним из придворных

московского князя было написано его Житие.

Хотя Житие и не касается непосредственно отношений Руси с Ордой, косвенно оно все-таки затрагивает интересующий нас вопрос, описывая деятельность Петра после поставления его в митрополиты: «И пришедь [митрополит Петр] во свою митрополию, и нача учити заблудшаа крестьяны, ослабевшаа мужа ради поганых иноверець, протолкуя Евангельскаа писаниа и апостольскаа, якоже великий Василей, Иоанъ Златоустый, Григорей, та ученья излагаа и къ сеому свое смирение являя, и темъ утверждая истинную веру во крестьянехъ, преходя Вольньскую землю, и Киевскую, и Суздальскую землю, уча везде вся»²³. Татарская власть над Русью определяется в процитированном отрывке как «мужа (т.е. насилие) поганых иноверець». Автор Жития был приближенным московского князя, и высказанное им мнение несомненно отражает точку зрения самого Калиты.

Одновременно с написанием Жития Петра при митрополищем Успенском соборе в Москве начала вестись княжеская летопись. В число наиболее ранних ее сообщений входят записи о событиях, связанных с анти-татарским восстанием в Твери летом 1327 г. Напомним, что 15 августа этого года тверичи, доведенные татарскими насилиями до отчаяния, перебили ордынский отряд во главе с двоюродным братом хана Узбека Чолханом (Щелканом-Шевкалом русских летописей и былин). В ответ на это зимой 1327/28 г. Узбек послал на Русь большое войско, которое razорило Тверскую землю. Татар в этом походе сопровождал Иван Данилович Московский.

Заметим при этом, что нет никаких оснований для часто звучащих заявлений о том, что московское войско

²³ Цит. по: *Митр. Макарий. История русской Церкви*. СПб., 1866. Т. IV. С. 309–310.

участвовало в разгроме Тверской земли. Тверская и новгородская летописи вообще не упоминают о московском князе или его воинах: «Безаконный царь на зиму посла рать на землю Рускую, а воевода Федорчюкъ, 5 темниковъ; и людей множество погубиша, а иныя въ пленъ поведоша, а Тверь и вся гради огнемъ пожгоша»²⁴; «На ту же зиму приде рать татарская множество много, и взяша Тферь и Кашинъ и Новоторжьскую волость, и просто рещи всю землю Русскую положиша пугу, толко Новъгород ублюде Богъ и святая Софья»²⁵. Московская же летопись говорит лишь о том, что Калита по приказу хана сопровождал татар: «Тое же осени князь Иванъ Даниловичъ Московский въ орду пошелъ. Тое же зимы и на Русь пришелъ изъ орды; и бысть тогда великая рать Татарская, Федорчюкъ, Туралыкъ, Сюга, 5 темниковъ воеводъ, а съ ними князь Иванъ Даниловичъ Московский, по повелению цареву...»²⁶. По всей видимости, во время похода на Тверь Калита вынужден был находиться при татарском войске на положении заложника.

Подтверждение этого предположения можно найти в описании татарского карательного похода против Твери, содержащемся в московской летописи: «[Татары] шедъ ратью, плениша Тферь и Кашинъ и прочия города и волости, и села, и все княжение Тферское взяша и пусто сътвориша, и бысть тогда земли великая тягость и много томления, множества ради грехъ нашихъ, кровь христианская проливаема бываше отъ поганыхъ Татаръ, овыхъ въ полонъ поведоша, а другия мечи изсекоша, а иныя стрелами истреляше и всякимъ оружиемъ погубиша и смерти предаша, а князь Александръ побежалъ съ Тфери въ Псковъ. Того же лета убиша

князя Ивана Ярославича Рязанскаго. Великии же Спасъ милостивый чело- веколюбецъ Господь своею милостию заступилъ благовернаго князя нашего Ивана Даниловича и его ради Москву и всю его отчину отъ иноплеменникъ, отъ поганыхъ Татаръ»²⁷. Напомним, что речь идет о военных действиях против княжества, бывшего тогда злейшим врагом Москвы. Тем не менее симпатии московской княжеской летописи здесь целиком на стороне страдающих тверичей, а отношение к татарам целиком враждебное, хотя они, казалось бы, действуют в интересах московского князя. Однако его собственное положение и положение его княжества при этом оказывается чрезвычайно шатким, несмотря на внешнюю лояльность по отношению к татарам, — летописец приписывает спасение Москвы от татарского погрома только Божьей милости.

Об отношении Ивана Калиты к Орде можно судить не только по памятникам московской письменности. Показательно строительство им в Кремле собора Архангела Михаила, ставшего усыпальницей московских князей, и прежде всего дата его освящения: «Дата закладки Архангельского собора неизвестна. Освящен он был 20 сентября 1333 г. Это единственный случай, когда, по сведениям летописи, новый каменный храм в Московском Кремле освятил сам митрополит Феоно́ст. 20 сентября отмечалась память князя Михаила Черниговского, убитого в Орде в 1246 г. за отказ поклониться местным святыням. Имя этого князя символизировало готовность к самопожертвованию, непокорность Орде. Особой популярностью пользовался Михаил Черниговский в ростовской и брянско-черниговской землях, то есть как раз в тех районах, откуда шел основной поток переселенцев в Московское княжество. Освящение Архангельского собора в день памяти

²⁴ Тверская летопись. ПСРЛ. Т. 15. Стб. 416.

²⁵ Новгородская I летопись. ПСРЛ. Т. 3. С. 98.

²⁶ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 90.

²⁷ Там же.

Михаила Черниговского означало поминовение погибших от рук ордынцев и обещание отомстить за них. Этот образ прочно вошел в московский “пантеон” и московское искусство. Михаил Черниговский и погибший вместе с ним боярин Федор представлены в росписи московского Благовещенского собора 1508 г., многие сюжеты которой восходят к росписи 1405 г. (Интересна композиционная деталь этой росписи: композиция “Чудо Георгия о змие”, символизировавшая победу над вековым врагом Руси — Золотой Ордой, зрительно как бы опирается на фигуры Михаила Черниговского и его боярина Федора. Это сочетание самостоятельных композиций создаст своеобразный живописный диптих, выражающий мысль о подвиге и самопожертвовании как подлинной основе торжества Руси над врагом.)»²⁸.

Очевидно, что внешняя лояльность Ивана Калиты по отношению к Орде отнюдь не означала признания Московской естественности или неизбежности ее власти. Выше мы уже процитировали два ранних памятника московской письменности, в которых татарское господство над Русью характеризуется как нарушение естественного порядка вещей. Еще более показательна в этом отношении запись в Евангелии Антониева Сийского монастыря с похвалой Ивану Калите. Запись была сделана в 1339 г. по указанию самого московского князя, принявшего к тому времени монашеский постриг под именем Анании, и является своего рода завещанием, отражающим официальную идеологию правления Калиты. Ввиду чрезвычайной важности и малой доступности этого документа процитируем его полностью:

«В лето 6847 индикта 12 миротворенаго и солнечного круга в 4-е лето

висикосное, Жидовь сего и рук въ 1-е лето, епакта 18 лето, въ 5-и каландъ мѣсяца марта, Жидовьскы нисана, написано бысть си еуангелие въ граде Москове на Двину къ Святеи Богородици повелениемъ рабомъ Божиимъ Ананию чернъцемъ. О семь бо князи великомъ Иване пророкъ Езекий глаголетъ: “В последнее время въ запустевший земли на западъ въстанеть цесарь правду любяй, соудъ не по мзде судяй, ни в поношение поганымъ странам. При семь будетъ тишина велья в Руской земли и въсияетъ въ дни его правда”, яко же и бысть при его цесарстве. Хвалить Римская земля Петра и Павла, Асия Иоана Богословеца, Индийская Фому, Иераполь Филипа, Руская земле первозванаго апостола Андрея, Гречьская земля цесаря Константина. Сему благородному князю великому Ивану створшему дела подобна в Руской земли правоверному цесарю Константину. О семь бо песнословъць глаголетъ: “Постави, Господи, законодавца над ними, да разоумеють языци, яко человеци суть”. То же рек: “Боже, судъ цесареви дай же правду сынови цесареву”. Сии бо князь великой Иоанн имевше правый суд паче меры. Поминая божественнае писания, исправления святыхъ и преподобныхъ отец, по правиломъ монокануннымъ ревнуя правоверному цесарю Оустияну. В того время благочестию велию восиявши, многимъ святымъ церквамъ съзидаемымъ, оучению божественныхъ словесъ от оустъ его яко источнику велию текущую, напаяючи благочестивыхъ святитель сердца и христоролюбивыхъ въ его державе людии. Безбожнымъ ересамъ преставшимъ при его державе, многимъ книгамъ написанымъ его повелениемъ, ревнуя правоверному цесарю Гречьскому Мануилу. Любяй святительский санъ, постничьское житие любя и оудержая правоверную святую вероу. Сирымъ в бедахъ помощникъ, вдовци от насильникъ изимая яко от оустъ лвовъ. Всей Руской земли поминая велегласно

²⁸ Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986. С. 62, 77.

державу его цесарства. Сий бо великий рабъ Божий Ананія чернць, поминая его святительскый санъ, горя духовною мыслию къ Богови, хотяй видети вышний Ерусалимъ, поминая душею первыхъ правоверныхъ цесарий, всехъ святыхъ и молитвою прародитель своихъ. А писали многогрешнии дьяци Мелентий да Прокоша, благословите ихъ, а не клените»²⁹.

Прежде всего обращает на себя внимание неоднократное косвенное именование Ивана Даниловича цесарем (царем), преемником греческих императоров Константина, Юстиниана и Мануила. Ввиду того что царем на Руси тогда именовали также хана Золотой Орды, применение подобного титула к московскому князю и великому князю владимирскому означает фактически провозглашение его независимости от татарской власти и прямого преемства от императоров Второго Рима. Это показывает, что идеологическая концепция Москвы как Третьего Рима начала складываться уже не позже эпохи Калиты. Ни на какие претензии на преемственность от власти ордынских ханов, о которых любят инсинуировать евразийцы, здесь нет даже намека.

Похвала Ивану Даниловичу называет в числе его основных достоинств правосудие, благочестие, благотворительность, а также то, что в годы его правления в «запустевшей земле на западе» (имеется в виду Русь, тут же

противопоставляемая «поганым странам», т.е. Орде) установилась «тишина велия». О том же самом говорит и московская летопись: «седе князь великий Иванъ Данилович на великомъ княжении всеа Русии, и бысть оттоле тишина велика на 40 летъ и престаша погани воевати Русскую землю и закатати христианъ, и отдохнуша и починуша христиане отъ великаго истомы и многыа тягости, отъ насилия Татарскаго, и бысть оттоле тишина велика по всеи земли»³⁰. Действительно, четыре с половиной десятилетия между 1281 г., когда началась вражда между сыновьями Александра Невского Дмитрием и Андреем Александровичами, и 1328 г., когда татары разгромили Тверь, были отмечены почти непрерывными междуусобными войнами русских князей, сопровождавшимися опустошительными ордынскими вторжениями. Напротив, в годы княжения Ивана Даниловича на Руси не было крупных междуусобных войн и татарских вторжений, хотя за это и приходилось платить внешней лояльностью хану и тяжелыми поборами в ордынскую казну. Однако ни о каких «евразийских» основах подобной политики не может быть речи. Как видно из приведенных выше свидетельств, в Москве эпохи правления Ивана Калиты татары рассматривались как совершенно чуждая и враждебная сила — точно так же, как они рассматривались во всех русских землях во второй половине XIII — первой половине XIV в.

²⁹ Цит. по: *Срезневский И.И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1879. С. 145–148.

³⁰ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 90.

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

ПРОТОНАЦИОНАЛИЗМ В ЗАПАДНОРУССКОЙ МЫСЛИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

В 1569 г. по Люблинской унии было образовано двусоставное государство из земель Короны Польской и Велико-го княжества Литовского (ВКЛ), получившее название Республики двух народов (*Rzeczpospolita Obojga Narodów*). Восточнославянское население составляло большинство жителей на большей части территории страны, однако новое государство являлось католическим, и в условиях начавшейся Контрреформации доступ православных к государственным должностям был минимальным и всё более сокращался. После заключённой в 1596 г. Брестской церковной унии Киевской митрополии с Римом православное вероисповедание в стране оказалось на нелегальном положении. Такая ситуация сохранялась до начала 1630-х гг. В условиях нарастающей напряжённости и внутренней борьбы между униатами и католической властью, с одной стороны, и православным сопротивлением — с другой, вопросы положения западнорусского населения и его идентичности стали важнейшими для общества, отразившись в многочисленных текстах полемической литературы.

Сразу вслед за Брестской унией появилось немало текстов различного характера, обосновывающих незаконность этой унии и требовавших сохранения прав традиционного православия и его церковной организации. Дискуссии и православно-униатская полемика по этому поводу разверну-

лись и в судах, и в сеймах различных уровней, и в специальных полемических произведениях. Споры шли и вокруг интерпретаций отдельных правовых актов, и по поводу различных прочтений тех или иных исторических событий.

Речь Посполитая конца XVI — первой половины XVII в. представляла собой уникальное образование, любое описание государственно-правовой системы которого неизбежно будет спорным. Правовой статус православных был предметом разногласий и поводом для конфликтов на протяжении всей истории этого государства. В этом плане представляют особенный интерес те правовые и обосновывающие их исторические концепции, которые выдвигала сама православная община. В них причудливым образом совмещались традиции восточнославянской православной культуры с западным наследием правовой мысли и своеобразной польской практикой. Возможно, именно этой уникальной ситуацией объясняется появление в западнорусской культурной среде концепций и понятий, которым трудно найти прямое соответствие и в восточнохристианской, и в западной мысли того времени.

Для православных жителей было характерно осознавать себя как «русь», «русский народ», в м.р. ед.ч. «русин» или — реже — «русак», в ж.р. — «руска». С конца XVI в. стал активно

употребляться эллинизированный вариант «Россия» (иногда с уточнением «Малая Россия»), соответственно «народ российский». Также иногда в текстах под влиянием культуры сарматизма начинает встречаться «Роксолания» и, соответственно, «роксоланы».

Старой системе русской идентичности было свойственно отождествление принадлежности к народу и к церкви: русский тот, кто в Русской церкви. Это же проявлялось и в господстве таких понятий, как «русская вера» (в значении православная) и «ляшская вера» (в смысле католицизм). «Русскими» были те, кто был «русской веры», то есть ходил в русскую церковь. Перешедший из православия в католичество — «обляшившийся» — воспринимался уже скорее как поляк и как «бывший русин». Исследования полемических текстов тех лет довольно определённо дают увидеть это глубокое отождествление понятия о «Русском народе» со всей совокупностью прихожан православной церкви в Речи Посполитой независимо от их сословной принадлежности.

Однако в связи с влиянием польской культуры и социальной системы, а также внутрицерковным кризисом, к началу XVII в. русская самоидентификация на Западной Руси оказалась расколота. Линий раскола можно выделить две: этносоциальная и этноконфессиональная. Их нарастающая со временем актуальность, равно как и то, что эти линии вовсе не совпадали друг с другом, дробя народ на ещё более мелкие деления, вызвало подлинный кризис идентичности, характерный для всего западнорусского общества первой половины XVII в. Одна линия раскола проявила себя уже во второй половине XVI в., другая — с самого его конца, после заключения Брестской церковной унии.

Новая для Западной Руси модель идентичности, шедшая с Запада и утвердившаяся в то время в польской культуре (особенно с середины XVI в.), основывалась на восприятии «наро-

да» в первую очередь как сословно-политического целого «благородных», что имело своё обоснование в мифологии культуры польского сарматизма. Народом тогда признавалась только шляхта. Уже в самом названии «Республика Двух Народов» под народами понималась именно шляхта Короны и ВКЛ, как обладающая гражданскими правами. По выражению Я. Тазбира, «в XVII веке произошла *sui generis* диссоциация понятий “поляков” и “польского народа”¹. Показательно, что даже польские мещанские писатели того времени «под “польским народом” понимали — согласно реалиям той эпохи — главным образом “рыцарское сословие”²».

Такие представления были характерны для слоя полонизировавшейся шляхты, которая уже пыталась осмыслить себя в категориях польской культуры: как часть шляхетской политической нации, но особого — русского — происхождения. Этой идентичности соответствовала формула «*gente Ruthenus, natione Polonus*» (впервые оглашённая в сер. XVI в. Станиславом Ожеховским). Эта формула интересна тем, что сохраняет русское самосознание шляхты, вписывая его в этносословную и поначалу внеконфессиональную идентичность «шляхетского народа».

Понятно, что эти две традиции находились друг с другом в определённом противоречии: членами Русской церкви были представители всех сословных групп общества, тогда как шляхта, особенно в XVI в., состояла из людей весьма различных конфессиональных предпочтений.

Вот какое возмущение вызвало у униатской шляхты наименование

¹ *Tazbir J. Świadomość narodowa // Rzeczpospolita i świat. Studia z dziejów kultury XVII wieku. Wrocław, 1971. S. 41.*

² *Augustyniak U. Koncepcje narodu i społeczeństwa w literaturze plebejskiej od końca XVI do końca XVII wieku. W., 1989. S. 159.*

православными авторами нешляхетского происхождения себя русскими: «Из одной крови с собою рождёнными и единокровными нас называя, являетесь великим и неподобающим унижением славы и рождения древности нашей шляхетской, которую ниже в нас сами не без лести признаёте. Ибо что за единая кровь наша шляхетская с плебсом? Что за единокровность с холопством? Вы себя по крови объединяете и уравниваете по рождению старинным фамилиям русским, утверждаете, что являетесь тоже русью, с рождения вашего простого — глупая это ваша и не скромности черни *praesumptia*»³. Так проявляла себя первая линия раскола русского самосознания — этносоциальная.

И всё же до Брестской унии можно говорить о существовании более-менее цельного этноконфессионального самосознания тех жителей Речи Посполитой, кто называл себя «русскими». Влияние идеологии сарматизма вряд ли могло привести к полноценному кризису идентичности, тем более что русская шляхта была уже очень немногочисленной. Подлинный кризис старых систем русской идентичности вызвало именно заключение Брестской унии. Впервые появились одновременно две конфессионально-церковные группы общества, отстаивающие свою русскость и претендующие на свою приоритетность в ней. Меж-

ду ними тогда развернулась борьба за русскость — она была важна не только в общекультурном, но и в правовом смысле — это борьба за права, утверждённые королевскими привилегиями «русскому народу религии греческой» и Киевской митрополии, борьба за легальный статус. Также за ней стояли и вопросы хозяйственно-экономические (в первую очередь проблема церковной собственности). Возможно, впервые само право называть себя «русским» стало столь дискуссионным и актуальным. Униаты и православные совпадали друг с другом в их системе социальных имён, но очень по-разному видели те общности, которые за этими именами стояли.

Униаты уже в первые два десятка лет после заключения унии смогли создать новую концепцию церковной истории Русской митрополии, в основе которой лежало утверждение, что Русская церковь лишь иногда впадала в схизму, но единство её с Римом постоянно обновлялось. Важнейшим качеством Руси признавалась её упорная приверженность Риму. Брестская уния была, таким образом, лишь очередным возвратом к традиционному для руси послушанию. Всё это позволяло обозначать православных, по выражению униатского полемиста Льва Кревзы, «какой-то новой сектой», начавшей войну и «с русью и с Богом Самим»⁴.

Много сил было положено православными на доказательство того, что именно униатство — явление для Руси новое, но большая проблема заключалась ещё и в том, что сам предмет критики — русское униатство — не вписывался в понятную им номинационную систему координат, и составить цельное мнение о том, кто такие униаты, они не могли.

⁴ См.: *Kreuzza L. Obrona jedności cerkiewney // Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Том IV. Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. I. СПб., 1878. С. 172, 296.*

³ «Z iedney krwi z sobą porodzonych y spółkrewnych nas mianując, wielką y nieprzystoyną uymą iesteście slawy y urodzenia, starożytności naszej szlacheckiey, którą niżej w nas sami nie bez pochlebstwa przyznawacie. Bo co za iedna krew nasza szlachecka cum plebeis? Co za spółkrewność z chłopstwem? Wy się we krwi iednoczycie y rownacie się urodzeniem starożytnym familiom Ruskim, żeście też Ruś, z urodzenia waszego prostego, głupia to wasza y nie czernickiey skromności *praesumptia*» (Лист до законников Виленского монастыря, 1621 г. // Архив Юго-Западной России (далее — АЮЗР). Ч. 1. Т. 8. Вып. 1. Киев, 1914. С. 737–738).

Приведу несколько примеров. Вот как тогда ещё православный полемист Мелетий Смотрицкий описывает это затруднение: «Мы — русь восточного послушания и вероисповедания — люди теге религии греческой католической; паны поляки и литва — западного послушания и вероисповедания — люди теге религии римской католической. Они (униаты. — О.Н.) между нами с римлянами что-то *non merum*, неискреннее что-то, но *factum*, что-то вымышленное, ни то ни сё»⁵, и даже более: униаты «не хотят своего гермафродитского позора видеть... ни греческой религии люди, ни римской»⁶. И естественно отсюда вывод (цитирую по другому полемическому сочинению — «Elenchus»): «Такой, какой вы являетесь, униатской руси и права наши не знают»⁷. Далее в этом сочинении содержатся пространные рассуждения о том, что униаты сами не могут определиться со своим положением.

Тезису о том, что руси в соответствии с традицией и с правами Божественными, церковными и светскими надлежит быть в Восточной церкви и в послушании Константинополю, посвящено, наверное, большинство страниц православных полемических сочинений того времени. Но только Брестская уния могла сделать такой вопрос дискуссионным.

В убеждённости, что вне Восточной

церкви — нет русскости, кроется главная ментальная причина нежелания православных признать униатов такими же русскими, как и они, только другой конфессии. Отсюда и постоянно проявляющаяся особенность православных сочинений — представление об униатах как стоящих вне руси, более того — как врагов руси. Например, в своей «Протестации» (1621) митрополит Иов Борецкий пишет о том, что униаты «сотворивши сами себе только образ как бы владык и духовных наших, народ наш русский преследуют, мучают, забивают, церкви наши рушат, мир святой нарушают, любовь и согласие между поляками и древней русью разрывают»⁸, и чуть позже: «народ наш много мучен от преследователей-униатов»⁹. В сочинении инок Винницкого монастыря 1638 г. говорится, что униаты «вид невинных овечек показывают, а внутри — волки хищные; в ризы одеваются, показываясь русью, а внутри — откровенные и настоящие римляне»¹⁰. Но православные не просто отрицали права униатов на русский народ, они еще признавали униатов за врагов русского народа, его преследователей.

Однако униаты всё же осознаются православными не как сторонний народ, а как часть, отпавшая от русско-

⁵ «My Ruś Wschodniego posłuszeństwa u wyznania iesteśmy ludzie mere Religiey Greckiey Katolickiey: Panowie Polacy y Litwa Zachodnego posłuszeństwa u wyznania są mere Religiey Rzymiskiey Katolickiey. Oni (unity. — О.Н.) między nami y Rzymiany coś *non merum*, nieszczerze coś, ale *factum*, coś zmyślone, ni to, ni owo» (Verificatio niewinności // АЮЗР. Ч. 1. Т. 7. Киев, 1887. С. 325).

⁶ «nie chcą swey Hermaphroditskiey sromoty widzieć... ni Graeckiey Religiey ludzie, ni Rzymiskiey» (Там же).

⁷ «Takiey, iakiey wy iesteście, unitskiey rusi u prawa nasze nie znaią» (Elenchus // АЮЗР. Ч. 1. Т. 8. Вып. 1. С. 612).

⁸ «stworzywszy sobie samy tylko obraz iakoby Władkow y duchownych naszych, narod nasz Ruski przysładuią, trapią, mordują, cerkwie nasze gwałcą, y pokoy swienty turbują, miłosc y zgodę między Polaki a Rusią starozytną targają» (Протестация митрополита Иова Борецкого // Жукович П.Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.). СПб., 1901. С. 139).

⁹ «narod nasz iest trapiony wielce od przesładownikow-Vniatow» (Там же. С. 145).

¹⁰ «postawę owieczek niewinnych pokazują, a wewnątrz są wilcy drapieżni; w rzyzy cerkiewne y insze aparaty się ubieraią, pokazując się być Rusią, a wewnątrz są szczerzy y własni Rzymianie» (Indicium. Сочинение инок Винницкого монастыря. С. 798).

го народа. Известный православный полемист того времени Иоанн Вышенский обращается к униату так: «русине бывший». При этом они, согласно с таким пониманием, перестав быть русью, теперь притворяются ею. Так, М. Смотрицкий иногда называет униатов русинами, но с прибавкой эпитетов, говорящих о как бы фиктивности их русскости: «плохой то русин, Восточной церкви исповедник заблудший»¹¹, «хитрый этот ложный русин»¹², «вот и имеем откровенность к нам этого притворного русина»¹³, «этот рисующий себя русином»¹⁴ и т.д.

С осознанием униатов как части, отпавшей от русского народа, связаны и встречающиеся утверждения о том, что весь русский народ и по сей день твёрдо придерживается православной веры и Константинополя. Это звучит лейтмотивом в «Палинодии» Захарии Копыстенского, это встречается в виленском «Синописе» (1632), где говорится: «Наичестнейшему древнему народу русскому под послушанием св. отца патриарха Константинопольского постоянно и неизменно от крещения своего находящегося данных и присягами утверждённых»¹⁵. В «Supplementum Synopsis» говорится о русском народе как о «в церкви Восточной под послушанием св. отца патриарха Константинопольского неотступно от крещения своего находящегося»¹⁶.

¹¹ «plochy to Rusin, Wschodniej wiary wyznawca obłądny» (Obrona Verificacy // АЮЗР. Ч. 1. Т. 7. С. 359).

¹² «chytry ten zmyślony Rusin» (Там же. С. 362–363).

¹³ «otóż mamy szczyrość ku nam tego obłądnego Rusina» (Там же. С. 363).

¹⁴ «ten malowany Rusin» (Там же. С. 364).

¹⁵ «Przezacnemu starowiecznemu narodowi Ruskiemu pod posłuszeństwem św. Ojca Patriarchy Konstantinopolskiego stale y nieodmienne od okrzeczenia się swojego trwającemu nadanych y poprzyjęzonych» (Synopsis 1632 г. // АЮЗР. Ч. 1. Т. 7. С. 532).

¹⁶ «w cerkwi ś. Wschodniej pod posłuszeństwem

Очень подробное обоснование мысли о целостности народа в его вере даётся в сочинении З. Копыстенского «Палинодия»¹⁷. В представлениях Копыстенского членство в Церкви имеют только целые народы. Он понимает Церковь как состоящую из какого-то постоянного количества народов — правоверных, выпадению из числа которых одних должна с необходимостью следовать компенсация — включение в нее других¹⁸. Значит, либо весь народ — православный, либо нет, и конфессия имеет для него привязку именно народную, а не сепаратно людскую. Вследствие этого для Копыстенского униат — это уже не русский,

św. Ojca Patriarchi Konstantinopolskiego nieodstępnie od okrzszczenia się swojego znajdującemu» (См.: Supplementum Synopsis. С. 577).

¹⁷ Подробнее см.: Неменский О.Б. Воображаемые сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзвы // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2005/2006. Вып. 3. М., 2008. С. 41–78.

¹⁸ «Алит о то (о, судов Бозских неведомых!) народ полночный, который Бог по своему смотрению до того благословенного счастья ховал, народ, мовлю, Российский Господь и Бог наш Иисус Христос рачил до веры своей призвати и в церков свою святую впровадити, месце оное, з которого Римская церков з предводителми своими выпала, наполняючи, так то Бог по своему чловеколюбию учинил, як и оное местце в небе, з которого ангелове для пыхи выпали, народом людским наполняет, и як на месце Жидов, от ласки Христовых отпалых, народы поганскии в церков свою впровадил, так ласкою и милосердием своим Господь Бог, на месце отпалых христиан заходних, народ полночный, Российский, в церков свою вщепил» (Копыстенский З. Палинодия, или Книга обороны кафолической святой апостолской Восточной церкви // РИБ. Т. IV. Ст. 770). См. также: Бог «на церков восточную призрел, иж на месце отпадших Латиньков народы Роскии призвал и вщепил в святую свою церковь» (Там же. Ст. 1107).

ведь «весь народ русский... как однажды веру христианскую из столицы апостольской Константинопольской принял, в той и до сих пор стойко пребывает и до конца века пребывать будет благодатью Христовою»¹⁹.

* * *

Говоря об униатах, нужно в первую очередь отметить, что у них задача утверждения своей русскости очень редко подкреплялась тезисом о нерусскости православных. В целом для них этничность — категория, независимая от церковной принадлежности, что довольно четко явствует из признания ими соплеменных «схизматиков» такими же членами «русского» народа, как и они сами. К не-униату, схизматику и еретику Лев Кревза считает возможным обратиться: «К вам, милый брат мой, того же древнего российского народа, хоть со мной умом и различный, речь свою обращаю»²⁰. Или вот Иосиф Велямин Рутский: «Это ссоры между нами, людьми одного народа и богослужения...»²¹; привилей служит «только той руси, которая с римлянами едина»²².

Такая же позиция проявляется и в утверждении, что Бог прекращает действие Своих кар и «обещает ласку Свою» каждому, вернувшемуся в лоно праведной Католической церкви (что и подтверждается примером униатов),

¹⁹ «Весь (!) народ Роский... як еднораз веру христианску от столицы апостольской Константинопольской принял, в той и до того часу единаково статечне трвает и до конца века трвати будет благодатью Христовою» (Там же. Ст. 1005).

²⁰ «Już teraz do was, namilszy bracia moi, tegoż starożytnego Rosyiskiego narodu, ze mną chociaż umysłem rozroźnieni, rzecz swoją obracam» (*Kreuza L. Obrona iedności cerkiewney*. Ст. 289).

²¹ «To nieznański między nami, ludźmi iednego narodu y nabożeństwa...» (Sowita wina // АЮЗР. Ч. 1. Т. 7. С. 507).

²² «jeno tej Rusi, ktora z rzymiany jest jedno» (Там же. С. 580).

а не обязательно целым народам. Этническая характеристика здесь не зависит от конфессиональной, что очевидно свидетельствует о сильной вестернизированной сознания униатов.

Основное своеобразие Восточной церкви, греческой религии, составляло, на взгляд униатов, восточное «nabożeństwo». Под «набоженством» стоит понимать не только богослужение, то есть обрядовую традицию, но и всё предание Восточной Церкви. Соответствующая формула выглядит примерно так: «умножать хвалу Богу мы хотим в греческом набоженстве и в Восточной Церкви»²³. Очень сильно эта мысль о значении «набоженства» как определителя русскости проведена Анастасием Селявой в его «Антэ-ленхусе».

Характерно при этом, что «латинство», так же как и у православных, воспринимается как несовместимое с «русскостью». Смотрицкий-униат, так же как когда-то Смотрицкий-православный в «Треносе», перечисляет много родов, отпавших от руси: «уже много благородных фамилий у себя не досчитаться, много видно униженных, много раздвоенных. Родители — русь твоей стороны послушания, а сыновья и дочери католики»²⁴, «нас каждый день, каждый час всё меньше»²⁵, «а после вас ещё гораздо меньше будет: ведь ещё при жизни вашей дети перестанут быть вашими»²⁶. Так латинство оставалось маркером нерусскости и для униатов.

Приверженность общему «набоженству» — это то, что объединяло православных и униатов и служило признаком их идентичности. Хотя, ко-

²³ *Kreuza L. Obrona...* Стб. 284.

²⁴ *Smotrzycki M. Paraenesis abo napomnienie...* Kraków, 1628. S. 53.

²⁵ Из письма М. Смотрицкого Кириллу, патриарху Константинопольскому, от 21 августа 1627 г. (Paraenesis. S. 66–67).

²⁶ *Smotrzycki M. Apologia peregrinatiey do Kraiow Wschodnych.* Lwów, 1628. S. 128.

нечно, с православной стороны общность набоженства с униатами не признавалась. Вот Иов Борецкий в своей Протестации 1621 г. пишет: «создавши себе сами только образ якобы владык духовных наших, (униаты) народ наш русский преследуют, удручают, убивают, церкви наши разрушают и мир святой нарушают, любовь и согласие между поляками и древней русью расшатывают»²⁷. То есть униаты предстают в своём набоженстве как притворщики.

Ещё одно выражение сохранения в то время сакрального восприятия народности мы можем найти, рассматривая более общий уровень этнической идентичности — славянский. В целом славянская идентичность была мало актуальна для той полемики. Причём это можно сказать об обеих её сторонах. В большинстве сочинений она не проявлена вообще никак, ведь для восточнославянской среды основными идентификационными признаками были церковно-конфессиональные. Господство в западнорусской культуре таких понятий делало неактуальным славянскую идентичность: она могла быть важна только как духовная общность, но именно этого ей и недоставало.

Славянство определялось лингвистически, но в двух аспектах: как язык бытовой речи и (более традиционный критерий) как язык служения Богу, причём второй аспект был для того времени ещё гораздо более значимым. Понятно, что границы таких сообществ были различны: те же поляки по первому критерию осознавались как славяне, но по второму ими не были — в отличие, например, от валахов. Такое расхождение осознава-

лось как нарушение должного положения вещей и провоцировало искать прежнюю цельность — только в прошлом. Цельность не просто языковую, но, так как речь идёт об общем богослужении, — и духовную. Так с обеих сторон осуществлялись попытки найти утраченное духовное единство славян — православное или католическое. То есть это было либо славянство как исторически православная общность в Константинопольском патриархате, либо как исторически католическая общность, разрушенная схизматиками. Расхождений по поводу её истоков в общем-то не было: в обоих случаях они виделись в миссии Кирилла и Мефодия, правда, трактовалась последняя по-разному. Соответственно возникал и вопрос: кто и когда от этой общности отпал?

Православные полемисты были убеждены, что по своему изначальному крещению все славяне — православные, люди Восточной церкви. Так, З. Копыстенский утверждает, что к тысячному году от Рождества Христова в Константинопольский патриархат входили все славянские народы, потому что все западные славяне, как и русские, были обращены в православную веру Кириллом и Мефодием и входили в диоцезию вселенского патриарха²⁸.

²⁸ «А што ся ткнет Моравы, Чех, Угров и Ляхов, хто бы их окрестил и научил веры от початку, поведая, же были окрещены от епископов Грецких и веры научены не иншей, ено той, которую и ныне церков всходняя визнавает. Перший того довод читаем в «Прологах» Славенских, иж Мефодий и Константин або Кирил Мораву и Чехи навернули на веру христианскую... там же и тое найдуюмо, же от патриархи Константинопольского, а не от папежа были послани» (Там же. Ст. 988). «Славенских краев народове: Моравяне, Чехове, Угрове и Ляхове с первотин приняли были веру церкви Константинопольской», причём «тыи все Словацкии народове подлегали и подлегати мели под духовную владзу патриархов Константинопольских» (Палинодия. Стб. 997).

²⁷ «stworzywszy sobie samy tylko obraz iakoby Władkow u duchownych naszym, narod nasz Ruski przysładują, trapią, mordują, cerkwie nasze gwałcą, u pokoy swienty turbują, miłość u zgodę między Polaki a Rusią starozytną targają» (Протестация митрополита Иова Борецкого. С. 139).

Особое внимание он уделяет доказательству того, что и поляки тоже были православными. Переход же поляков, как и других западных славян, в подчинение Риму связывается с деятельностью Войцеха: «епископ Войцех, прийдя из Рима в Польшу, выкоренил веру греческую»²⁹. Копыстенский пишет о «разращении Войцехом»³⁰ моравов, чехов, «угров» (венгерских славян) и поляков. Мы ясно видим стремление утвердить взгляд на славянскую общность как на общность не только кровно-языковую, но и духовную, религиозную.

Та же тяга к славянскому религиозному единству была свойственна и многим униатам. Уже принявший унию М. Смотрицкий в своём сочинении «Апология странствованию в восточные страны» (1628 года) писал, что «приносил на том спасения нашего месте и на других бескровную жертву славянским языком... за тебя, любимый мой Русский народ, и за все те народы, которые языком славянским Творца своего славят»³¹. Он подчёркивал, что обращался к Господу с молитвой, чтобы все славянские народы «были едины», и выражал уверенность, что «мы русь и все славянского языка народы искомое это ЕДИНСТВО найдём»³².

²⁹ «епископ Войтех, пришедши з Риму в Полщу, выкоренил веру Грецкую» (Там же. Стб. 995).

³⁰ Там же. Стб. 997.

³¹ «A przynosilem na tym zbawienia naszego mieyscu y na inszych bezkrewną ofiarę ięzykiem Słowieńskim, mogszy zwyczajnym tam ięzykiem ofiarować Graeckim, w samy koniec ow żem za ciebie przenamilszy moy narodzie Ruski y za wszytjie te narody, ktore ięzykiem Słowieńskin Stworzyciela swego chwałą, wysławiaią y wielbią, ubłagalnia y grzech oczyszczając bezkrewną ofiarę z osobliwey mey intentyey przyniosł» (*Smotrzycki M. Apologia peregrinathey do Kraiow Wschodnych. Lwów, 1628. S. 6.*)

³² «W ten dobry koniec z umysłu to czynilem abym wszytkie Słowieńskie narody oraz P. Bogu

Однако основным практическим смыслом дискуссий тех лет был правовой спор, и здесь славянская идентичность не играла значимой роли. Зато русская — осмысливалась всё более осознанно. Необходимость отстаивать социальные и корпоративные права и привилегии, данные ещё до Брестской унии, побуждали западнорусскую мысль к формированию понятия о русском народе как о целостной правовой корпорации. В первую очередь это касается такого понятия как «права народа», а также представления о договорном образовании государства.

Хотя на территории Великого Княжества Литовского действовали Литовские статуты, восходившие к древней «Русской правде», в целом в Речи Посполитой утвердилась польская правовая культура. Сословная система, юридическая закреплённость различных «прав и свобод», как и бесчисленные судебные тяжбы по тем или иным поводам вошли в правосознание и стали почти обыденным делом для довольно большой части общества. Однако значительная степень культурного своеобразия православных, как и их особое положение в созданном в 1569 г. государстве, обернулись появлением особой правовой субкультуры, которая не вполне вписывалась в закреплённые законами реалии.

Само понятие «права народов» было унаследовано Средневековьем вместе с римским правом, однако его зна-

memu w święty iego Oycowski Przemysł z części mey Kapłańskiej podał y poruszył, prosząc iego świętey dobroci, aby wszytkim nam iakiemi on wie sądach prozone przez niego u Boga Oyca swego IEDNO być, y iak iednymi ustami y iednem sercem wewnątrz Cerkwie iego świętey Przechwalebną y Przewielbione Imie Oyca y Syna y S. Ducha chwalić, y wysławiać, darować raczyb»; «Da, że my Ruś y wszyscy Słowieńskiego ięzyka narodowie szukane to IEDNO naydziemy: a nadda, że za tą taką naszą do niego pilną a uprzejmą modlitwą y wszytkiem iedney z nami wiary narodom toż przez nas szukane y nalezione IEDNO da należć» (Там же. С. 7, 8).

чение существенно изменилось. В античное время под «*ius gentium*» понимались правовые нормы, заимствованные у покоренных и союзных народов и применявшиеся в сфере контактов с ними. Наличие у разных народов Империи своих правовых норм проявлялось в признании в общей римской правовой системе тех или иных особых прав за конкретными народами. Впрочем, уже в позднеантичное время «*ius gentium*» стало иногда трактоваться в расширенном смысле — как общее право взаимных отношений народов, выходя тем самым из системы положительного права и сближаясь с «*ius naturale*». В Средние века этот подход господствовал, «право народов» стало пониматься как естественное право всех народов и потому рассматривалось как универсальное. Этому, конечно, давалось уже христианское, богословское обоснование. Уже у Юстиниана «*ius naturale*» отождествлено с «божественным правом» («*ius divine*»), ведь все «натуральное право» происходит от Бога. Соответственно, утверждалось наличие дарованных Богом прав людей по одной их натуре, независимо от их религии и положения. При этом «право народов» в Средние века имело применение главным образом в сфере обоснования справедливости военных действий.

Весьма оригинальную теорию «права народов» разработали представители краковской правовой школы начала XV в., в первую очередь Станислав из Скарбимежа и Павел Влодковиц. Их сочинения появились в связи с военным конфликтом между Польшей и Тевтонским орденом — требовалось защитить право Польши противостоять Ордену и привлечь для этого военную помощь «схизматиков» православных и литовцев-язычников. Таким образом, опять же, понятие о «праве народов» в польской традиции разрабатывалось в рамках теории справед-

ливой войны³³. Павел Влодковиц делил человеческие сообщества на «натуральные» (народы, города, деревни и др.) и «искусственные» (ордена, братства, цеха и т.д.), и первые и были защищены «натуральным правом». Польский ученый утверждал, что право на обладание государственностью имеют не только христиане, но и язычники и еретики, что основано на «натуральном праве». А из этого исходило и их право на самозащиту.

Понятие «права народов», как и рассуждения о справедливости войн, прочно вошли в польскую юридическую мысль и в публицистику, так что были знакомы образованному обществу Речи Посполитой, в том числе и православному. Во второй половине XVI — первой половине XVII в. о справедливых войнах больше всего писали Себастьян Петриций и Петр Скарга. Однако «право народов» по-прежнему рассматривалось как «натуральное право». Только западная правовая мысль середины — второй половины XVII в., уже после Гуго Гроция, стала определенно разделять естественное и позитивное право народов.

На деле важнейшим вопросом было определение субъекта ущемленного права. В первую очередь это была сама Православная церковь, а также православные представители шляхетского и мещанского сословий. В конечном счете и сословные права сводились к церковным, ведь в более широком смысле речь шла о пастве Православной церкви. Нередко в текстах того времени говорится о правах «религии греческой», «веры греческой» как определения для совокупности православных жителей

³³ См. об этом: *Ehrlich L. Zarys historii prawa narodów w Polsce*. Kraków, 1949; *Belch S.F. Paulus Vladimiri and His Doctrine Concerning International Law and Politics*. London, 1965. Vol. I-II; *Jasudowicz T. Śladami Ludwika Ehrlicha: do Pawła Włodkowica po naukę o prawach człowieka*. Toruń, 1995; *Wielgus St. Polska średniowieczna doktryna ius gentium*. Lublin, 1996.

государства. Разрабатывалась история «прав греческой веры», идущих еще со старых времен «русских князей», но гарантированных и польскими королями.

В Протестации 1596 г. князь Константин Острожский, заступаясь за права православных, выступал от лица православной шляхты. Он просил короля, «чтобы его королевская милость таких духовных, праву нашему противных, чтобы мы их терпели, не соизволил допустить, согласно правам нашим по привилегиям и конфедерациям, данным нам от предков его королевской милости и самим его королевской милостью нам подтвержденных, сохранить соизволил»³⁴. Уже в «Апокрисисе»³⁵ 1597 г. говорится о «праве писаном», которое «когда бы подробно привести надлежало, пришлось бы бесчисленное количество привилеев и писем тут вписать, которыми часто, а особенно при закладке церковей и при пожаловании имений русскими князьями, а потом и королями польскими, дела князей подтверждавшими, вольность и постоянство религии греческой общеизвестно утверждена была»³⁶. Автор «Пересто-

роги» (ок. 1600) описывает, как Стефан Баторий, «узнав от своих канцлеров, что предки его веру греческую в странах своей короны, наравне с римской, в свободах и властных правах их, в границах своей духовной власти оставляют, и это присягою подтверждали и защищали, тоже дал на то свой привилей» — и, подчеркивается, что сделал он это «согласно со старыми правами»³⁷.

Но уже тогда, на самых ранних этапах православно-униатской полемики, возникла потребность более общего определения субъекта порушенных Брестской унией прав. Господствовавшая правовая культура, предполагая, что речь идет именно о «народе», подразумевала под ним лишь шляхетское сословие. Однако русская идентитарная традиция расширяла это понятие на всех членов Русской церкви, тем самым расширяя корпоративно-сословные правовые нормы на всю совокупность православных стран, всех «людей русских».

Автор «Апокрисиса», говоря про свою сторону «мы, греческой религии люди»³⁸, подчеркивает: «Нам и право, и конфедерации, и привилеи, и обычаи, и другие основания вольности веры

³⁴ «Aby Jego Krolewska Mość takowych duchownych, prawu naszemu przeciwnych, cierpieć dopuścić nam nie raczył, wedle praw naszych uprzywilejowanych i konfederacyey, o tem uczynioney od przodkow Jego Krol. Mci i od Jego Krol. Mci samego nam porzysiężonych, zachować raczył» (АЮЗР. Киев, 1859. Ч. I. Т. I. С. 533).

³⁵ Вопрос авторства этого важнейшего для православной полемики произведения представляется здесь малозначимым: оно писалось от лица православных и было принято православной общественностью как авторитетное, а соответственно, адекватно выражающее ее позиции.

³⁶ «Кгдыбы ся достатечне перекладати мѣло, пришло бы незличоную речь привилеев и листов тут вписати, которыми частокрот, а особливо при фундованью яких церковий и при надаванью до них добр через княжата Рускии, а потом через королѣ Полскии sprawy княжат потвер-

жаючи, волность и трвалость релѣи Греческой знаменитее есть утвержена» (Апокрисис. Сочинение Христофора Филалета // РИБ. СПб., 1882. Т. VII. Стб. 1070).

³⁷ «Увѣдавши король от своих канцлеров, же продкове его вѣру Грецкую у панствах коронных, равне яко и Римскую, при вольностях и при зверхностях их, в своих границах духовноѣ влады зоставуют, и то присягою подтвержают и правами остерегают, — дал теж привилей свой» (Пересторога // Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1851. Т. IV. Стб. 207).

³⁸ Апокрисис. Стб. 1332. Такая формула в тексте встречается часто. Есть также: «Нас, старожитной вѣры Греческой людей» (Там же. Стб. 1792), «Мы, Греческой релѣи шляхтичи» (Там же. Стб. 1294) и др.

имеющим»³⁹. При этом он заявляет, что «с плачем просим, чтобы, согласно привилеям, народу русскому и литовскому данных, духовных властей религии греческой не прижимал»⁴⁰. При желании здесь можно увидеть употребление слова «народ» в значении «шляхетского народа», от лица которого выступает автор, однако другие православные тексты указывают на преимущественно несословный характер такого словоупотребления. Интересно, что мещанский автор «Перестороги», вероятно, чтобы обойти двусмысленность этого слова, даже вводит такое понятие как «республика народа русского», уточняя, что она включает в себя «от высших аж до низших сословий»⁴¹.

* * *

Следующий этап православной полемики, связанный с фактом нелегального посвящения в 1620 г. иерусалимским патриархом Феофаном новой православной иерархии в Речи Посполитой, предлагает уже довольно цельные концепции, представляющие правовое положение православных в стране. Теперь православные авторы не ограничиваются доказательствами, что «благодаря Св. Духу имеем посвященных митрополита и епископов таких, каких фундации, права, привилегии и вольности наши, а значит и святая старина наша, <...> и каковых нам святой памяти монархи князья русские и литовские, а после них и наияснейшие короли польские, а потом и совре-

менный король его милость уже более десяти лет своего счастливого правления соизволили допускать, подавать и терпеть»⁴². Теперь права православных определяются не только пожалованными князьями и королями правами и привилегиями, но и особым положением в Речи Посполитой самого «народа русского».

Б.Н. Флоря считает возможным говорить о разработке православными публицистами того времени целой исторической концепции, в основе которой лежало «представление о создании Польско-Литовского государства в результате добровольного соглашения трех народов — “польского”, “литовского” и “русского”»⁴³. Эта концепция читается сразу в нескольких произведениях, написанных в начале 1620-х гг.

Так, в «Протестации» новопоставленного митрополита Иова Борецкого 1621 г., в которой речь идет от «народа нашего русского», подчеркивается, что «мы посредством пактов и присяг к Короне присоединились», (теперь же «терпим насилие, жестокость и притеснения за веру»)⁴⁴, т.е. обоснование прав идет уже не только через наследие княжеских и королевских пожалований, но и через сам факт присоединения к Короне на договорных началах — «по пактам и присягам».

⁴² «Za sprawą Ducha Ś. mamy poświęconych mitropolita y Episkopow takich, iakich fundacye, prawa, przywileja y wolności nasze, więc y święta starożytność nasza... y iakowych nam świętey pamięci Monarchowie Xiężenta Ruscy, y Litewscy, a po nich Naiśnieysze Krolowie Polscy, więc y terazniejszy Krol Jego M. przez lat dziesięć y nad to za szczęśliwego panowania raczyli dopuszczac, podawac y cierpieć» (Протестация митр. Иова Борецкого. С. 145).

⁴³ Протестация митр. Иова Борецкого. С. 75.

⁴⁴ «Narodu naszego Ruskiego», «my przez pacta y przysięgi do Koronychmy się przyłączyli», «cierpiemy gwałt, wioleńcią y vciski dla wiary» (Протестация митр. Иова Борецкого. С. 147).

³⁹ «Нам, и право, и конфедерации, и привилля, и звычайи, и иншии фундамента волности набоженства маючим» (Апокрисис. Стб. 1788).

⁴⁰ «С плачем просимо, абы, ведлуг привилеов, народови Рускому и Литовскому наданных, урядов духовных релѣи Греческой не затлумял» (Апокрисис. Стб. 1292).

⁴¹ «Рѣч посполитая народу Руского», «от больших аж до меньших станов» (Пересторога. Стб. 220 221).

А субъектом такого договора выступает «русский народ».

Более подробно эта тема раскрывается в «Палинодии» З. Копыстенского (1619–1623). В нем описывается, как «росские князья добровольно, по определенным пактам, к королевству польскому присоединялись», однако особенно автор подчеркивает то, что при этом князья «в первую очередь гарантировали себе веру и свое богослужение и церкви в целости и в безопасности сохранять»⁴⁵. То же обстоятельство выделяется им и при описании завоевания Казимиром Великим Львовской земли. Копыстенский подчеркивает установленное тогда равенство поляков и русских в правах и вольностях, утверждая, что уже тогда «король постановил и сопоставил, чтобы россы одним с ляхами правом и одними вольностями пользовались»⁴⁶. Когда же была Люблинская уния, то «тогда россы наперед гарантировали себе права на веру и на церкви, а короли на своих коронациях права и различные привилегии от князей росских, разным сословиям служащих, приняли, и присягами подтвердили, и письменно в статутах и конституциях об этом объявили»⁴⁷. Люблинскую унию Копыстенский трактует как равноправное объединение: «В 1569 году, на сейме в Люблине, княжество Литовское и Киев и Волинь с королевством Поль-

ским объединились, чтобы быть едины, и одних вольностей и свобод употреблять, и равно повинности нести, и оборону и производство всякое вместе осуществлять, и одного короля себе избирать, один другого права и вольности оберегая»⁴⁸. И все же здесь еще нигде нет формулировки «права народа русского».

Основной субъект порушенного права для Копыстенского — это Константинопольская патриархия. Он называет Россию «патриаршим именем» и отождествляет борьбу Рима с Константинополем за Западную Русь с земельной тяжбой, указывая на его неправомерность со стороны Рима. Именно для обоснования прав Константинополя на русские земли Копыстенский развил обширное правовое доказательство: приводятся по очереди права божественные, «канонные» (т.е. «право соборов вселенских»), право «царское и княжеское» (для чего описывается история крещения Руси), королевское (инкорпорация «по условиям определенных пактов»), а также право «употребления и обладания» (т.е. по обычаю, по обыкновению пользования)⁴⁹. Сам русский народ (точнее, «Народ Российский», как он обыкновенно называется в «Палинодии») здесь еще не выступает как правообладатель.

Завершенный вид новая правовая концепция приобретает у М. Смотрицкого. Примечательно, что еще в раннем его сочинении, «Треносе» (1610), мы не находим ни «прав народа русского», ни концепции добровольного объеди-

⁴⁵ «Ся Росский князе добровольне за певными пактами до кролевства Полского прилучали», «в головах варуючи себе веру и свое набоженство и церкви в целости и во вшеляком беспеченстве заживати», «король постановил и поровнил, абы Россове одного с Ляхами права и волности заживали» (Палинодия // РИБ. СПб., 1878. Т. IV. Стб. 1110).

⁴⁶ Там же. Стб. 1026.

⁴⁷ «Теды Россове продком варовали себе права о веру и о церкви, а кролеве на своих коронациях права и привелея вшелкии князей Росских якому колвек станови служачии приняли, и присягами ствердили, и писмом в статутах и конституциях то осведчили» (Там же. Стб. 1075).

⁴⁸ «В року 1569, на сейме в Люблине, князство Литовское и Киев и Волинь з королевством Полским зъединилися заедно быти, и едних волностей и свободы заживати, и заровно тяжары поносити, и оборону и промысл вшелякий взаем чинити, и одного кроля себе обирати, один другого прав и волностей перестерегаючи» (Там же. Стб. 1042).

⁴⁹ «Уживаня и держанья» (Там же. Стб. 1071–1078).

нения трех народов в Речь Посполитую. Но все это составляет важнейшее идейное наполнение православной полемики начала 1620-х гг. Особенностью полемических сочинений М. Смотрицкого этого времени было именно господство в них правовой тематики, отодвинувшей в тень богословские споры. Здесь еще нередко встречаются более старые формулы: «права страны нашей русской»⁵⁰, «права духовные и светские, по которым отчизна наша управляется и устраивается»⁵¹, «религия греческая, которая издавна имеет свои права»⁵², «духовные права греческой религии»⁵³ и т.д. Однако на первом месте оказывается формулировка «права духовные и светские, свободы и привилегии... народу нашему русскому в вере его людям религии греческой служащие»⁵⁴, «права и свободы и привилегии народу нашему русскому старинной религии греческой данные»⁵⁵.

Эти права народа видятся единым комплексом с правами церковными: «Права церковные, а при них права, свободы и вольности народа нашего русского»⁵⁶, униаты поступают «не по

праву народа и церкви русской»⁵⁷. При проведении жесткого разделения прав на «духовные» и «светские» последние ставятся в прямую зависимость от первых: «За отменой религии и права наши должны бы быть отменены»⁵⁸. Такая увязка прав естественна при общем отождествлении этнической и церковно-конфессиональной характеристик, свойственной для православной мысли. Нередко у Смотрицкого понятия «русский народ» и «люди греческой религии» используются как взаимозаменяемые⁵⁹. Например: «Ибо где хоть одно право, хоть одна конституция, хоть один привилей, который бы народу русскому для западного послушания и для защиты у нас религии римской служил бы? Ни одного, но все служат людям религии греческой послушания восточного»⁶⁰.

Смотрицкий даже вводит понятие «особы всего русского народа» как субъекта правовых отношений: «Особа всего народа русского, которому королем его милостью, господином нашим милостивым, это обеща-

⁵⁰ «Prawa krainy naszej Ruskiej» (Verificatia niewinności. 1-е изд. // АЮЗР. Киев, 1887. Ч. 1. Т. 7. С. 312).

⁵¹ «Praw y duchownych y świeckich, ktoremi się oyczyzna nasza rządu y sprawuie» (Там же. С. 301).

⁵² «Relligia Graecką, która zdawna ma swoje prawa» (Там же. С. 383).

⁵³ «Prawa duchowne religiey Graeckiey» (Там же. С. 393).

⁵⁴ «Prawa duchowne y świeckie, swiebody y przywilegia <...> narodowi naszemu Ruskiemu w nabożeństwie jego ludziom mere Religiey Graeckiey służące» (Там же. С. 322).

⁵⁵ «Prawa y swobod y Przywileiow Narodowi Ruskiemu starożytney Religiey Graeckiey nadanych» (Verificatia niewinności. Wilno, 1621. 2-е изд. S. 28).

⁵⁶ «Prawa cerkiewne, a przy nich na prawa swiebod y wolności narodu naszego Ruskiego» (Verificatia niewinności. 1-е изд. С. 315).

⁵⁷ «Mimo prawa narodowi y cerkwi Ruskiej» (Na Examen Obrony Verificaciey // АЮЗР. Киев, 1914. Ч. 1. Т. 8. Вып. 1. С. 653).

⁵⁸ «Za odmianą religiey Graeckiey w Rzymską, a posłuszeństwa Wschodniego w Zachodnie, nie tylko duchownych praw y wolności, ale y świeckich pozbyć musielibyśmy. Y słusznie: bo za odmianą religiey y posłuszeństwa, y prawa nasze odmianie podleć musiałiby» (Verificatia niewinności. 1-е изд. С. 341).

⁵⁹ См. подробнее об этом: *Неменский О.Б.* Формы русской идентичности у Мелетия Смотрицкого // Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. Славяне и их соседи. М., 2008. Вып. 12. С. 305–316.

⁶⁰ «Gdzie abowiem choć iedno prawo, choć iedna constitucya, choć ieden przywilej, który narodowi Ruskiemu na posłuszeństwo Zachodnie y ku obronie w nas religiey Rzymskiej służył? Ni iedno, ale wszystkie służą ludziom religiey Graeckiey posłuszeństwa Wschodniego» (Verificatia niewinności. 1-е изд. С. 341).

ние дано»⁶¹. История инкорпорации русского народа в Польско-Литовское государство описывается как полностью гарантирующая его права и вольности: «Ибо с правами, с обычаями нашими, как светскими, так и особенно духовными, русский народ их милость короли польские в Корону и Великое княжество Литовское инкорпорировали»⁶². Здесь уже русский народ выступает как субъект права, а не князья русские, как у З. Копыстенского: это «уния народа русского с королевством Польским»⁶³. Речь Посполитая является союзом трех равноправных и свободных народов⁶⁴: «С та-

кой вольностью с вольными польским и литовским народами русский народ наш объединился в одно тело»⁶⁵; «Народ наш русский к польскому народу присоединился как равный к равному, как вольный к вольному»⁶⁶. Брестская уния называется «фальшивой» и как таковая видится яблоком раздора между тремя союзными народами: «Пока еще держится полное согласие *ciuilis unionis*, для защиты целостности отчизны, свобод, прав и вольностей всех трех народов, до тех пор эта кость ссоры, *fictitiae unionis*, из их среды пусть будет выброшена»⁶⁷. Так, униаты вредят «народу вольному, народу в правах и вольностях во всём коронным и Великого княжества Литовского гражданам равному»⁶⁸. И потому совершенно иначе видится функция короля: он не жалуется «права и вольности», а сторожит их⁶⁹.

Стоит привести довольно обширную цитату, заключающую в себе наиболее четкие формулировки всей этой концепции: «Права в отчизне нашей народу Русскому еще сразу от начала веры в нас христианской были двойными: светскими и духовными. Светские были от князей их милостей даны, как самим Владимиром, так и сыном его

⁶¹ «Osoba wszytkiego narodu Ruskiego, ktoremu od Krola Iego M. Pana naszego M. ta obietnica jest uczyniona, y ktoremu o tym, a nie im, instantia własnie należy» (Verificatia niewinności. 2-е изд. С. 28).

⁶² «Z prawami abowiem, z zwyczajami naszymi, tak świeckimi iako osobliwie duchownymi, Ruskie narody Ich Młśc Krolowie Polscy Koronie y Wiel. X. Litewskiemu incorporowali» (Obrona Verificaciey // АЮЗР. Киев, 1887. Ч. 1. Т. 7. С. 349).

⁶³ «Unia narodu ruskiego z królestwem polskim» (Supplicatia do przeoświeconego i iaśnie wielmożnego przezacney korony Palskiej i w. x. Litewskiego oboiego stanu, duchownego i swieckiego senatu, 1623 // Коялович М.И. Документы, объясняющие историю Юго-Западного края. СПб., 1865. С. 302).

⁶⁴ И поэтому трудно согласиться с мнением Т. Хинчевской-Хеннель, утверждающей, что православные тогда отстаивали «такой правовой порядок, по которому вероисповедания, существующие в Речи Посполитой, должны пользоваться своими правами» (см.: *Chynczewska-Hennel T.* «Do praw i przywilejów swoich dawnych». Prawo jako argument w polemice prawosławnych w pierwszej połowie XVII w., in *Między Wschodem a Zachodem. Rzeczpospolita XVI-XVII wieku. Studia ofiarowane Zbigniewowi Wójcickowi w 70tą rocznicę urodzin*, Warszawa, 1993. S. 57). Такую позицию скорее могли отстаивать протестантские мыслители того времени. Здесь же речь идет именно и только о «трех народах».

⁶⁵ «Z tą taką wolnością z wolnymi narodami Polskim y Litewskim, Ruski narod złączył się w iedno ciało, o iedną głowę spoj y opar» (Justificatia niewinności // АЮЗР. Киев, 1887. Ч. 1. Т. 7. С. 515).

⁶⁶ «Narod nasz Rusky do Polskiego narodu przyłącza iako rowny do rownego, iako wolny do wolnego» (Supplicatia... С. 236).

⁶⁷ «Póki tedy jeszcze stoi zupełna zgoda *ciuilis unionis*, ku obronie całości oyczyzny, swobód, praw y wolności wszystkim trzem narodom, tedy sie ta zwady kość, *fictitiae unionis*, z poszrodku ich niech wyrzuci» (Там же. С. 304).

⁶⁸ «Narodowi wolnemu, Narodowi w prawach y wolnościach ze wszytkiemi Koronnemi y W.X.Litew. obywatelmi porowanemu» (Verificatia niewinności. 2-е изд. S. 59 об.).

⁶⁹ «Czego im on, iako stroż praw ich» (Obrona Verificaciey // АЮЗР. Киев, 1887. Ч. 1. Т. 7. С. 396).

Ярославом, и другими. Духовные все права от св. Восточной церкви с верой сразу приняты были и для пользования Русской церкви были даны. А когда Русский народ поначалу отчасти был присоединен к Великому княжеству Литовскому и к Короне, а потом и полностью был инкорпорирован в Королевство Польское, он тогда же и допущен был полностью ко всем правам, свободам и вольностям светским коронным и литовским, которыми он пользовался, как и ныне пользуется. А от своих светских прав, князьями их милостями Русскими ему прежде данных, конечно отказался. Но при правах духовных своих, а не иных каких-либо, он полностью оставлен, тех прав, которые он имел сразу при крещении, себе от св. Восточной церкви данных, с тем от королей их милостей обещанием, что русь такой же вольности в своих правах пользоваться может, какой вольности в своих правах в панствах коронных пользуется и Римский костел. То все можно видеть в привилеях, народу Русскому при инкорпорации его в Корону данных, и в других многих, в разные времена данных»⁷⁰.

⁷⁰ «To wkrótce przelożywszy, mowimy: prawa w oyczyźnie naszey narodowi Ruskiemu ieszcze zaraz od początku wiary w nas chrześciańskiey zostały dwoiakie — świeckie y duchowne. Świetskie były od Xiążąt Ich Młści ferowane y na piśmie podawane, iako od samego Włodzimierza, od syna iego Iaroslawa, y od inszych. Duchowne wszytkie ogułem od ś, Wschodniey cerkwie z wiarą zaraz przyięte są y do używania cerkwi Ruskiey podane. Więc gdy narod Ruski pierwiew od części był przyłączony do Wiel. X. Lith. y Korony, a potem y zupełnie stał się incorporowany Krolestwu Polskiemu: przypuszczny iest na tych miast zupełnie do wszytkich praw, swobod y wolności świeckich Koronnych y Lithewskich, ktorych miał zażywać, iako y zażywa, swoich praw świeckich, od Xiążąt Ich. M. Ruskich iemu podanych, owszeki zaniechawszy; ale przy prawach duchownych swoich, a nie inszych wszytkich iest cale y zupełnie zostawiony, tych, które miał zaraz przy chrzcie sobie od św. Wschodniey cerkwie podane, z tym od krolow Ich Młści uwaro-

Следует особенно подчеркнуть, что теория прав русского народа в сочинениях М. Смотрицкого предстает не в качестве «правовых взглядов», которые мы как исследователи можем реконструировать по тексту, а как сознательно выраженная и подробно описанная правовая концепция.

Несомненно, что понятие «прав народа» здесь выступает в совсем ином значении, чем в более поздней западноевропейской мысли. Это не «естественное» право «каждого народа», а сонм светских и духовных прав, которые конкретный народ получил от светских и духовных властей и которых он держится. Принципиальные различия между «правами народов» в западной средневековой традиции (в том числе польской) и в западнорусской теории «прав народа русского», как она представлена у Смотрицкого, видятся в следующем:

1) у Смотрицкого «права народа» — это система положительного права, здесь нет речи о «естественных правах всех народов». «Права русского народа» состоят из тех «прав и привилеев», которые ему когда-либо были дарованы различными монархами и потом признавались другими — вплоть до нынешнего;

2) «народ» у Смотрицкого понимается в этом контексте не как «натуральное сообщество», а как правовая корпорация со своеобразной правовой историей.

Я не берусь утверждать, что этот концепт ввел в оборот православной среды тех лет именно М. Смотрицкий: изредка что-то подобное можно встретить и в чуть более ранних текстах. Однако именно в его сочинениях преж-

waniem, że Ruś takiej wolności w swoich prawach zażywać miała, iakiej wolności w swoich prawach zażywa w Państwach Koronnych kościoł Rzymski. Co się widzieć daie z przywileiow, narodowi Ruskiemu przy incorporowaniu iego do Korony nadanych, y inszych wielu roznemi czasy danych» (Obrona Verificacye. C. 392–393).

нее развитие этого направления мысли было доведено до довольно стройной системы.

Примечательна и оригинальна сама мысль о народе как субъекте правовых отношений. Также стоит отметить тот факт, что эта концепция почти не нашла себе места в униатских сочинениях, однако утвердилась в православной мысли (см., например, завещание Петра Могилы). В 1632 г. в Вильне вышло сочинение «Synopsis», которое во многом суммировало все прежние работы православной антиуниатской полемики. Там утверждается, что король «эти права и привилегии народу русскому, как извечно полностью верным подданным своим государям, присягою подтвердил и нетронутыми при них нас оставить соизволил»⁷¹, а также излагается концепция объединения «равных с равными, вольных с вольными»⁷².

* * *

Свойственное западнорусской православной культуре понятие о народе как всесловной целостности, дополненное осознанием его как корпорации с особым правовым статусом, вряд ли имеет прямые параллели в западной или восточнохристианской культуре того времени, однако очень напоминает модерную европейскую «нацию», представление о которой сложилось на Западе двумя столетиями позднее. В этих понятиях можно усмотреть что-то вроде зачатков протонационально-

го самосознания, так как «Русский народ» уже виделся цельным правовым субъектом с общими для всех его членов правами. Здесь же мы видим и широкое общественное движение, борющееся за права своего народа. В отличие от новоевропейского национализма такая «протонация» не виделась светским образованием — её членство было полностью обусловлено церковной организацией, что, однако, уже в униатской мысли оборачивалось приверженностью лишь к определённой церковной традиции (набоженству). Тем не менее это была мысль о народо-корпорации, защищающей свои политические права.

Дальнейшая история не позволила осуществить на практике политические планы, основанные на этих понятиях. Да и невозможно представить себе их реализацию в условиях католической государственности XVII и даже XVIII в. Украинные земли (Левобережье Днепра в землях Короны) через соединение с Россией оказались в иных политических условиях, которые определяли господство и иных правовых понятий. Остальная же часть Западной Руси была полностью подчинена Унии, её благородное и городское сословия подверглись ещё более масштабной полонизации, а в результате — культурной и общественно-политической маргинализации. Однако протонациональные идеи, разработанные западнорусскими православными полемистами в первой половине XVII в., являются не просто памятником мысли того времени, но и важным аргументом в дискуссиях о самой возможности адаптации народами православной культуры национальных форм самоорганизации.

⁷¹ «Te prawa y przywileie narodowi Ruskiemu, iako z wiekow cale wiernym poddanym Panom swym, poprzysiągł y nieporusznie przy nich nas zachować zezwołił» (Synopsis 1632 г. АЮЗР. Киев, 1887. Ч. 1. Т. 7. С. 574–575).

⁷² «Rownych do rownych, wolnych do wolnych» (Там же. С. 547).

Мария ЛЕСКИНЕН

Национальное: наука и политика в Российской империи второй половины XIX в.

Одной из проблем изучения иерархии идентичностей в период формирования наций является разграничение «объективной» идентификации — извне, в том числе и средствами науки, и ее субъективированной формы — самоидентификации в различных культурных срезах. Именно это несовпадение вызывает полемику по вопросу о природе и сущности этничности, которая представляется центральным звеном в цепи рассуждений о методах изучения и интерпретации тех форм, в которых происходит осмысление т.н. «мы-идентичностей». Роль социально-культурной элиты в создании и внедрении ряда важнейших представлений народа-нации о себе признается неоспоримой, так как в эпоху модернизации она не только формулирует и обосновывает базовые установки и ценности сообщества, но и внедряет их при помощи инструментов просвещения и социализации. Наука, начиная с эпохи Просвещения, играет в этом процессе определяющую роль. М. Фуко рассматривал историю гуманитарных дисциплин в контексте разработанной им концепции «дисциплинарной власти», в соответствии с которой наука репрезентирует и воспроизводит представления о норме, «правильности», идеи пользы и права, разного рода иерархии и т.п. Процесс, сопутствующий формированию различных видов самоидентификаций, может рассматриваться и как продукт социального габитуса¹, но и в этом случае обоснование всякой социальной (национальной и этнической в том числе) принадлежности интерпретируется как техника манипуляции, направленной на «углубление и укрепление мышления, ориентированного исключительно на национальную традицию»².

Задавая и вырабатывая номинации и классификации, обосновывая право обладания «познающим субъектом» единственной и рационально доказуемой истины, наука становится орудием власти не в грубо политическом или идеологическом отношении, а как «власть-знание», когда собственный позитивный образ исследователя создается на негативном фоне изучаемо-

го общества. Наука становится орудием власти не в грубо политическом или идеологическом отношении, а как «власть-знание», когда собственный позитивный образ исследователя создается на негативном фоне изучаемо-

¹ Элиас Н. О «цивилизации» как специфическом изменении человеческого поведения // Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: В 2 т. М.—СПб., 2001. Т. 1. С. 109–301; Бурдье П. От правил к стратегиям // Бурдье П. Начала. М., 1994. С. 93–116.

² Элиас Н. Изменение баланса между «я» и «мы» // Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001. С. 292.

Статья выполнена в Институте славяноведения РАН при поддержке Программы ОИФН РАН «Национальные меньшинства стран Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение» (2012–2014, руководитель проекта — д.и.н. Е.П. Серапионова).

го объекта³. «Первичное расчленение познаваемой социальной реальности имеет, таким образом, манипулятивные и (в перспективе) властные функции», — отмечает И.Н. Ионов⁴.

Рассмотрим некоторые аспекты формирования представлений о категории «национальное меньшинство» в тот период, когда ее как понятия еще не существовало в современном — политико-правовом — значении. Ограничимся российским научным дискурсом на стадии складывания его терминосистемы во второй половине XIX в. Источниковой базой служат тексты этнографических описаний и исторические исследования, в которых осуществляется объяснение понятий «народность», «национальность» и «национальный вопрос». К анализу привлечены различные классификации, использовавшиеся в таксономиях человеческих общностей в этнографии и антропологии, на основании которых можно реконструировать типологии и иерархии этнокультурных групп Российской империи. Они позволяют обосновать предположения о том, что сформировавшиеся в XIX в. противоречия в интерпретации природы «этнического», «национального» и «имперского» повлияли на понимание и решение «проблемы национальных меньшинств» на уровне государственной политики и политической практики в XX в.

Национальное меньшинство: кто и как «считает»?

Хорошо известен не оспариваемый учеными парадокс, заключающийся в том, что понятие «национальное

меньшинство» до сегодняшнего дня не имеет общепринятой дефиниции ни в социологии, ни в нормативно-правовой сфере, хотя и является одним из ключевых терминов, определяющих практику взаимоотношений различных этнонациональных групп и их административно-законодательное оформление. В самом общем виде определение «национальное меньшинство» констатирует меньшую численность общности в сравнении с ее иноэтническим окружением или в ареале ее основного расселения, а также описывает правовое положение группы в государстве. Иногда (но не всегда) в качестве признаков фиксируется дискриминация группы (лишение определенных ее гражданских прав в государстве проживания) и ассимиляционное давление⁵.

Сложность изучения генезиса и содержания категории «национальное меньшинство» для исследователя связана с тем, что политические и социальные теории, лежащие в ее основе, начиная с XVIII в. формируют две области значений: первая определяет «меньшинство» как один из субъектов государственной власти в политико-правовом аспекте. Начиная с Великой

⁵ См., в частности, словарные статьи «Национальное меньшинство» в: *Мартынова М.Ю.* Национальные меньшинства в странах Восточной Европы в 90-е годы. Поиск мирных решений (Серия ИЭиА РАН «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» №91). М., 1995. С. 5–6; Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. Этнография и смежные дисциплины. Этнические и этносоциальные категории. М., 1995; Словарь социолингвистических терминов. М., 2006; Энциклопедический словарь конституционного права. М., 2011. Более детальный разбор причин и последствий такого положения, не устаревший до сих пор, предложил С.В. Соколовский: *Соколовский С.В.* Самоопределение и проблемы меньшинства (международные аспекты) // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 2. М., 1995.

³ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994; Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

⁴ Ионов И.Н. Цивилизационная самоидентификация как форма исторического сознания // Искусство и цивилизационная идентичность. М., 2007. С. 171.

французской революции данное понятие толкуется в контексте описания или обоснования форм политического устройства, устанавливая адекватность политических интересов социальной группы реальному механизму защиты своих прав в системе государственного управления — т.е. его понимание связано с вопросом полноценности представительства.

В системе политико-правовых понятий «меньшинство» — с разными определениями (в том числе, хотя и крайне редко, встречается выражение «национальное меньшинство») бытует в европейских языках в течение всего XIX в.⁶ Но его трактовка связана исключительно с политическим отражением устройства социальной системы, фиксируя отношения между правящим меньшинством и подчиняющимся ему большинством в общем гражданском поле. Только во второй половине столетия данная проблематика «обогащается» за счет выделения в ней отдельного направления, принявшего во внимание этнонациональную специфику этих «больших» и «меньших» элементов.

Одним из главных его представителей становится Дж. С. Милль, труды которого были хорошо известны в России. В работе «О свободе» (1859) он провозгласил, в частности, необходимость ограничить диктат власти и деспотизм господствующего меньшинства над большинством: «Народ, облаченный властью, не всегда представляет тождество с народом, подчиненным этой власти, и т.н. национальное самоуправление не есть такое правление, где бы каждый управлял самим собой, а такое, где каждый управляется всеми остальными... воля народа на самом деле есть не что иное,

как воля наиболее многочисленной или наиболее деятельной части народа, т.е. воля большинства или тех, кто успевает заставить себя признать за большинство»⁷. В сущности, он стал одним из первых, кто поставил вопрос об условности количественного критерия для определения позиции социальной группы в социуме, вычленив отношения господства (диктата) / подчинения.

Одна из первых юридических дефиниций термина относится к 1920 г., когда профессором Зоберхеймом был разработан проект договора о регулировании положения меньшинств: в нём национальные меньшинства — это «национально ограниченные группы населения, которые намереваются и способны к ведению национальной частной жизни»⁸; в международном праве термин становится нормативным только после Хельсинкского совещания 1975 г., хотя активно использовался и ранее, для определения границ и устройства новых государств после Первой мировой войны (14 пунктов Вудро Вильсона и Лига Наций).

Юридический статус национальных меньшинств сегодня иногда представляется главным вопросом и средством установления политического равновесия, однако такое сужение вопроса может стать опасным заблуждением. Следует выделить еще как минимум два уровня рассмотрения трактовки так называемой «проблемы» национальных меньшинств, позволяющей исследователю Р. Шерцеру поставить слово «проблема» в кавычки⁹, — это, во-первых, практический, связанный с реализацией принципа самоопределения на осно-

⁷ Милль Дж. С. О свободе // Антология мировой либеральной мысли: В 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 737–738.

⁸ Цит. по: Юрвев С.С. Указ. соч. С. 27.

⁹ Шерцер Р. «Проблема» национальных меньшинств // Политическая наука. 2011. №1. Этничность и политика. С. 98–130.

⁶ Юрвев С.С. Правовой статус национальных меньшинств. Институциональный и историко-культурный анализ. Диссертация на соискание степени доктора юридических наук. М., РГБ, 2003. Гл. II.

вании общности происхождения или подданства — т.е. устанавливающий соотношение деклараций и реальности административно-нормативного положения, а также, во-вторых, историко-социологический, который постулирует, что национальное меньшинство — это не статистически выделяемая общность, не эссенциалистски понимаемый объект реальности, а конвенциональная, аксиологическая категория. Ее следует трактовать как продукт реализации властной статусной группой собственной позиции доминирования по отношению к недоминантной иноэтнической общности и легитимизации этого господства¹⁰.

Социологическое национальное меньшинство поэтому может вовсе не быть меньшинством в количественном отношении, но оно представляет собой социально ущемленную группу. Это позволяет именовать даже численное национальное большинство меньшинством. Поэтому в западной (американской прежде всего) социологии термины меньшинство / большинство почти не используются, им предпочитают оппозицию доминантные (доминирующие) / подчиненные группы.

Кроме того, в зависимости от традиций словоупотребления и политической практики одни и те же статусные группы «национальных меньшинств» в разных государствах могут именоваться «этнокультурными группами», «языковыми группами», «этническими меньшинствами»¹¹ и т.п. Признаки и способы их обнаружения, которые позволяют выделить конкретные общ-

ности, могут различаться в зависимости от правовой практики и традиций отдельных государств. Однако с точки зрения корректно-научного различения нации и этноса можно выделить некоторую закономерность: этнические или этнокультурные меньшинства отличаются неполнота «примет» меньшинства национального (например, нет исторически сложившейся территории проживания или не решен вопрос о самостоятельности их языка)¹². Это еще раз доказывает условность выделения данной категории, ее произвольность, что также дает простор для политических манипуляций.

Отдельной важной исследовательской проблемой является вопрос об инструментарии таких действий («научно-объективные» способы: внешняя идентификация этничности, переписи населения, данные статистики; насильственные средства: массовые переименования представителей различных иноэтнических или иноконфессиональных групп угрозы, переселения народов; политика благоприветствования: преференции для изменивших вероисповедание или национальность в экономической и политической областях и т.п.).

Р. Шерцер замечает, что «национальные меньшинства: оспаривают... утвердившиеся юридические основания государственных границ (в теории и на практике) и... ставят под сомнение ключевые принципы современной доктрины легитимации политической власти-авторитета (т.е. соответствие между “народом”, “нацией” и государством)...»¹³. Характерной чертой реальной политики, направленной (согласно декларациям международного права) на соблюдение коллектив-

¹⁰ Работ, посвященных непосредственно национальным меньшинствам, у П. Бурдье нет. Однако именно он разработал теорию общественных отношений с точки зрения социальной топологии и реализации властных ресурсов — см., в частности: *Бурдье П. Социальное пространство и генезис «классов»* // Бурдье П. Социология политики. М., 1991. С. 53–97.

¹¹ *Мартынова М.Ю.* Указ. соч. С. 6–7.

¹² Об условности и конструкторе каждого из этих элементов см.: *Brubaker R. National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe* // *Daedalus*. 1995. Spring. № 124 (2). P. 112–113.

¹³ *Шерцер Р.* Указ. соч. С. 99.

ных прав народов в XX в., оказывается переход от статуса титульной группы на позиции «национального меньшинства» (в частности в связи с распадом Империй и федеративных государств) и обратный процесс — «преобразование» национального меньшинства в титульное большинство (создание независимых государств после Первой и Второй мировых войн и после развала СССР и Варшавского блока в 1990-е гг.¹⁴ — иногда этот процесс именуется «национализацией государств»¹⁵).

При этом весьма символическим представляется то обстоятельство, что народы-«жертвы», еще недавно боровшиеся за равноправие этнонациональных общностей и возможности их политического самоопределения, оказываются инициаторами дискриминации других (часто бывших титульных народов), ставших в новых условиях меньшинствами. Оказавшись в численном и правовом преимуществе, «жертвы» становятся на позиции доминирующей группы не потому, что «плохие» или «хорошие», а потому что такую диспозицию статусов диктует логика государственно-политической стратегии — в особенности на начальной фазе нациестроительства. Можно заметить также, что если мы все же принимаем термин «национальное меньшинство», то мы должны разделять «абсолютное» и «относительное» национальные меньшинства. Первые — как правило, те этносы, которые не имели четко зафиксированной территории своего проживания (цыгане, евреи до середины XX в., кочевники),

вторые — те группы, диаспоры, которые имели свою государственность, но положение которых как «национальных меньшинств» определялось перекраиванием границ государств, геноцидом или переселением народов и т.п.

«Проблема» национального меньшинства еще до возникновения самого концепта была вписана в социальную жизнь и властный дискурс — раньше, чем была признана идея значимости коллективных интересов и чувства солидарности этнокультурной общности для такого высшего типа самоорганизации социума, каковым признается государство. В этом состоит главное противоречие принципа самоопределения: оно неразрывно связано с государством, которое наделяется функцией реализации справедливости. Иными словами, национальное меньшинство, как и другие субъекты националистического дискурса, есть конструкт «в высшей степени», являющийся продуктом теорий нации и национализма¹⁶. Многие «национальные меньшинства» (например, в СССР) стали таковыми в XX в. не вследствие зрелости самосознания их этнонациональных элит, а, напротив, в результате, во-первых, научно-политической идентификации, т.е. присвоения им статуса извне, и во-вторых, кодификации языка, создания письменности, взращивания элиты и т.д.

Вне- (или, точнее, до-правовая) и гораздо более сложно структурированная область значений термина формируется в XIX в. в поле понятий, описывающем феномены, связанные с нацией и природой национального. Здесь понимание положения различных групп этническому происхождению групп в границах одного государства (импе-

¹⁴ Весьма красноречивые примеры дает история европейских государств в XX веке. См. материалы конференции: «Национальные меньшинства стран Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение» (2–3 апреля 2013 г., Институт славяноведения РАН).

¹⁵ *Brubaker R.* Op. cit. P. 107–132.

¹⁶ *Шерцер Р.* Указ. соч. С. 105–106; *Юрьев С.С.* Указ. соч. С. 32; *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000. С. 49–68; *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. М., 2010. С. 216–249.

рии) зависит от понимания нации и ее соотношения с государством, с одной стороны, и признанием этнической самоидентификации — с другой (несмотря на то что термин «этничность» в качестве нормативного появляется только в XX в.)¹⁷. Ныне в истории формирования теории и практики нациестроительства в позапрошлом веке принято выделять две традиции понимания сущности нации — немецкую (возводимую к Гердеру) и французскую (идущую от Руссо), представляющие т.н. «государственный» и «культурный» типы наций¹⁸. В основе этой типологии лежит исторический опыт государств, консолидирующихся на основании политического единства и конституции, и тех, которые объединяет народы культурным наследием и общностью этнического происхождения. Кроме того, помимо социально-исторических реалий, вариативность интерпретации продиктована традицией словоупотребления и семантическими трансформациями¹⁹. Данное различие позво-

ляет, в свою очередь, обнаруживать национальные и этнические меньшинства — в зависимости от этих моделей. Кроме того, современная историография стремится более детально типологизировать их разновидности, различая, в частности, национальные, региональные, колонизируемые и новые (Ф. Хекман)²⁰.

Понятие «национальное меньшинство» в общественно-политической мысли в своем современном толковании возникает на рубеже XIX и XX столетий и является закономерным результатом эволюции теории государства и концепции общественного блага, а также трансформации идеи нации, духа народов и этнонациональной идентичности. Это приводит к реальным политическим сдвигам: статья 44 «О равноправии национальностей» (Австро-Венгрия, 1868), в которой определены права «народов» (племен) и национальностей; статьи V, XXVII, XLIV, XXXV Берлинского трактата (1878)²¹, в которых зафиксированы требование о недопустимости дискриминации по конфессиональной принадлежности, принцип «права наций на самоопределение» — в документах решений Лондонского конгресса Второго Интернационала (1896)²². Однако речь в данных актах шла о декларациях в поле запрещения дискриминации по этнической или религиозной принадлежности — точнее, на основании *отличной* от доминирующей, а не о непреложных коллективных правах групп. В качестве социологической категории национальное меньшинство впервые, как показал С.С. Юрьев²³, было представлено в 1898 г. в труде хо-

¹⁷ Само слово, по утверждению У. Альтерматта, встречается в трудах еще во второй половине XIX в. (*Альтерматт У.* Указ. соч. С. 58). Подробно об эволюции понятия: *Соколовский С.В.* О неуюте автаркии, национализме и постсоветской идентичности // *Этнометодология: проблемы, подходы, концепции.* Вып. 2. М., 1995.

¹⁸ *Альтерматт У.* Указ. соч. С. 37–45; *Филиппова Е.* Вместо введения. «Этническая» или «региональная» идентичность (как принятые в России и во Франции способы классификации населения влияют на формирование коллективных идентичностей) // *Филиппова Е.* Французские тетради. Диалоги и переводы. М., 2008. С. 5–20.

¹⁹ *Оболенская С.В.* Германская национальная идея и ее метаморфозы в XIX веке // *Европейские революции 1848 г. Принцип национальности в политике и идеологии /* Под ред. Ю.Я. Вина. М., 2001. С. 46–54; *Федосова Е.И.* Французская либеральная мысль первой половины XIX в. о нации и национальном вопросе // Там же. С. 12–21.

²⁰ *Павленко О.* «Национальное» и «этническое меньшинство»: проблемы соотношения. Обзор современной зарубежной историографии // *Рубеж. Альманах социологических исследований.* 1998. № 12. С. 175–192.

²¹ *Юрьев С.С.* Указ. соч. С. 167.

²² Там же.

²³ Там же.

рошо известного в России немецкого правоведа Г. Еллинека²⁴.

Стремление и этнонациональных элит, и признающих меньшинства доминантных групп к легитимации статусов в любом случае ведет к созданию формальных и неформальных иерархий социальных групп, закрепляя и воплощая, по словам П. Бурдьё, «власть номинаций».

Таким образом, в основе дефиниции понятия «национальное меньшинство» лежат два принципа: 1) его позиция в отношении «большинства» — т.е. положение, определяемое статистически демографическими данными, и 2) что более важно — его политико-правовой статус, фиксируемый социально и политически доминирующей группой. И тот, и другой критерий существования национального меньшинства связан с реализацией властного дискурса и с дискриминацией. В государстве взаимоотношения доминирующей группы и национального (этнического, языкового) меньшинства регулируются национальной политикой. Она может быть направлена на гомогенизацию социального организма (в зависимости от жесткости избираемых средств — от этноцентристской парадигмы до ассимиляционных, сегрегационных мер, вплоть до геноцида) либо на интеграцию различных этнокультурных общностей на основе соблюдения принципа равенства и самоопределения — и в этом случае политика может быть как патерналистской, так и выстраиваемой на основании равенства и самоуправления.

Складывание терминосистемы языка науки: как создается лексикон

Народ, нация, национальность

В российской науке XIX в. понятийный аппарат, позволяющий рассу-

ждать о природе нации и об этнических общностях разного уровня, только начинал формироваться²⁵. Огромную сложность представляет то обстоятельство, что в русском языке сосуществовали и в течение столетия изменяли свое семантическое наполнение заимствованные из европейских языков лексемы (такие как «нация», «национальность», «раса») при сохранении бытовавших ранее («народ», «племя», «поколения народа») и сконструированных лишь в начале XIX в. их русских эквивалентов (таких как «тип» или «народность»). Дополнительную сложность и семантическую многозначность создавало заимствование термина «нация» или «национальность» из разных языков (французского, немецкого, английского), с таким перенесением заимствовались традиции первичного словоупотребления и коннотации, несхожие между собой; это приводило к параллельному сосуществованию нескольких «линий», вариантов семантики. Однако следует подчеркнуть, что трансформацию содержания данные концепты претерпевали и в других языках — вследствие конкретно-исторических процессов (своеобразным рубежом можно считать события, связанные с «весной народов») и эволюции терминов в политико-правовом поле²⁶. Эволюцию же понятия «нация» в российском политическом лексико-

²⁵ Подробнее об этом: *Лескинен М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. Гл. 1–2.

²⁶ Например, во французском языке конца XVIII–XIX в.: *Ревякин А.В.* О понятийном аппарате французских идеологов в сфере национальной проблематики // Европейские революции 1848 г. С. 8–11; *Федосова Е.И.* Указ. соч. В польском: *Zielicki A.* *Naryd i narodowość w polskiej literaturze i publicystyce lat 1815–1831.* Wrocław etc., 1969; *Kurczewska J.* *Naryd w sociologii i ideologii polskiej.* Warszawa, 1979.

²⁴ На русском языке впервые: *Еллинек Г.* Права меньшинства. СПб., 1906.

не первой половины XIX в. А.И. Миллер запечатлел в краткой формуле: «от перевода к редактированию, цензуре и политической практике»²⁷.

Термин «народность», созданный в 1809 г. по образцу польского слова «narodowość» П.А. Вяземским и ставший нормативным для этнографии второй половины столетия, некоторое время сохранял свою первоначальную взаимосвязь с лексемой «простонародность», но в конечном итоге (благодаря Н.И. Надеждину) стал обозначать физическую, материальную, культурную и ментальную специфику народа как этноса, совпадая по значению с современным понятием «этничность»²⁸. Однако данная трактовка народности не принимала в расчет самоопределение индивида или группы — за исключением самоназвания.

Точное нормативное содержание категорий «племя», «народ», «раса» в этнографическом дискурсе не было точно определено, а слово «этнос» в русском языке XIX в. вообще не использовалось, что приводило к их взаимозаменяемости, когда следовало обозначить сообщество, члены которого имели общее происхождение, физическое родство. Так определялись этнокультурные группы разного уровня, объединяемые языком, «кровью», мифами о первопредках, характером и т.п. Указанные лексемы выступали как элементы этнографической номенклатуры. При этом «народом» во второй половине века называли как крестьянство и социальные низы (как и в первой трети столетия), так и все население Империи — во втором значении народ постепенно отождествлялся с нацией.

²⁷ Миллер А.И. Приобретая необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII — середина XIX в.) // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М., 2010. С. 55.

²⁸ Лескинен М.В. Поляки и финны. С. 52–70.

По мнению А.И. Миллера, «с самого момента, когда слово *нация* было заимствовано, оно понималось как описывающее государственную принадлежность, но также имело связь с проблематикой государственного устройства и этничности»²⁹. В словарях второй половины столетия «нация» определялась как синоним «народа» («употребляется вместо слова *народ*») ³⁰, слово использовалось «в тех случаях, когда имеют в виду обратить внимание... на племенную родственность членов какого-либо народа, на происхождение от одного общего родоначальника или указать на происхождение отсюда общности языка, обычаев и нравов»³¹. Далее следует важное уточнение: всякий народ (нация) находится в таком же отношении к человечеству, что и «вид в отношении к роду». Показательна интерпретация обеих пар значений в более поздних общих справочных изданиях. Народ в словаре 1863–1866 гг. объяснялся как «часть племени, отделившаяся и под влиянием своеобразных условий своеобразно развившаяся». Он может состоять из нескольких племен, но «народом становится... только в таком случае, если эти части неразделимо сольются одна с другой и составят единообразное целое (французы, итальянцы...)»³². Слово «нация» истолковано иначе: «народ, достигший национальности. Отличается от народа высшею степенью развития элементов народности и прибли-

²⁹ Миллер А.И. Приобретая необходимое. С. 43.

³⁰ Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, изданный Н. Кириловым: В 2-х вып. СПб., 1845. Вып. 1. С. 220.

³¹ Там же.

³² Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (Справочный энциклопедический лексикон): В 3 т., составленный под ред. Ф. Толя. СПб., 1863–1866. (Т. 3. СПб., 1866 — под ред. В.Р. Зотова и Ф. Толя.) Т. 2. СПб., 1864. С. 972.

жением к общечеловеческому типу. Англия есть нация, Ирландия — народ, Великобритания — государство»³³. Так переводилось слово «нация» в русских словарях 1880–1890-х гг. Впрочем, при отсутствии понятия «этнос» лексема «нация» могла легко трактоваться как «народ»-племя и фиксировать кровную физическую (антропологическую) общность, чему способствовала уже указанная синонимия раса — племя — этническая группа³⁴.

Наиболее сложным образом обстояло дело с понятием «национальность». Еще в первой половине столетия зафиксирована неопределенность его соотношения с «народностью». Строго говоря, значение, которое приобретало начиная с 1840-х гг. слово «национальность» во французском³⁵, было тождественно дефиниции народности, складывавшейся тогда же в русском языке — они связывались с выражением своеобразия коллективной «физиономии» народа, его «духа». Но одновременное наличие и «оригинала», и «трансфера»³⁶ вынуждало к дифференциации, разделив терминологически.

Одна из первых попыток дать точную формулировку отличий двух семантически близких понятий была предпринята русскими последователями немецкой философии из круга Белинского. Они определяли народность и национальность как последовательно сменяющие одна другую стадии формирования коллективного самосознания, акцентируя зависимость этих по-

нятий от первичных смыслов «народ»/«нация». Народность «есть первый момент национальности», она связывается с состоянием патриархальности как «естественной непосредственности», а отделение народа «от бар и бояр» означало его «взросление» — т.е. превращение в «нацию»³⁷.

Именно такое — историко-эволюционное объяснение закрепилось в языке: «...национальность становится выражением особенности нравственного, а не внешнего, физического существования народа»³⁸; «нация — народ, достигший национальности»³⁹. Тот же акцент на «развитость» национальности в сравнении с этапом народности отмечен и в словарях 1870-х гг.⁴⁰. Отмечено, таким образом, стадийное различие народности и национальности, которое было представлено в работах т.н. «шеллингианцев» 1830-х гг. — оно явно апеллирует к «народности» в этнографическом значении, воплощающей в себе «господство внешних форм». Иначе говоря, народность как совокупность примет этничности и национальность как обозначение самосознания общности фиксируют эволюцию народа.

Важно подчеркнуть, что и народность, и национальность в это время не выступали в качестве номинаций разного уровня, их первичная грамматическая форма диктовала семантическое

³³ Там же. С. 979.

³⁴ *Миллер А.И.* История понятия «нация» в России // Понятия о России. К исторической семантике имперского периода: В 2 т. М., 2012. Т. II. С. 34–41.

³⁵ *Ревякин А.В.* Указ. соч. С. 9.

³⁶ *Ауст М., Вульпиус Р., Миллер А.* Предисловие. Роль трансферов в формировании образа и функционировании Российской империи (1700–1917) // *Imperium inter pares*. С. 14–41.

³⁷ *Белинский В.Г.* Общий взгляд на народную поэзию и ее значение. Русская народная поэзия (1844) // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1951–1959. Т. V. М., 1954. С. 121–122.

³⁸ *Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт Древней Руси // Сочинения К.Д. Кавелина: В 4 т. СПб., 1897–1900. Т. 1. СПб., 1897. С. 62.

³⁹ Настольный словарь для справок. Т. 2. С. 979.

⁴⁰ Русский энциклопедический словарь / Под ред. И.Н. Березина: В 4-х отделах (16 т.). СПб., 1873–1879. Т. X. СПб., 1875. С. 589.

наполнение, связанное с качественными характеристиками. Другими словами, народ обладал народностью, нация — национальностью. Привычная для советского научного лексикона триада «племя, народность, нация» в предыдущем столетии не имела смысла, а воспринималась бы только в формуле «племя, народ, нация» и как синонимическая, а не стадийная последовательность.

В 1870–1880-е гг. происходит процесс постепенного отождествления «народности» и «национальности» в области определений этнокультурной отличительности общностей. Например, утверждалось, что национальность порождена общностью элементов, характеризующих народ, они закладывают одинаковость и наносят некий общий отпечаток на все лица, принадлежащие к нему. «Эти-то общие отличительные черты, по которым можно узнать, к какому народу принадлежит по своему происхождению известное лицо, и называются *типическими* или *национальными* признаками. Совокупность таковых типических признаков... отличающих один народ от другого, и дают ему как бы самостоятельное значение среди человечества и называется *национальностью*»⁴¹. В этом смысле народность и национальность по смыслу максимально приближаются к современному понятию «этничность».

Дефиниция национальности просматривается также в обсуждении т.н. «принципа национальности», появление которого связывают с именем французской писательницы Штаель и датируют 1810 г.⁴², а провозглашение его в качестве политического, но вполне достижимого идеала — относят к 1850-м гг. (лекция Паскуале Станислао Манчини «О начале национальности как основе права народов») и, на-

конец, о попытках его реализации говорят, упоминая, как правило, политику Наполеона III⁴³.

Так, в российском словаре 1865 г. о нем говорится, что это «введенный недавно в политику принцип, по которому каждый народ должен сам, без вмешательства других государств, вести свои государственные дела. Этот принцип был высказан еще до Наполеона III»⁴⁴. Словарь И.Н. Березина толкует его как «политическую теорию, которая считает политически-общими народы с одинаковым языком и происхождением», следствием чего является «стремление к единению» раздробленных больших народов (наций), а для групп, включенных в состав иноэтничных государств «по принуждению» — «стремление» к сохранению языка и нравов, а также к контактам со «своими братьями». В тексте статьи делается важная оговорка, обращающая нас к представлениям эпохи о меньшинствах: «к сохранению национальности могут стремиться только племена, а не какие-нибудь ничтожные обломки угасшей нации или ничтожные в отношении к общему населению *разветвления племен*»⁴⁵ (выделено мною. — М.А.). Таким образом, и здесь мы видим два принципиальных для «назначения» национальным меньшинством основания: количественный («ничтожный») и этнографически-классификационный («обломки» нации и «разветвления племен») критерии.

Следует подчеркнуть, что все словарные определения того времени давались в опоре друг на друга, что

⁴³ Ревякин А.В. Франция и «Весна народов» 1848 г.: «принцип национальности» в политике Луи Наполеона Бонапарта // Европейские революции 1848 г. С. 29–45.

⁴⁴ Михельсон А.Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М., 1865.

⁴⁵ Русский энциклопедический словарь. Т. X. С. 591.

⁴¹ Карманный словарь иностранных слов... С. 221.

⁴² Юрьев С.С. Указ. соч. С. 154.

зачастую заставляет современного исследователя, реконструирующего историческую семантику, «ходить по кругу» — «национальность» объясняется через «народ» или «нацию», «народность» — через «национальность» и наоборот и т.д.

Национальность как зрелая форма: кто фиксирует и определяет

Эволюцию интерпретации «национальности» можно метафорически представить через ряд высказываний. В 1832 г. И.В. Киреевский писал: «...у нас искать национального значит искать необразованного»⁴⁶, К.Н. Лебедев в 1840-е гг. высказывал убежденность, что «национальность — слово глубочайшего значения, слово нашего времени, которое все знают, все чувствуют, но которое можно только чувствовать, а не определить»⁴⁷. Двадцать лет спустя В.Д. Спасович оценивал получивший широкую поддержку в обществе «вопрос о праве каждой национальности на самобытное существование, на то, чтоб быть особью, быть известной краской в общей картине мироздания» (Ап. Григорьев)⁴⁸ критически: «...национальность есть понятие совершенно формальное, не имеющее никакого определенного содержания. Есть народные достоинства, и есть народные предрассудки и пороки. Ни об одном общественном явлении, к которому приклеен национальный ярлык, нельзя еще наперед сказать что оно: добро или зло, правда или кривда?.. Национальность меняется с каждым моментом времени, ненациональное сегодня

может сделаться весьма национальным завтра и наоборот»⁴⁹.

В такой формулировке национальное, как видим, не отождествляется с этнокультурным своеобразием, позволяющим взаимозаменять «народность» и «национальность». Полемицируя со взглядом на национальные интересы как *ценности* или *идеалы* существования народа / этноса, В.Д. Спасович, таким образом, оспаривает национальность не только как основание для права, но и как априори позитивное начало (т.е. в некотором смысле сближает его с оценочным толкованием нынешнего понятия «национализм»). Такой «внешний» характер национальности, ограничение ее сферой сиюминутных государственных интересов сопоставляет данное понятие не с самобытностью, а с ее политической формой. Национальность, по мнению Спасовича, не создала ни одного государства, хотя и имела важное значение в процессе их возникновения и упадка.

Автор приписывал национальности две важные черты: во-первых, она образуется «из скрещения рас и слияния разнообразных элементов», в результате возникает «химическое соединение, специфически отличное от всех, вошедших в состав его веществ». Во-вторых, «национальность есть продукт жизни государственной, а не наоборот»⁵⁰. Можно заметить, что для Спасовича национальность — синоним нации, он не различал их; использование и трактовка термина позволяют предположить, что «национальность» соответствует понятию «народности» как комплекса характерных черт и особенностей этноса на ином этапе развития, но никак — еще раз подчеркнем — не может рассматриваться как синоним этничности.

В.Д. Спасович затрудняется уста-

⁴⁶ Киреевский И.В. Деятельный век // Киреевский И.В. Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1861. Т. 1. С. 82.

⁴⁷ Слова К.Н. Лебедева. Цит. по: Миллюков П. Главные течения русской исторической мысли. М., 2006. С. 333.

⁴⁸ Цит. по: Лазарь де А. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. М., 2004. С. 90.

⁴⁹ Спасович В.Д. Вопрос о национальностях. Введение к новейшей истории Австрии (1866) // Спасович В.Д. Соч.: В 10 т. СПб., 1889–1902. Т. IV. СПб., 1891. С. 73.

⁵⁰ Там же. С. 74.

новить «параметры» национальности, однако на первый план выдвигает «чувство национальности» — т.е. ощущение собственной идентичности. Ссылаясь на Дж. Милля в вопросе о совокупности множества причин, порождающих это ощущение, он отвергал такие приметы национальности, как вера, законы, наука, искусство и даже нравы и язык, однако разделял убежденность в том, что «сильнейшей из порождающих причин» является «общность... прошедшего, обладание национальной историей», «общность воспоминаний»⁵¹. В сущности, речь шла о роли современного концепта национальной памяти в формировании идентичности и ее воздействии на механизм воспроизводства этничности в широком значении.

Полагая, что национальное чувство является общим для представителей всех сословий и слоев общества, а нравы демонстрируют социальное, а не этническое своеобразие и потому универсальны, Спасович предлагал при определении национальности руководствоваться исключительно самоопределением индивида или группы. Иначе говоря, речь шла об этнонациональной самоидентификации каждого отдельного человека: «...для классификации людей по национальностям надлежало бы допросить поголовно всякого, к какой национальности по совести желает он быть причислен»⁵². Хотя данный способ не казался ему универсальным, поскольку, как он полагал, у многих ответ на такой вопрос может вызвать вполне обоснованные затруднения.

Наряду со Спасовичем, главным критерием народности считал самоидентификацию и А.Д. Градовский⁵³. Следует подчеркнуть, что понимание Спасовичем и Градовским (хотя он писал не-

сколько позже) «национальности» не как выражения объективно присущих признаков, а прежде всего самоопределения, можно считать исключительным для того времени — на фоне преобладания убежденности в единственно объективной, т.е. установленной визуально и с помощью антропологических параметров, — идентификации индивида и этноса.

Рассуждения В.Д. Спасовича о «теории национальности», базирующейся на национальном чувстве и эмоциях единения, приводят к предположению о том, что значения этих понятий близки значению современного термина «национализм»⁵⁴. Истоки его он видит в протесте против «индифферентизма», в привязанности к «историческим преданиям» и в «инстинкте оригинальности»⁵⁵. Следует подчеркнуть, что для Спасовича в основе причисления себя к нации (национальной идентификации) лежало именно *чувство, ощущение* единения и причастности, а не *самосознание*.

Такую трактовку можно расценивать как проявление новой и важной тенденции в разработке лексикона «национального» — поскольку именно к этому периоду в активное употребление входит словосочетание «национальный вопрос». Его значения и теоретические рассуждения во многом определялись видением национального как такового. К концу столетия негативные — т.е. сепаратистские с точки зрения официального дискурса — коннотации появляются именно в связи с распространением идеи, которую одним из первых обосновал В.Д. Спасович. Н.И. Кареев в статье 1901 г. указывал, что полемика по этому вопросу не утихает по причине неопределенности

⁵¹ Там же. С. 74–75.

⁵² Там же. С. 75.

⁵³ *Градовский А.Д.* Введение. Постановка национального вопроса по отношению его к политике // *Градовский А.Д.* Национальный вопрос в истории и литературе. М., 1873.

⁵⁴ В самом общем его значении, явно не включающем никаких оценочных суждений. *Коротеева В.В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999. С. 9–11.

⁵⁵ *Спасович В.Д.* Вопрос о национальности. С. 77–80.

и противоречивости трактовок понятия национального: «Многие... погрешают... в понимании национального, смешивая понятия культурной и политической национальности»⁵⁶.

Такая дифференциация важна в свете объяснения, предпринятого современником Спасовича — В.С. Соловьевым в контексте той же полемики о национальности как основании политического (иногда и в синтезе с цивилизационными элементами) права. Интересно, как в качестве одного из аргументов в ходе доказательства различий между национальным самосознанием и «самодовольством» В.С. Соловьев прибегает к интерпретации первого термина. Он апеллирует к значению слова в русском языке (языке народа): «по духу русского языка слово *сознание* связано с мыслью об отрицательном отношении к себе, о самоосуждении. Активного глагола *сознавать* вовсе нет в народной русской речи, а есть только возвратный *сознаваться*... сознаются люди в своих недостатках, грехах и преступлениях...», приписывая ему «нравственный смысл»⁵⁷. Распространенному смыслу слова «сознание» он противопоставляет понимание «сознания» в формально-психологической, отвлеченной философии — как «общую способность рефлексии субъекта на самого себя безразлично к нравственным мотивам такого обращения», из чего делает вывод, что и критики, и защитники отечества в этом отношении в равной мере являются выразителями национального самосознания, что он полагает неверным.

В.С. Соловьев, употребляя понятия «народность» и «национальность», в работе 1884 г. рассматривал первое как идею, «внутреннюю сущность» народа⁵⁸. Народ в понимании Соловье-

ва — не только «сумма отдельных лиц», обладающих народной нравственностью⁵⁹. Разбирая крайние формы выражения национализма в его негативном значении (притязания на культурную миссию, присущие историческим народам, присвоение права «насиловать чужие народности во имя своего высшего призвания»), он различал национальность и национализм как естественное, плодотворное начало и крайние формы национального эгоизма. И в этом отношении «народность» и «национальность» для него выступают как синонимы: «Народность, или национальность, есть положительная сила, и каждый народ по особому характеру своему назначен для особого служения»⁶⁰. Народность у Соловьева является качественной характеристикой народа, причем в его значении нации (как надсословной общности).

Интересно, однако, обратить внимание на представление об «идее народности» именно в контексте формирования представлений о национальности, когда «народность» неизбежно обретала политические коннотации. А.Ф. Гильфердинг пришел к выводу, что все литературы западнославянских народов имеют общий характер, заключающийся в идее народности («народность есть их общий девиз») ⁶¹. «Что такое народность и как ее понимают западные славяне? Это есть право каждого племени на свое индивидуальное существование, право быть самим собою, т.е. говорить и писать на своем языке, сохранять свои предания и быть управляемым как особое племя»⁶².

Казалось бы, данное определение не отличается оригинальностью, если не считать введение такого фактора как

⁵⁶ *Кареев Н.И.* Идеалы общего образования. СПб., 1901. С. 82.

⁵⁷ *Соловьев В.С.* Национальный вопрос в России. Вып. 1–2 // Соловьев В.С. Собр. соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 593.

⁵⁸ Там же. С. 266.

⁵⁹ Там же. С. 267.

⁶⁰ Там же. С. 269.

⁶¹ *Гильфердинг А.* Развитие народности у западных славян // *Гильфердинг А.* Собр. соч.: В 4 т. СПб., 1868–1874. Т. 2. СПб., 1868. С. 84.

⁶² Там же.

независимое политическое существование, что заставляет прочитывать народность в данном контексте не как «этнографическое состояние», а как признак национальной зрелости (по аналогии с предшествующими трактовками). И в этом значении идеей «народности» у Гильфердинга, в сущности, определяется стремление «национального меньшинства» к самоопределению — в том числе политическому и правовому. Понимание А.Ф. Гильфердингом народности свидетельствует о появлении важной тенденции: размышления о стадиях развития народности на этапе ее национального развития демонстрируют наличие пока еще не вербализованного критерия классификации, связанного с государственностью.

В заметках о польском вопросе Гильфердинг дает конкретное и почти дефинитивное описание национально-меньшинства в его современном понимании: «малый и слабый народ подвластен большому и сильному»⁶³, однако далее раскрывает особенность социальной противоречивости понятия «малый»: «но этот малый и слабый народ заключает в себе непомерно многочисленный высший класс... с притязаниями на звание и права людей образованных и благородных, — и ему приходится повиноваться России, стоящей перед поляком не иначе как в образе мужика и солдата»⁶⁴. Этой причиной автор объясняет крайнюю остроту польско-русских отношений в сравнении с польским восприятием австрийского и прусского «владычества»: «немец в глазах поляка такой же господин, как поляк, а не плебей, господин другой породы, а не младший, недавно казавшийся бесталанным и ничтожным»⁶⁵. Перед нами, таким образом — мозаика социально-культурных иерархий и порождаемых ими национальных проблем.

В.Д. Спасович в связи с полемикой о «польском вопросе» писал о народности так: «Народность в каждом отдельном лице вмещает в себе два элемента: пассивный и активный. Пассивный состоит в известных привычках мысли, чувства и воли, которые присущи человеку вследствие воспитания, хотя бы он был отступником, и проявляется невольно в том, что мысль все-таки отливается в родные слова... Активный элемент в народности заключается в возлюблении народных идеалов, в проникновении себя этими идеалами до того, что человек готов ими жертвовать... Привычки сохраняет даже изменник... но патриотом не может быть человек без народных привычек, в особенности без привычек родного языка»⁶⁶.

Активная, т.е. истинная народность осмыслялась Спасовичем как сознательный патриотизм, что позволяет предполагать, что «пассивная национальность» связывается им с народностью / этничностью, а активная — со стадией национальной. Он видел в народности не врожденные свойства, а социально формируемые качества (привычки, воспитание), разделяя, таким образом, внешнюю (объективную) и внутреннюю (субъективную) идентификации. Согласно этой логике, если человек не осознает — т.е. не признает — своей принадлежности к определенному народу, даже если по «объективным признакам» (язык) она не вызывает сомнений, и не стремится защищать интересы своей группы, то говорить о его «народности» как отдельного индивида нельзя.

Таким образом, интерпретация Спасовича оказывается еще одним звеном в новом осмыслении народности как эт-

⁶³ Гильфердинг А. Польский вопрос // Там же. С. 335.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Спасович В.Д. Польские фантазии на славянофильскую тему. Польша и Россия в 1872 году, сочинение бывшего члена Государственного Совета Царства Польского // Спасович В.Д. Соч.: В 10 т. СПб., 1889–1902. Т. IV. СПб., 1891. С. 265.

ничности в понимании, близком к современному — т.е. в обязательности введения критерия самосознания: его интересует самоопределение индивида, его осознание себя причастным к народности. Однако, с другой стороны, акцент на самоощущении или самосознании народа в той или иной степени порождает важные вопросы: при отсутствии национального государства (т.е. когда реализация политического «принципа национальности» еще невозможна) кто является его выразителем: собственная социальная элита, образованная часть народа / этноса периода модернизации, весь народ в целом? Или же в этом случае важна «воля» внешнего субъекта — например, государства-империи, определяющего степень «зрелости» сознания инструментами внешней идентификации, как это происходило в этнографической науке?

Упомяну всего лишь один пример сугубо правового толкования этих понятий в 1880-е гг. В.П. Даневский отождествлял национальность с «коллективной личностью», «независимым политическим телом», а нацию рассматривал как совокупность известных признаков: территориальной общности, близости материальной и духовной культуры, языка, «обычаев и нравов» и «сознания национальности»⁶⁷. Это подтверждает косвенным образом содержательное тождество лексем «национальность» и «народность» (в ее этнографическом, надеждинском, значении «этничности»). Главным отличием данной признаковой дефиниции от общепринятой оказывается сформировавшееся стремление отстаивать свои коллективные интересы («активный элемент народности», как писал об этом Спасович) — «свободно и энергич-

но преследующие общие цели деятельности в организованном социальном сожитии»⁶⁸. При этом «принцип национальности», однако, Даневский распространял не только на европейские христианские народы, как это было принято ранее, а полагал его универсальным, предсказав, что если общность обладает всеми признаками нации, то она имеет *право* на «независимое политическое бытие»⁶⁹.

Для А.Д. Градовского, как и для В.П. Даневского и других современников, «национальность» и «народность» — уже однозначно синонимы, хотя Градовский предостерегал от отождествления «простых физических, физиологических элементов» с «народностью», так как она «не есть племя»⁷⁰. Народность описывается как «некоторая собирательная личность, отличающаяся от других особенностями характера, своих нравственных и умственных способностей»⁷¹.

Процесс возникновения народности, согласно Градовскому, — процесс стихийный, он зависит от условий среды и социально-экономических особенностей. Эти естественно-исторические основания народности даны условиями внешнего мира и природы человека⁷².

Ученый разделял естественную и государственную народности, в сущности отождествляя вторую с нацией: если первая — это масса людей, соединенная общностью языка, религии, территории, может и иметь государства, то «государственная народность может

⁶⁸ Там же. С. 296.

⁶⁹ Там же. С. 297.

⁷⁰ Там же. С. 19, 21.

⁷¹ *Градовский А.Д.* Введение. Постановка национального вопроса по его отношению к политике // Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и литературе (1873). М., 2009. С. 27–28.

⁷² *Градовский А.Д.* Современные воззрения на государство и национальность // Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и в литературе. С. 68.

⁶⁷ *Даневский В.П.* Системы политического равновесия и легитимизма и начало национальности в их взаимной связи. Историко-догматическое исследование. СПб., 1882. С. 270–297.

составляться из разных этнологических элементов и быть все-таки народностью». Это дает основание утверждать, что А.Д. Градовский употреблял термин «народность», во-первых, как синоним слова «этническая группа» и «национальность» и, во-вторых, в качестве номинации общности — т.е. в значении «народ» / «нация».

Как и его предшественники 1840–1850-х гг., Градовский считал, что разнообразие национальных особенностей есть коренное условие правильного хода общечеловеческой цивилизации. Каждая народность должна дать человечеству то, что скрыто в силах ее духовно-нравственной природы⁷³, лишение человечества его разнообразных органов — лишение его «возможности проявления богатства содержания человеческого духа»⁷⁴ (это почти дословная цитата Белинского). Однако, в отличие от Белинского, исследователь более категорично подчеркивал, что народность — именование культурно-исторического, а не только патриархально-племенного объединения людей, говорящих на одном языке и признающих общность происхождения (это — лишь «зародыш народности»), и потому народность в отличие от племени обладает «сильной степенью народного самосознания»⁷⁵. Именно такое, хотя и в самом общем виде, введение категории самоидентификации в качестве признака «зрелости» народа (народности), дающего право на борьбу за национальную независимость, отличает Градовского не только от мыслителей 1840–1850-х гг., но и от современных ему коллег-историков.

Сетуюя на то, что для публицистов и юристов, в отличие от «политиков», «учение о народности не играет поч-

ти никакой роли»⁷⁶, автор объяснял это игнорирование тем, что государства в истории в большинстве случаев составлялись в ущерб интересам народности; главными субъектами права были социальные группы. Он считал правоммерным и «естественным» право народностей на создание независимого государства — в случае «зрелости» его формы. Отсюда право народности на самостоятельное развитие — это естественное право, которое реализуется важным внешним условием — политической независимостью народа, обладанием им национальной верховной властью⁷⁷. Поэтому народность для него есть нормальное естественное основание государства, и именно по этой причине она имеет право на независимое существование и развитие, на образование «особой политической единицы». Истинная цель народности для него — политическая, т.е. достижение ею независимости. Отсюда его трактовка «национального вопроса» как вопроса политического, в основе которого лежат «условия культурного развития каждого народа»⁷⁸.

Широкое распространение термина «национальность» — на начальной стадии соотносимого, но отождествляемого с «народностью» лишь в некоторых аспектах, приводит к тому, что он начинает восприниматься и в качестве наименования общности, классификационной единицы (т.е. в современном значении). Общность, обладающая самосознанием, признаками зрелости, претендующая на самоопределение или независимость, трактуется как «национальность», что приводит к постепенному «вымыванию» значения «народности», так или иначе функционирующего в ней. Это, в свою очередь, формирует новое словоупотребление, получившее наиболее явственное воплощение уже в конце столетия: понятия

⁷³ Градовский А.Д. Введение. С. 27, 28.

⁷⁴ Градовский А.Д. Возрождение Германии и Фихте старший // Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и в литературе. С. 143.

⁷⁵ Градовский А.Д. Введение. С. 36.

⁷⁶ Там же. С. 20.

⁷⁷ Там же. С. 27–30.

⁷⁸ Там же. С. 27.

«народность» (в меньшей степени) и «национальность» (чаще) используются как номинации этнокультурных или национальных общностей, но в этом случае лексемы «нация» и «национальность» теряют свои отличительные нюансы, сближаясь по содержанию.

Использование в качестве понятий одного ряда слов «народность» / «национальность» и «народ / нация» действительно имело место в русской культуре указанного периода. Обращает на себя внимание особенность функционирования данной синонимии: в большинстве случаев она связана с рассуждениями о т.н. «национальном вопросе» — т.е. о государственно-правовом статусе этнических групп (народов или национальностей), не имеющих или утративших политическую независимость.

Однако прежде чем перейти к содержанию понятия «национальный вопрос», необходимо кратко обозначить важные принципы классификации и иерархизации народов Российской империи, оказавшие самое непосредственное воздействие на его интерпретацию.

Принципы этнической классификации: как выявлять и упорядочивать элементы

Инородцы

Классификация племен и народов Российской империи, складывавшаяся на протяжении XVIII–XIX вв., имела собственную «русскую» этнографическую специфику. Главным критерием создания этнографических таксономий оставался, как и прежде, язык. Лингвистическая иерархия и точный состав отдельных групп на протяжении XIX в. претерпевал изменения, однако для массового сознания гораздо более понятным и привычным оставалась категоризация, связанная с понятием «инородцы». Как известно, оно бытовало в русском языке в двух значениях: правовом и фискальном⁷⁹, позже — этнографическом и обыденном.

Первое было связано с выделением их в отдельную категорию подданных империи — с особым правовым положением и методом управления (бродячие, оседлые, кочевые). Эта юридическая разновидность инородцев монгольского, тюркского и финского происхождения в законе детализировалась и перечислялась (в частности, среди них упоминались евреи).

Иной смысл вкладывался в понятие «инородцы» вне узко-правового поля — так именовались все неславянские народы Империи (славянских по переписи 1897 г. было 73%, как следствие остальные 27% — инородческие). В нормативно-этнографическом смысле оно фиксируется впервые при создании первой этнографической карты Европейской России (1851)⁸⁰. В языке значение слова «инородцы» соотносилось с принадлежностью к другому (т.е. отличному от «своего») роду, племени⁸¹, т.е. определяло всех «иных» в целом, без дифференциации степени «чуждости».

Перечень этносов, именуемых «инородцами», никогда формально зафиксирован не был, потому его можно трактовать как довольно спорный⁸².

ные народы» в российской политике, законодательстве и праве. Текст доступен по адресу: <http://www.prof.msu.ru/publ/book3/sok.htm>

⁸⁰ *Кеттен П.* Этнографическая карта Европейской России. СПб., 1851.

⁸¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.–М., 1880–1882. Т. 2. М.–СПб., 1881. С. 46.

⁸² *Slocum J.W.* Who, and When, Were Inorodtsy. The Evolution of the Category of «Aliens» in Imperial Russia // *The Russian Review.* 1998. Т. 57. № 2. Р. 173–190; *Кэмбэлл Е.И.* (*Воробьева*). «Единая и неделимая Россия» и «инородческий вопрос» в имперской политике самодержавия // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности.* М., 2001. С. 204–216; *Соколовский С.В.* *Образы Других в российской науке, политике и праве.* М., 2001; *Бобровников В.О.* Что

Народы Российской империи на Первой этнографической выставке 1867 г. также подразделялись прежде всего на славянские и инородческие⁸³. В Словаре Брокгауза и Ефрона понятие «инородцы» толковалось как «название» «всех русских подданных неславянского племени», а в более узком смысле трактовалось как один из податных разрядов и как субъект законодательства, находящийся на «особом положении» (к этому виду инородцев относили этносы главным образом «тюркские», «финские» и «монгольские»)⁸⁴. Инородцы различались по регионам или языкам (восточные, тюркские, крымские или «русские» и «сибирские»), а также по статусу («мелкие и некультурные» и «значительные и влиятельные»)⁸⁵.

Некоторые исследователи полагают, что в подобной дуальной классификации скрыты этноцентрические⁸⁶ и даже националистические предубеждения. Но такое различие до определенного момента носило нейтрально-классификационный характер, пейоративное значение ему стало приписываться только в самом конце XIX в., особенно интенсивно — после первой русской революции. В этнографических

очерках определение «инородцы» не соотносится с оценочным подтекстом и не обладает негативными коннотациями. Хотя очевидно, что введение в литературный язык и официальную терминологию подобного наименования Других несет идею о нациеобразующем народе, во-первых, и позволяет прояснить водораздел между этническими «своими» и «чужими» группами, во-вторых. Доминирующим — в статистическом и культурном отношении — оказывается славянское племя. Но, подчеркнем, в этом контексте его этнический состав вовсе не однозначно отождествляется с великорусами.

Позиция языка, наречия и говора как обоснование статуса народа

Гораздо больший простор для складывания представлений о доминантных и недоминантных группах дает, казалось бы, абсолютно нейтральная — языковая — классификация народов. Однако она является важнейшим средством формирования стандартов кодифицированного языка, также играющего важную роль в легитимации статусных групп и авторитетов⁸⁷. Наиболее ярким примером последствий лингвистической таксономии является полемика о статусе малороссийского языка или наречия⁸⁸.

Самый главный предмет дискуссии — вопрос о соотношении малороссийского языка / наречия и русского языка / великорусского наречия⁸⁹. Но-

вышло из создания в России инородцев? (Ответ Джону Слоуму из мусульманских окраин империи) // Понятия о России: В 2 т. Т. 2. М., 2012. С. 259–291.

⁸³ Всероссийская этнографическая выставка, устроенная Императорским обществом любителей естествознания, состоящим при Московском университете в 1867 году. М., 1867.

⁸⁴ Инородцы // Русский энциклопедический словарь. Т. VII. СПб., 1877. С. 419–420; Инородцы // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона: В XLI т. (82 полт.) / Под ред. Е.И. Андреевского. СПб., 1890–1907. Т. XIII (п/т. 25). СПб., 1894. С. 224–225.

⁸⁵ Сидоров А.А. Инородческий вопрос и идея федерализации в России. СПб., 1912. С. 4.

⁸⁶ Соколовский С.В. Категория «коренные народы».

⁸⁷ Бурдые П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. 2005. № 2.

⁸⁸ Подробнее об этом см.: Александровский И.С., Лескинен М.В. Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе малороссийского языка в российской литературной и научной публицистике XIX в. // Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. С. 172–243.

⁸⁹ Необходимо отметить, что борьба за признание за тем или иным языком / наре-

минация «наречие» указывала на диалектность, или, точнее, региональность малороссийского языка в его отношении к общерусскому литературному национальному языку, а претензия его на статус самостоятельного славянского языка — равнозначного чешскому, польскому или русскому — вызывала несогласие ряда русских исследователей. Основанием для этого служили три группы аргументов: а) история происхождения малороссийского и великороссийского племен и их речевого своеобразия; б) потенциальные возможности создания литературного «полноценного» языка на основании малороссийского наречия (подобно тому как русский литературный был создан на базе великорусского наречия); в) терминологическая упорядоченность языка описания и классификации самой лингвистической науки.

К теоретическим вопросам классификации «языковой действительности» обращались прежде всего те, кто занимался кодификацией языка — в частности составители словарей. Новаторскими считаются принципы, положенные В.И. Далем в основу создания «Толкового словаря живого великорусского языка» (1862). Еще в статье 1852 г. Даль указывал на трудность разграничения понятий; наречием он называл а) «язык не довольно самостоятельный, и притом столь близкий к другому, что, не нуждаясь ни в своей особен-

ной грамматике, ниже в словаре, может быть хорошо понимаем теми, кто знает первый»; б) наречием «более в политическом смысле» он именовал «областной, местный говор небольшой страны»; а также считал наречием в) язык «местный, искаженный, как полагают, отшатнувшийся от коренного языка»⁹⁰. Однако главным критерием отличия наречий и говоров от языка стало для Даля отклонение от литературной нормы: «язык, которым говорит большинство, а тем более сословие образованное, язык письменный, принимается за образцовый, а все уклонения его — за наречия»⁹¹. Даже в этом противоречивом определении наречия можно уловить главное: наречие и язык в лингвистической иерархии стоят на двух разных уровнях — причем как в синхронии, так и в диахронии.

Впрочем, В.И. Даль отдавал себе отчет в том, что «господство одного наречия над другим» случайно и довольно условно и объясняется чаще всего политическими обстоятельствами⁹². Можно согласиться с исследователями, усматривающими во взглядах Даля быть может неосознанное, но отчетливое стремление «гомогенизировать» сложную лингвистическую реальность»⁹³.

Своеобразным итогом дискуссий XIX в. о происхождении и статусе малороссийского языка можно считать ряд статей в энциклопедии Брокгауза и Ефрона — «малорусское наречие», «великоруссы», «малоруссы» и «рус-

чием права считаться национальным языком — непрменный компонент процесса формирования национальной идеологии народов в условиях отсутствия собственной государственности в XVIII–XIX вв. (в частности славянских): Мильников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. XVIII–XIX вв. СПб., 1997. С. 80–113. На сербском примере это детально показано в: Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии. Механизмы формирования и специфика развития. Конец XVIII — середина 30-х гг. XIX века. СПб., 2007. Гл. 1.4; 3.3.

⁹⁰ Даль В.И. О наречиях русского языка. По поводу опыта областного великорусского словаря, изданного вторым отделением Императорской Академии наук // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.–М., 1880–1882. Т. 1. СПб.–М., 1880. С. XLVIII.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

⁹³ Vitalich K. Dictionary as Empire: Vladimir Dal's Interpretative Dictionary of the Living Great Russian language // Ab Imperio. 2007. № 2. P. 153–178.

ский язык». В первой⁹⁴ рассмотрены различные варианты интерпретации лингвистического статуса: наречием следует именовать «разновидности более нового происхождения» и «малорусский говор есть наречие». Разница между наречием и языком, по мнению автора, связана лишь с древностью отличительных признаков — «возрастом языковой разновидности». «До известного возраста языковая разновидность носит название наречия, а после него — языка», поэтому малороссийское наречие имеет полную возможность сделаться со временем языком. Но на современном этапе подобные предпосылки еще не созрели.

Иначе говоря, малороссийскому наречию отказано в «полноте» признаков языка⁹⁵, в его «зрелости». Разбор исторических аргументов каждой из сторон отражен в статье Д.Н. Анучина о великорусах⁹⁶, который можно считать научным итогом истории малорусского языка /наречия позапрошлого века. Он признавал, что «малорусский язык есть, несомненно, самостоятельное наречие русского языка, сохранившее в себе даже некоторые большие признаки древности, чем великорусское и, во всяком случае, ему равноправное».

Следует подчеркнуть, что лингвисты XIX в., начиная с В.И. Даля (как и их коллеги этнографы и антропологи), осознавали условность категорий, с помощью которых выделяются элементы и уровни языка: эти «рубрики» — т.е. классификационные единицы, именуются «в действительности чистыми абстракциями»⁹⁷. Позитивистскую аб-

солютизацию научно-эволюционных схем в различных областях науки разобрал И. Бодуэн де Куртенэ. В статье «Язык и языки» в Энциклопедии, вышедшей в 1907 г., он подчеркивал искусственность лингвистических классификационных понятий — в частности такого как «национальный язык», он считал его «фикцией», не имеющей опоры в реальной действительности, частью научного инструментария. «Язык племенной и национальный, — писал он, — является чистой отвлеченностью, обобщающей конструкцией, созданной из целого ряда реально существующих индивидуальных языков. Такой племенной и национальный язык состоит из суммы ассоциаций языковых представлений с представлениями внеязыковыми — ассоциаций, свойственных индивидуам и, в отвлеченном, абстрактном смысле, в виде *среднего вывода*, также народам и племенам»⁹⁸. Национальный литературный язык в этом смысле есть конструкт, «освященный обычаем и “невольным соглашением” всех членов данного языкового общества» с приписанными ему идеальными нормами, объединяющими предписаниями и правилами. С его точки зрения реальны только индивидуальные языки⁹⁹. Однако, подчеркну, такое понимание условности классификаций можно считать исключительным и вовсе нетипичным для науки даже начала XX в.

Необходимо упомянуть еще одно важное обстоятельство, связанное с языком: в конце XIX в. он оставался главным критерием определения национальной (точнее, этнической) принадлежности индивида и группы — хотя способ его установления (внешним наблюдателем или по самоопределению) менялся на протяжении второй половины столетия. Последствия такого понимания оказали влияние на итоги

⁹⁴ Малорусское наречие // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Т. IXa (п/т 18). СПб., 1899. С. 485–487 (автор — С.К. Булич).

⁹⁵ Там же. С. 486.

⁹⁶ Великоруссы // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Т. Va (п/т. 10). СПб., 1892. С. 828–843 (автор — Анучин Д.).

⁹⁷ Наречие // Там же. Т. XXa (п/т 40).

СПб., 1897 (автор — С. Б-ч). С. 611–613.

⁹⁸ Язык и языки // Там же. Т. XLI (п/т. 81). СПб., 1904 (автор — И. Б. де К.). С. 529–548.

⁹⁹ Там же.

Первой всероссийской переписи населения 1897 г., в вопроснике которой не было пункта о «народности» (т.е. этнической принадлежности), его заменял вопрос о «родном языке» (что касается русских, то в переписи были представлены все три его «наречия»: великорусское, малорусское и белорусское). «Народность», в сущности, отождествлялась с «природным языком» (вероятно, языком по рождению). Это весьма значимое смещение акцентов имело как свои идеологические обоснования, так и серьезные последствия, которые порождают противоречивые оценки результатов, во многом обоснованные. Однако и в этом случае «господствующим этносом» выступали русские (в восточнославянском триединстве и великорусы). Д.И. Менделеев писал, что «государственное единство прежде и больше всего определяется господствующей народностью, которая выражается яснее всего в принадлежащем ей языке»¹⁰⁰, и что «во всех отношениях преобладание принадлежит у нас славянскому отпрыску индогерманских языков»¹⁰¹.

Неформальные классификации

В учебниках и научно-популярной литературе 1880–1900-х гг. доминировали, однако, более простые и понятные цивилизационные классификации — дихотомического характера, сводящего разнообразие народов к простой схеме «мы / они». К цивилизованным относили земледельческие народы, исповедующие христианство и обладающие национальной письменностью: «культура и образованность всегда развивались среди народов земледельческих»¹⁰², так же, как

и прогресс человечества совершался только у них¹⁰³. Чтобы считаться цивилизованным, народ должен был обладать определенной степенью «умственного развития». Поскольку «религия, монархия и просвещение» объявлялись духовным преимуществом европейцев перед другими народами¹⁰⁴, то наличие этих трех признаков означало принадлежность народа-этнуса к европейской цивилизации.

Оценочные дихотомии цивилизованные / нецивилизованные, просвещенные / непросвещенные, исторические / неисторические, культурные / некультурные в определении «состояния развитости» общности — группы, племени, народа, нации формировались начиная с эпохи Просвещения, с появлением новых теорий прогресса и государства в романтизме и позитивизме дополняясь новыми критериями «стадиальности», не всегда, однако, отменяя прежние типологии иерархий. Так, исторические народы могли быть «избираемы» только из цивилизованных, так как государство мыслилась как важная категория развитости общественного устройства. Согласно этому официально не признанному делению, такие западные народы Империи как поляки, немцы и шведы трактовались как цивилизованные и исторические, они же и финны — как цивилизованные и просвещенные, восточнославянские самокритично объявлялись непросвещенными, но историческими. Путаницу вносила и европоцентрическая тенденция соотнесения только христианской цивилизации с просвещением и прогрессом.

Дихотомия культурные / некультурные народы в российской этнографии

¹⁰⁰ Менделеев Д.И. Важнейшие числа, относящиеся ко всей России и к ее частям по переписи 1897 г. // Менделеев Д.И. К познанию России. М., 2009. С. 67.

¹⁰¹ Там же. С. 65.

¹⁰² Коротчевский Д.А. Первые уроки этнографии. С. 6.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Природа и люди. Курс географии, содержащей описание частей света в физическом, этнографическом и политическом отношениях: В 2-х вып. СПб., 1868–1869 / Сост. и изд. А. Павловский. Вып. 1. Европа. СПб., 1868. С. 10.

получила идеологическую корректировку культурные / природные (дикие) народы, чтобы обозначить разделение «производящего» типа культуры от «присваивающего» (данные определения, правда, появляются только в XX в.): жизнь первых определяет свобода человека от природы, существование вторых — зависимость от нее.

Так или иначе, русские народы и их западные соседи в историческом отношении объявлялись стоящими на более высокой ступени прогресса, нежели народы языческие, азиатские, непрогрессивные и неисторические. Поляки и финны в такой виртуальной иерархии занимали промежуточное место — ибо первые утратили государственность, а вторые не создали собственную — т.е. национальную. А.Н. Пыпин, например, оспаривая такое категорическое соотношение, утверждал, что государственность не может считаться единственным критерием исторической «успешности» и «полноценности» хотя бы потому, что она может быть «неподвижной», «застывать» в прежней форме на несколько веков (как Османское или Московское), а может динамично подстраиваться к новым условиям (европейские державы)¹⁰⁵.

Весьма употребительными были культурно-цивилизационные типологии народов, также восходящие еще к эпохе Просвещения: это т.н. ментальная география, маркирующая пространства в соответствии с «состоянием» обычаев и нравов их жителей (северные / южные народы или западные / восточные), в которых вторые, в соответствии с принципами европоцентризма, рассматривались как более медленно «проходящие» универсальную линию прогресса человечества — в том числе и по причине климата и национального темперамента. Не потеряла актуальности и излюбленная романтиками метафора

«возраста народов»: им приписывались свойства юности или зрелости в зависимости от достижений государство-строительства и культуры. К «старым» относили западноевропейские государства со сложившимися традициями государственности и «развитыми» в правовом отношении элитами, к молодым — те, которые не имели государства («крестьянские нации»).

Наиболее заметный вклад в реконструкцию не формальной, а ментальной этнической иерархии народов Российской империи внес современный исследователь А. Каппелер. Он смоделировал три разновидности данной иерархии, критериями которых являются: 1) политическая лояльность, 2) сословно-социальные и 3) культурные факторы¹⁰⁶. Все они влияют друг на друга и видоизменяются со временем. «Лояльность по отношению к государю и правящей династии была необходимым условием союза с элитами», поскольку обе иерархии были связаны друг с другом¹⁰⁷. Высокоразвитыми, как он полагает, считались народы с собственной аристократией.

Намного более сложным оказывается процесс определения места в третьей из предложенных А. Каппелером иерархий — выстраиваемой по культурным критериям¹⁰⁸. Именно она, по его мнению, определяла соотношение конфессий, этносов и языков. Исследователь описывает ее через метафору системы концентрических кругов вокруг национального центра — русских как православных славян; на периферических окружностях помещались наи-

¹⁰⁶ Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 125–144.

¹⁰⁷ Там же. С. 127.

¹⁰⁸ Попытка использовать данную модель для определения места финнов и поляков в иерархии народов Российской империи осуществлена в: Лескинен М.В. Поляки и финны. Часть II.

¹⁰⁵ Пыпин А.Н. История русской этнографии: В 4 т. СПб., 1890–1892. Т. 1. СПб., 1890. С. 8.

более «чуждые» в конфессиональном отношении народы (нехристианские инородцы), ближе к центру — православные неславяне. Культурная иерархия определялась по степени инаковости и чужеродности по отношению к русскому «ядру». В этой классификации было задействовано несколько критериев: юридическое разделение, вероисповедание, племенная принадлежность¹⁰⁹.

Такое этнокультурное распределение статусов нашло выражение и в визуальных репрезентациях народов Империи — например, в музейных экспозициях, в организации научных и художественно-промышленных выставок, на этнографических и даже игральных картах и т.п. Они нашли выражение и в других важных инструментах конструирования этничности — таких как переписи населения¹¹⁰. Так в центре неформальной (виртуальной) иерархии народов Империи оказывается этнонациональное «ядро» государства-нации — православные восточнославянские этносы, т.е. русские.

Иерархии народов и национальная политика: что первично

Интерпретация понятий, связанных с описанием и внешней идентификацией отдельных «элементов» этнографической таксономической си-

стемы (таких как народ, нация, народность, «национальность»), оказала непосредственное воздействие на механизмы вычленения и способы объяснения проблемы этнических групп в Российской империи XIX в. И научные, и архаические, и ментальные классификации в той или иной степени формировали иерархию народов, в основе которой лежали идеи стадийности развития, концепция прогресса и естественный этноцентризм. И в самом общем виде можно говорить о том, что народы западных окраин («политические», как их именовали в начале XX в.)¹¹¹ рассматривались как стоящие на более высокой ступени развития, чем восточные (южные). Этнокультурным центром, «ядром» Империи был русский народ.

Такая «карта», однако, диктовала противоречия не только в отношении границ близкородственных в антропологическом отношении групп (таких, например, как великорусы, малорусы и белорусы), но и в понимании «национальных вопросов» в том их виде, в каком их рассматривала эпоха. Истоки путаницы и неясностей следует искать в той же области — в терминологической полисемии, многозначности, порожденных нюансами и традициями словоупотребления в различных дискурсах (политическом, историческом, лингвистическом, публицистическом, научно-популярном и т.п.).

Рассмотренные выше разновидности типологизаций и, как следствие, иерархизации народов Российской империи определили крайне неоднородный характер трактовки «национальной политики». Термином «национальная политика» принято ныне обозначать совокупность законодательных, административных и идеологических методов и средств государства, направленных на решение т.н. «национальных противоречий» в рамках внутренней полити-

¹⁰⁹ *Каттелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы. С. 131–133.

¹¹⁰ *Соколовский С.В.* Этнография как жанр и как власть // *Этнометодология: проблемы, подходы, концепции.* Вып. 2. М., 1995. С. 133–147; *Он же.* О неуютности автаркии, национализме и постсоветской идентичности // Там же; *Стейнведел Ч.* Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума: идентификация по сословию, вероисповеданию и национальности в конце имперского периода в России // *Российская империя в зарубежной историографии.* Работы последних лет. М., 2005. С. 610–633.

¹¹¹ *Лесгафт Э.* Отечествоведение. Курс среднеучебных заведений. СПб., 1907. С. 5–6, 16–17.

ки. Этим же понятием принято именовать определенную линию взаимоотношений, поддержки и противодействия различных этнонациональных интересов в международной сфере¹¹². При этом национальная политика в современном понимании подразумевает «целенаправленную деятельность», осознанность реализуемых действий, комплекс осознанных и системных мер.

В этом смысле к Российской империи XIX столетия данную дефиницию не совсем корректно применять по двум причинам. Первая — содержательная, ибо, по мнению ряда исследователей, в своей окончательной и строгой форме она выработана не была¹¹³: существовало многообразие правовых, государственных, управленческих форм, сложность и разнопорядковость связей народов и территориальных образований¹¹⁴, российское законодательство почти не

знало ограничений по национальной принадлежности, они действовали по конфессиональному признаку, а «официальных документов, провозглашавших принципы национальной политики в целом», составлено не было¹¹⁵. Однако «в этой кажущейся бессистемности и разновариантности окраинного управления и был залог успешности имперской политики, обеспечивающей долговечность существования огромного и многонационального» государства¹¹⁶.

Вторая причина заключается в том, что для рассмотрения сущности «национальной политики» — как и в случае с номинацией «национальное меньшинство» применительно к позапрошлому столетию — необходимо учитывать многозначность прилагательного «национальный». Оно функционировало как в значении политико-правовом, тесно взаимосвязанном с комплексом смыслов «нация», так и в качестве обозначения этнического (племенного, расового, народного). Строго говоря, прилагательное «национальный» образовано от существительного «нация», однако и в XIX в., и сегодня соотносится со словом «национальность», что также не способствует ясности в понимании терминологии, для которой важны нюансы значений. Отсюда — существенные различия использования.

Национальной политикой в общем смысле можно именовать политику в отношении разнородных групп политического и поликонфессионального имперского организма. Она так или иначе ограничивалась представлениями об этносоциальных общностях, сопоставляемых с цивилизованными просвещенными народами, обладающими литературным языком и традициями государственности. В этом смысле она была именно национальной, а не этно-

¹¹² Общая и прикладная политология. М., 1992. С. 117; Словарь социолитингвистических терминов. М., 2006.

¹¹³ Канпелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 48; Мейер М.М. Национальный вопрос в реформационной и революционной концепциях российского государства первой четверти XIX в. // Из истории реформаторства в России. М., 1991. С. 64–67. Об этом же: Миронов Б.Н. Социальная история России: В 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 30–62; Семенов Ю.И. Предисловие // Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины: Сборник документов / Сост. и ред. Ю.И. Семенов. М., 1997. С. 12–16; Бахтурина А. «Национальный вопрос» в Российской империи в постсоветской историографии // Русский национализм: социальный и культурный контекст. М., 2008. Текст доступен по адресу: <http://www.polit.ru/research/2008/06/20/bahturina.html>

¹¹⁴ Ремнев А.В., Савельев П.И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX в.). Новая перспектива. М., 1997. С. 9.

¹¹⁵ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.). СПб., 1998. С. 15, 16.

¹¹⁶ Ремнев А.В., Савельев П.И. Указ. соч. С. 17.

национальной и не этнокультурной, в то время как представление о различии наций и этносов при отсутствии определения первого и дефиниции второго отчетливо заметны в языке научного описания этого периода.

Кто задает «национальный вопрос» и почему он не равен «инородческому»

Об этом косвенно свидетельствует использование категории «национальный вопрос». Еще одним подтверждением этого тезиса является то обстоятельство, что термин «национальный вопрос» и даже «инородческий вопрос» (вторым в последние 15 лет исследователи Российской империи склонны оперировать чаще — вероятно, как более точной и «удобной» формулировкой, нежели «национальная политика в отношении...») ¹¹⁷, применялся в отношении не всех этнических групп. Нам известны еврейский, польский, остзейский, финляндский, мусульманский вопросы, а также стоящие особняком «украинофильский» и славянский вопросы. Каждый из них определяет свою сферу соотнесения с триединым русским народом и государствообразующим великорусским этносом. Некоторые из них совпадали с группой «инородческих» вопросов, но только не польский и славянский.

Отдельной не решенной до сего дня проблемой представляется понимание некоторых из перечисленных «вопросов» в различных дискурсах на отдельных исторических этапах. Если финляндский вопрос подразумевал почти бесспорно проблему национальности в точном смысле — то есть политико-правовой статус Княжества Финляндского в Российской империи ¹¹⁸, то поль-

ский, например, вопрос на протяжении столетия рассматривался в различных аспектах: во внешнеполитическом контексте — как проблема восстановления польского государства (т.е. как вопрос о польском государстве), как вопрос о «польском бунтующем элементе» Царства Польского в связи с событиями 1830–1831 гг. (т.е. в значении «государственно-национальном») или же как социально-этнические противоречия на западнорусских окраинах Империи в 1860-е гг.

Разумеется, формулировка «польский вопрос» могла включать и совокупность всех причин для «беспокойства» властей, как источник потенциальной нелояльности. Однако симптоматично, что даже в специальных исторических исследованиях, посвященных «польскому вопросу», ученые уклоняются от его точного определения. Исключение составляет монография Л.М. Аржаковой, во введении к которой автор справедливо указывает, что в отечественной полонистике «нередко эти два понятия — польский вопрос (воспринимавшийся сквозь призму... устоявшихся в общественном сознании стереотипов) и изучение истории Польши — попросту сливались воедино. Казалось бы, всем известно, что такое польский вопрос... Тем не менее в понимании этого популярного, достаточно широко употребляемого термина единства нет. Примечательно, что различия наглядно проявляются уже при попытке установить время появления польского вопроса в России» ¹¹⁹ — причем еще у авторов XIX в.

Различия, выявленные Л.М. Аржаковой, подтверждают многовариантность и эволюцию трактовки. П.А. Вяземский связывал его появление с возникновением «племенной вражды», остроум-

¹¹⁷ Бахтурина А. Указ. соч.

¹¹⁸ Об этом свидетельствует, в частности, содержание сборников: Финляндский вопрос с юридической точки зрения. СПб., 1901; К освещению финляндского вопроса. СПб., 1899; Материалы по финляндскому вопросу.

СПб., 1902; Блок А. О финляндском вопросе. СПб., 1891.

¹¹⁹ Аржакова Л.М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX в. СПб., 2010. С. 9.

но замечая, что время 1820-х гг. «было не столь вопросительно, как наше» — т.е. рассматривал его как проявление межэтнических противоречий. М.П. Погодин — с событиями Ноябрьского восстания, т.е. расценивал его как военно-политический конфликт. М. Де-Пуле связывал с временами Петра Великого, относя, таким образом, к ослаблению польской государственности и началу вмешательства России во внутренние дела Речи Посполитой. А.Н. Пыпин обнаруживал его возникновение только с появлением его в «литературе» 1870-х гг.¹²⁰

Несколько иначе обстояло дело с т.н. «славянским вопросом», определявшимся на разных этапах понимания «народности» и «национальности» в соотнесении с «внешнеполитическим» курсом Империи. Идея этноязыкового родства и основанная на этом концепция племенного (а в конечном итоге и конфессионального) единства обуславливала апелляцию к «славянскому вопросу» в риторических формулах солидарности, братства, защиты интересов угнетенных народов (по сути, национальных меньшинств). Панславистские проекты с этой точки зрения можно рассматривать как стремление «решить» вопрос путем довольно оригинального в правовом смысле извлечения их из состава иноэтничных государств и «помещения» в единое государственное пространство «славянской империи». В котором, можно предположить, славяне окажутся частью доминирующей (якобы) этнической группы славян, но только восточных — так как замутняли эту идиллическую перспективу польско-русские отношения. Славянский вопрос в таком ракурсе также можно расценивать как национально-государственный, но не как этнический в чистом виде.

Таким образом, в трудах и политике славянофилов и панславистов 1870–1890-х гг. данный вопрос виделся уже

в контексте этнополитического самосознания народов и рассматривался в геополитических проектах. Он обладал ярко выраженным «внешнеполитическим уклоном»¹²¹ — при этом он никогда не был соотносим с «собственными», «главными» имперскими восточными славянами — в частности с проблемой «украинофилов».

Мусульманский вопрос, как показала в своих работах Е.И. Воробьева-Кэмпбелл¹²², понимался неоднозначно: с одной стороны, он возник на очевидно конфессиональной основе — в связи с усилением влияния ислама в традиционно исповедовавшем его поволжском регионе, в котором политика обращения в православие считалась вполне успешной. Власть была обеспокоена не столько формальной стороной дела, сколько могущей последовать за этим стремлением к идейному, «духовному» отторжению, смене культурной доминанты, вызванной ростом самосознания региональной или иной группы на иной, неимперской основе, к неоязычности. Назвать этот «вопрос» татарским в строгом смысле также было нельзя, ибо данный этноним использовался в отношении множества племенных групп Урала и Сибири.

Следует учитывать и то обстоятельство, что в XVIII и в XIX вв. «мусульманами» в Волжско-Уральском регионе называли себя представители только социальных низов общества (в отличие от его элиты, именовавшей себя собственно «татарами»); в качестве эндонима он утверждается довольно поздно, в том числе и под влиянием мер со

¹²¹ Например: *Неклюдов В.С.* Славянский вопрос. СПб., 1876.

¹²² *Воробьева Е.И.* Введение // Воробьева Е.И. Мусульманский вопрос в имперской политике российского самодержавия (вторая половина XIX века — 1917). Дисс. на соискание степени д.и.н. СПб., 1999; *Campbell E.* The Muslims Question in Late Imperial Russia // *Space, People, Power. 1700–1930.* Bloomington, 2007. P. 320–347.

¹²⁰ Там же. С. 10–12.

стороны российских властей¹²³. Поэтому и данный вопрос трудно однозначно оценить как конфессиональный или этнический: в нем прослеживается и национальный компонент, а также региональное «измерение».

Комплекс «инородческих вопросов», именуемых также «национальными», но не всегда тождественных им, подразумевал под указанными проблемами тенденции, которые обозначали как этническое, так и политическое (национально-культурное или региональное), и религиозное (в меньшей степени) осознание различными недоминирующими группами своей собственной идентичности — и в первую очередь (и это типично для начальной стадии самосознания общности) через механизм отличительности, дифференциации. Еще раз стоит подчеркнуть, что этот процесс осуществляется в двух направлениях: в умах образованного и «осознавшего» свою коллективную идентичность и отличительность социального «слоя» и в массовом сознании сообщества. «Потенциально-исторически» они беспорные национальные меньшинства.

Трудно, таким образом, говорить о единстве мнений по вопросу о дефиниции как «национальности», так и «национального вопроса» в российском научном дискурсе XIX в. Даже стремление к замещению второго сегодня наименованием «инородческого» свидетельствует о понятийном неразличении этнической и гражданской разновидностей национальных общностей¹²⁴.

¹²³ Мустахимов И.А. Очерк истории этнонима «татар» в Волго-Уральском регионе. Текст доступен по адресу: <http://tatar-history.narod.ru/tatarethnonim.htm>

¹²⁴ Красноречивой иллюстрацией тенденции связывать воедино национальное (гражданско-политическое) и этническое понимание сущности национальных вопросов является определение Н.А. Рубакина (1915): «Национальный вопрос есть вопрос о национальностях, точнее говоря о взаимных от-

Отказ от идеи слиянности и единства, отчетливо провозглашаемой парадигмой имперской политики в этот период, даже на этом этапе вызывал беспокойство государства. Стремление реализовать свои интересы через отстаивание своей не только формальной (племенной), инаковости, но и посредством формулирования собственных интересов и позиции уже в первое десятилетие XX в. приведет к радикальной смене курса. Однако в политической риторике и поддерживаемой ею историографии (разумеется, в той или иной мере отражавшей несхожие политические взгляды и идеалы ученых) борьба «национального меньшинства» за смену статуса не рассматривалась как неотъемлемое право общности Империи. И одна из причин, на наш взгляд, лежала в иной плоскости — а именно в вопросе о доминантной в этническом, но не в политическом отношении (в этом состоит парадокс) группе — т.е. о русском народе и великорусах в частности.

Русские (как восточнославянская общность) численно составляли абсолютное большинство населения Империи¹²⁵, хотя называть их доминиру-

ношениях разных национальностей и связанный с этими последними вопрос о расах и племенах... Основой национального вопроса служат отличия соматические, а также некоторые другие, связанные с ними, например — язык, нравы, темперамент» (Рубакин Н.А. Среди книг: В 3 т. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1915. С. 101).

¹²⁵ Следует отметить, что итоги Первой переписи Российской империи 1897 г. нельзя трактовать без учета особенностей самого вопросника, специфики самоидентификации и степени образованности опрашиваемых и интервьюеров и т.п. Отмечу только, что сведения об этнонациональном составе населения возможно было черпать из вопроса о родном языке и конфессиональной принадлежности. При этом зафиксированные в качестве родного великороссийский, малороссийский и белорусский языки многими носителями (по понятным причинам) могли

ющей группой в западноевропейском смысле нельзя, утверждает А.И. Миллер. «Правящая династия дольше, чем в большинстве европейских государств, сопротивлялась “национализации”, господствующее положение в империи занимало полиэтничное дворянство, а русский крестьянин долгое время мог быть (и был в действительности) крепостным у нерусского, не православного — и даже нехристианского — дворянина. Нация “не правила” и не имела системы политического представительства»¹²⁶, — констатирует он.

Дополню: при этом реализующийся в 1870–1890-е гг. проект «создания» великоруса в качестве государствообразующего этноса¹²⁷, не будучи еще завершен, порождал несомненные сложности в трактовке отношений этносов внутри «триединого русского народа».

* * *

Таким образом, важнейшими особенностями противоречивой и нестройной иерархической системы народов в Российской империи можно считать:

— стремление сформировать сверху национальное самосознание великорусов — с одной стороны, при однонаправленных усилиях, направленных

на конструирование их статуса как государствообразующего народа Империи — т.е. сочетание двух проектов — национального и имперского — в обществе, объединяемом прежде политической — монархической идеей;

— тенденцию к формированию представлений о западных и восточных недоминирующих, нетитульных народах Империи: первые выступали образцом для подражания, вторые нуждались в культурном руководстве или даже ассимиляции со стороны русских;

— понимание национального в научной терминологии и таксономиях двояким образом: и как этническая самобытность, и как самоосознание общности в качестве потенциальной политической единицы в границах Империи.

На статус доминантной группы, титульной нации в Российской империи по логике данных тенденций должен был быть «назначен» великорусский народ, однако этого не произошло в силу незавершенности формирования его этнонационального самосознания, во-первых, и во-вторых, по причине жесткой борьбы либералов против т.н. «великорусского шовинизма». Таким образом, в перспективе XX в. борьба за права т.н. национальных меньшинств не была борьбой с дискриминацией со стороны социально-политически доминирующей властной группы, а, напротив, протекала в сопротивлении национальных элит имперской власти, не имеющей опоры в титульной нации. Именно эти особенности во многом запрограммировали национальную политику Советского государства в XX в. — с закреплением этнического типа национализма, господством коллективной этнорасовой идентичности над индивидуальной, с абсолютизацией культурно-биологических различий. «Виртуальная» иерархизация и научная классификация сконструировали этносы и этничность, став иллюстрацией «власти номинаций».

именоваться либо как «русский», либо как «тутейший» и т.п. (Некоторые примеры см. в: *Лескинён М.В.* Лингвистический фактор этнической идентификации в период формирования этнографической науки в России (XVIII–XIX вв.) // *Славянский альманах.* 2010. М., 2011. С. 234–251.)

¹²⁶ *Миллер А.И.* Империи и нации в воображении русского национализма // *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 152.

¹²⁷ *Лескинён М.В.* Великороссы / великорусы в российской научной публицике (1840–1890) // *Славяноведение.* 2010. № 6. С. 3–17.

ИВАН РУСАКОВ

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Проблемы инновационного — и прежде всего технологического — развития всегда были болезненными в истории нашей страны, остаются они таковыми и для современной России. При этом нельзя отрицать того факта, что инновационный потенциал страны достаточно высок, прежде всего потому, что Россия — часть европейской христианской цивилизации, которая последние (как минимум) четыре-пять столетий является драйвером всех инновационных трансформаций на Земле, и не только технологических, но также и социальных. Но все же приходится констатировать, что именно Россия регулярно выпадает из этого тренда.

Россия всегда догоняла (во всяком случае, в последние столетия) западную цивилизацию и инновационные стандарты, появляющиеся на Западе. Причина этого, по нашему мнению, прежде всего — исторический и социальный контекст, выраженный в определенном социальном опыте нашего правящего класса (как русского, так и советского) и только затем в культурном, религиозном своеобразии русского народа, а также в географических и климатических условиях существования русской цивилизации.

Для историков — общее место, что наиболее динамично инновации в нашей стране развивались под контролем государства (в первую очередь в интересах обороноспособности страны), когда благодаря его усилиям происходила концентрация финансовых, интеллектуальных и прочих ресурсов (в отличие от тех же западных стран, где главными драйверами инновационного развития выступали

ученые и предприниматели). В связи с этим для России не характерна органическая инновационная составляющая, когда само общество непрерывно генерирует поток инноваций, что, по нашему мнению, является неотъемлемой характеристикой любой страны, принадлежащей к европейской цивилизации.

Судьбу нашего Отечества нельзя назвать легкой — одни потрясения XX века чего стоят. Но нельзя забывать, что и в Европе было не все идеально — постоянные войны, эпидемии, непрерывные социальные потрясения и т.д. и т.п. Но при этом именно там зарождались основные инновационные процессы, благодаря которым мир уверенно шел по пути научно-технического, да и гражданского прогресса.

Да, Русь пережила столетия монгольского ига, которое надолго остановило ее развитие. Поэтому нет ничего унижительного в том, что мы так поздно подключились к технологическому прогрессу. Вопрос в другом — почему ни в XVII, ни в XVIII, ни в XIX вв. мы не вписались в европейский контекст? И почему не вписываемся сейчас? Каких-то двадцать лет прошло после краха СССР — и мы опять вернулись на обычную советскую колею, которая грозит привести нас к очередному разрушению общества, государства, русской цивилизации.

Конечно, нельзя сказать, что советский период никак не способствовал развитию России, особенно технологическому. Мы все до сих пор гордимся космическими и авиационными проектами, ядерной бомбой и многими другими открытиями наших замечательных ученых. Но это дела-

лось под руководством государства и для нужд государства, то есть не было органичным процессом, драйвером которого должно быть само общество.

Для сравнения: в западных странах государство включилось в процесс инновационного развития только в начале XX в., и также — в сфере военно-промышленных комплексов. А в остальных отраслях по-прежнему главную роль играли частные компании, даже в такой казалось бы стратегически важной области, как строительство железных дорог. В Англии и Америке железные дороги строили частные компании, в России — государство, и только затем их приватизировали частные компании; не правда ли — что-то знакомое в этом есть?

Необходимо понимать, что одно из главных условий результативного и органичного инновационного развития — соответствующая общественная среда. Мы знаем гениальных предпринимателей и изобретателей, которых было не так много за всю историю человечества. Но для реализации их изобретений нужно было, чтобы деньги находили изобретателей, а изобретатели — деньги. На Западе государство этому способствовало или, по крайней мере, не мешало.

Если говорить прямо о том, что нужно делать в современной России, то *первое* — это государственное финансирование определенных «точек бифуркации», перспективных кластеров и т.д. Чтобы можно было получать эффект прямо сейчас, быстро, потому что сегодня мы не можем позволить себе ждать эффекта долгие годы. Должны быть специальные программы, которые могли бы интегрировать изобретение в данную область. По большому счету здесь не о чем писать, все давным-давно известно специалистам, все процессы просчитаны и описаны, все неудачи проанализированы, успешный и негативный опыт многочисленных стран — зафиксирован. Необходимо только политическая воля ядра правящего класса.

Второе: безусловно, нам необходимо начать долгий и мучительный путь фор-

мирования европейского общества, то есть русской меритократической цивилизации. И не надо пугаться, что, судя по историческому опыту других стран, для этого потребуется не менее двух поколений. Это время необходимо для формирования важнейших институтов — законодательных, управленческих, рыночных, институтов собственности.

Как нам представляется, именно социально-экономический строй, базирующийся на рыночном обмене и господстве институтов частной собственности, запуская механизмы промышленных и научно-технических революций XVIII–XX вв. Поэтому перспективы установления новых технологических укладов, в том числе и в России, с нашей точки зрения, заключаются в преодолении институциональной неопределенности, в утверждении *преобладающей роли институтов частной собственности* и в исполнении общегражданского законодательства всеми социальными группами, в том числе — и в первую очередь — правящим сословием.

* * *

Немного теории.

Как показала социальная история последних двух веков, модернизированные общества характеризуются неуклонным ростом объема инноваций и существованием специальных механизмов, побуждающих общество к изменениям и внедрению позитивных трансформационных практик, а также обеспечивающих защиту прав и привилегий инноватора. В традиционных обществах инновации рождаются спонтанно, изменения накапливаются медленно, там существуют специальные механизмы, блокирующие процессы трансформаций — как технических, так и социально-политических. В традиционном обществе инновации получают полное одобрение только в сфере военного могущества, где инноваторам и их идеям предлагается особый режим функционирования, в том числе и в социальной сфере.

В чем глубинная суть перманентной

отсталости традиционного общества по сравнению с модернистским в контексте инновационного развития, причем любого: научного, технологического, социального, институционального?

Дело в том, что демографическую основу традиционного общества составляет преобладающее крестьянское население или его потомки в первом и втором поколении, экономическое сознание которых лежит в русле определенных ментальных моделей. Суть этих моделей — *стремление к созданию минимального необходимого количества прибавочного продукта*, обеспечивающего только простое воспроизводство, ориентацию на минимизацию потребностей, а не на повышение потребления.

Каким образом сформировалась такая парадигма? Как нам кажется, на данный вопрос дал четкий и определенный ответ нобелевский лауреат Д. Норт: *это состояние длительной и глубокой неопределенности крестьянского мира в текущей социальной актуальности*. «Убеждения и институты, создаваемые людьми, имеют смысл лишь в качестве непрерывной реакции на различные уровни неопределенности, с которыми мы сталкиваемся в рамках динамически развивающегося физического и социального ландшафта...»¹.

Действительно, столетиями крестьяне в традиционных обществах, в том числе и европейских, зависели от капризов окружающей среды, настроений и материальных потребностей своих патронов — владельцев земли (аристократов), военных действий и прямого грабежа крестьянских хозяйств. Количество произведенного продукта практически не зависело от количества затраченного труда, все решал случай или внезапно возникшие обстоятельства.

«Ответ людей на новые ситуации зависит от того, насколько они неожиданны, а также от культурного наследия агентов... В той мере, в которой культурное наследие позволяет им решать подобные

проблемы, они могут фактически выдавать ответы, которые делают окружающую среду более предсказуемой. Если соответствующее наследие отсутствует, они могут отвечать неподходящим образом или передавать проблему на суд магии или аналогичным иррациональным методикам»².

Если взять и интерпретировать норттовское «культурное наследие» как «социальный опыт» (а общий смысл текста, по нашему мнению, это позволяет), то все становится на свои места. Таким образом, если неопределенность преодолевается на рациональном уровне, тогда формируется социальный опыт; если неопределенность разрешается иным способом или вообще не разрешается — формируются иррациональные или магические практики.

Немаловажным фактором, генерирующим глобальную крестьянскую неопределенность, было давление на него правящих классов традиционного общества, которые находились на более высоком уровне социального развития, например, обладали элементарной грамотностью и довольно легко осваивали механизмы собственной консолидации. Реализацию собственных интересов они эффективно осуществляли через репрессии по отношению к своему податному населению.

В покое, хотя и модернизированном виде насилие выступает и по сей день в обществах авторитарного типа как инструмент воспроизводства текущей социальности, будучи имманентным самой природе социокультурного комплекса традиционных взаимоотношений между правителями и управляемыми. Далее вступали в действие практики бесконечного воспроизводства социального качества в неизменном виде, поддерживаемые и корректируемые социальными интересами правящих классов.

Как нам кажется, и современная российская власть сегодня сознательно и целерационально культивирует в своей повседневной социально-экономической

¹ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010. С. 29.

² Там же. С. 35.

деятельности некоторые управленческие практики традиционных обществ для поддержания своего доминантного неконкурентного политического положения.

Благодаря тому что западная цивилизация во все времена «вынашивала» в себе элементы капиталистических отношений и, по словам Ф. Броделя, буржуазия городов перманентно разрушала феодалные классы, «пожирая их»³, постепенно, но неуклонно буржуазные практики проникали и в крестьянскую толщу. Вслед за ними уходила неопределенность и возникало состояние динамичного развития западного общества на основе научных и технических открытий и изобретений.

Уже в середине XVII в. в Англии и Голландии через законы, снимающие все сословные ограничения на предпринимательскую деятельность и предоставляющие гарантии частной собственности, а в начале XIX в. в связи с принятием Кодекса Наполеона практически всей покоренной французами Европой — шоки глобальной неопределенности были преодолены. Именно капитализм положил конец «экономике с нулевой суммой», когда был более экономически выгоден прямой военный грабеж оккупированных территорий — вечная химера феодалных правящих классов Средневековья.

Снятие неопределенности *сделало выгодным процесс генерирования прибавочного продукта*, а его максимизация происходила с помощью технических инноваций. Создание капитализмом экономики с «положительной суммой» имело эффект мирной социальной революции. Впервые в европейской истории на протяжении всего XIX в. цены на продовольствие и промышленные товары снижались, впервые был преодолен голод как общественный фактор, резко упала смертность на фоне колоссального демо-

графического роста, впервые в истории качественно выросло материальное благосостояние самых широких народных масс.

Именно эта социальная революция создала так называемый эффект собственности (*endowment effect*), когда некое благо начинает цениться выше, если оно является собственностью и защищено писанным законом и традицией исполнения этих законов правящим классом. Инновации стали выгодными всему обществу и даже получили статус интеллектуальной собственности.

Й. Шумпетер, который придал импульс исследованиям в области инноваций и ввел понятие «креативного разрушения», давал следующую оценку перспективам современного ему социально-экономического контекста: «Капитализм по самой своей сути — это форма или метод экономических изменений, он никогда не бывает и не может быть стационарным состоянием... Основной импульс, который приводит капиталистический механизм в движение и поддерживает его на ходу, исходит из новых потребительских благ, новых методов производства, новых рынков и новых форм экономической организации, которые создают капиталистические предприятия... которые непрерывно революционизируют экономическую структуру изнутри, разрушая старую структуру и создавая новую. Этот процесс «креативного разрушения» является самой сущностью капитализма... Преобладающее значение имеет другая конкуренция, основанная на открытии нового товара, новой технологии, нового источника сырья, нового типа организации»⁴.

Таким образом, капитализм самим строем своей экономической жизни непрерывно запускает модель социально-экономических трансформаций непрерывного творчества — расширенного производства.

Массовая частная собственность —

³ Бродель Ф. Динамика капитализма. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/braudel/01.php

⁴ Антология экономической мысли. М., 2008. С. 460–462.

мощнейший стимул для эффективной судебной и общественно-политической системы: чем больше носителей этой самой собственности, тем больше общественный запрос на прозрачные, предсказуемые и унифицированные общественные и судебные практики. Соблюдение прав собственности отдельного человека останется фикцией, начиная от последнего ларечника и заканчивая первым олигархом, если «власть-собственность» будет принадлежать небольшой группе людей (ядру правящего класса). И идея выборов и политической конкуренции будет встречаться в штыки правящим классом, так как это ими рассматривается как покушение на их право собственности на всю страну, с которой они себя отождествляют. Вспомните, наибольшее риторическое ожесточение вызывают у г-на Путина современные его политические оппоненты исключительно в контексте проблем собственности: «поуркаганили в 90-х» и т.д.

Социальная история фиксирует простой факт: в тех обществах, где политическая элита регулярно, открыто и публично сменяется (выборы через политическую конкуренцию) — она становится заинтересованной в универсальной защите своих прав собственности, на которую она может опереться в случае потери политической власти. Это еще один простой и наглядный в своей житейской правде факт, говорящий о полной несостоятельности леволиберальной и коммунистической эгалитарной пропаганды.

Естественно, перспективы современного капитализма (который спешно и неуклюже пытаются похоронить социалисты и прочая левая камарилья) связаны прежде всего с сохранением духа предпринимательства и воли к изменениям. При этом даже обслуживание экологических программ, которые часто рассматриваются в современном мире как антикапиталистические, т.к. они якобы ведут к неоправданным затратам, приводит к появлению так называемых «зеленых» технологий, являющихся неисчерпаемыми источниками инноваций и дающих

отличные финансовые результаты для «продвинутых» инвесторов.

Именно сегодня лидеры глобальных капиталистических корпораций предлагают мировым политикам идеи, получившие название общих ценностей, формирующих связи между социальным и экономическим прогрессами — по сути, новые социальные инновации, которые смогут «запустить» рост мировой экономики.

Именно в таких странах — обществах открытого типа — инновации являются частью непрерывного, органического общественного социокультурного динамического состояния роста и развития.

* * *

Если сравнивать экономическую и политическую историю стран Запада и России, кроме общего сходства принципов и подходов строительства самого института государства, взаимодействия между привилегированными и податными сословиями, христианской культуры и расового единства, есть одно коренное различие, и базируется оно не на климатических, географических и религиозных категориях.

В нашей стране *слишком поздно*, по европейским, конечно же, меркам, установились институты частной собственности — в конце XVIII в. при Екатерине II, причем только в дворянской среде, составляющей не более 1,5% населения страны. К 1917 г. всего 25% земельного фонда было в частной собственности. До самого Октябрьского переворота русский крестьянин был законодательно ограничен в праве распоряжаться своей надельной землей.

С каких исторических, научных и логических высот можно строить утверждение, что у русского народа к началу XX в. отсутствовало чувство частной собственности *на органическом уровне*, мол, «религия не позволяла, мракобесно-православная», если эту самую частную собственность ему не позволялось иметь со времен разорения Новгорода Иваном Грозным. Как

ни бился Столыпин — даже надельная земля не могла быть частной, не могла — и все, строго по тем законам.

Теперь понятно, откуда в крестьянской стране появились не такие уж малочисленные, утвердившиеся в своем патриархальном коммунизме макары нагульновы. Ну как ему, этому азиатскому социализму, не восторжествовать, если *сама леволиберальная власть* — сама власть в лице министра земледелия эсера Чернова в приснопамятном июле 1917 г. (никакие еще мужики никакого ленинизма и не знали) просто аннулировала все законы и половинчатые результаты столыпинских реформ: все эти «хутора», еще даже не оформленные как собственность, были отданы во власть никуда не сгнувших крестьянских общин.

И этот наступивший хаос (что это такое — вы только представьте: если сегодня отдать право на владение вашей собственной квартирой на усмотрение ЖЭУ или, в лучшем случае, правления ТСЖ) потом пытались вогнать хоть в какое-то упорядоченное русло: шомполами — Колчак и Деникин, а затем бессудными расстрелами — большевики. Никто и не помнит сегодня, что знаменитую крестьянскую общину горячечных снов Чернышевского и пустосвятских камланий Победоносцева взяли и отменили в 1922 г. ленинские большевики за ненадобностью и невозможностью ею каким-то внятнм способом управлять. Победили и отменили, так буднично и просто... как Наполеон ввел свой знаменитый кодекс в оккупированной Европе.

Те относительно многочисленные слои населения, которые к моменту переворота накопили опыт управления своей частной собственностью (дворяне, интеллигенция, служащие, квалифицированные рабочие и модернизированные крестьяне), «сгорели» в огне исторических потрясений XX столетия и не смогли передать этот опыт следующим поколениям. Именно этим мы, современные жители России, отличаемся от наших западных собратьев — мы просто не обладаем историческим опытом владения

частной собственностью и не владели этим опытом никогда в своей реальной истории на протяжении последних нескольких сотен лет.

Как показала социальная практика европейских стран, только после укоренения институтов частной собственности в этих обществах устоялись права человека и другие гражданские свободы. Есть ли видимые причины, по которым в нашей стране все было бы иначе? Не в этом ли кроется парадокс русского исторического маятника от свободы к тоталитаризму?

Основными нашими проблемами являются: историческое, начиная с московских (послемонгольских) времен огосударствление духовной и интеллектуальной жизни, отсутствие исторической традиции и социальных навыков у основной массы населения страны по использованию в своих интересах институтов частной собственности, а у правящего класса и особенно его политического ядра — отсутствие внутренней легитимности установок на соблюдение прав частной собственности и самого Права как общегражданского института в интересах любых представителей общества.

Власть по отношению к частной собственности до сих пор реализует свой предшествующий общественно-политический опыт, по сути практикуя традиционную феодальную модель «власть–собственность». И только в этом выражается пресловутый «особый путь» российского государства, и ничего более сложного, тем более — «климатического и широтного» нет в шатаниях и брожениях сначала имперского, затем советского, а сегодня чекистского российского правящего класса.

Именно эта модель постоянно генерирует состояние нестабильности и неопределенности в общественном сознании, создает пресловутую «неукорененность» русского человека, его склонность к общественной деструкции при ослаблении давления государства (к сожалению, русская история это доказа-

ла), так как в буквальном смысле *терять ему нечего...*

Вот, кстати, последний интеллектуальный перл, выданный видным членом нынешнего правящего класса господином Воробьевым, подмосковным губернатором (в тот момент еще и.о.) в газете «Ведомости» от 3.09.13: «И принцип, который я предложил в нашей совместной работе, — “*демократура*” (курсив мой. — *И.Р.*). Демократия при обсуждении, диктатура при реализации».

Весь американский и европейский менеджмент, научный и практикующий, после таких заявлений просто рыдает и сжигает за ненадобностью свои дипломы МВА и прочую гарвардскую и йельскую чепуху! Вот он, тип современного начальственного российского государственного стихийного общинника — карикатурный, но реальный в своей закостеневшей ментальности!

Любой западный аналитик, услышав такие речи, вынесет простой и убедительный вердикт: носитель подобных ментальных моделей — человек, погруженный в архаичное сознание (это совсем не значит, что он плохой или хороший, умный или глупый, — он просто такой), его сознание (да и подсознание) *живет в добуржуазном обществе*, в русской передельной общине. И этот аналитик, совсем не «злбный антисоветчик» или «агент госдепа» и не клеветает на «поднимателей с колен», — он прав: ни сам г-н Воробьев, ни его отец, ни его дед и прадед, и вообще никто и никогда из их, я уверен, славного и достойного крестьянского русского рода (без всякой иронии) никогда не обладали опытом и знаниями управления своей частной собственностью... просто никогда, как и весь наш народ. Господа, но о каком здесь можно говорить социальном постмодерне, когда мы даже не знаем, как живут в модерне, просто не имеем опыта даже в первом приближении. Первый мучительный опыт происходит прямо сейчас, на наших глазах...

Кстати, родной брат подмосковного губернатора — предприниматель федерального уровня, его продукцию ком-

пании «Русское море» вы можете спокойно встретить в любой торговой точке федеральной сети, но предприниматель он еще тот — компания регулярно терпит убытки, однако жива из года в год. Но сегодня партнером семьи Воробьевых стал сам г-н Тимченко — известный «нефтяной» друг г-на Путина, так что там все скоро наладится. И уже у детей господ Воробьевых опыт обладания частной собственностью точно закрепится, а у внуков, я вас уверяю, станет вполне органичным, и в этом плане они точно не будут ничем уступать своим западным ровесникам.

Но когда это будет... А пока тот же Воробьев предложил, в полном соответствии со своими ментальными ощущениями, очередную «демократуру» — обкладывать частные земли сельскохозяйственного назначения своей области конфискационным налогом для стимулирования передачи этих земель в областной фонд... Земли, видите ли, ему не хватает для его «демократурного» хозяйствования. Странно, почему-то в крохотном Люксембурге земли достаточно, и там нет конфискационных налогов, а в огромной России ее так мало, что нужны специальные областные земельные фонды. Хорошо, что Воробьев еще не в Сибири «рулит», а то бы снег дефицитом стал...

Прав был Булгаков: «разруха не в клозетах, а в головах», печально только то, что головы эти принадлежат нашему чекистскому правящему классу.

* * *

Как можно противостоять разрушительной деятельности нашего архаичного, разлагающегося постсоветского государства? «ВН» уже писали и о программе деколлективизации, и о знаменитом американском «Хомстед акте» еще позапрошлого века, следствием которого стала ситуация к 90-м годам века прошлого, когда 45% национального богатства США принадлежали его гражданам, а не транснациональным корпорациям (как нам вешали марксисты-пустобрехи)

через домовладения и земельные участки под ними — пресловутая «одноэтажная Америка».

Как только большая часть доступной национальной собственности, а это прежде всего земля, перейдет в руки общества (*специально обращаю внимание: не предпринимателей, а именно рядовых граждан*) — тогда и воля общества будет важнее воли государства, и государство наконец-то будет служить не профессиональной бюрократии и ее представлению о социальной, политической и духовной целесообразности — оно будет подчиняться русскому обществу.

Как нам создать инновационную экономику и современное общество? Видимо, начинать надо не только с технологических платформ, нужна глубокая социальная инновационная стратегия, нужны институциональные изменения.

На сегодняшний день развитие страны, в том числе и в плане социальных инноваций, возможно только при условии капиталистического расширенного воспроизводства и усвоения опыта передовых государств в целом, всем обществом. Обеспечить такое развитие одно только государство не в состоянии в силу объективно присущих ему ограничений в возде́йстви на субъекты хозяйствования.

Без создания широкой базы современных производительных сил невозможен рост благосостояния граждан и, соответственно, невозможно их вовлечение в процессы социальных инноваций, без чего не может состояться гражданское общество как система и невозможно преодоление ментальных химер традиционного общества. Необходимо, чтобы граждане были не только потребителями социальных изменений, но и их *участниками*, что уже является своего рода социальной трансформацией или социальной инновацией. Граждане, а не государство должны стать участниками и бенефициарами этих социальных изменений.

Вот это и есть главный интеллектуальный вызов для русского политического национализма — создание «дорожной карты» вывода русского на-

рода из плена архаики традиционного общества, из «засады» добуржуазного существования и их практик. Создание, в конце концов, общественных социально-экономических условий, при которых русских европейцев станет абсолютное большинство на территории нашей страны.

И не надо стесняться использовать западный опыт, *подчеркиваю — использовать*, а не слепо копировать, как это, например, происходит в образовании: называли выпускников университетов магистрами или бакалаврами — таким традиционным для России «магическим» способом не привить им западные технологические или управленческие стандарты. Русский народ на протяжении всей своей истории умел и любил учиться, переплавляя чужие знания, технологии и даже языки в нечто свое, уникальное и оригинальное — будь то зодчество, живопись, литература или изобретения и наука.

И прежде всего нужно научиться уважать себя, как это умеют делать европейцы. Потому что народ, который не уважает себя, не может уважать и другие народы, а будет только пресмыкаться перед ними или, наоборот, пытаться доминировать с помощью построения, к примеру «энергетической сверхдержавы», разворачивая очередную архаичную химеру очередного «особого пути». Но в условиях инновационной глобальной экономики это не принесет никаких успешных результатов, а обернется только еще одной потерей ресурсов и исторического времени.

Итожим: в нашей стране не сможет состояться инновационное общество, в котором русская наука и образование, любая технологическая динамика станут органичным и структурным элементом, если мы не создадим общества открытого типа и если будет отсутствовать один из краеугольных камней этого общества — институт частной собственности, работающий в интересах всех граждан страны, которая, смеем надеяться, еще встанет со своей «печи». А на коленах, кстати, она никогда и не стояла.

Сергей Сергеев

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ ВОЛЬНЫЕ И НЕВОЛЬНЫЕ

Интернационализм — понятие весьма расплывчатое и допускающее массу толкований. Поэтому националисты нередко смешивают его с космополитизмом. В этом смешении есть своя большая правда, но всё же, если попытаться вникнуть во внутреннюю логику тех интернационалистов, которые стараются последовательно и внятно артикулировать свою позицию, то нельзя не признать, что между этими двумя воззрениями существует принципиальное и совершенно очевидное различие. Попробую его сформулировать, сразу оговорившись, что космополит, интернационалист и националист будут здесь представлены в качестве веберовских «идеальных типов», которые, конечно же, не могут учесть всего многообразия эмпирической реальности.

Для космополита никакая нация — не ценность, для него вообще *национальное как таковое* — не ценность, он поклоняется некоему абстрактному человечеству. Интернационалист, в общем, тоже верит в человечество, но оговаривается, что путь к нему лежит через национальное многообразие, которое не нужно унифицировать, а наоборот, всячески пестовать и поощрять, не делая при этом предпочтения ни для одной из наций, даже для той, к которой сам интернационалист принадлежит. Более того, интернационалист полагает, что нужно помогать тем этносам, которые не достигли ещё уровня нации, этого уровня достичь, во всяком случае, в области сбережения и развития их культуры. Разумеется, в случае конфликта между двумя нациями, даже (и особенно) если

одна из этих наций его собственная, интернационалист скорее всего встанет «над схваткой» и будет оценивать ситуацию, исходя из критериев некоей высшей справедливости — этической и/или юридической.

Но вот тут-то и вскрывается глубинное родство космополита и интернационалиста, сразу же интуитивно, до всякой рефлексии «унюхиваемое» националистом: и тот, и другой — *универсалисты*, и для того, и для другого, де-факто, отсутствует *своя нация* как объект эксклюзивного предпочтения. Для космополита — все нации *неценны*, для интернационалиста — все нации *бесценны*, но для них обоих не существует *своей нации* как исключительной ценности. Формально интернационалист признаёт концепт *своей нации*, но она в его системе координат явно находится не на первом месте.

Интернационалист, как и космополит, таким образом, презентует себя как выразителя объективного взгляда на межнациональные отношения, в отличие от захваченного иррациональным пристрастием к *своему* националиста. Он вроде бы очищен от всех предрассудков, у него как бы и вовсе нет *своего*, и потому он — естественный арбитр в спорах между народами, наставляющий неразумных на путь истинный.

Но тот, «кто жил и мыслил», знает, что не бывает людей без чего-то *своего*, того, что важнее всякой абстрактной справедливости и холодной объективности. «...Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». То, что *своя нация* для интернационалиста и космополита — не

сокровище, означает только, что сердца их — *не там*, что для них существуют иные объекты эксклюзивного предпочтения.

Сердце космополита, как уже говорилось выше, отдано т.н. «человечеству», но поскольку, в отличие от нации, практическая реализация лояльности по отношению к нему невозможна (ибо не существует легитимных инстанций, представляющих волю «человечества»), то в сухом остатке получается, что *сокровище* космополита — *он сам*, таким образом снимающий с себя обязательства перед своим народом и не обретающий взамен никаких новых реальных обязательств.

Сердца же интернационалистов обожают самые разные *сокровища*. Интернационалист может быть и пламенным адептом какой-либо мировой религии, пред благой вестью которой национальное бледнеет как нечто провинциальное, слишком провинциальное. Он может быть и радикальным либералом новейшего покроя, одержимым защитой «прав человека» или «прав меньшинств», в которые автоматически попадают все недоразвитые нации и этносы. Наконец, и это чаще всего, он — *левый*, для которого главное — борьба за права угнетённых социальных низов, какой бы национальной принадлежности они ни были.

Отдельный вопрос — о психологической предрасположенности к интернационализму. Это может быть и следствием «полукровчества», и специфического воспитания и окружения, наконец — что нередко происходит с учёными людьми — увлечённости предметом своего исследования, если этот предмет — другой народ...¹

* * *

Националисты, конечно, по самой природе своей необъективны и небес-

пристрастны, но они на это и не претендуют, сразу и честно выкладывая карты на стол. Зато они искренне заинтересованы в национальной проблеме, ибо там — *их сокровище*. Дискурс же и практики интернационалистов в этой сфере, к которой они по большому счёту равнодушны, могут, наверное, в каких-то ситуациях принести пользу, как приносит пользу случайный прохожий, разнимающий дерущихся на улице. Но не понимая, не чувствуя *кожей* специфики национального, доступной только тем, кто этим живёт, интернационалисты как стратеги в конечном счёте обречены играть на руку тому или иному национализму и выстраивать «международный мир» за счёт той или иной нации.

Классический пример — наши большевики, чья национальная политика была направлена на возмещение несправедливости по отношению к нерусским народам бывшей Российской империи, но в результате привела к чудовищной несправедливости по отношению к стержневому народу России — русским.

Здесь, кстати, нужно оговориться, что националист в сфере международных отношений вовсе не против существования или даже процветания других наций, если только интересы последних не противоречат интересам его нации. Никакой националист в здравом уме и трезвой памяти не будет выступать против развития культур других национальных государств, например Италии, и с удовольствием туда наведается в гости. Совсем иное дело — ситуация внутри национального государства, которое ощущается националистом как его собственный дом, и потому там только он и его народ могут устанавливать правила общежития. Если в этом государстве проживают и другие народы, то националист, не будучи, в принципе, против тех или иных особенностей их культуры, в то же время не станет поддерживать развитие этих особенностей, оставляя их как частное дело этих народов, но на общегосударственном уровне потребует от последних соблюдения того стан-

¹ Достаточно вспомнить Л.Н. Гумилёва, который так увлёкся своими степняками, что даже на русскую историю стал глядеть их глазами.

дарта, который установлен государствообразующим народом — *собственно нацией*, единственной возможной в национальном государстве.

Националист просто очень хорошо знает опыт истории, обобщив который, известный исследователь национализма Мирослав Хрох сформулировал свою классическую концепцию стадий развития национального движения. Сначала — *стадия пробуждения*, когда сравнительно небольшая группа интеллигенции занимается собиранием и изучением языка, фольклора и истории этноса; затем — *стадия агитации*, когда национальное самосознание начинает распространяться среди широких слоёв этого этноса; наконец — *стадия массового движения*, когда национализм становится политической идеологией и практикой, порождая партии, требующие автономии или даже независимости для данного народа.

Националисты всё это прекрасно понимали и до Хроха, вот почему они всегда с подозрением смотрели на всевозможные «национальные пробуждения» малых этносов в своём государстве. Далеко не всегда эта тревога была оправдана, но совершенно очевидно, что Франция не стала бы Францией без многих десятилетий борьбы против провинциальных языков и культур (*факультативное* преподавание в школе местных языков было официально разрешено только в 1951 г.).

В нашем же несчастном Отечестве интернационалисты-большевики за время своего господства успешно провели большинство нерусских народов бывшей Российской империи через все три хроховские стадии, создав в результате целый букет независимых государств. Сегодня то же самое осуществляет по отношению к национальным автономиям РФ её правящий режим.

* * *

В последнее время появился целый ряд научных работ, исследующих интеллектуальные и практические предвращения

национально-культурных большевистских экспериментов в императорской России. Конечно, до ленинско-сталинского размаха этим предвращениям было далеко, но само наличие подобных явлений чрезвычайно интересно. Мы можем теперь смело говорить о своеобразном феномене добольшевистского интернационализма в русской мысли и даже в культурной политике государства. Причём интернационализм этот исходил иногда из самых неожиданных источников.

Так, знаменитый православный миссионер, человек вполне правых воззрений Николай Иванович Ильминский (1822–1891) в качестве главного средства распространения православия среди нерусских народов Поволжья создал при покровительстве обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева целую систему инородческих (татарских, чувашских, черемисских, вотяцких и т.д.) школ, где обучение детей происходило на их родных языках и обязательно учителями-единоплеменниками. Поскольку многие из этих народов не имели письменности, для них изобретали письменный язык, соответствующий разговорному. И это при том, что действовало официальное распоряжение Министерства народного просвещения (1864) о преподавании во всех учебных заведениях империи только на русском языке.

На инородческие языки переводилось и богослужение, в 1883 г. был издан указ Синода, который рекомендовал вести службу на местных языках во всех приходах, существенную долю населения которых составляли крещёные инородцы. Священников-миссионеров также старались массово рукополагать из инородцев, им даже необязательно было заканчивать семинарию.

Поразительно, но при этом Ильминский был однозначным противником перевода Библии и литургии на современный русский язык.

Велась и активная издательская деятельность. Казанская учительская семинария, центральное учебное заведе-

ние в системе Ильминского, с 1875 по 1892 г. выпустила 150 книг на инородческих языках — татарском, чувашском, черемисском, вотяцком, киргизском (казахском), тунгусском, самоедском... Совокупный тираж этих книг составлял более полумиллиона экземпляров. Только татарский букварь Ильминского переиздавался 17 раз общим тиражом 48 тысяч копий.

Эта система, несмотря на резкую критику со стороны оппонентов Ильминского, просуществовала до конца императорской России. Современный американский историк Роберт Джераси в своей недавно у нас переведённой весьма содержательной монографии «Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России» (М., 2013) не без изумления пишет, что проект Ильминского реализовывался в то самое время, «когда, по мнению большинства исследователей, политика русификации в области культуры проводилась наиболее широко и агрессивно». Более того, он высказывает предположение, что «именно подобная практика служила основным источником вдохновения для В.И. Ленина при формировании своей политики относительно управления национальными автономиями в составе СССР. Только в отличие от Ильминского и его сторонников, полагававшихся на лингвистические особенности для того, чтобы в конечном счете достичь единства всех народов России на основе православия, Ленин (чей отец, И.Н. Ульянов, работал в управлении сферой образования Симбирской губернии и был тесно связан с Ильминским) применил светскую версию той же самой логики, прибегнув к использованию “национальной формы” местных языков для максимального распространения “социалистического содержания”, которое должно было стать объединяющим фактором для всего СССР. Аналогичным образом ленинская политика “коренизации”, предполагавшая наделение “титulyных” или “коренных” народов определенных административных единиц некоторыми

привилегиями в выполнении ключевых политических и культурных функций, могла основываться на применявшейся Ильминским политике использования инородческих кадров» (с. 102–103).

Что ж, неожиданное средство консерватора Ильминского и революционера Ленина лишней раз подтверждает старый тезис о глубинном архаизме и антимодернизме большевизма, равно как и современного мультикультурализма, который был во многом предвосхищён экспериментами большевистской национально-культурной политики.

Разумеется, Ильминский был, так сказать, *невольным* интернационалистом, он как раз думал, что его система будет способствовать русификации инородцев, абсолютно не понимая (как и его покровитель Победоносцев) специфики нациостроительства в эпоху Модерна, полагая, что главный фактор национальной идентичности — религия. Но то, что хорошо работало в период Московского царства, во второй половине XIX в. было уже архаикой, которая, попадая в современный контекст, давала совсем другие, неожиданные результаты. Ильминский и его последователи в определённой мере провоцировали у просвещаемых ими народов хреховскую *стадию пробуждения*, создавая национальные письменные языки и кадры для будущих национальных интеллигенций.

«Возникновение целых групп кряшенских, чувашских, черемисских интеллектуалов, — пишет Джераси, — было беспрецедентным явлением. До того как система Ильминского воспитала пару поколений учителей-инородцев, представители этих этнических групп могли получить образование только в русских начальных школах и с обязательным изучением русского языка. Для того чтобы избежать остракизма как со стороны своих собственных народов, так и со стороны русских, инородцам, получившим такое образование, приходилось отождествлять себя с русскими. В рамках же системы Ильминского, уже имея собственный письменный язык, а также

играя особую социальную роль в своих родных сообществах (учителя и священнослужители), образованные инородцы начали склоняться (порой даже вынужденно) к поддержанию собственной, нерусской идентичности. Поскольку же центром подготовки этой новой элиты, а также местом публикации литературы на инородческих языках была Казанская учительская семинария, именно она и стала главным культурным центром для финских и тюркоязычных народов Поволжья... Инородческие элиты... стали проявлять все большую заинтересованность в просвещении своих народов и посредством светского образования... На инородческих языках началось издание самой разной литературы, включая советы по здоровому образу жизни, фольклорные произведения, переводы русской классики, календари и альманахи... Звучали в новой литературе и националистические темы типа панфинской гордости» (с. 309–310).

Между прочим, оппоненты Ильминского прекрасно понимали несовременность его системы и критиковали её с позиции чётко артикулированного националистического дискурса.

Например, другой известный миссионер епископ Вениамин (Благонаравов), т.е. вроде бы человек того же круга и той же системы ценностей, что и Ильминский, так писал Николаю Ивановичу о своих методах обращения инородцев: «Начинаем с того, — даем русское имя с русским прозванием (крестного отца), отрезаем косу и, если есть средства, одеваем в русскую одежду. Наш крещеный становится не новокрещенным бурятом, а *русским!* Он стыдится названия бурят, сторонится бурят с длинными косами и примыкает к русским. Он умеет говорить, хотя и плохо, по-русски, учим его по-русски молитвам. Перевод делается для пояснения, не более... Чем больше крестьящихся, тем труднее преобразование: крещеные начинают создавать свое общество, отделяясь от бурятского, но и не одно пока с русским, — хотя по имени русское... Я не думаю, чтобы...

Вы хотели создать татарскую церковь в Казанской епархии» (с. 99).

Земский деятель А.И. Баратынский противопоставлял системе Ильминского «*гражданское обрусение*», утверждая, что «усвоение языка усваивает и народность» (с. 176).

Ученик Ильминского священник Е.А. Малов признал, что система его учителя привела к тому, что «инородцы... инородческий язык сделали не средством только первоначального изучения христианской религии, но, можно сказать, целью образования и средством к тому, чтобы русские, как не знающие инородческих языков, не были их учителями и даже руководителями в религии» (с. 286).

Попечитель Казанского учебного округа С.Ф. Спешков констатировал, что «инородческая школа действительно достигает миссионерских целей, но оказывается совершенно несостоятельной в отношении объединения инородцев с коренным населением России на основе государственного языка» (с. 293).

Но всё это не могло переубедить Ильминского, ибо *сокровище* его было — не русская нация, а вселенское православие.

* * *

Подобно Ильминскому, своеобразным *невольным* интернационалистом на православной почве был и величайший мыслитель русского консерватизма К.Н. Леонтьев, с позиций элитистского традиционализма отвергавший гражданскую русификацию вовсе. Казалось бы, в отличие от наивного в политических делах миссионера глубокомысленный автор «Византизма и славянства» должен был понимать неизбежность перехода в России к светской модели идентификации её жителей, но он упрямо продолжал отстаивать религиозную доминанту в самых радикальных формулировках: «Для России было бы очень полезно иметь в своих государственных недрах: Православных *немцев*, Православных *поляков*, Православных *татар*

и даже Православных *евреев*, даже и не знающих по-русски. — И очень вредно иметь в числе своих *равноправных* граждан много *русских* Протестантов, *русских* Католиков, *русских* Мусульман и *русских* Израелитов»².

Ещё один религиозный интернационалист (правда, уже, скорее, *вольный*) в русской мысли конца XIX в. — знаменитый философ В.С. Соловьёв, незаслуженно выдаваемый за «Пушкина русской философии». Но его *сокровище*, в тени которого оказывалась русская нация, было уже не собственно православие, а некое экуменическое христианство, путь к которому он видел в соединении христианских церквей под главенством папы Римского и под гарантией российского императора. Для реализации подобного головокружительного проекта, разумеется, слишком развитое русское национальное самосознание было бы только помехой, поэтому Соловьёв не устал подчёркивать, что Россия — это имперская *«семья народов»*, в которой русские главным образом должны практиковать *«национальный альтруизм»*.

В своём главном труде по этике «Оправдание добра» Владимир Сергеевич даже сформулировал моральную максиму христианского интернационализма: *«Люби все другие народы как свой собственный»*³. Поражает безжизненная абстрактность этого императива, полностью игнорирующего эксклюзивность национального чувства. Даже такой преданный поклонник Соловьёва, как С.Н. Булгаков, назвал эту идею «совершенно фальшивой и утопической»: «Это подобно тому, как если бы сказать: надо любить чужих жен и чужих детей, чужих друзей, как своих собственных. Эта идея неверна онтологически, ибо существуют такие отношения, которых самая природа состоит в их исключитель-

ности. Сюда относится любовь к своим и к своему, — это *свойство* именно и есть здесь объект любви»⁴. Прекрасное разъяснение! Но Булгаков упускает из виду, что *своё* для Соловьёва — не русская нация, а «вселенская теократия», чьим пророком он себя воображал.

* * *

В борьбе с русским национализмом «теократ» Соловьёв неожиданно сомкнулся с интернационалистами-либералами, недаром большинство его текстов против «брюшного патриотизма» публиковалось в главном либеральном журнале России — «Вестник Европы». Русские либералы не были однородны в национальном вопросе, многие из них являлись последовательными русскими националистами (скажем, А.Д. Градовский, а в начале XX в. — П.Б. Струве), но к концу XIX в. в их рядах возобладала именно интернационалистская тенденция, которая во многом диктовалась оппозиционной тактикой: поддерживать всё, что актуально или потенциально может стать союзником в борьбе с самодержавием — всех униженных и угнетённых, в том числе и подвергающиеся той или иной дискриминации народы империи.

Например, отказавшись, по сути, от заветов западников 40-х гг. (вспомним жёсткую русификаторскую позицию Белинского и иронию Тургенева в адрес украинской литературы, высказанную в «Рудине» устами Пигасова), русские либералы стали поддерживать украинофильство, во всяком случае в его культурной программе. Так, в 1905 г. Академия наук признала украинский язык особым литературным языком, отличным от русского. Экспертизу готовили светила русской науки — либеральные филологи Ф.Е. Корш, А.А. Шахматов, Ф.Ф. Фортунатов, С.Ф. Ольденбург совместно с деятелями украинского национального движения — Ф.К. Волко-

² *Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 8. Кн. 2. СПб., 2009. С. 236.

³ *Соловьёв В.С.* Соч.: В 2 т. 2-е изд. Т. 2. М., 1990. С. 379.

⁴ *Булгаков С.Н.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 647–648.

вым, М.А. Славинским, О.О. Руссовым (последний — крайне любопытный пример выходца из русской семьи, добровольно и сознательно ставшего украинцем). Тем самым они подводили научное основание под первую хроховскую стадию украинского национализма, объективно подрывая проект Большой русской нации.

Об этом эпизоде подробно рассказывает французская исследовательница Жюльет Кадио в своей монографии «Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940» (М., 2010). Появляется на страницах этой книги и ещё один — весьма колоритный — интернационалист-филолог (польского происхождения) И.А. Бодуэн де Куртенэ, считавший, что «государство должно финансировать возможность (трактуемую как право) для любой группы людей или даже для одного человека создать школу, в которой обучение будет вестись на выбранном ими/им языке» (с. 133). Естественно, Бодуэн был страстным борцом против национализма (надо отдать должное его принципиальности — и против польского тоже). Видимо, именно он добавил в т.н. «третье», «исправленное и значительно дополненное» издание Словаря В.И. Даля под его редакцией (1903) такое определение национализма: «*шовинизм, узкий патриотизм, основанный на стремлении к исключительному господству собственного народа с унижением и даже истреблением всех остальных*». До сих пор многие злонамеренные или необразованные люди радостно размахивают этой цитатой, приписывая её самому Далю (на самом деле, несмотря на своё датское происхождение, истинно русскому националисту).

Рассматривает Кадио и интернационалистскую тенденцию в русской этнографии начала прошлого столетия. Если раньше «в этнографической традиции, восходившей к дебатам 1850-х годов, преобладало течение, призывавшее изучать прежде всего русское население центральных губерний», то теперь «внимание молодого поколения этнографов

обратилось к другим регионам и более “экзотическим” народностям, часть из которых в момент революции 1905 года недвусмысленно заявила о своем желании участвовать в политической жизни страны» (с. 120). Тенденция эта связана с именами Л.Я. Штернберга, В.Г. Тана-Богораза, В.И. Иохельсона, придерживавшихся народнических взглядов. Этнографы эти не только изучали «экзотические» народности, но и всячески поощряли их «пробуждение».

Так, Штернберг в своих работах «защищал национальные движения, понимаемые им не только как реакция на притеснения со стороны царского режима, но и как проявление пробуждающегося политического сознания инородцев... он оправдывал национальные волнения и выступления за политическое объединение восточных окраин империи» (с. 123). Лев Яковлевич утверждал, что многие нацменьшинства превосходят простых русских в нравственном, духовном и интеллектуальном отношении, более того, обнаружил элементы коммунистических отношений в жизни малых народов севера России, что, естественно, в его собственных глазах и в глазах просоциалистического большинства русской интеллигенции очень высоко поднимало их статус (напомню, что до этого первоячейку социализма народники видели только в *русской* крестьянской общине). В дальнейшем при советской власти это открытие много дало указанным народам как в статусном, так и в материальном отношении.

* * *

Здесь мы видим тот самый случай, упомянутый ранее, когда объект исследования превращается для учёного в его *сокровище*. Ещё больше материала в этом смысле даёт книга Веры Тольц «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в поздней имперский и раннесоветский период» (М., 2013), посвящённая «новой школе востоковедения», основанной В.Р. Розеном, в которую автор включает таких из-

вестных учёных как В.В. Бартольд, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург и Ф.Ф. Щербатской. Тольц полагает, что некоторые выводы этих востоковедов (критика европоцентризма, подчёркивание неевропейских элементов русской культуры, выявление связи между ориентализмом и колониализмом и т.д.) превзошли идеи евразийцев и постколониальный подход Э. Саида.

В нашем же контексте важно то, что эти учёные не на шутку увлеклись объектами своих исследований и приняли самое непосредственное участие в конструировании национальных идентичностей нерусских народов империи. При этом они были убеждёнными сторонниками сохранения последней, но почему-то думали, что «прочная идентификация со своей этнической группой и культурой... укрепит, а не ослабит связь национальных меньшинств с имперским государством» (с. 297).

Как и в случае с вышеупомянутыми этнографами-евреями и поляком Бодуэном, здесь напрашивается предположение, что не только научный интерес повлиял на интернационалистский дискурс востоковедов школы Розена, но и их этническое происхождение (Розен, Бартольд, Ольденбург — немцы; Марр — наполовину шотландец, наполовину грузин; Щербатской — польского происхождения). И Тольц особо выделяет это обстоятельство: «Тот факт, что ни сам Розен, ни большинство его учеников... не являлись этническими русскими, был существенным, так как собственный опыт этих ученых, связанный с их идентификацией, делал их более восприимчивыми к вопросам взаимоотношения национального и имперского в российском контексте... Чтобы ощущать себя “русскими учеными” или “русскими патриотами”, им не нужно было забывать свой родной язык, будь то немецкий или грузинский. По сути, они экстраполировали свой собственный опыт на народы, которые они изучали» (с. 19, 86).

Вольный интернационализм либе-

ральных ориенталистов был куда радикальнее невольного интернационализма Ильминского, ибо не требовал даже христианизации нерусских народов, наоборот, они принципиально отвергали презумпцию превосходства христианства над религиями Востока. Так, Бартольд активно боролся с «предрассудками» в отношении ислама, доказывая, что последний не является препятствием для реформ и модернизации, подчёркивал величие средневековой исламской культуры, её превосходство над культурой Руси. Щербатской же и Ольденбург с энтузиазмом пропагандировали духовные богатства, содержащиеся в буддизме, причём не только «классическом», но и тибетском, «ламаистском», — по их мнению, эта религия была полностью совместима с «европейским просвещением».

Востоковеды школы Розена всячески пытались «поднять» объекты своих исследований, приписывая им невероятно высокое значение для мировой культуры. Особенно в этом преуспел весьма темпераментный (а впоследствии безумный) Марр, выстроивший сложную аргументацию о культурном превосходстве абхазов и других нацменьшинств Кавказа не только над грузинами и армянами, но и над «индо-арийцами», древними греками и современными европейцами, — они якобы сохранили наследие великой культуры вымышленного Марром «яфетического народа», из которой, оказывается, и развилась европейская цивилизация. Щербатской и Ольденбург рисовали одухотворённый облик «ламаистских» народов, прежде всего бурят. Близкий к ним по взглядам этнограф Д.А. Клеменц (кстати, тоже не вполне «этнический русский» — немец по отцу) уверял: восприятие родового строя кочевников как менее «прогрессивного» по сравнению с оседлой жизнью русских крестьян — не более чем предрассудок.

Из всего этого логически вытекает простой вывод — народам с такой высокой культурой никакая русификация

не нужна, они и сами, но основе своих традиций, могут достичь высот европейской цивилизации. Естественно, эта идея очень порадовала начавшую формироваться тогда инородческую интеллигенцию, которая находилась в тесном контакте с либеральными востоковедами, участвуя в их полевых исследованиях. Более того, как показывает Тольц, «переписка между представителями нацменьшинств и имперскими учеными свидетельствует о том, что аргументы и доказательства в пользу нравственного и духовного превосходства этнических меньшинств над русскими переселенцами и о вредном влиянии поселенцев на “инородцев” были позаимствованы имперскими учеными у своих коллег-“инородцев”. Последние стали развивать эту идею уже в первых своих отчетах о полевых работах, посылаемых их покровителям в Санкт-Петербург... Они настаивали на том, что рост преступности и пьянства был результатом воздействия на бурят “испорченного” “русского элемента”, а также правительственной реформы родового строя бурят» (с. 231–232). То есть де-факто петербургские интеллектуалы сделали проводниками интересов своих бурятских подопечных.

Любопытно, что при большевиках некоторые из этих ассистентов-корреспондентов стали большими людьми — Банзар Барадийн некоторое время занимал пост комиссара народного просвещения Бурятии, Гомбожаб Цыбиков был назначен ответственным за внедрение в этой республике системы массового начального и среднего образования, Цыбен Жамцарано являлся ключевой фигурой в создании Монгольской народно-революционной партии. В Абхазии помощники Марра тоже сделали хорошую карьеру — Андрей Чочуа и Самсон Чанба возглавляли местный Наркомпрос, а Дармит Гулиа превратился в ведущего республиканского учёного и писателя.

Таким образом, русские ориенталисты успешно подготовили ценные кадры

для большевистских культурных и политических экспериментов. Удивительно, но в воинствующе-атеистическом СССР в 1927 г. в Ленинграде был создан Институт буддийской культуры АН СССР, спроектированный Щербатским и Ольденбургом, первыми научными партнёрами которого, конечно же, стали Учёные комитеты Бурятии и Монголии, возглавляемые упомянутыми выше Барадийном и Жамцарано (позднее ИНБУК был разгромлен, а многие его руководители репрессированы).

Интересно, а не смущала ли Щербатского и Ольденбурга мысль, что в СССР нет Института православной культуры? Или они были слишком увлечены теми гигантскими научными возможностями, которые перед ними открывались?..

* * *

Без сомнения, тема добольшевистского интернационализма в России будет разрабатываться и дальше, но и по вышецитированным работам очевидно, что ряд важных интеллектуальных и даже отчасти институциональных предпосылок советской национально-культурной политики был создан ещё в позднеимператорской России. Но всё же эта политика принципиально отличается от этих предпосылок, и не только размахом. В них отсутствовал концепт последовательно артикулированной *русофобии* — презумпция глобальной вины русских перед другими народами России и тезис о злостной реакционности русской культуры. Последние компоненты — целиком заслуга партии Ленина–Сталина.

Тем не менее приведённый исторический материал недвусмысленно свидетельствует, что интернационализм, какого бы извода он ни был, даже если он напрямую не враждебен русским, никогда не будет им в помощь, ибо понастоящему помочь в силах только любящий, а любить (если, конечно, мы говорим о любви, заслуживающей этого имени) можно только что-то одно — жадно, пристрастно и самозабвенно.

Искусство — И «ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ»...

В инженерном корпусе Третьяковской галереи не так давно прошли две выставки: на втором этаже — Марка Шагала и, над ним, — Николая Фешина. Обе — юбилейные. Выставки позволили не только оценить художественные качества произведений, но и натолкнули на более глубокие идеи как о кризисе в искусстве, так и о музейном деле.

Фамилия «Шагал» давно стала нарицательной, а вот фамилия «Фешин» практически неизвестна в России. И это при том, что Фешин учился у великого Репина в Петербургской Академии художеств, став ее действительным членом, Шагал же последовательного профессионального образования не получил.

Фешин, опираясь на фундаментальные принципы академического искусства и реалистического искусства передвижников, синтезировал в своем творчестве много разных стилей: от импрессионизма и модерна до экспрессионизма, соединив девятнадцатый век с двадцатым. Как художник модерна он преобразовывал натуру ради выявления главного — Красоты. Как импрессионист он использовал технику масштабного динамичного смешанного мазка, унаследованную от Репина, делая это индивидуально и своеобразно.

Очень точно об удивительной атмосфере фешинского творчества сказал наш соотечественник С.Т. Коненков, знаменитый художник, скульптор и добрый знакомый Фешина: «Красота, заключенная в его полотнах, русский дух, не растрченный им до последних дней, сеют добро и добрые чувства и в Америке, и в Европе».

Переворот 1917 года Фешин принял как факт и попытался вписаться в новую ситуацию: стал работать над портретами революционных вождей. Но он не хотел становиться «придворным» художником, как это сделал его товарищ по Академии Исаак Бродский, любимый ученик Репина.

А ведь для Бродского этот выбор не только обеспечил протекцию политического режима, но и... защиту от «русского авангарда», к которому Шагал имел прямое отношение, также как Малевич, Штеренберг и другие, назначавшиеся новой властью его «комиссарами». Так, при содействии Луначарского Шагал стал уполномоченным комиссаром по делам искусств Витебской губернии. В полную силу под его руководством в Витебске работала Свободная академия, ставшая крупным творческим центром. Однако и его выжили оттуда коллеги-супрематисты. Шаг Шагала к культурному возрождению еврейского театра в стилистике «местечкового лубка» остался непонятым, нападки и критика со стороны «подлинно революционных» художников и партии нарастали, и уже через год Народный комитет просвещения направляет Шагала преподавать рисование в колонию для беспризорных. Непонимание и неприятие режимом вынуждают художника покинуть страну.

Для Фешина главной причиной отъезда из страны стал большевизм в искусстве, выразившийся в «русском авангарде», у истоков которого стоял и Шагал; последнему революция дала возможность силой насаждать свои идеи и формы организации. При этом

Россия теряла существенную часть русского художественного наследия.

Николай Иванович о своей судьбе написал так: «...я часто думаю о прожитом и прихожу к заключению, что люди искусства не должны покидать своей страны... Весь духовный фундамент человека закладывается с самого детства и растет вместе с окружающим до самого конца». Заказные портреты, которые Фешин написал в Америке, по силе образов не поднимаются до уровня работ, созданных в родной художнику среде. Заметим, тем не менее, что при высокой оценке профессионального мастерства Николая Фешина его считают также одним из самых дорогих русских художников, чьи работы продаются на аукционах за миллионы долларов.

Откуда же взялось утверждение: дескать, единственное, что Россия внесла в мировое искусство, — это «русский авангард», а вся русская классика оценивается на Западе как средний уровень и не котируется на арт-аукционах? И что это за явление, опозорившее изначально прекрасное понятие «авангард»?

Главной авангардистской идеей является абсолютизация самого акта творчества, не предполагающего создания художественного произведения, «самодостаточности» этого акта, оправдания человека творчеством, в котором раскрывается «истинная реальность». Отсюда — прямой путь к так называемой «инсталляции», которая может быть представлена в экспозиции, например, даже продуктом дефектации (и так было!).

В искусстве XX века действительно происходит «расставание с человеком», что есть антикультурное, антиисторическое движение. Оно противоречит всей христианской истории и «работает» на ислам и иудаизм, где изображает человека запрещено.

Любое соиздание стало свободным практически от любых ограничений. Но эта свобода направлена на разру-

шение гармонии, целостности мироощущения. В психиатрических больницах имеются альбомы с рисунками пациентов. Если их перенести на большие полотна, то многие из них могли быть провозглашены шедеврами в музеях современного искусства.

Суть авангардизма в авторитарности, агрессивности и обмане. Совершенно очевидно, что пренебрежение школой и сложностью постижения художественной формы представляет собой наиболее легкий путь, привлекающий главным образом тех, кому доставляет удовольствие с выгодой для себя дурачить простаков, обманывать недостаточно культурную публику, малообразованных критиков и невежественных меценатов.

Даже конкурс красоты основан на здоровом интуитивном определении гармонии, а «авангард», не имеющий объективных критериев оценки красоты, так и останется за пределами искусства...

Из ужасов авангарда погрузимся в пространство музея. Но не просто музея, а Национальной галереи русского искусства. Таковой она была основана, такой ее завещал основатель, Павел Михайлович Третьяков. После его кончины в 1899 г. в Московской городской думе было решено размещать новые поступления *отдельно* от основной коллекции. Принятое в 1904 г. Думой «Положение о Третьяковской галерее» официально закрепляло за ней роль художественного хранилища, возможно полно отражающего *поступательное* движение русского искусства.

Но после 1918 г. музей постепенно стало наводнять «левое» искусство, которое позднее было изгнано, однако с началом «оттепели» началось постепенное включение в экспозицию «опальных имен и произведений». Из даров, поступлений, находок образовывалось *море разливанное с истоками в «русском авангарде»*.

В 80-х гг., при реконструкции здания галереи в Лаврушинском, были за-

явлены две позиции по границе раздела коллекции. Первая состояла в том, чтобы представить в старом здании дореволюционное искусство, а на Крымском валу — послеоктябрьскую эпоху. Однако решили, что *если искать точку перелома в художественном сознании, то она придется на середину 1910-х гг. и связана прежде всего с идеями и практикой русского авангарда.*

Вот так и поделилась экспозиция на классику и современность, и идейно, и территориально. С другой стороны, сохранилась хронологическая непрерывность экспозиции, пусть и на двух не столь отдаленных территориях. Как известно, спрос рождает предложение. *Только вот нет спроса на предложение Крымского вала.* Аншлаг, приносящий музею доход, там бывает только на выставках классического искусства, таких как недавние выставки Левитана и Коровина.

Учитывая все вышесказанное об авангарде, раздел произошел по границе, определяемой некоторыми искусствоведами как *искусство — и «все остальное»*. Без красоты, без эстетики, как уже говорилось, не может быть искусства. Но кроме того, экспозиция национального художественного музея предполагает не только чувственное, но и познавательное восприятие. Это и история государства, и его нравы, и его ландшафты. Абсолютное большинство приходит за этим в Лаврушинский. Конечно, приходит не бо-

гема, пресытившаяся всем чем угодно и имеющая возможность бывать здесь постоянно, если захочет. Это человек с Урала, с Камчатки, из-за рубежа... Когда он еще попадет сюда? Поэтому понятен его восторг, удивление, восхищение... Эти образы, ощущения остаются в его памяти.

Так почему же выставка Шагала проходит в Лаврушинском?

Нынешнее руководство Третьяковки пытается нас убедить в том, что *нашего зрителя надо учить понимать авангард.* А то он ведь у нас от сохи, от станка — искусствоведчески необразован. Давайте вколачивать знания, как это пытались делать в советское время с соцреализмом. Только ведь Иван Иванович из Тьмутаракани все равно предпочтет «Трех богатырей». Да и патриотически настроенная интеллигенция его поддержит.

Почему разложившаяся и зажравшаяся богема диктует свои взгляды? У них уже есть гетто под названием «Гараж» или «Винзавод», будет новый центр современного искусства, и пусть они творят, экспонируют и веселятся там как хотят, но только время и мировое признание выберет шедевры для национального музея.

А пока самому посетителю национального русского музея надо выбирать: Фешин или Шагал...

Василий Щёголев,
искусствовед

Авторы номера

Антонов Ростислав Валерьевич
(р. 1977), общественно-политический деятель, журналист, глава Совета регионов Национально-демократической партии, руководитель общественного движения «Гражданский патруль», автор книги «Приморские партизаны» (2011).

Бирюков Сергей Владимирович
(р. 1971), доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Кемеровского государственного университета.

Епифанцев Андрей Александрович
(р. 1969), политолог.

Иванова Настасья Владимировна
журналист, сотрудник Правозащитного центра «РОД», публиковалась на сайтах «Свободная пресса», АПН, «Русский обозреватель».

Кильдюшов Олег Васильевич
(р. 1972), независимый аналитик, публицист, переводчик.

Крылов Константин Анатольевич
(р. 1967), философ, публицист, общественный и политический деятель, главный редактор интернет-сайта АПН.ру, главный редактор журнала «Вопросы национализма», президент Русского общественного движения, председатель Совета Национально-демократической партии, автор книг «Нет времени» (2006), «Прогнать чертей» (2010), «Русские вопреки Путину» (2011).

Кузнецовский Владимир Дмитриевич
(р. 1939), историк, журналист, дипломат, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотруд-

ник Российского института стратегических исследований, автор книги «Сталин. “Посредственность”», изменившая мир» (2010).

Лескинен Мария Войттовна
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН. Область интересов: процессы формирования национальной идеологии в польской и русской культурах, этнокультурные стереотипы народов Империи, история этнографии и антропологии в Российской империи, язык научного описания в период нациостроительства в Европе XIX в.

Милов Владимир Станиславович
(р. 1972), экономист, политический деятель, председатель партии «Демократический выбор».

Неменский Олег Борисович
(р. 1979), историк, политолог, научный сотрудник Института славяноведения РАН, автор работ по истории этнического и исторического самосознания православных и униатских жителей Западной Руси в XVI–XVII вв., а также по истории становления национальных проектов у славянских народов в XIX–XX вв.

Петров Сергей Анатольевич
(р. 1972), кандидат филологических наук.

Садовников Владимир Васильевич
(р. 1940), участник русского национального движения, публицист. Политзаключенный (1961–1966). Автор воспоминаний «Записки шестидесятника» (2003).

Святенков Павел Вячеславович
(р. 1975), политолог, публицист, автор книги «Машина порядка» (2008).

Севастьянов Александр Никитич
(р. 1954), политический публицист, кандидат филологических наук, автор книг «Национал-капитализм» (1995), «Национал-демократия» (1996), «Время быть русским!» (2006), «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (2009), «Уклоны, загибы и задвиги в Русском движении» (2011), «Дело Тихонова–Хасис. Палачи или жертвы?» (2012) и др.

Сергеев Сергей Михайлович
(р. 1968), историк, публицист, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вопросы национализма», автор книги «Пришествие нации?» (2010).

Титов Кирилл Владимирович
(р. 1978), историк, специалист по истории русского национального движения в СССР.

Филиппов Александр Фридрихович
(р. 1958), философ, социолог, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой практической философии факультета философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный редактор журнала «Социологическое обозрение», автор книг «Теоретические основания социологии пространства» (2003), «Социология пространства» (2008), переводчик работ М. Вебера, К. Шмитта и др.

Храмов Александр Валерьевич
(р. 1989), публицист, общественный деятель, координатор Русского Гражданского союза, автор книги «Катехизис национал-демократа» (2011).

SUMMARY

The 15th volume of VOPROSY NATIONALISMA (STUDIES IN NATIONALISM) opens with a selection of papers on topical Russian issues. Political scientist Andrey Epifantsev analyzes the reasons of the ethnic conflict in Pugachev town in connection with the special status of the republics of the North Caucasus in the Russian Federation. Social activist Rostislav Antonov is concerned about de-Russification of Tatarstan. Philosopher Oleg Kildyushov initiates discussion about the political and moral assessment of some Russian intellectuals' collaboration with illegitimate and undemocratic regime.

Cover story is National Constitution. Political analyst Pavel Svyatenkov believes that the nation is a people who have capacity. Accordingly, the national constitution is a legal consolidation of this status. Philosopher and politician Konstantin Krylov concludes that good constitution is based on the idea of avoiding catastrophic social and political situations that that took place in the past of this people. Sociologist professor Alexander Filippov analyzes the concept of "nation" and "multinational" in the Constitution of the Russian Federation. Political writer Alexander Khramov speculates about the connection of constitutional reform with Russian nation building. Politician Vladimir Milov theoretically examines the suitability of a parliamentary system for Russia. Publicist Alexander Sevastyanov compares the constitution of the former Soviet republics with the Constitution, not in favor of the latter.

For the 20th anniversary of Yeltsin's coup in September-October 1993, we present an interview with Ilya Konstantinov, one of the leaders of the anti-Yeltsin opposition, and an article "Alternative of 1993" by journalist Vladimir Sadovnikov's.

Historian Vladimir Kuznechevskiy lifts the veil of secrecy from the "Leningrad Affair" 1949 — 1950, when the ethnic Russians from the party and administrative elite of the Russian Federation were subjected to mass repression.

Also, we present an exclusive interview with Jens P hse, the federal Secretary of the National Democratic Party of Germany (NPD).

In the rubric "Translations" for the first time in Russian we post Dominique Venner's conceptual work "For a Positive Critique" (1962). He was one of the leaders of the French right-wing nationalists, whose demonstrative suicide recently caused a great resonance in France. Historian Kirill Titov and political scientist Sergey Biryukov reflect on life and death of Dominique Venner.

Journalist Nastassja Ivanova analyzes the causes, course and consequences of ethnic conflicts in Kharagun, Salsk and Kondopoga that happened in 2006.

Philologist Sergei Petrov analyzes the works of Medieval Russian literature and refutes the thesis of the "Eurasian" propaganda about the "symbiotic relationship" supposedly existed between medieval Rus' and the Mongols.

Historian Oleg Nemensky examines proto-nationalism in Medieval Ruthenian thought of 17th century.

Historian Maria Leskinen explores the use of the term "national" in the scientific and political discourse of the 19th century Russia.

Writer Ivan Rusakov speculates about private property as a factor of innovative development of Russia.

The volume ends with polemical rubric "The Notes of the Biased Historian" by Sergey Sergeev, where the author reflects on the phenomenon of pre-Bolshevik internationalism in the political thought and the educational policy of the Russian Empire.

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–37202 от 13 авг. 2009 г.

За достоверность публикуемых материалов несут ответственность их авторы.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 01.10.2013.

Формат 70x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Адрес редакции: Москва, 119017, ул. Пятницкая, д. 37.

Телефоны: 8–964–551–49–52 (К. Крылов) k.a.krylov@gmail.com

8–916–950–61–43 (С. Сергеев) ssms1@yandex.ru

Распространение и подписка: 8–964–580–19–92 (Н. Шалимова) lasido@mail.ru

Адрес для писем: 115142, Москва, а/я № 1, Севастьянову А.Н.